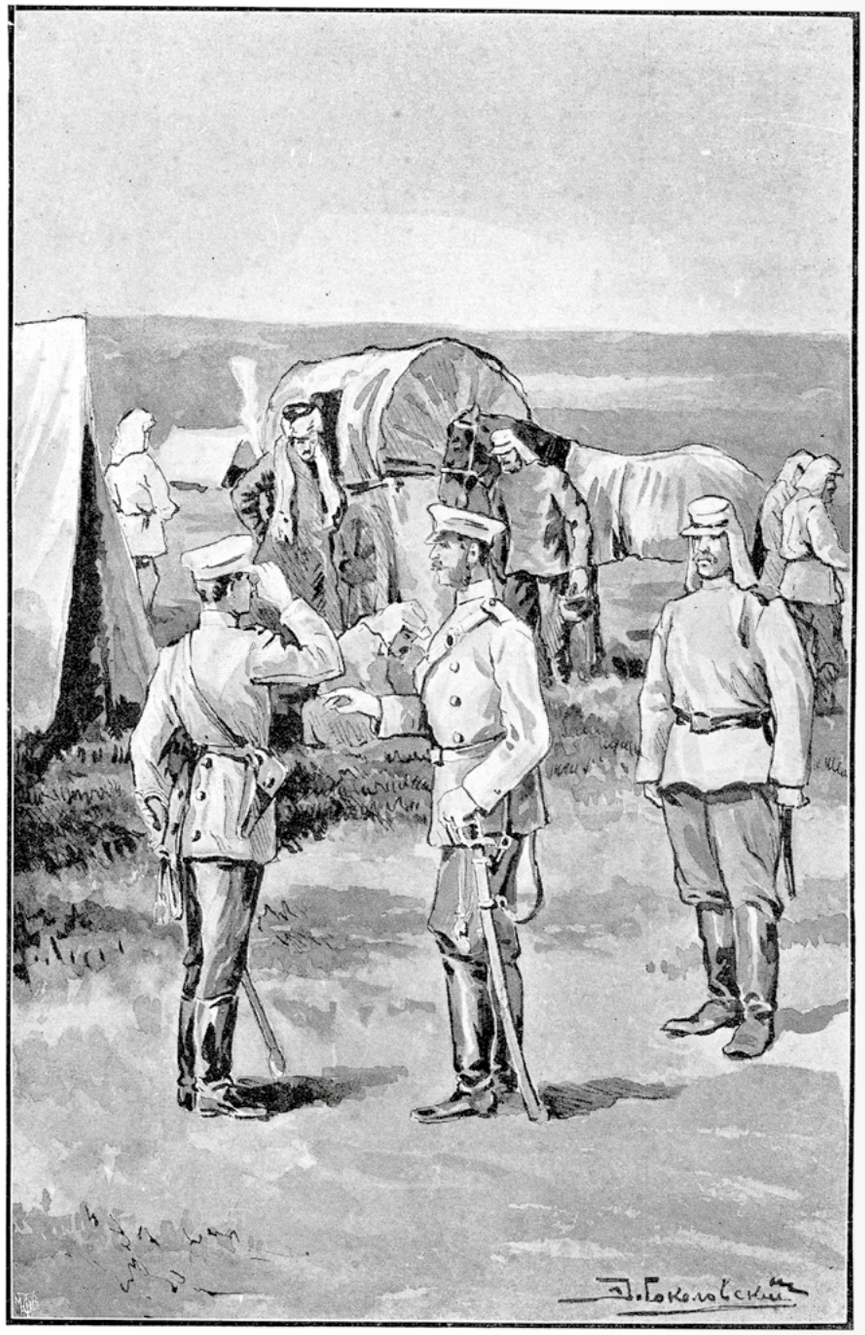

Бѣлый генералъ
МСМ
1876
Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ



Добрая, ласковая усмѣшка скользнула по губамъ Скобелева.

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ

ПОВѢСТЬ-ХРОНИКА

ИЗЪ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА М. Д. СКОБЕЛЕВА

А. И. КРАСНИЦКАГО

Съ отдѣльными картинами и иллюстраціями худ. Э. К. Соколовскаго, со снимками съ картинъ: В. В. Верещагина, Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, А. Кившенко и др., и портретами героя.

Изданіе
Поставщиковъ Его Императорскаго Величества
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.-Пбургъ • Москва •

Дозволено цензурою. 15 декабря 1904 года.
Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., № 5—7.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВОЙНА—ужасное дѣло, но нѣтъ народа, который не гордился-бы героями своихъ войнъ, съ сердечнымъ трепетомъ восторга не вспоминалъ-бы ихъ подвиги, не стремился-бы, часто совершенно невольно, подражать имъ. Герои-богатыри выступаютъ и въ сказкахъ, полныхъ тихой прелести, и въ поэтическихъ произведеніяхъ, полныхъ великой красоты, и на страницахъ справедливой исторіи. Матери разсказываютъ своимъ дѣтямъ про богатырей, прославившихъ свою родину на поляхъ битвъ съ ея врагами, юноши съ увлеченіемъ читаютъ описанія подвиговъ знаменитыхъ полководцевъ, воиновъ и невольно у нихъ зарождается искренее желаніе подражать этимъ великимъ своимъ соотечественникамъ.

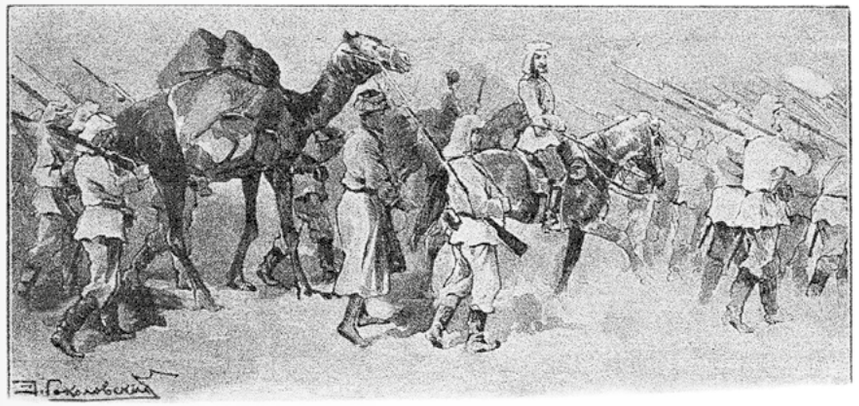
И такое вниманіе, такая завидная участь выпадаетъ почти всегда на долю только героевъ войны. Есть и другіе герои—герои мирнаго труда, науки, но слава ихъ доступна пониманію не каждаго, а только лишь тѣхъ, кто ясно и зрѣло представляетъ себѣ все величіе ихъ подвиговъ, часто даже незамѣтныхъ для обыкновеннаго глаза. Между тѣмъ, военные подвиги поражаютъ, ослѣпляютъ всѣхъ, надолго остаются въ памяти людей и прославленный герой

войны, даже покончивъ земное свое существованіе, продолжаетъ жить вѣка въ воображеніи и отдаленнѣйшихъ своихъ соплеменниковъ.

Русскій народъ создалъ въ послѣдніе два вѣка двухъ излюбленныхъ героевъ, окруженныхъ яркимъ ореоломъ немеркнущей славы. Эти русскіе народные герои — Суворовъ и Скобелевъ. Подвиги, совершенные первымъ слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, уже стали легендарными; второй — еще не принадлежитъ легендѣ. Слишкомъ мало времени прошло со дня кончины „Бѣлаго генерала", какъ прозвалъ Скобелева русскій народъ, слишкомъ много еще на землѣ людей, которые помнятъ его жизнь и хотя восхищаются его подвигами, но въ тоже время и не забываютъ мелкихъ недостатковъ, столь свойственныхъ каждому человѣку, какъ-бы великъ онъ ни былъ. Пройдетъ еще много-много лѣтъ до той поры, когда во всемъ своемъ величіи предстанетъ предъ русскими людьми этотъ „чудо-богатырь", которому и теперь уже удивляются, кто, „не мудрствуя лукаво", взираетъ издали на все совершенное имъ...

Скобелевъ — это великій богатырь духа. Онъ побѣждалъ враговъ Россіи не столько силою оружія, сколько силою своей души, своего могучаго воздѣйствія на окружавшихъ его. Онъ, не готовясь къ военному поприщу, началъ его въ мертвыхъ степяхъ средней Азіи, встрѣченный не особенно дружелюбно своими новыми товарищами. Быстро онъ сумѣлъ побѣдить враждебность и враговъ обратить въ друзей. Уже эта побѣда говоритъ о величіи его души. На предплевненскихъ равнинахъ и голыхъ вершинахъ Балканъ, Скобелевъ показалъ себя героемъ, прославилъ себя и весь міръ наполнилъ своей славой. Въ текинской пустынѣ надъ стѣнами Геокъ-Тепе онъ увѣнчалъ себя славою великаго героя и вскорѣ послѣ этого исчезъ изъ жизни— умеръ, оплакиваемый всей Россіей.

Былъ онъ героемъ мимолетнымъ — „сверкнулъ и угасъ, какъ зарница", но память о себѣ Бѣлый генералъ оставилъ вѣчную. Русскому юношеству и русской молодежи онъ является великимъ образцомъ, какъ обладатель высочайшаго душевнаго могущества, какъ строжайшій исполнитель всего принятаго на себя, какъ неутомимый работникъ, для котораго самый тяжелый трудъ являлся наслажденіемъ. Бѣлый генералъ — герой военнаго подвига, герой долга предъ родиной, и нашей скромной задачею было представить его предъ русской молодежью именно въ такомъ изображеніи. Въ настоящей книгѣ разсказаны жизнь и подвиги Бѣлаго генерала въ томъ видѣ, въ какомъ возможно разсказать ихъ теперь, когда прошло еще такъ не много лѣтъ со дня его кончины. Все выдающееся, все характерное, но не относящееся къ области анекдота, нашло себѣ мѣсто въ настоящемъ біографическомъ очеркѣ и думается, что этотъ очеркъ, сопровождаемый многочисленными иллюстраціями, наглядно изображающими не только моменты изъ жизни Бѣлаго генерала, но также и по возможности все, что имѣло отношеніе къ его жизни, заслужитъ вниманіе среди молодыхъ русскихъ читателей.



I.

Пустыня.

МОРЕ безъ береговъ, безъ воды, безъ жизни... Море песку, только песку... Куда ни кинуть взглядъ—вездѣ песокъ, мѣстами блѣдно-желтый, какъ будто золотистый, мѣстами то грязно-красноватый, то сѣрый, обратившійся въ желтую пыль. Иногда, очень рѣдко, налетающій вѣтеръ поднимаетъ эту пыль тучами. Тогда сѣрыя, грязныя облака ея, поднимаясь отъ земли къ небу, застилаютъ солнце. Горе тому, кто очутится въ нихъ! Одинокому путнику не выбраться изъ этихъ тучъ живому. Онѣ задушатъ его и похоронятъ тутъ же, гдѣ этотъ несчастный упадетъ обезсиленнымъ...

Тишь въ этомъ морѣ безъ воды ничѣмъ не возмутимая, невообразимая.

Некому наполнить эту пустыню радостными, говоря-

щими о жизни, звуками. Здѣсь птица не пролетаетъ, сюда звѣрь не пробѣгаетъ, здѣсь проклятое мѣсто...

Только небольшія змѣйки, такія-же, какъ и песокъ, то желтыя, то красновато-сѣрыя, выползаютъ изъ невидимыхъ норокъ и подымаютъ къ солнцу свои крохотныя головки, какъ бы грозясь небесному свѣтилу своими тонкими жалами.

А солнце не боится этихъ угрозъ! Оно льетъ съ поднебесной выси свои всесожигающіе лучи, безъ перерыва льетъ... Какъ только покажется на востокѣ дневное свѣтило, въ мертвомъ песчаномъ морѣ начинаетъ палить нестерпимый зной. Пожалуй, только одной змѣѣ подъ силу вынести его. Все остальное, въ чемъ бьется хотя искра жизни, будетъ сожжено этими лучами, этимъ зноемъ...

Среди этого песчанаго моря есть и вода. Только она глубоко, глубоко подъ слоями песку. Да и то не вездѣ, а лишь въ немногихъ мѣстахъ. Вѣдь это песчаное море—дно когда-то плескавшагося здѣсь настоящаго моря. Тысячелѣтія, можетъ быть, десятки тысячелѣтій тому назадъ существовало это море.

Теперь отъ него остались только небольшіе въ сравненіи съ прежнимъ клочки: Каспійское озеро-море и Аральское тоже озеро-море, а между ними и залегло проклятое мѣсто—пустыня Усть-Юртъ.

Старинная персидская легенда разсказываетъ, что въ первые дни творенія міра Аллахъ усердно занимался устроеніемъ земли: вездѣ пустилъ рѣки, насадилъ деревья, выростилъ траву. Долго онъ трудился и устроилъ уже полсвѣта, когда утомился и приказалъ одному изъ своихъ ангеловъ довершить устройство остальной половины земли. Но ангелу эта работа оказалась не подъ силу. Ему тяжело было насаждать деревья, произращать травы, пускать рѣки. Чтобы поскорѣе избавиться отъ непосильнаго дѣла, онъ взялъ только песокъ да камень и

началъ разбрасывать ихъ по неустроенной еще части земли. Дѣло это онъ исполнилъ очень быстро и сообщилъ Аллаху, что все готово. Аллахъ посмотрѣлъ на его работу, ужаснулся, но поправить ничего не могъ: тамъ, гдѣ коснулась рука нерадиваго ангела, образовалась мертвая пустыня. Аллахъ проклялъ своего помощника и его твореніе и въ наказаніе повелѣлъ ему самому жить въ той пустынѣ, которую онъ создалъ. Съ тѣхъ поръ ангелъ сталъ духомъ тьмы, а страна, созданная имъ—„страной тьмы"—Тураномъ, въ отличіе отъ созданной самимъ Аллахомъ „страны свѣта"—Ирана.

Такъ говоритъ легенда, и на самомъ дѣлѣ съ конца марта по октябрь жизнь въ песчаной пустынѣ невозможна. Даже привычные къ зною киргизы и тюркмены уходятъ на это время въ немногіе оазисы поближе къ рѣкѣ Оксусъ,—Аму-Дарья тожъ.

Но какъ же это? Апрѣль мѣсяцъ—такое время, когда все живое уходитъ изъ проклятой пустыни, когда зной нестерпимъ, по мертвому морю движутся люди... Кто они? Съ виду они нисколько не походятъ на обитателей туранскихъ песковъ. Они одѣты въ бѣлыя рубахи, въ бѣлыя кепи съ ниспускающимися надзатыльниками; въ рукахъ ихъ ружья съ примкнутыми штыками. Слышно тяжелое громыханье и дребезжанье. Это везутъ орудія. То и дѣло раздается жалобный, душу надрывающій ревъ верблюдовъ. Привычныя, созданныя для жизни въ пустынѣ животныя плохо выдерживаютъ путь. Они то и дѣло падаютъ на землю въ смертельномъ изнеможеніи и остаются лежать, не будучи въ силахъ подняться на ноги. А люди въ бѣлыхъ кепи и рубахахъ все идутъ и идутъ впередъ, какъ будто ихъ двигаетъ по этимъ раскаленнымъ пескамъ какая-то могущественная сила.

Эти люди—воины Акъ-падишаха,—русскаго „Бѣлаго царя", какъ называютъ его обитающіе въ пескахъ и оазисахъ народы.

Они идутъ, чтобы разъ на всегда покончить съ непрерывными набѣгами вдругъ осмѣлѣвшихъ азіатовъ, вообразившихъ, что мертвая пустыня Устъ-Юртъ лучше всякой крѣпости можетъ защитить ихъ отъ русскаго могущества.

За пустынею Усть-Юртъ и смежными съ нею песками Кара-Кумъ раскинулся по берегамъ Оксуса прекрасный хивинскій оазисъ. Здѣсь-то и было самое сильное гнѣздо

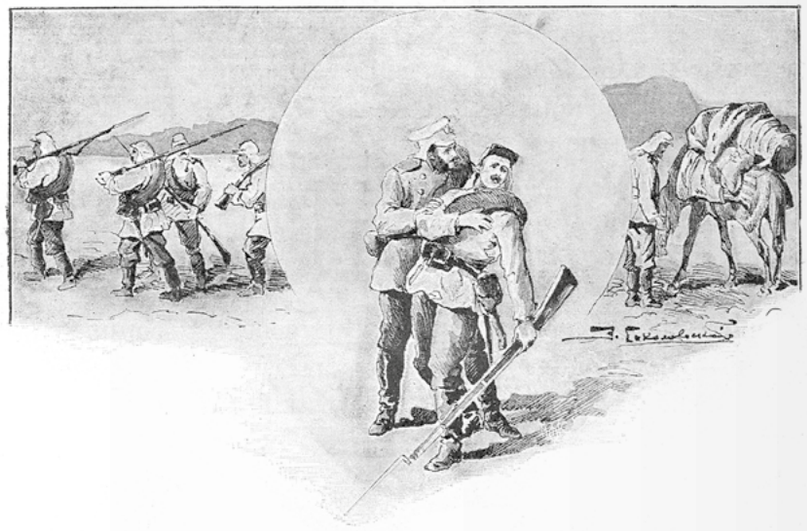
ПУСТЫНЯ УСТЬ-ЮРТЪ.

полудикихъ хищниковъ. Въ Хивѣ безпрестанно организовались хищническіе набѣги на принадлежавшія Россіи побережья Каспія, Аральскаго озера, на только что присоединенные къ Россіи Ташкентъ и Самаркандъ. Отъ хищниковъ не было покоя. Сотни русскихъ уводились въ Хиву и обращались тамъ въ рабовъ, о правильной торговлѣ и думать было нечего, и торговые караваны постоянно подвергались разбойничьимъ нападеніямъ хивинцевъ—и вотъ пробилъ послѣдній часъ Хивы. По по-

велѣнію императора Александра Николаевича на землю хищниковъ посланы были русскія войска.

Шли четырьмя отрядами. Отъ Ташкента шелъ по берегамъ Аму-Дарьи самъ начальникъ края ген.-адъют. Кауфманъ „ярымъ-падишахъ“—„полуцарь“, какъ называли его туркмены и киргизы. Изъ Оренбурга велъ войска генералъ Веревкинъ; изъ Красноводска шелъ отрядъ полковника Маркозова и изъ Александровска у залива Киндерли—отрядъ полковника Ломакина.

Грозная сила двигалась на хивинскій оазисъ!



II.

Бѣлыя рубахи.

ТРЯДУ Ломакина, Мангишлакскому отряду,—какъ онъ назывался—приходилось очень трудно: для людей и животныхъ недоставало воды. Драгоцѣнную влагу везли на верблюдахъ въ бурдюкахъ, но зной былъ такъ нестерпимъ, что запасы истощались быстро. На пути, по которому шелъ отрядъ, кое-гдѣ попадались колодцы, т.-е. глубокія, узкія ямы, на днѣ которыхъ была вода. Но что это за вода была! Въ однихъ колодцахъ она была желтоватая, въ другихъ зеленая, вездѣ теплая и прогоркло-солоноватая на вкусъ. Киргизы, чтобы навредить русскимъ, въ нѣкоторые колодцы набросали падаль: гніющіе трупы козловъ, собакъ, но и такой водѣ были рады русскіе воины въ пустынѣ Усть-Юртъ. Отчаяніе охватывало и офицеровъ и солдатъ, когда, пройдя десятокъ—

полтора верстъ, на днѣ колодца находили одну только липкую грязь... Приходилось идти къ слѣдующимъ колодцамъ, и это часто по невыносимой жарѣ, подъ отвѣсными лучами солнца... Верблюды то и дѣло падали; людямъ приходилось снимать съ нихъ грузъ и нести самимъ. Шли большею частью ночью и вечеромъ, дабы воспользоваться нѣсколькими часами прохлады. Днемъ стояли на привалѣ. Но эти привалы были чистою мукою для людей. Приходилось ложиться прямо на раскаленный песокъ. Солнечные лучи жгли обращенную къ нимъ сторону. Словно тысячи невидимыхъ острій вонзались въ истомленное тѣло. Люди ежеминутно поворачивались съ боку на бокъ. Кое-кто изъ солдатъ вырывалъ себѣ яму въ видѣ могилы и ложился въ нее, обсыпая все тѣло влажной землею, а голову укутывая шинелью. Тѣ, кого особенно мучила невыносимая жажда, вырывали руками изъ-подъ жгучаго песку влажную землю и сосали ее. Были случаи, что солдаты сходили съ ума отъ этой муки, но, несмотря ни на что, отрядъ все-таки двигался впередъ.

Какъ двигался!.. Строй давно уже былъ нарушенъ; тянулись вразбродъ; кто еще былъ на ногахъ, несъ потерявшихъ силы товарищей, для которыхъ недоставало мѣста на верблюдахъ, едва-едва передвигавшихъ ноги. Офицеры перемѣшались съ солдатами и шли, уже не помышляя о сохраненіи обычнаго порядка, а думая лишь о томъ, какъ бы облегчить страданія своихъ подчиненныхъ.

Въ одной кучкѣ шелъ пѣшкомъ совсѣмъ еще молодой подполковникъ генеральнаго штаба. Онъ былъ красивъ и строенъ. Черты его лица были крупны, но гармоничны. Голубые, лучистые глаза смотрѣли гордо и даже нѣсколько презрительно. Шелъ онъ, стараясь сохранить молодцеватый видъ. По крайней мѣрѣ онъ не гнулся, какъ многіе изъ его товарищей, несъ высоко голову; его бѣлый китель былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, скатанная шинель перекинута была черезъ плечо.

Видимо, что только страшнымъ усиліемъ воли подавлялъ онъ невыносимыя страданія этого пути. Вѣки глазъ его были воспалены; то и дѣло онъ проводилъ сухимъ языкомъ по запекшимся и почернѣвшимъ губамъ. Иногда онъ пріостанавливался, тяжело переводилъ дыханіе и опять, стараясь держаться ровно, шелъ впередъ.

— О-охъ, смередушка! — вдругъ вырвался хриплый не то вой, не то вопль у шедшаго впереди солдата.

Бѣдняга пошатнулся и упалъ-бы, если-бы его заботливо не поддержалъ шедшій сзади его молодой подполковникъ.

— Что, братъ, тяжело? — участливо спросилъ онъ едва переводившаго духъ солдата.

И въ голосѣ, и во взглядѣ офицера было столько ласки и участія, что солдатъ инстинктомъ почувствовалъ ихъ и поспѣшилъ отозваться:

— Смерть лютая легче, ваше высокородіе, а не токмо что...

— Держись, сердяга! Держись... Помни, за Царя идешь... Давай ружьё понесу!..

Это предложеніе было такъ необычно, что солдатъ и объ устали позабылъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, — растерянно лепеталъ онъ,—не можно такъ...

— Говорю, давай, значитъ, можно! — повысилъ нѣсколько голосъ офицеръ и чуть не вырвалъ у солдата ружье.

Онъ подхватилъ его подъ руку, какъ подхватываютъ охотники—дуломъ къ землѣ, и быстро зашагалъ впередъ, даже не взглянувъ на совсѣмъ оторопѣвшаго солдата.

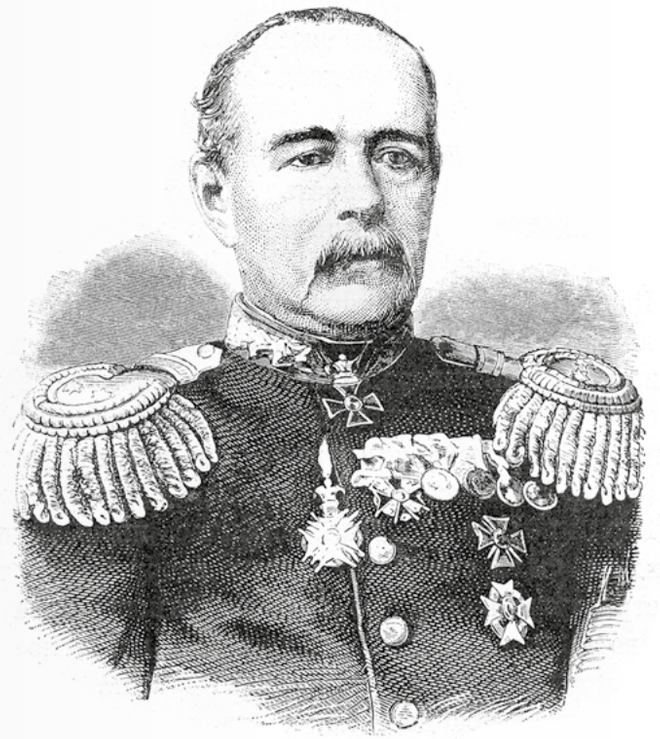
— Братцы, землячки родные!—бормоталъ онъ, обращаясь къ товарищамъ, — смотри, какое дѣло, мое ружье его высокородіе несетъ...

— А ты чего сталъ? — накинулся на него старикъ унтеръ-офицеръ, — въ киргизскій песокъ не вросъ еще?

Такъ смотри, по уши вростешь, коли такимъ столбомъ стоять будешь!

— Да какъ-же, дяденька, дѣло-то какое, ихъ высокородіе...

— Что ихъ высокородіе? Ихъ высокородіе нашего



НАЧАЛЬНИКЪ МАНГИШЛАКСКАГО ОТРЯДА ПОЛК. ЛОМАКИНЪ.

брата жалѣютъ... Давича своего коня подъ больныхъ отдали... Ты-то иди, коли ноги ступаютъ...

Солдатъ уже опомнился и бѣгомъ пустился догонять офицера.

— Ваше высокородіе, дозвольте обратно, явите Божескую милость! — взмолился онъ, догнавъ его.

Подполковникъ взглянулъ на него своими лучистыми глазами и ласково улыбнулся.

— Полегчало?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше высокородіе, то-есть, какъ рукой сняло...

— Ну, слава Богу! Какъ зовутъ?

— Макаровъ, ваше высокородіе.

— Самурскаго полка?

— Такъ точно, ваше высокородіе.

— Ну, держись, молодецъ; помни, Государю и родинѣ служишь...

Совсѣмъ ободрившійся солдатъ только что хотѣлъ было крикнуть „радъ стараться“, какъ вдругъ откуда-то спереди пронесся отчаянный крикъ:

— Непріятель! Туркмены!

Всѣ отдѣльныя группы разомъ зашевелились, быстро возстановился порядокъ; люди сдвинулись въ ряды и построили каре. Съ лихорадочной поспѣшностью сдернуты были вьюки съ верблюдовъ и разложены такъ, что изъ нихъ образовалось прикрытіе для стрѣлковъ. Орудія были заряжены гранатами. Въ нѣсколько минутъ все было готово къ бою.

Вдали передъ отрядомъ клубилась пыль. Видны были, и видны были совершенно ясно вооруженные всадники въ островерхихъ шапкахъ и разноцвѣтныхъ халатахъ. Отчетливо видны были ихъ вооруженіе, кони, но въ то же время взору представлялось, будто эта партія задернута какою-то синеватою дымкою, черезъ которую она никакъ не можетъ продвинуться впередъ и, несомнѣнно двигаясь, въ то же самое время остается неподвижною на одномъ и томъ-же мѣстѣ...

Въ напряженномъ ожиданіи прошло около получаса. Непріятель виденъ былъ все тамъ-же, гдѣ онъ показался впервые. Прошло еще нѣсколько минутъ, и вдругъ замершій, готовый къ бою отрядъ весь такъ и всколыхнулся; стрѣлковая цѣпь вскочила изъ-за своего прикрытія; послышались и громкій смѣхъ, и сердитая брань; поднимаемые на ноги верблюды жалобно заревѣли, а съ непріятельской партіей дѣлалось что-то чудесное. Толпа вооруженныхъ всадниковъ вдругъ стала тускнѣть, расплываться; будто какая-то сила, словно вѣтромъ, разносила всю эту картину. По прозрачному воздуху поплыли обрывки людей, лошадей, исчезла синѣвшаяся дымка, и снова озаренная солнцемъ даль стала ясна и чиста, и снова въ мертвой песчаной пустынѣ не замѣтно стало ни людей, ни жизни...

— Тьфу ты, тьфу!—плевался угрюмый ширванецъ.—Совсѣмъ нечистое мѣсто!..

— Не въ первый разъ марево видится,—поддержалъ его товарищъ,—анадысь цѣлая рѣка представилась; побѣгли мы было къ ней, а она отъ насъ утекаетъ...

— А явственно-то, явственно какъ! Словно и взаправду...

— Перевьючивай теперь, когда и такъ силъ не хватаетъ...

Кое-кто изъ офицеровъ пытался объяснить солдатамъ, что такое миражъ и отчего онъ происходитъ; ихъ слушали, каждое слово подтверждали обычнымъ „такъ точно“, но большинство солдатиковъ было увѣрено, что въ этихъ случаяхъ безъ „нечистаго“ не обходится...

Остановка и вызванное появленіемъ хотя и призрачнаго непріятеля нервное возбужденіе удвоили силы солдатъ. Несмотря на зной, они бодро пошли впередъ, но скоро природа взяла верхъ надъ слабыми человѣческими силами, и опять люди растянулись, не шли, а тащились, опять появились усталые и отсталые, а до конца пути все еще было далеко.

III.

Нелюбимый товарищъ.

Отрядъ изъ Александровска шелъ тремя колоннами и войска, составлявшія его, были вполнѣ надежны. Пѣхота принадлежала къ старѣйшимъ полкамъ русской арміи, насчитывавшимъ болѣе столѣтія своего существованія. Въ эту долгую службу знамена ихъ видѣли во Франціи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Турціи, въ Персіи и въ Германіи. Славныя имена: Парижъ, Лейпцигъ, Требія, Берлинъ, Ахалцыхъ—вписаны въ ихъ исторію. Они покорили Кавказъ и имѣли всѣ отличія, какія только даются войскамъ за подвиги: надписи на шапкахъ, серебряныя трубы и рожки, георгіевскія знамена и гренадерскіе бои. Кавалерія отряда состояла изъ казаковъ и горцевъ Дагестанской области.

Въ первой колоннѣ, выступившей изъ Киндерли 14 апрѣля, начальникомъ былъ старый кавказецъ маіоръ Буравцовъ. Вторая колонна, остановленная на пути миражемъ, состояла изъ трехъ ротъ ширванцевъ и одной роты самурцевъ. Кавалерію ея составляли казаки: сунженцы и ейцы, по одной сотнѣ, и двѣ сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка съ полевой и горной артиллеріей. Командовалъ этой колонной полковникъ Теръ-Асатуровъ. Третью колонну велъ самъ начальникъ отряда полковникъ Ломакинъ.

Всѣ эти колонны направлялись отъ форта Александровска по степному пространству до колодцевъ Каунды, отсюда уже преддверьемъ возвышенной пустыни Усть-Юртъ до колодцевъ Сенекъ и далѣе по пустынѣ до колодцевъ Бишъ-акты. Здѣсь всѣ колонны соединялись и, оставивъ отрядъ для сдерживанія киргизовъ, направлялись черезъ пустыню на хивинскій городъ Кунградъ, гдѣ предполагалось соединеніе Мангишлакскаго отряда Ломакина съ Оренбургскимъ отрядомъ генерала Веревкина.

Всѣ ужасы перехода по знойной пустынѣ пришлись какъ разъ при началѣ пути. На переходѣ къ Сенеку едва не погибла колонна Буравцова. Не менѣе тяжелъ былъ переходъ и для колонны Теръ-Асатурова, но когда всѣ войска сошлись у колодцевъ Бишъ-акты, забыты были всѣ недавнія страданія, всѣ невозможные труды, а о предстоящемъ переходѣ черезъ пустыню почти и не думалъ. У Бишъ-акты была въ изобиліи вода, и это было главное. Драгоцѣнной влагой упивались и восхищались, какъ боги греческаго Олимпа не упивались чудодѣйственнымъ нектаромъ. Больные поздоровѣли, ослабѣвшіе набрались новыхъ силъ; даже лошади и верблюды выглядѣли совсѣмъ сносно: какъ будто и не было губительнаго перехода по безводной пустынѣ. На бивуакѣ дагестанцевъ не смолкала зурна; среди русскихъ солдатъ разливались удалыя пѣсни. Офицеры по большей части проводили время, лежа на кош-

махъ и набирались силъ къ будущему походу. Опять явились общіе интересы, безъ конца шли разговоры о событіяхъ отряда, о новой перестройкѣ войскъ, произведенной Ломакинымъ ради того, что отрядъ порядочно былъ ослабленъ и въ прежнемъ порядкѣ съ необходимой скоростью идти не могъ.

— Засуетился налетъ-то питерскій!—говорилъ пожилой, сильно растолстѣвшій капитанъ, лежа подъ тѣнью киргизской кибитки, доставленной къ колодцамъ казаками.

Капитанъ былъ типомъ старыхъ служакъ, выходившихъ въ офицеры иногда въ то время изъ нижнихъ чиновъ. Голосъ его былъ грубъ, движенія рѣзки и угловаты; когда онъ говорилъ, казалось, что онъ на что-то сердится. Его собесѣдникъ былъ молоденькій прапорщикъ, съ веселымъ, такъ и дышащимъ юнымъ задоромъ лицомъ.

— Это вы, капитанъ, про кого-же изволите?—быстро спросилъ онъ,—про Скобелева?

— А то про кого-же еще? Тоже: начальникъ авангарда...

— А чѣмъ-же онъ не начальникъ?

— Чѣмъ? Вотъ погодите, увидите чѣмъ... Пойдетъ впередъ, покажетъ себя... Такія, батенька, чудеса въ рѣшетѣ изъ реляцій да донесеній узнаете, что ахнуть только и останется... а на самомъ дѣлѣ никакихъ чудесъ и не было... все фантазія-съ, вотъ что-съ!—докончилъ уже совсѣмъ раздраженно толстякъ.

— Однако, капитанъ,—видимо сдерживаясь, возразилъ ему его собесѣдникъ,—такія вещи можно говорить про человѣка, имѣя только солидныя подтвержденія. Иначе онѣ могутъ показаться...

— Клеветой-съ? Такъ вы хотите сказать? Такъ извиненіемъ вамъ за это предположеніе служитъ ваша молодость...—кипятился маіоръ.—Недавно служите въ этомъ

краю... А мы, старые туркестанцы, знаемъ-съ не съ ваше. Да-съ! Какого вамъ еще подтвержденія моимъ словамъ нужно, когда фантазіи подполковника Скобелева подтверждены самимъ его высокопревосходительствомъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ? Вы объ этомъ-съ случаѣ ничего не слыхали? Вы думали была рекогносцировка... да-съ, вы думали! Тогда подполковникъ Скобелевъ въ чинѣ штабъ-ротмистра былъ. Съ казачками-съ онъ не поладилъ, такъ они его головой выдали, разоблачили, такъ-сказать, все геройство. Что-съ? За это тогда штабъ-ротмистръ Скобелевъ былъ въ Петербургъ-съ назадъ отосланъ. Намъ въ Туркестанѣ такихъ героевъ ненужно-съ. Мы съ Шамилемъ боролись, Гимры, Ахульго, Гунибъ брали, потомъ съ Черняевымъ Ташкентъ покорили,—такъ объ нашихъ-то подвигахъ не одна реляція, а весь міръ говоритъ, вотъ что...

На лицѣ молодого офицера отражалось страданіе. Онъ видѣлъ, что старикъ возбужденъ и отъ него нельзя даже и ожидать правильной оцѣнки человѣка, котораго онъ не долюбливалъ. Возражать было безполезно. Такого воззрѣнія на молодого подполковника держался не только одинъ этотъ старый кавказецъ, а и большинство офицеровъ Туркестанскаго отряда. Въ молодомъ Скобелевѣ видѣли выскочку, желавшаго выдвинуться впередъ чужими трудами; болѣе ничего и не подозрѣвали въ этомъ человѣкѣ. Онъ былъ чужимъ въ Туркестанѣ, среди испытанныхъ, закаленныхъ войною бойцовъ. Все казалось въ немъ страннымъ, необычнымъ; въ вину Скобелеву ставили даже то, что онъ одѣвался всегда чисто, не сходился особенно дружески ни съ кѣмъ и держалъ себя по отношенію къ товарищамъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ.

— Да-съ,—продолжалъ между тѣмъ раздраженный молчаніемъ своего собесѣдника капитанъ,—вы, батенька, посмотрите-съ, какъ этотъ питерскій хвастунишка воз-

нести себя старается. Вы сами сломали переходъ-съ отъ Артъ-Каунды къ Сенеку. Хорошъ-съ было? Само Господнее пресвѣтлое солнце противъ насъ пошло... Люди валились замертво-съ. Тутъ уже не до того-съ, чтобы строй держать. Хорошо, что еще хоть какъ-нибудь впередъ идутъ, а нашъ питерецъ потомъ намъ прямо и говоритъ:—„я-бы такого безобразія не допустилъ.“ Хотѣлось-бы посмотрѣть, какъ это церемоніальнымъ маршемъ онъ свою пѣхоту поведетъ...

Толстякъ хотѣлъ еще что-то сказать, но полотно, замѣнявшее въ кибиткѣ дверь, отпахнулось и черезъ образовавшееся отверстіе, согнувшись въ три погибели, прошелъ тотъ самый молодой, изящный подполковникъ генеральнаго штаба, который на одномъ изъ переходовъ по пустынѣ взялъ и понесъ ружье изнемогшаго отъ зноя и усталости солдата.

Это былъ тотъ офицеръ, къ которому съ такой непріязнью относился толстый капитанъ: Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Когда онъ вошелъ, на лицѣ его замѣтны были ясные слѣды гнѣва и тяжелаго душевнаго волненія. Однако, онъ быстро подавилъ его и съ любезной улыбкой, протягивая руку толстяку, проговорилъ:

— Простите, господа, я, быть можетъ, помѣшалъ вашему отдыху, но у меня есть къ вамъ пара словъ...

— Милости просимъ,—отозвался не особенно впрочемъ дружелюбно толстякъ,—чѣмъ могу служить, полковникъ?

— А вотъ чѣмъ,—улыбаясь отвѣтилъ тотъ,—начальникъ отряда предоставилъ мнѣ право выбрать въ передовую колонну нѣсколько офицеровъ по личному моему усмотрѣнію. О васъ я, штабсъ-капитанъ Агапѣевъ, слышалъ столько хорошаго, что, признаюсь, мною овладѣло страстное желаніе, чтобы и вы были со мной въ авангардѣ. Ваша опытность, ваше знаніе края должно

сослужить великую службу нашему общему дѣлу. Вотъ я и пришелъ просить васъ сдѣлать мнѣ честь вступить въ составъ авангардной колонны.

— Очень польщенъ, подполковникъ,—пробормоталъ толстякъ.

— Значитъ, дѣло улажено? Вы со мной! Радъ, очень радъ... Сейчасъ-же сообщу начальнику отряда... Руку, товарищъ!

Скобелевъ, не дожидаясь, пока Агапѣевъ возразитъ ему, быстро подалъ ему руку и, повернувшись, выскочилъ изъ кибитки.

— А, вѣдь, не безъ того, что онъ мою рѣчь слышалъ!—довольно громко произнесъ Агапѣевъ, но тутъ только замѣтилъ, что онъ въ кибиткѣ одинъ. Юнаго прапорщика не было.

Скобелевъ сдѣлалъ всего нѣсколько шаговъ по лагерю, какъ его кто-то окрикнулъ. Онъ остановился, оглянулся, къ нему почти подбѣжалъ недавній собесѣдникъ Агапѣева...

— Это вы звали меня?—просто спросилъ Михаилъ Дмитріевичъ.

— Простите, подполковникъ, я!—Имѣю честь представиться: прапорщикъ Волпянскій.

— Радъ, очень радъ!—протянулъ ему руку Скобелевъ,—чѣмъ могу быть полезенъ?

Юноша замѣтно волновался.

— Простите,—нѣсколько дрожавшимъ голосомъ говорилъ онъ,—я слышалъ, что вы говорили штабсъ-капитану Агапѣеву... Я былъ тогда тамъ въ кибиткѣ... Возьмите, подполковникъ, и меня съ собой... Право, я постараюсь оправдать ваше вниманіе...

Добрая, ласковая усмѣшка скользнула по губамъ Скобелева...

— А вы... вы... не боитесь, что придется, быть можетъ, осрамиться съ питерскимъ налетомъ,—спросилъ онъ.

Волпянскій весь такъ и покраснѣлъ.

— Подполковникъ! За что вы... да я васъ!..—онъ хотѣлъ сказать „люблю“, но вспомнивъ, что такое нѣжное слово никакъ не подходитъ въ данномъ случаѣ, оборвался.

— Хорошо, хорошо!—поспѣшилъ поддержать его Скобелевъ, любуясь смущеніемъ юноши,—постараюсь исполнить ваше желаніе... Только и вы, смотрите, послѣ не каяться.

— Что вы! Радъ стараться!—по солдатски выкрикнулъ прапорщикъ и глаза его загорѣлись радостнымъ блескомъ.

— Такъ будемъ товарищами,—протянулъ ему руку Скобелевъ, — а теперь до свиданья, мой юный другъ, я долженъ спѣшить къ начальнику!..

Онъ крѣпко пожалъ Волпянскому руку и быстрыми шагами пошелъ въ сторону, гдѣ разбита была палатка начальника отряда.

Отойдя нѣсколько, онъ обернулся. Волпянскій, какъ очарованный, все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и смотрѣлъ вслѣдъ своему будущему командиру.

— Побольше-бы такихъ юныхъ натуръ,—прошепталъ Михаилъ Дмитріевичъ, — побольше бы... А то одинъ, всегда одинъ. Только такіе, какъ Агапѣевъ, кругомъ...

Въ это мгновеніе передъ нимъ вытянулся, отдавая честь, солдатъ. Лицо его такъ и сіяло, глаза съ восторгомъ глядѣли на офицера. Скобелевъ живо припомнилъ, что онъ уже видѣлъ этого солдата.

— Самурскаго полка? Макаровъ?—быстро спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше высокородіе!—гаркнулъ солдатъ.

— Молодецъ! Совсѣмъ молодецъ!

— Радъ стараться, ваше высокородіе!

— Старайся, старайся, на то и служба... Ну, прощай, Макаровъ.

— Счастливо оставаться, ваше высокородіе!

Солдатикъ, точно такъ-же, какъ и Волпянскій, долго-долго смотрѣлъ восторженными глазами вслѣдъ удалявшемуся Скобелеву.

— Ихъ высокородіе подполковникъ Скобелевъ изволилъ разговаривать со мной!—разсказывалъ онъ, очутившись спустя нѣсколько времени среди товарищей.

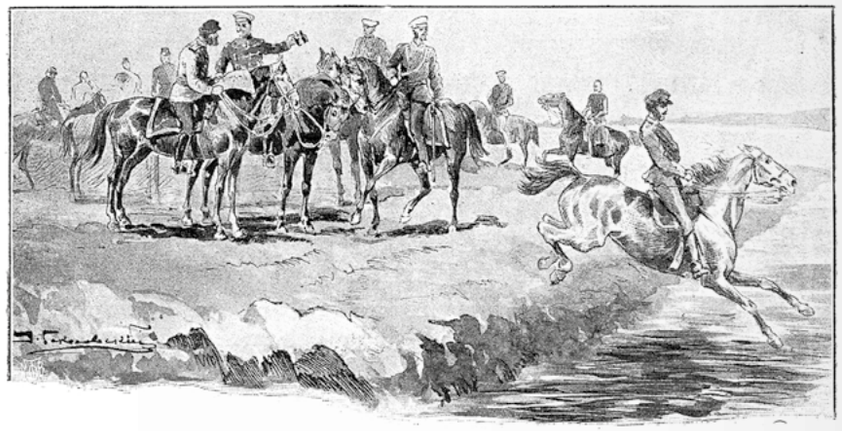
— Онъ всегда съ нашимъ братомъ такъ...—послышался отвѣтъ,—онъ прочимъ не въ примѣръ. Солдата любитъ... Коль заговоритъ, такъ обо всемъ разспроситъ: о деревнѣ, о семьѣ.

— Хорошій офицеръ! Одно слово: солдату—отецъ родной!

И многіе разговоры велись среди солдатъ всюду, гдѣ въ воинскихъ частяхъ появлялся Скобелевъ... Чужой среди товарищей-офицеровъ, не любимый ими, постоянно ими порицаемый, даже высмѣиваемый, Михаилъ Дмитріевичъ былъ „своимъ“ среди солдатъ. Было въ немъ что-то такое, что привлекало къ нему сердца простыя, безхитростныя. И это влеченіе было невольнымъ. До сихъ поръ Скобелевъ не имѣлъ еще подъ своей командой отдѣльной воинской части и, какъ командира, его въ Туркестанѣ и Закаспійской области знать не могли. Но простой сердцемъ человѣкъ всегда чутокъ. Онъ не критикуетъ, а чувствуетъ, чувства солдатъ были уже всецѣло на сторонѣ Михаила Дмитріевича.

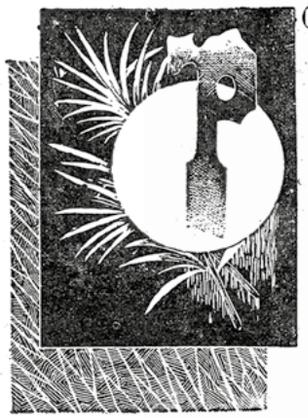
Но что-же это былъ за человѣкъ?

Да будетъ позволено здѣсь небольшое отступленіе, дабы возможно было познакомить читателя въ нѣсколькихъ словахъ съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ настоящей хроники.



IV.

Скобелевы.



РОДЪ, изъ котораго происходилъ Михаилъ Дмитріевичъ, былъ не изъ особенно старыхъ.

Въ XVIII столѣтіи извѣстенъ былъ сержантъ Никита Скобелевъ, происходившій изъ однодворцевъ. Онъ былъ женатъ на ставропольской дворянкѣ Татьянѣ Михайловнѣ Корева. Богъ благословилъ эту супружескую чету тремя сыновьями: Ѳедоромъ, Михаиломъ и Иваномъ. Какъ и большинство дворянъ того времени, всѣ они избрали для себя военную карьеру тѣмъ болѣе, что родители къ концу своей жизни успѣли составить довольно крупное состояніе, вполнѣ обезпечивавшее будущее сыновей. Ѳедоръ Скобелевъ дослужился до чина полковника, Михаилъ — умеръ, когда былъ подпоручикомъ, младшій Иванъ Никитичъ пошелъ далѣе всѣхъ своихъ братьевъ.

Онъ былъ однимъ изъ героевъ Отечественной войны, во время которой лишился руки. Это не помѣшало ему продолжать военную службу и стать генераломъ-отъ-инфантеріи и комендантомъ с.-петербургской крѣпости. Умеръ онъ въ 1849 г. и погребенъ въ оградѣ крѣпостного Петропавловскаго собора.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ ЮНКЕРОМЪ.

Извѣстность „однорукаго генерала“ распространилась далеко за предѣлы военнаго круга. Иванъ Никитичъ пользовался въ свое время славою талантливаго писателя, что свидѣтельствуетъ объ его несомнѣнной способности къ фантазіи, которой отличался и знаменитый впослѣдствіи его внукъ. Иванъ Никитичъ былъ женатъ дважды и второй его женой была Надежда Дмитріевна Дурова, дочь Владимірскаго предводителя дворянства. У этой супружеской четы изъ шести сыновей и четырехъ дочерей выжили только двое—сынъ Дмитрій и дочь Вѣра. Остальные умерли еще въ дѣтскомъ возрастѣ.

Такъ какъ Иванъ Никитичъ пережилъ своихъ братьевъ, не оставившихъ послѣ себя наслѣдниковъ, то къ нему перешло все наслѣдство его отца, а онъ, пріумноживъ его, оставилъ цѣликомъ своимъ дѣтямъ. Вѣра Ивановна впослѣдствіи вышла замужъ за флигель-адъютанта полковника Опочинина, внука по женской линіи героя Отечественной войны генералъ-фельдмаршала князя

Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, а Дмитрій Ивановичъ, по примѣру отца, избралъ себѣ военное поприще. Начальное военное образованіе онъ получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и въ 1838 г., семнадцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ зачисленъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ, а черезъ два года произведенъ въ корнеты и въ 1843 г. въ поручики. Въ это время Дмитрій Ивановичъ былъ уже женатъ на Ольгѣ Николаевнѣ Полтавцевой, и именно въ 1843 г. у нихъ родился сынъ Михаилъ.

То время, къ которому относятся годы дѣтства Михаила Дмитріевича, было суровое. На Кавказѣ шла непрерывная война съ горцами. Гремѣло имя Шамиля. Подвиги русскихъ войскъ подъ Ахульго, Дарго, Салтами были постоянною темою для разговоровъ. Потомъ началась Крымская война, во время которой Дмитрій Ивановичъ былъ на Кавказѣ, гдѣ сперва отличился въ битвахъ у деревни Баяндуръ и затѣмъ—Башъ-Кадыкляръ и прославилъ себя геройскимъ подвигомъ въ знаменитомъ сраженіи съ турками при Курганъ - Дара. Семья его въ это время оставалась въ Петербургѣ. Маленькій Миша былъ ребенкомъ въ высшей степени воспріимчивымъ. Росъ-же онъ подъ постояннымъ впечатлѣніемъ разсказовъ о подвигахъ отца, котораго всѣ называли не иначе, какъ героемъ. Понятно, что въ ребенкѣ явилось желаніе подражать родителю, но это подражаніе долго выражалось въ томъ, что подростокъ „воевалъ“ съ своими учителями и гувернерами, которые, къ слову сказать, были людьми не особенно достойными, и когда вернувшійся изъ походовъ отецъ принялся самъ за воспитаніе сына, то не нашелъ ничего болѣе лучшаго, какъ отвезти его въ Парижъ, гдѣ воспитаніе молодого Скобелева было поручено имъ одному изъ достойнѣйшихъ, образованнѣйшихъ педагоговъ Франціи Дезидерію Жирарде.

Жирарде смогъ проникнуть въ душу своего питомца. Онъ сумѣлъ дать хорошее направленіе его помысламъ, развить лучшія качества характера и подавить нѣкоторыя дурныя его особенности. Жирарде сталъ другомъ юнаго Скобелева, въ которомъ онъ провидѣлъ не совсѣмъ обыкновеннаго ребенка, и эта дружба осталась неразрывною уже на всю жизнь. Мало того, воспитатель не покинулъ своего питомца, онъ старался всегда быть по близости къ нему, и когда родители Скобелева пожелали, чтобы сынъ ихъ завершилъ свое образованіе въ Россіи, Жирарде вскорѣ явился и туда.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ ПОРУЧИКОМЪ Л.-ГВ. ГРОДНЕНСКАГО ГУСАРСКАГО ПОЛКА.

Михаилъ Дмитріевичъ былъ единственнымъ сыномъ Дмитрія Ивановича и Ольги Николаевны. Кромѣ него были три дочери: Надежда, Ольга и Зинаида Дмитріевны. По всей вѣроятности желаніе не подвергать единственнаго сына всевозможнымъ опасностямъ военной жизни понудило родителей направить его по ученой дорогѣ. Возвратясь изъ Парижа, Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ на физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Студентъ онъ былъ не изъ особенно прилежныхъ. Лекціи не влекли его. Юношу интересовала болѣе, чѣмъ всевозможныя математическія истины, военная наука. Тутъ случилось нѣкоторое обстоятельство, освободившее Михаила Дмитріевича отъ студенчества. Онъ воспользовался имъ и въ 1862 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій

полкъ, а въ слѣдующемъ онъ былъ уже произведенъ въ корнеты.

Его производство совпало съ началомъ Польской войны, и пылкій юноша, только и мечтавшій, что о поляхъ сраженій, поспѣшилъ выхлопотать себѣ переводъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ, участвовавшій въ дѣлахъ противъ поляковъ. Въ знаменитой битвѣ подъ Мѣховымъ двадцатилѣтній Скобелевъ отличился такъ, что заставилъ говорить о себѣ свое начальство.

Боевая жизнь и была именно тѣмъ, о чемъ постоянно мечталъ Михаилъ Дмитріевичъ. Однако, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на науку. Наблюдательность его была удивительна. Никакая мелочь не ускользала отъ вниманія молодого корнета. Часто онъ высказывалъ замѣчанія, удивлявшія даже опытныхъ военачальниковъ. Но все-таки провидцевъ среди нихъ не было и особенно молодымъ Скобелевымъ не занимались. Однако, послѣ окончанія военныхъ дѣйствій и самъ Скобелевъ поспѣшилъ откомандироваться отъ полка въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Поступить ему удалось сравнительно легко, но старательнымъ онъ въ академіи не считался, а способности его не были замѣчены.

Профессорамъ почему-то казалось, что Скобелевъ работаетъ кое-какъ, и при выпускѣ онъ получилъ столь неважныя отмѣтки, что вышелъ изъ академіи лишь по второму разряду.

Разсказываютъ даже, что только слѣдующій случай рѣшилъ зачисленіе его въ генеральный штабъ. Послѣ научныхъ экзаменовъ заданы были практическія испытанія. На этотъ разъ съемки и рекогносцировки происходили въ Сѣверо-западномъ краѣ. Скобелеву между прочимъ было задано отыскать наиболѣе удобный путь для переправы кавалерійскаго отряда черезъ Нѣманъ. Михаилъ Дмитріевичъ провелъ назначенное время на одномъ и томъ же пунктѣ, даже не разъѣзжая по берегамъ рѣки.

Когда явилась повѣрочная комиссія, въ числѣ членовъ которой находился знаменитый уже и въ то время профессоръ академіи ген.-л. Леръ, то Скобелевъ, не долго думая, вскочилъ на коня, ободрилъ его плетью, прямо съ мѣста бросился въ Нѣманъ и благополучно переплылъ его въ оба конца.

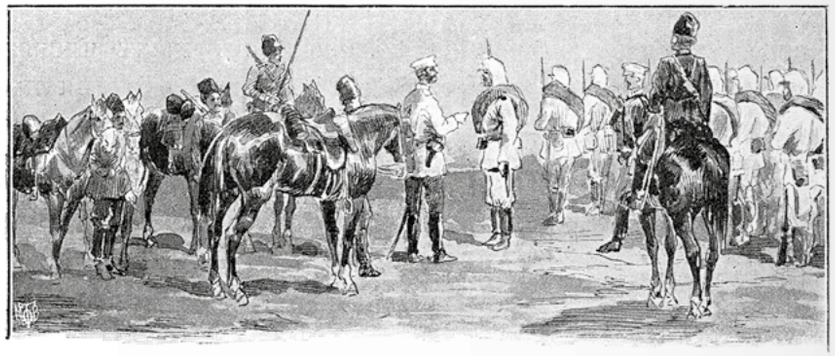
Генералъ Леръ пришелъ въ восторгъ отъ такой рѣшительности и энергіи и настоялъ, чтобы Скобелева зачислили въ генеральный штабъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Михаилъ Дмитріевичъ поспѣшилъ отпроситься въ заграничный отпускъ и принялъ участіе въ датской кампаніи 1864 г., а затѣмъ вскорѣ по возвращеніи онъ былъ назначенъ на службу въ Туркестанскій край. Здѣсь юный капитанъ генеральнаго штаба принималъ участіе въ дѣйствіяхъ ген. Абрамова на Бухарской границѣ. Въ 1870 г. онъ получилъ назначеніе на Кавказъ, а въ 1871 г., находясь въ отрядѣ полковника Столѣтова, дѣйствовавшаго въ Закаспійскомъ краѣ, онъ произвелъ скрытую рекогносцировку къ Сарыкамышу, которая совсѣмъ не входила въ виды Кавказскаго штаба.

Результатомъ было возвращеніе М. Д. Скобелева въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ Михаилъ Дмитріевичъ нѣкоторое время принималъ участіе въ занятіяхъ военно-ученаго комитета, а потомъ состоялъ старшимъ адъютантомъ штаба 22-ой пѣхотной дивизіи.

Какъ только рѣшенъ былъ походъ противъ Хивы, Скобелевъ поспѣшилъ выхлопотать себѣ переводъ въ кавказскія войска и былъ назначенъ въ составъ Мангишлакскаго отряда Ломакина.



V.

На пути къ славѣ.

ТРОМЪ 21 апрѣля рокотъ барабановъ пробудилъ сладко спавшаго въ кибиткѣ Волпянскаго.

Въ первыя мгновенія юноша, не совсѣмъ еще проснувшійся, даже не понялъ, что такое происходитъ около него; ему представилось, будто онъ видитъ продолженіе своего сна. Но это полузабытье длилось только мгновеніе. Какъ молнія, мелькнула мысль: „въ походъ, со Скобелевымъ!“ и этого было достаточно, чтобы всю сонливость, какъ рукой, сняло.

„Въ походъ! Со Скобелевымъ въ походъ!“—мысленно твердилъ про себя Волпянскій, спѣша поскорѣе одѣться и вооружиться.

Онъ взглянулъ на часы. Стрѣлки показывали половину пятаго, выступленіе назначено было въ шесть. Между

тѣмъ, когда Волпянскій явился на свое мѣсто, весь отрядъ былъ уже готовъ къ походу, стрѣлковая рота Апшеронскаго полка и одна линейная—Самурскаго стояли подъ ружьемъ. На флангахъ расположились три десятка казаковъ Кизляро-Гребенскаго полка. Вотъ и всѣ силы авангардной колонны. Старшій штабъ-офицеръ маіоръ Аварскій обходилъ людей, какъ-то на этотъ разъ особенно внимательно осматривая ихъ. Солдаты глядѣли бодро и весело. Рубахи на нихъ были чистыя, только что выстиранныя, чехлы на кепкахъ и надзатыльники тоже бѣлѣлись среди полумглы разсвѣта. Ружья всѣ были вычищены, штыки отточены. Стояли всѣ въ вольномъ строю. Гдѣ-то неподалеку ревѣли отчаянно верблюды. Ихъ вьючили особо приставленные, кромѣ обычныхъ киргизовъ, лаучи—вожатые.

— Слышь, ваше благородіе,—обратился къ прапорщику,—по степи пойдемъ, приказано подтянуться. У колодцевъ Буссага остановка большая и роздыхъ.

— Знаю, знаю!—поспѣшилъ отозваться Волпянскій,—а капитанъ Агапѣевъ гдѣ?

— А вонъ они, ваше благородіе,—указалъ солдатъ,—стоять изволятъ!

Волпянскій взглянулъ по указанному направленію и увидалъ толстяка-капитана. Агапѣева узнать было трудно. Капитанъ подтянулся, пріодѣлся и, обыкновенно, неряшливый, теперь выглядѣлъ молодецъ-молодцомъ. Солдаты поглядывали на него и издали посмѣивались. Волпянскій сталъ невольно прислушиваться къ тихому говору около себя.

— Ужъ если ихъ высокоблагородіе да такъ расфрантился, — говорили солдатики, — совсѣмъ чудодѣй нашъ новый командиръ!

— Вѣрно! Никогда ихъ высокоблагородіе такимъ не видывали; словно на свадьбу собрались!

„Подѣйствовало“—невольно припомнилъ Волпянскій,

какъ наканунѣ Михаилъ Дмитріевичъ, собравъ къ себѣ своихъ офицеровъ, просилъ ихъ внушить солдатамъ, что „въ походъ русскому воину, какъ на пиръ, идти слѣдуетъ“, что растеряхи вездѣ и всюду были плохими солдатами и онъ будетъ строго взыскивать съ нихъ во время своего командованія, хотя бы они и не были виноваты, ибо „надъ ними всегда есть начальство, которое должно за порядкомъ наблюдать и примѣръ показывать“.

Намекъ былъ понятъ и къ выходу съ стоянки даже офицеры явились принаряженными, какъ на парадъ.

Наконецъ, передъ колонной появился и самъ Скобелевъ, одѣтый какъ съ иголочки, причесанный и даже надушенный. Его молодое лицо такъ и сіяло, но глаза смотрѣли гордо и властно. Каждый принадлежавшій къ его колоннѣ почувствовалъ невольно силу и не физическую, а нравственную силу этого человѣка, еще впервые самостоятельно командовавшаго воинской частью. Какой-то особенною порывистою походкою Михаилъ Дмитріевичъ обошелъ ряды. Колонна была сборная, но оказалось, что командиръ знаетъ многихъ изъ солдатъ по фамиліямъ. Около нѣкоторыхъ знакомцевъ онъ останавливался, говорилъ нѣсколько словъ, выслушивалъ отвѣты. Волпянскій слышалъ послѣдніе, удивлялся самъ и видѣлъ, что и другіе офицеры удивлены не менѣе его. Отвѣты солдатъ были необычайно толковы, вполнѣ осмысленны, и нѣкоторые изъ солдатиковъ даже осмѣлились распространиться въ словахъ, и командиръ выслушивалъ ихъ не перебивая. Эти были совсѣмъ другіе люди, чѣмъ ранѣе. Въ ихъ отвѣтахъ чувствовалось желаніе сказать какъ можно лучше, понятнѣе выразить мысль и великое удовольствіе оттого, что старшій начальникъ и говоритъ и слушаетъ ихъ.

Этого прежде не бывало даже въ такихъ сроднившихся съ своими начальниками войскахъ, какъ кавказскіе..

Послѣ обхода рядовъ Скобелевъ отправился къ верблюдамъ. И здѣсь все оказалось въ такомъ порядкѣ, какого не было въ отрядѣ даже при выступленіи изъ Киндерли. Скобелевъ самъ хлопоталъ около верблюдовъ. Онъ по возможности, сообразно силамъ каждаго животнаго, распредѣлилъ кладь. Сѣдла были исправлены и подъ нихъ подложенъ войлокъ, всѣ вьюки были пригнаны такъ, что они не стѣсняли верблюдовъ въ ихъ движеніи. Приставленные солдаты выучены были обращаться и съ верблюдами и съ ихъ вожаками-киргизами. Каждый человѣкъ въ колоннѣ заранѣе зналъ свое дѣло.

РУССКІЙ ОТРЯДЪ ВЪ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ ПУСТЫНЯХЪ.

Особые погонщики были назначены къ стаду барановъ, которые живьемъ слѣдовали за колонной. Особенностью

стада было то, что въ немъ гнали за отрядомъ и нѣсколько козловъ, какъ казалось многимъ совершенно безполезныхъ, ибо мясо ихъ изъ-за отвратительнаго вкуса положительно негодно было въ пищу. Когда Скобелева спрашивали, зачѣмъ онъ беретъ съ собою этихъ животныхъ, онъ коротко отвѣчалъ: „пригодятся!“

Наконецъ, самъ убѣдившись, что колонна находится въ полномъ порядкѣ, Михаилъ Дмитріевичъ увѣдомилъ начальника отряда, что онъ готовъ къ выступленію.

— Ребята,—обратился онъ къ солдатамъ,—Государь посылаетъ насъ въ Хиву. Тамъ томятся захваченные въ плѣнъ наши земляки. Идти намъ придется по безводной степи, гдѣ изрѣдка попадаются колодцы съ водой. Но вы русскіе и сумѣете превозмочь всѣ труды. Я вѣрю, что мы молодцами дойдемъ, куда насъ посылаютъ. Если встрѣтятся враги, мы разобьемъ и уничтожимъ ихъ по-русски. Но помни, у меня отсталыхъ быть не должно, колоннѣ не растягиваться, идти дружно, пока хватаетъ силъ. Господа офицеры отвѣчаютъ передо мной за строй. Теперь каждый помолись про себя!

Скобелевъ первымъ снялъ фуражку, замелькали бѣлыя кепки; солдаты набожно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ.

— Смирно! Накройся!—раздалась команда.

Скобелевъ, уже сидѣвшій на конѣ, еще разъ осмотрѣлъ колонны и громко произнесъ:

— Съ Богомъ!

Послышались отдѣльныя команды и загрохотали барабаны. Сохраняя ряды, стройно, не торопясь двинулась колонна впередъ. Скобелевъ ѣхалъ впереди. Онъ даже не оглядывался, вполнѣ увѣренный, что его приказанія поняты и будутъ исполнены...

— Что, капитанъ?—торжествующе шепнулъ на ходу Волпянскій Агапѣеву,—каково пошли?

— А впереди что?—даже разсердился тотъ и поспѣшилъ

объяснить:—впереди безводная степь, гдѣ глина, гдѣ песокъ. Такимъ шагомъ по нимъ далеко не уйдешь!

Дѣйствительно, по пескамъ, поднимаясь на песчаную возвышенность Усть-Юртъ, приходилось пройти безъ малаго четыреста верстъ. Слѣдомъ за передовой колонной Скобелева шла другая колонна—Гродекова, которая должна была идти по тому же пути, какъ и первая. Лишь за ней слѣдовали главныя силы Мангишлакскаго отряда подъ начальствомъ Ломакина. Остановки назначены были у колодцевъ, раздѣленныхъ двадцатьюпятью—тридцатью верстами. На половинѣ пути у колодцевъ Ильтедже предполагалось соединеніе всего отряда и здѣсь былъ предположенъ болѣе продолжительный отдыхъ.

Въ Бишъ-акты многіе недовѣрчиво покачивали головой при выступленіи авангарда. Слишкомъ блестяще началъ Скобелевъ походъ. Невольно являлось сомнѣніе, удастся-ли ему хотя бы сносно завершить его...

А какъ бы въ отвѣтъ уже издали доносилась старая кавказская, но приноравливаемая ко всякому случаю, пѣсня, которую начали солдаты по приказанію своего новаго командира:

Гремитъ слава трубой,
Мы дрались, Тюркменъ, съ тобой,
По пескамъ твоимъ зыбучимъ
Разлилось кругомъ ура!

Море безъ береговъ, безъ воды, безъ жизни... Море песку, только песку... Куда ни кинуть взглядъ, вездѣ песокъ, мѣстами блѣдно-желтый, какъ будто золотистый, мѣстами сѣровато-грязный. Тишь ничѣмъ невозмутимая, невообразимая. Проклятое мѣсто! Здѣсь птица не пролетаетъ, здѣсь звѣрь не пробѣгаетъ. Все мертво — это пустыня Усть-Юртъ.

VI.

Впереди всегда.

ОЧТИ двѣ недѣли шелъ Мангишлакскій отрядъ по пустынѣ.

Скобелевъ во все время этого похода былъ впереди. Отдѣльной колонной онъ командовалъ недолго—всего на разстояніи трети пути: до колодцевъ Буссага, гдѣ Ломакинъ нашелъ необходимымъ не раздроблять своего отряда, а вести его по-эшелонно. Михаилъ Дмитріевичъ все-таки остался во главѣ авангарда...

Уже около колодцевъ Буссага о Скобелевѣ его товарищи стали говорить нѣсколько иначе. На него поглядывали и съ недоумѣніемъ и съ удивленіемъ въ то же время. Даже толстякъ капитанъ Агапѣевъ, недавно относившійся къ Скобелеву съ пренебреженіемъ, и тотъ началъ измѣнять свое мнѣніе о немъ.

— А вѣдь изъ питерскаго фазана какъ будто и толкъ выйдетъ!—говорилъ онъ.

Фазанъ—это очень красивая по своему оперенію птица, и въ арміи, конечно, въ шутку, такъ называли штабныхъ офицеровъ. Но послѣ похода по степи этимъ ироническимъ прозвищемъ Скобелева никто уже въ отрядѣ не называлъ...

СКОБЕЛЕВЪ ОСТАНОВИЛЪ КОЛОННУ.

Хорошо идти, когда верблюды сильны, сѣдла ихъ исправны, вьюки пригнаны, люди знаютъ свое дѣло. Нѣтъ тогда ни паденія верблюдовъ, ни перетаскиванія вьюковъ съ одного животнаго на другое, не слышно жалобнаго рева животныхъ, перебранки между людьми

Такъ говоритъ одинъ изъ участниковъ этого похода.

Скобелевъ предъ выступленіемъ изъ Бишъ-Акты продумалъ, предусмотрѣлъ всѣ мелочи. Въ его колоннѣ во все время пути до колодцевъ Буссага, т.-е. въ теченіе двухъ дней, не было брошено ни одного вьюка. Все сохранено было и колонна потеряла только двухъ малосильныхъ верблюдовъ, которыхъ пришлось оставить на дорогѣ. А пески давали себя знать. Часто поднимался вѣтеръ, и тогда колонна шла, окутанная облаками пыли. Пыль слѣпила глаза, набивалась въ ноздри, въ ротъ, но люди замѣтно бодрились. Строй былъ сохраненъ. Да иначе и нельзя было. Однажды пѣхота попробовала-было, какъ и прежде бывало, растянуться, идти нестройной толпой. Не тутъ-то было! Скобелевъ остановилъ колонну, выровнялъ ряды, скомандовалъ „на плечо“ и такъ подъ барабанъ повелъ солдатъ по пескамъ. Пять верстъ шли такъ, а въ день полагалось идти всего пятнадцать. Послѣ этого марша данъ былъ роздыхъ, и когда пошли далѣе, ряды уже не сбивались, шли стройно: урокъ, данный командиромъ, оказался очень памятнымъ. Но главнымъ было то, что Скобелевъ сумѣлъ внушить солдатамъ, что иначе идти нельзя, и они сами уже старались по возможности не сбиваться со строя. Чуть кто отставалъ, командиръ оказывался уже около отставшаго. Начинались разспросы, но не строгіе, а безъ угрозъ, безъ сердитаго крика. Если отставшій дѣйствительно выбился изъ силъ, Скобелевъ приказывалъ посадить его на верблюда. Солдатъ отдыхалъ и самъ безъ принужденія возвращался въ строй. Если же отставшій былъ просто лѣнтяй, командиръ стыдилъ его и приказывалъ возвратиться къ товарищамъ. Этимъ онъ добился того, что даже лѣнивцы перестали отставать и шли такъ-же бодро, какъ и ихъ болѣе ретивые товарищи.

Такъ прошли мимо родника Камысты, колодцевъ Каращекъ и Сай-Кую.

На второмъ переходѣ Михаилъ Дмитріевичъ обнаружилъ такую проницательность, какой и предугадать невозможно было въ человѣкѣ, недавно еще покинувшемъ Петербургъ и во второй разъ своей жизни очутившемся среди песковъ. Онъ нашелъ родникъ съ водою тамъ, гдѣ о ней не знали даже проводники-киргизы. Это было на переходѣ отъ родника Камысты къ колодцамъ Каращекъ. Переходъ былъ въ тридцать верстъ. Въ Камысты вода была родниковая, солоноватая, сильно отзывавшая желѣзной окисью, непріятная на вкусъ и по запаху. Но проводники предупредили, что въ Каращекѣ вода совсѣмъ плоха. Въ виду этого Скобелевъ приказалъ запастись родниковой водой. Зарѣзаны были козлы, и изъ ихъ шкуръ киргизы понадѣлали бурдюковъ. Приказано было также не бросать желудковъ и кишекъ. И они пошли въ дѣло. Желудки были тщательно вымыты и, полные водою, уложены были въ мѣшки, а затѣмъ нагружены на верблюдовъ. Кишки тоже тщательно перемыли, налили въ нихъ воды, и эти длинныя водохранилища солдаты несли на себѣ, наматывая ихъ на руки или вокругъ тѣла.

Должно быть, раньше чѣмъ выступить въ походъ, Михаилъ Дмитріевичъ, стараясь изучить мѣстность, разспрашивалъ о пустынѣ степняковъ-киргизовъ. Иначе трудно себѣ и объяснить то обстоятельство, что послѣ Камысты онъ вывелъ свою колонну прямо къ колодцамъ Аще-Кую,—вывелъ онъ, потому что два проводника рѣшительно ничего не знали объ этихъ колодцахъ, расположенныхъ въ глубокомъ оврагѣ. Вода въ нихъ была горькая, но ее пили, не разбирая вкуса...

— Чего тамъ вкусъ,—говорили солдаты, — была-бы матушка-водица „мокрая“, а остальное все равно!..

Горькую воду пили, ею пополнили запасы, и недаромъ. Въ Каращекѣ вода дѣйствительно оказалась такою, что отъ нея отвертывались даже неприхотливые русскіе солдаты. Она была солона и до того нечиста, что даже глядѣть на нее можно было лишь съ отвращеніемъ...

Скобелевская колонна недолго оставалась тутъ и перешла къ Сай-Кую, гдѣ вода все-таки была сносная, хотя и горькая и солоноватая.

Здѣсь колонна отдохнула, набралась силъ и лишь тогда двинулась къ колодцамъ Буссага, когда на смѣну ей пришла въ Каращекъ вторая колонна Гродекова.

И этотъ переходъ прошли бодро. Здѣсь примѣчалась кое-какая жизнь. Выскакивали тушканчики, выползали змѣи, часто видны были большія ящерицы, грѣвшіяся на солнцѣ. Иногда кто-нибудь изъ особенно веселыхъ солдатъ принимался гоняться за тушканчикомъ, и тогда въ колоннѣ поднимался веселый хохотъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что люди сохраняли бодрость духа...

Скобелевъ поощрялъ эти невинныя забавы. Иногда онъ самъ отъѣзжалъ нѣсколько въ сторону и, улыбаясь, любовался на развеселившихся солдатъ.

— А вѣдь что, братцы,—говорили послѣ въ рядахъ,—со смѣхомъ пойдемъ, такъ и дороги не замѣтимъ!

— Ужь такой командиръ! Знаетъ, чѣмъ нашего брата подбодрить... У другихъ этого нѣтъ: все въ серьезъ!

И подбодрившіеся солдаты весело шагали по мертвой песчаной пустынѣ...

Въ Буссага добрались поздно вечеромъ.

Весь пройденный путь съ страшнымъ безводнымъ пространствомъ отъ колодцевъ Артъ - Каунды до Сенека былъ только преддверіемъ къ пустынѣ Усть-Юртъ. До сихъ поръ хотя колодцы довольно часто попадались, въ Усть-Юртѣ-же колодцы приходились на разстояніи пятидесяти—семидесяти верстъ. Послѣдняя жизнь исчезала въ Буссага. Далѣе по Усть-Юрту нѣтъ ни тушканчиковъ, ни полевыхъ мышей, только змѣи и ящерицы видны здѣсь чуть не на каждомъ шагу. Ничего живого. Пропадаетъ даже скудная растительность. Кое-гдѣ попадается полынь да небольшіе кусты гребенщики и саксаула. Сухость воздуха поразительная. Дожди бываютъ весьма рѣдко, и дни

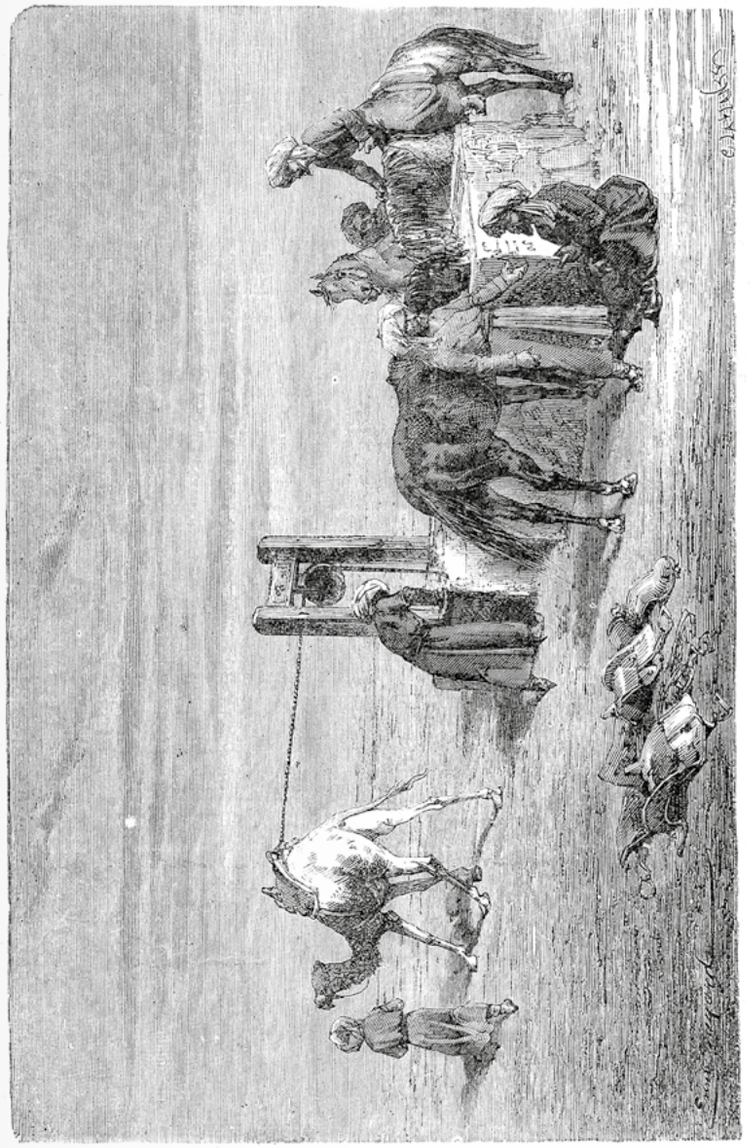
стоятъ постоянно ясные. Въ раскаленномъ воздухѣ замѣтно легкое дрожаніе: это испаренія земли. Миражи смущаютъ путника постоянно. Раскаленный воздухъ придаетъ чудныя формы отражаемымъ имъ предметамъ. Путнику видятся то зеленыя рощи, манящія его своей тѣнью, то великолѣпные замки, то широкія рѣки, катящія тихо свои волны. Истомленные жаждой и палящимъ зноемъ, несчастные напрягаютъ послѣднія силы, кидаются впередъ, но миражъ исчезаетъ, и настаютъ ужасныя муки разочарованія. Вступивъ сюда въ первый разъ, человѣкъ поражается ужасомъ. Ему кажется, что нѣтъ надежды выйти отсюда живому, потому что не для человѣка создано это проклятое мѣсто. Слѣды разрушенной и уничтоженной жизни въ видѣ бѣлѣющихся костей людей или животныхъ какъ-бы подтверждаютъ это невольно сложившееся убѣжденіе...

И вотъ по такой пустынѣ Скобелевъ шелъ во главѣ цѣлой колонны. Чѣмъ далѣе углублялись въ Усть-Юртъ, тѣмъ все болѣе возрастало удивленіе къ этому человѣку. Онъ казался желѣзнымъ. Скобелева никогда не видали не только утомленнымъ, мрачнымъ, отчаивающимся, но его не видали даже небрежно одѣтымъ. Воды недоставало и для людей, а китель подполковника всегда былъ чистъ, безъ малѣйшаго пятнышка. Чехолъ фуражки также сверкалъ своею бѣлизною; сапоги ярко начищены. Самъ онъ былъ всегда причесанъ, умытъ и часто около него носился ароматъ какихъ-то тонкихъ духовъ... Глядя на него, подтягивались и другіе офицеры его отряда. И они старались держаться бодро, одѣваться по возможности чистенько, не распускаться, несмотря ни на зной, ни на утомленіе. Скобелевъ являлся для нихъ примѣромъ, которому они изо всѣхъ силъ старались подражать. Со всѣми товарищами Михаилъ Дмитріевичъ былъ ласковъ, предупредителенъ, но ни у кого не заискивалъ и даже все-таки держался нѣсколько въ сторонѣ.

— Не нашего поля ягода!—не разъ вздыхалъ капитанъ Агапѣевъ, почти измѣнившій свои взгляды на Скобелева,—совсѣмъ не нашего!

Съ толстякомъ согласны были всѣ товарищи. Да и нельзя было не быть согласнымъ. Каждый невольно чувствовалъ надъ собой превосходство этого молодого офицера. Именно „невольно“, ибо Скобелевъ ничѣмъ не выказывалъ, не подчеркивалъ его. Онъ подчинялъ своему вліянію своихъ товарищей, самъ не замѣчая того, даже, можетъ быть, вовсе не желая такого подчиненія. Но особенно прониклись уваженіемъ и почтеніемъ къ Скобелеву солдаты. Они выучились понимать его взгляды, жесты, различать тонъ голоса. Въ качествѣ начальника передовой колонны Скобелеву первымъ съ своими людьми приходилось подходить къ колодцамъ. Здѣсь каждая капля воды была драгоцѣнностью. Живительную влагу нужно было беречь, какъ зеницу ока. Воды въ колодцахъ обыкновенно бывало мало, а между тѣмъ каждый въ отрядѣ долженъ былъ получить хотя по нѣсколько глотковъ ея, пополнить запасы, истраченные во время перехода; нужно было напоить животныхъ: верблюдовъ и барановъ, и послѣднихъ гнали за отрядомъ цѣлыя стада. Истомившіяся животныя, приближаясь къ колодцамъ и чуя воду, бросались къ нимъ опрометью еще издали. Бывало, что нахлынувшія массой животныя съ разбѣга попадали въ ничѣмъ не огороженные колодцы и тонули тамъ. Часто бывали также случаи, когда истомленные жаждою люди, забывъ все въ мірѣ, кидались къ водѣ и, конечно, въ безпорядкѣ напрасно тратили ее, проливая изъ ведеръ, расплескивая при передачѣ ведра отъ одного солдата къ другому. Случалось иногда, что люди вступали изъ-за воды въ борьбу съ обезумѣвшими животными. Бывали примѣры, что подолгу не удавалось возстановить порядокъ. Ничего подобнаго не было при Скобелевѣ. Этотъ человѣкъ умѣлъ предусматривать даже случайности. При

приближеніи къ колодцамъ высылалась впередъ команда надежныхъ солдатъ, которые оцѣпляли колодецъ и ни-



КОЛОДЕЗЬ ВЪ ПУСТЫНѢ.

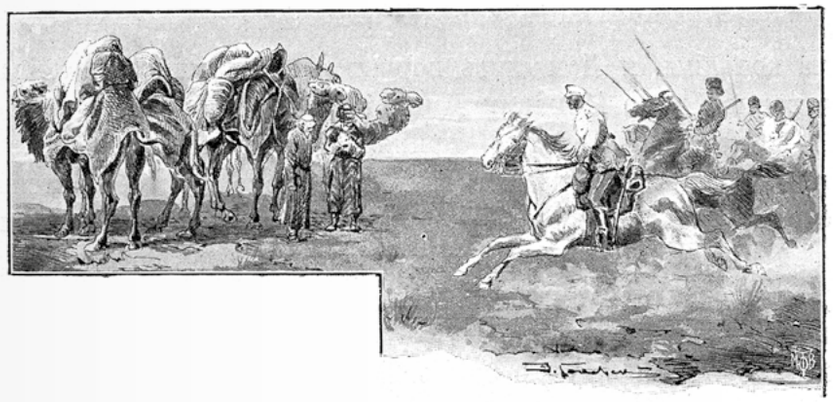
кого не подпускали къ нему, пока съ глубины этихъ ямъ добывалась драгоцѣнная влага. Затѣмъ устанавливалась

очередь. Вода раздавалась строго размѣренными порціями и ни капли ея не пропадало напрасно, да еще выдерживался строгій порядокъ.

Солдаты съ проницательностью истомившихся людей примѣтили, что ихъ командиръ получаетъ свою порцію воды всегда послѣднимъ и это умиляло ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно побуждало каждаго быть терпѣливымъ и строго соблюдать очередь...

Командиръ передовой колонны добился полнаго порядка, не прибѣгая ни къ строгимъ приказаніямъ, ни къ внушеніемъ, а единственно силою своего личнаго примѣра...

Такъ прошли по Усть-Юрту мимо колодцевъ Каракинъ, Дюсембай, Черкезлы, Акъ-мечеть и отсюда по безводному на разстояніи семидесяти пяти верстъ пространству къ колодцамъ Ильтедже. Здѣсь отряду данъ былъ продолжительный отдыхъ. Въ колодцахъ Ильтедже вода была въ изобиліи и даже сносная на вкусъ. Во время стоянки въ Ильтедже получено было извѣстіе, что красноводскій отрядъ полковника Маркозова потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. Пройдя по пустынѣ около двухъ третей пути, этотъ отрядъ потерялъ почти всѣхъ животныхъ и во избѣжаніе гибели людей долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться въ Красноводскъ. Мангишлакскому отряду грозила та-же участь, но благодаря предусмотрительности начальниковъ онъ избѣжалъ ея и продолжалъ благополучно свое движеніе по Усть-Юрту.



VII.

Первыя раны.

А Илитедже Скобелеву пришлось снова стать во главѣ небольшого, но отдѣльнаго отряда.

Дѣло въ томъ, что вѣсть о наступленіи „бѣлыхъ рубахъ“ — такъ звали русскихъ—уже успѣла разнестись по всѣмъ кочевьямъ. Хивинскіе хищники видѣли, что русскіе почти прошли уже пустыню Усть-Юртъ, и „проклятое мѣсто“ не защитило ихъ оазиса отъ этихъ смѣлыхъ пришельцевъ. Но они могли еще остановить движеніе и даже погубить весь отрядъ. Стоило имъ только испортить воду въ колодцахъ на пути и какъ ни закалены были лишеніями войска Ломакина, движеніе по пустынѣ стало-бы для нихъ невозможнымъ, и отряду пришлось-бы вернуться ни съ чѣмъ обратно. Слѣдовало предупредить покушеніе

на колодцы, и Ломакинъ поручилъ это трудное и отвѣтственное дѣло Михаилу Дмитріевичу.

Скобелевъ охотно принялъ порученіе и просилъ только одного: „дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами“. Это ему было разрѣшено, и небольшой, порученный Скобелеву, отрядъ выступилъ въ четвертомъ часу утра перваго мая изъ Илитедже.

Пошли „на-легкѣ“. До наступленія зноя достигли колодцевъ Байларъ, и здѣсь Скобелевъ далъ своимъ отрядамъ продолжительный роздыхъ. Пробыли у Байлара, пока не сталъ спадать зной. Солнце пекло невыносимо, но „скобелевцы“ держались стойко. Никто изъ нихъ не метался по бивуаку, не слышно было ни стоновъ, ни жалобъ. Напротивъ того, истомленные люди шутками поддерживали бодрость духа. На всѣхъ дѣйствовалъ ободряюще примѣръ начальника. Будто не изъ плоти и крови былъ этотъ человѣкъ! Джигиты-киргизы, бывшіе въ его небольшомъ отрядѣ въ качествѣ проводниковъ, казались истомленными, и ихъ допекалъ палящій зной, а Михаилъ Дмитріевичъ держался такъ, какъ будто не было ни этихъ отвѣсно падавшихъ съ неба лучей, ни этой пустыни, въ которой была раскалена каждая песчинка. Каковы должны быть усилія воли, чтобы могъ держать себя такъ этотъ человѣкъ, стремившійся подвигами изгладить изъ памяти людей ошибку своей юности...

Изъ Байлара перешли къ колодцамъ Кизилъ-ахиръ. Далѣе приходилось пройти пятьдесятъ три версты до колодцевъ Байчагиръ, а идти приходилось по безводному пространству. Нужно было спѣшить во что бы то ни стало. Среди пустыни начали попадаться слѣды людей. Кое-гдѣ виднѣлись кости павшихъ животныхъ, видны были протоптанныя тысячеголовыми стадами тропинки, колеи отъ тяжелыхъ колесъ туземныхъ арбъ. Замѣтны были слѣды конскихъ копытъ. Это были тревожные признаки. Что стоило полудикарямъ, пройдя, засыпать оставляемые колодцы?

Хивинцы были способны на это: вѣдь они этимъ остановили-бы врага, шедшаго съ оружіемъ на ихъ пріютъ, и вотъ Скобелевъ съ двѣнадцатью казаками и десятью киргизами, оставивъ остальной свой отрядъ на маіора Аварскаго, на-рысяхъ помчался къ Байчагиру. Съ небольшими остановками онъ прошелъ по безводной пустынѣ и—о, радость! колодцы, за участь которыхъ такъ страшился Михаилъ Дмитріевичъ, оказались нетронутыми: онъ пришелъ къ нимъ раньше, чѣмъ успѣли побывать около нихъ киргизы и туркмены. Отрядъ былъ обезпеченъ водою, но русскихъ было такъ мало, что скопищу непріятеля ничего не стоило числомъ задавить эту жалкую горсточку самоотверженныхъ удальцовъ. Приходилось прямо послѣ утомительнаго перехода приниматься за тяжелую работу. Казаки и киргизы, едва утоливъ жажду, начали насыпать около колодца траншеи, за которыми они могли-бы отсидѣться въ случаѣ нападенія непріятеля. Скобелевъ съ поразительной неутомимостью руководилъ всѣми работами. Быстро выросли завалы, и когда подошла остальная часть колонны, для стрѣлковъ уже было готово надежное прикрытіе.

Но Скобелевъ и тутъ не оставался долго.

Едва отдохнули и собрались съ силами люди, онъ, оставивъ десятка два своихъ стрѣлковъ у Байчагира, который, благодаря его труду, явился превосходнымъ опорнымъ пунктомъ для всего отряда, поспѣшилъ снова выступить въ пустыню. Теперь передъ русскими всего въ одномъ переходѣ непроходимый солончакъ Барса-Кильмасъ. Пройти по немъ было невозможно; оставалось только обойти его. Необходимо было узнать, съ какой стороны не сторожитъ выхода изъ Усть-Юрта непріятель, и Михаилъ Дмитріевичъ рѣшилъ произвести рекогносцировку. Впереди были колодцы Мендали и Итыбай, отъ которыхъ шелъ удобный путь по берегу высохшаго Айбугирскаго залива прямо на городъ Куня-Ургенчъ, гдѣ Ломакинъ

предполагалъ соединиться съ отрядомъ генерала Веревкина, шедшимъ, какъ онъ предполагалъ, отъ мыса Ургу на Аральскомъ морѣ къ городу Кунграду.

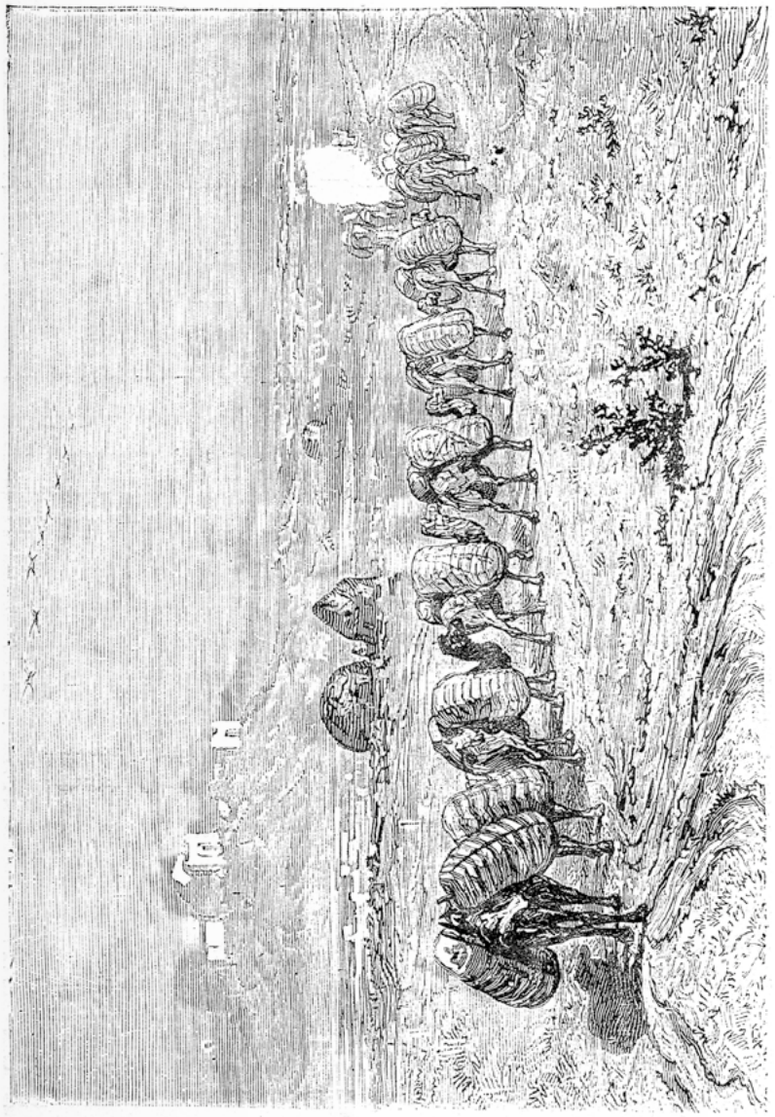
До Мендали колонна Скобелева дошла покойно, но не успѣла отойти нѣсколькихъ верстъ къ Итыбаю, какъ впереди показался идущій на встрѣчу караванъ верблюдовъ въ тридцать.

Это были первые люди, встрѣченные мангишлакскимъ отрядомъ въ пустынѣ...

„Необходимо взять ихъ!“—рѣшилъ Скобелевъ и съ десяткомъ казаковъ помчался къ каравану.

Тамъ уже увидѣли русскихъ. Вожаки побросали верблюдовъ, стали на колѣна, съ мольбою простирая впередъ руки. Конечно, ихъ не тронули. Скобелевъ приказалъ толмачамъ разспросить ихъ и узналъ, что позади у колодцевъ Итыбай стоитъ большой караванъ извѣстнаго въ степяхъ киргиза Нафара Караджигитова. Этого извѣстія было достаточно, чтобы Михаилъ Дмитріевичъ теперь уже всего съ семью казаками и двумя офицерами вихремъ помчался къ Итыбаю. Тамъ дѣйствительно оказался уже большой караванъ. При верблюдахъ, везшихъ по степнымъ кочевьямъ разные товары, было свыше ста пѣшихъ и всадниковъ. Они встрѣтили Скобелева выстрѣлами, а одинъ изъ конныхъ, нахлестывая коня, помчался назадъ въ пески. Скобелевъ, бросивъ караванъ, ударился за нимъ въ погоню и невдалекѣ за Итыбаемъ наткнулся на второй караванъ. Киргизы не оказали сопротивленія и покорно повиновались русскимъ, согнавшимъ ихъ всѣхъ къ колодцамъ. Но тамъ оба каравана соединились, и начальники сообразили, что у нихъ около двухъ сотенъ людей, а русскихъ всего только десятокъ. Появились скрытыя дотолѣ ружья, по русскимъ затрещали выстрѣлы; положеніе становилось угрожающимъ. Болѣе двухъ сотенъ людей, сильныхъ, сознававшихъ свой численный перевѣсъ противъ десятка русскихъ... Они безъ труда смяли-

бы ихъ, двинувшись впередъ всею массою и окруживъ этихъ смѣльчаковъ со всѣхъ сторонъ. Отойти было не-



КАРАВАНЪ ВЕРБЛЮДОВЪ.

возможно. По всѣмъ кочевьямъ разнеслась-бы тогда вѣсть, что „бѣлыя рубахи“ разбиты... Такъ или иначе, а нужно

было дѣйствовать. Вся надежда была лишь на то, что успѣетъ подойти маіоръ Аварскій съ пѣхотою колонны и остальными казаками. Но и медлить было нельзя. Одинъ казакъ уже былъ раненъ киргизской пулей, подъ другимъ убита была лошадь. Киргизы смѣлѣли съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе и болѣе. Они, громко крича, уже начали наступать.

— Ребята! Въ шашки ихъ!—крикнулъ Скобелевъ и первымъ ринулся на толпу.

Вмѣстѣ съ нимъ врубился штабсъ-капитанъ Кедринъ. Не обращая вниманія на пики, врѣзались въ живую массу остальные. Нѣсколько минутъ на солнцѣ сверкала сталь окровавленныхъ шашекъ, слышалось гиканье казаковъ, хриплые крики киргизовъ. Но превосходство силъ было на сторонѣ непріятеля. Пораженный пикой въ бокъ лежалъ на землѣ Кедринъ; пулями были ранены одинъ казакъ и одинъ дагестанецъ. Скобелевъ рубился весь покрытый кровью. Онъ тоже былъ раненъ, но даже и не замѣчалъ своихъ ранъ. Подъ нимъ убита была лошадь, но и пѣшій онъ продолжалъ драться. Верхъ въ схваткѣ, очевидно, оставался за киргизами. Контужено было еще два бывшихъ со Скобелевымъ офицера и остальные четыре казака. Гибель была неизбѣжна, радостные крики киргизовъ заглушали шумъ боя. Но вдругъ совсѣмъ близко вспыхнуло русское „ура“. Это маіоръ Аварскій, узнавъ, что происходитъ у Итыбая, съ ротой апшеронцевъ и взводомъ самурцевъ, съ четырехъ верстъ разстоянія кинулся бѣгомъ на помощь погибавшимъ товарищамъ. Появленіе подмоги разомъ измѣнило все. Киргизы, услыхавъ боевой кличъ русскихъ, на лучшихъ своихъ верблюдахъ пустились въ солончакъ. Слабымъ голосомъ Скобелевъ, едва державшійся на ногахъ, приказалъ раздать казакамъ игольчатыя ружья пѣхотинцевъ и преслѣдовать убѣгавшихъ. Аварскій самъ повелъ въ погоню. Киргизская партія была разсѣяна, но преслѣдованіе ея въ солончакъ не

вездѣ просвѣчивалось голое тѣло. Офицеры были не въ лучшемъ положеніи: кителя ихъ износились до того, что вмѣсто полъ болталась бахрома. Обувь была въ самомъ плачевномъ состояніи. Плечи у пѣхотинцевъ отъ постоянной носки на ремнѣ винтовокъ покрылись ссадинами и болячками. Лица загорѣли до такой степени, что цвѣтъ ихъ мало отличался отъ цвѣта кожи самыхъ смуглыхъ тюркменъ или киргизовъ. Носы покрылись скорлупой, а щеки и уши пузырями.

Но все это нимало не портило общаго вида. Напротивъ того, бодрость солдатъ, казаковъ и дагестанскихъ всадниковъ, ихъ воинственная выправка, ихъ несмолкавшія боевыя пѣсни, ихъ зурна съ неизбѣжной лезгинкой, ихъ смѣлые отвѣты, ихъ загорѣлыя, не свѣтлыя лица были такъ внушительны, что, казалось, для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго...

Дѣйствительно, войска закалились до такой степени, что никакія лишенія не могли сломить ихъ высокій нравственный духъ.

Вообще этотъ походъ по знойной песчаной пустынѣ представлялъ изъ себя одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, когда либо совершенныхъ пѣхотою съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ арміи... Онъ навсегда останется въ военной исторіи Россіи, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ эпизодовъ дѣятельности, не только кавказскихъ войскъ, но и вообще всей русской арміи и въ особенности безпримѣрно мужественной, выносливой и хорошо дисциплинированной русской пѣхоты...

Такъ отзываются о походѣ Мангишлакскаго отряда даже иностранцы.

А тотъ, кто былъ всегда въ головѣ этого отряда, кто первымъ открывалъ путь по пустынѣ, кто ради того, чтобы поддержать достоинство Россіи, кинулся чуть что не одинъ на огромную толпу дикарей—Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ,—весь израненный, мучимый лихорадкой лежалъ

въ арбѣ, которую тихо тащили вслѣдъ за отрядомъ верблюды...

Вмѣстѣ съ Михаиломъ Дмитріевичемъ въ той-же арбѣ лежалъ и другой раненый въ схваткѣ съ киргизами у Итыбая—штабсъ-капитанъ Кедринъ.

— Дивлюсь я вамъ, подполковникъ! — говорилъ послѣдній Михаилу Дмитріевичу, — чего вы сюда пошли? Неужели эти проклятые пески вамъ нравятся болѣе, чѣмъ вашъ Петербургъ?..

Скобелевъ нѣсколько мгновеній молчалъ.

— Видите-ли, капитанъ, — задумчиво заговорилъ онъ,—я много-много думалъ самъ надъ этимъ вопросомъ и пришелъ къ заключенію, что каждый долженъ стремиться къ исполненію долга предъ отечествомъ...

— Ну, и исполняйте его съ возможными для себя удобствами,—возразилъ Скобелеву его собесѣдникъ.

— Такихъ-то исполнителей много... Нѣтъ! не то вы говорите! Судьба, само рожденіе мое, общественное положеніе моей семьи создало мнѣ въ жизни такое положеніе, что я безъ труда могъ-бы добиться всего, что ни пожелалъ-бы. А вотъ я этого и не хочу: „безъ труда!“ Я хочу именно трудиться, узнавать и познавать за тѣмъ, чтобы добытыя познанія отдать впослѣдствіи на пользу моей родины. Я по влеченію избралъ военное поприще и вотъ хочу видѣть войну, дабы имѣть о ней практическое представленіе...

— Какая-же война съ халатниками! — усмѣхнулся капитанъ.

— А чѣмъ-же не война?.. Этотъ походъ черезъ пески многому научилъ меня...

— А все-таки вы держали себя въ немъ молодцомъ! — перебилъ Михаила Дмитріевича собесѣдникъ,— подумать только: среди пустыни и вдругъ вымытый, расфранченный, какъ на балъ, даже надушенный воинъ... Этого, пожалуй, отъ сотворенія міра не было...

— Что-же вы тутъ видите дурного?

— Ничего, а удивительно только...

— И удивляться нечему. Я скажу вотъ что. У меня сложилось убѣжденіе, что начальникъ долженъ дѣйствовать на подчиненныхъ примѣромъ. Онъ является для нихъ образцомъ, которому они должны подражать, идеаломъ, если хотите... Строгость, угрозы, страхъ не всегда дѣйствительны, а въ томъ положеніи, въ какомъ были мы среди безводныхъ песковъ Устъ-Юрта, и безполезны, ибо нельзя требовать съ человѣка того, что выше его силъ. Я говорю: „нельзя требовать“, но заставить того-же человѣка выполнить даже непосильное всегда возможно. И знаете какъ? Стоитъ только не предъявлять къ нему никакихъ требованій, а показать на собственномъ примѣрѣ, что невозможное — возможно... Все тогда исполнитъ... Гордость что-ли тутъ заговоритъ, или какое иное чувство — не знаю; думаю, что гордость. „Если возможно для тебя — почему-же невозможно для меня?“ — вотъ, какъ я полагаю, руководящее соображеніе. Не буду скрывать, мнѣ было очень тяжело въ пустынѣ, но я заставлялъ волю побороть тѣло. Тяжело то вѣдь было тѣлу только. Оно было немощно. Духъ поборолъ тѣло. И тѣ, кто смотрѣлъ на меня, слѣдилъ за мною, увидѣли и поняли, что стоитъ лишь взять себя, какъ слѣдуетъ, въ руки и тяготы облегчатся. Глядя на меня и другіе всѣ, до послѣдняго замухрышки, стали подтягиваться, а что наша передовая колонна прошла путь въ сравненіи съ его тягостью великолѣпно—этого вы отрицать не будете.

— Да,—согласился Кедринъ, — порядокъ въ колоннѣ былъ нарѣдкость полный.

— Вотъ, вотъ! А держи я себя растеряхой, моимъ людямъ подражать было-бы некому, и они распустились-бы. Нѣтъ, какъ хотите, я увѣренъ, что для того, чтобы быть начальникомъ, нужно заглядывать въ душу подчиненныхъ, дѣйствовать на нихъ психически...

— Эге, да вы, подполковникъ, никакъ Суворовымъ быть хотите!—усмѣхнулся капитанъ.

— Во всякомъ случаѣ близко къ нему!—рѣзко отвѣтилъ Михаилъ Дмитріевичъ и замолчалъ.

Раны Михаила Дмитріевича были не изъ опасныхъ и онъ во время стоянки въ Кунградѣ настолько оправился, что могъ уже садиться на лошадь.

Мангишлакскій отрядъ послѣ соединенія съ оренбургскимъ поступилъ подъ начальство ген. Веревкина. Веревкину-же было извѣстно, что хивинцы рѣшили оказать сопротивленіе при наступленіи русскихъ вдоль лѣваго берега Аму-Дарьи. Кунградъ былъ очищенъ непріятелемъ всего за нѣсколько часовъ до вступленія въ него русскихъ войскъ и вскорѣ лазутчики донесли, что пятитысячное скопище хивинцевъ конныхъ и пѣшихъ съ тремя орудіями собралось у города Ходжейли. Начальникомъ этого скопища былъ узбекъ Якубъ-бій, а при немъ находились два важнѣйшихъ сановника хивинскаго ханства: Инахъ и Мехтеръ.

Пошли русскіе изъ Кунграда 14 мая.

Ровной, безъ волненія, широкой, переходящей въ поросшія камышемъ болота полосою стелется рѣка Аму-Дарья. Она не глубока, покрыта островами и лишь кое-гдѣ высились на ея берегахъ холмы. Растительность великолѣпна. Нѣтъ лѣсовъ, за то всюду на берегахъ виднѣлись великолѣпные сады, превосходно воздѣланныя поля. Многочисленные арыки (колодцы орошенія) перерѣзывали главную дорогу. Идти было трудно: мосты черезъ арыки почти всюду были разрушены, а отрядъ теперь уже былъ многочисленный: почти четыре съ половиной тысячи пѣхоты и всадниковъ съ четырнадцатью орудіями и восемью ракетными станками. За отрядомъ тянулся обозъ, который приходилось оберегать особенно внимательно. Нападенія можно было ожидать каждую минуту. На пути то и дѣло попадались слѣды отходившаго все далѣе и далѣе

назадъ непріятеля. Верстахъ въ шести за Кунградомъ на противоположномъ берегу пришлось орудійными выстрѣлами разогнать скопище каракалпаковъ, и еще черезъ нѣсколько верстъ конные узбеки и тюркмены пробовали преградить путь отряду, но были разогнаны казаками.

Городокъ Ходжейли занятъ былъ безъ боя. Нѣсколько серьезнѣе дѣло произошло у городка Мангита, гдѣ скопище хивинцевъ нѣсколько разъ бросалось на войска съ смѣлостью, которой и нельзя было ожидать отъ этихъ воиновъ, никогда не рѣшавшихся нападать на большіе отряды русскихъ. Ихъ пришлось отбивать залпами, но когда отрядъ, отбросивъ нападавшихъ, самъ перешелъ въ наступленіе, хивинцы разсѣялись и русскіе вступили въ Мангитъ безъ выстрѣла.

Скобелевъ, уже окончательно оправившійся отъ ранъ, принималъ участіе во всѣхъ безъ исключенія и крупныхъ и мелкихъ схваткахъ, и послѣ дѣла у Мангита Веревкинъ приказалъ ему разрушить туркменскіе аулы въ наказаніе за оказанное русскимъ сопротивленіе. Молодому подполковнику даны были двѣ сотни казаковъ. Съ разсвѣта и цѣлый до поздняго вечера день рыскалъ Михаилъ Дмитріевичъ въ окрестностяхъ Мангита у горы Кобетау и вдоль арыка Караузъ. Туркмены отчаянно защищали свои аулы, они съ безумной храбростью кидались на казаковъ, происходили жестокія сшибки, но оренбуржцы и кавказцы постоянно брали верхъ и разгоняли нападавшихъ. Вѣсть-же о разореніи ауловъ разнеслась съ такой быстротой, что прежде чѣмъ Скобелевъ съ своими сотнями возвратился къ отряду, въ русскій лагерь явились съ изъявленіемъ полной покорности депутаты отъ хивинскихъ городковъ: Янчи-яба, Гурленъ, Китай и Кята.

Однако, это не помѣшало войскамъ хивинскаго хана нападать на русскій отрядъ. Вреда эти нападенія не причиняли, за то безпокоили отрядъ, вышедшій уже изъ Мангита. Хивинцы открывали даже огонь изъ пушекъ,

но стрѣляли они плохо и болѣе безпокойства причиняли русскимъ ихъ всадники, чѣмъ ихъ ядра. Бывало, вдругъ налетала кучка лихихъ наѣздниковъ и съ дикимъ гиканьемъ кидалась прямо на растянувшійся по дорогѣ отрядъ. Нѣсколько выстрѣловъ, иногда залпъ обыкновенно прогоняли смѣльчаковъ, но все-таки изъ-за нихъ останавливался весь отрядъ, солдаты строились въ боевыя колонны, приходилось высылать впередъ цѣпи. Бывало и такъ, что засядутъ на пути въ камышахъ нѣсколько стрѣлковъ и какъ только приблизится къ нимъ командывавшій отрядомъ со своей свитой, они начинаютъ стрѣлять по ней, стараясь попасть въ генерала, котораго научились узнавать въ лицо.

Но безпокойнѣе всѣхъ было колесному и верблюжьему обозу. Охраняли его три роты апшеронцевъ и двѣ сотни казаковъ съ двумя орудіями. Хивинцы рыскали около обоза по всѣмъ направленіямъ. Нападенія слѣдовали одно за другимъ, въ особенности, когда обозу приходилось перебираться черезъ арыки, но и тутъ ничего не могли подѣлать враги. При обозѣ былъ Скобелевъ. Веревкинъ назначилъ его начальникомъ обознаго конвоя, и молодой офицеръ сумѣлъ такъ расположить своихъ людей, что куда-бы ни кидались хивинцы, всюду они встрѣчали либо солдатскій штыкъ, либо казачью пику. Иногда Михаилъ Дмитріевичъ движеніемъ руки бросалъ на насѣдавшихъ тюркменъ десятокъ—другой своихъ казаковъ. Съ посвистомъ, съ гиканьемъ мчались молодцы гребенцы и уральцы на врага; происходила недолгая, но удалая сшибка; нѣсколько минутъ сверкали на солнцѣ шашки, слышался крикъ; потомъ туркмены кидались отъ казаковъ вразсыпную и вслѣдъ имъ свистѣли пули...

Такъ пришлось идти весь день 22 мая. Отрядъ потерялъ шестерыхъ солдатъ убитыми и трехъ ранеными. Несмотря на бдительность Скобелева, тюркменамъ все-

таки удалось отбить въ обозѣ три арбы съ провіантомъ и два верблюда съ вьюками да изрубить нѣсколькихъ арбаношей, т.-е. туземцевъ-возчиковъ.

ВЪ РУССКІЙ ЛАГЕРЬ ЯВИЛИСЬ СЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕМЪ ПОЛНОЙ ПОКОРНОСТИ ДЕПУТАТЫ.

Хивинцамъ порядочно досталось въ этотъ день. Сколько погибло ихъ подъ русскими выстрѣлами, въ осо-

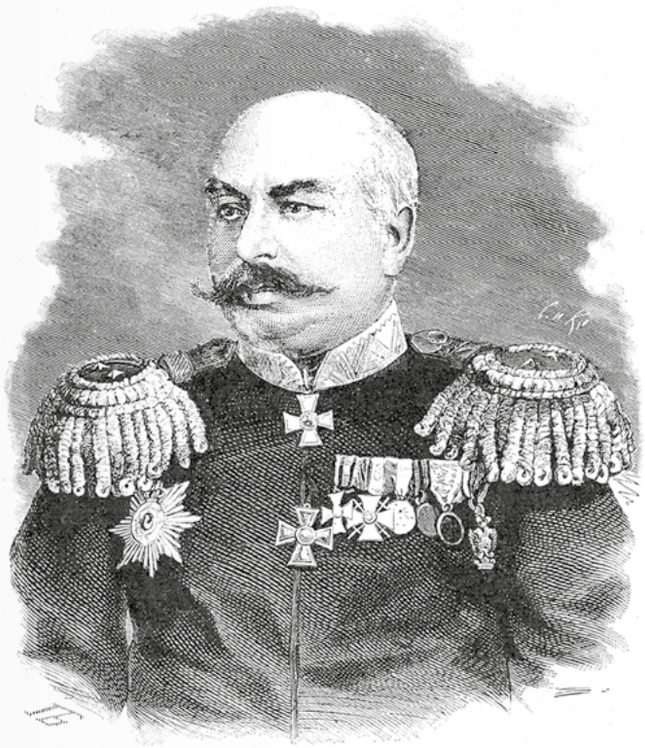
бенности при ихъ нападеніяхъ на обозъ, гдѣ стрѣляли въ нихъ залпами почти въ упоръ, неизвѣстно, но въ садахъ и по арыкамъ всюду виднѣлись трупы убитыхъ. Ихъ и не считали, но все-таки замѣтили, что „потеря непріятеля была весьма велика“.

И такъ, силою не удалось удержать русскихъ, тогда хивинскіе дипломаты вздумали удержать ихъ хитростью. Къ Веревкину явился посолъ, выражавшій отъ имени хана удивленіе этому яко-бы совсѣмъ неожиданному для него вторженію и требовавшій, чтобы отрядъ не трогался впередъ по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ дней. Посолъ увѣрялъ, что генералъ Кауфманъ ведетъ съ ханомъ мирные переговоры и „войны быть не можетъ, пока они не будутъ закончены“. Веревкинъ, знавшій всѣ уловки степныхъ дипломатовъ, отказался наотрѣзъ и продолжалъ движеніе. Онъ предугадалъ истину, ибо на слѣдующій день пришло къ нему отъ Кауфмана приказаніе идти безостановочно на Хиву.

Туркестанскій или Ташкентскій отрядъ, которымъ командовалъ самъ генералъ-губернаторъ края Кауфманъ, прошелъ къ Аму-Дарьѣ по пескамъ, испытывая также величайшія лишенія и вынеся прямо-таки сверхчеловѣческія тягости. Вмѣстѣ съ отрядомъ сдѣлали походъ черезъ пустыню ихъ Императорскія Высочества Великій князь Николай Константиновичъ и князь Евгеній Максиміліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. Особенно тяжелъ былъ переходъ черезъ пески Адимъ-Крылганъ, что значитъ въ переводѣ „погибель человѣка“. Но „бѣлыя рубахи“ и здѣсь преодолѣли природу: они прошли по безводнымъ степямъ, палимые все сожигавшимъ зноемъ, и 10 мая переправились черезъ Аму-Дарью, на лѣвый берегъ. Хивинцы пытались-было остановить переправу, стрѣляя изъ своихъ пушекъ, но были сбиты съ берега и войска прошли вполнѣ благополучно. Путь въ Хиву былъ открытъ, однако, идти пришлось, точно такъ-же,

какъ и отряду Веревкина, постоянно отбиваясь отъ непріятеля.

Когда съ Веревкинымъ не удалась и хитрость, хивинцы испробовали остановить отрядъ, разрушивъ мостъ черезъ каналъ Клычь-Ніязъ-бай. Они сожгли этотъ мостъ



ГЕНЕРАЛЪ Н. А. ВЕРЕВКИНЪ.

на виду у русскихъ, подошедшихъ къ каналу 24 мая. Но и это препятствіе не остановило отряда. Былъ наведенъ новый мостъ длиною въ 27 саженъ, и отрядъ перевезъ по немъ пушки и тяжести; казаки-же переправились вплавь.

Теперь впереди были еще каналы Ярмышъ и Катакуныръ. Нужно было удержать ихъ за собой. Толки объ энергіи Скобелева дошли уже и до Веревкина, преду-

бѣжденнаго противъ молодого офицера. Склоняясь на убѣжденія такого опытнаго вождя, какъ Ломакинъ, генералъ назначилъ Скобелева авангарднымъ начальникомъ. Блистательно исполнилъ Скобелевъ и это порученіе. Онъ съ двумя сотнями казаковъ подоспѣлъ къ Ярмышу какъ разъ въ то время, когда хивинцы принимались ломать мостъ. Тѣ не ожидали столь скораго появленія русскихъ. Съ гиканьемъ и криками „ура“ кинулись на нихъ казаки и, прежде чѣмъ непріятель успѣлъ опомниться, сбили его съ моста. Тюркмены бѣжали, переправа для главныхъ силъ отряда была обезпечена. Къ мосту черезъ Ката-кунырь во-время подоспѣть не удалось. Хивинцы успѣли разобрать съ него бревенчатую настилку. Но и тутъ Скобелевъ быстро нашелся. Пока къ Ката-кунырь двигался отрядъ, его казаки принялись за работу и всю ночь неутомимо таскали на себѣ и на своихъ лошадяхъ бревна, фашинникъ, землю, а потомъ приступили и къ исправленію моста, такъ что, когда подошли главныя силы отряда, мостъ былъ готовъ и выдержалъ переправу.

Какъ ни предубѣжденъ былъ противъ Скобелева Веревкинъ, но и онъ выразилъ ему свое удовольствіе...

Такъ, мало-по-малу разсѣивалъ Скобелевъ невольную непріязнь, поселившуюся противъ него въ сердцахъ людей подъ вліяніемъ некрасивой выходки, внушенной будущему герою самою молодостью.

IX.

Послѣдній переходъ.

ИЦО Михаила Дмитріевича было безучастно холодно, когда генералъ громко при всѣхъ товарищахъ похода высказалъ ему одобреніе за Ярмышъ и Ката-кунырь. Что думалъ въ эти мгновенія молодой подполковникъ? Быть можетъ, въ душѣ будущаго героя-полководца, „Суворову побѣдами равного“, загорѣлась радость. Вѣдь если даже недовѣрчиво относившіеся къ нему люди одобряютъ его, стало-быть, онъ и на самомъ дѣлѣ стоитъ одобренія, стало-быть, онъ сдѣлалъ что-нибудь такое, что другимъ не подъ силу... Но Скобелевъ ни чѣмъ не выдалъ своихъ чувствъ и только поклонился генералу, когда тотъ кончилъ говорить.

— Послѣ такого блестящаго начала,—съ особеннымъ

удареніемъ произнесъ генералъ,—можно ожидать и столь-же блестящаго конца.

— Я весь въ распоряженіи вашего превосходительства,—еще разъ полупоклонился Михаилъ Дмитріевичъ.

— Я очень радъ и съ удовольствіемъ узнаю, что вы, а не кто другой, довершите дѣло, вами-же начатое. Впереди такія-же переправы на Шахъ-абати и Казавати. Безъ сомнѣнія, около нихъ непріятель. Лазутчики донесли, что онъ скопился въ Ката-кунырѣ на Казаватѣ: возьмите казаковъ и прогоните туркменъ. Вы облегчите путь отряду, отъ Ката-куныра до Хивы рукой подать.

— Постараюсь исполнить, ваше превосходительство!

— Но когда вы можете выступить?

— Если вы, ваше превосходительство, ничего не будете имѣть противъ этого, то сейчасъ...

— Вотъ какъ! Нѣтъ, я ничего не могу имѣть противъ такой быстроты. Съ Богомъ тогда!

Скобелевъ съ полупоклономъ приложилъ руку къ козырьку фуражки и отошелъ.

— Что, господа, скажете про молодца?—вполголоса спросилъ генералъ, задумчиво смотря вслѣдъ отходившему легкой походкой Скобелеву,—неправда-ли, узнать нельзя?

— Да, перемѣна поразительная!—подтвердилъ мысль генерала одинъ изъ его свитскихъ.

— И всего въ три года преобразился — вотъ что главное,—отозвался другой.

— Не такой онъ былъ еще недавно!

Генералъ вступился за Скобелева.

— Да, за то теперь—теперь онъ молодецъ! Мнѣ разсказывали, какъ онъ шелъ на Усть-Юрту. Сколько предусмотрительности выказалъ нашъ (это „нашъ“ произнесено было съ особенно сильнымъ удареніемъ) Скобелевъ, какую гигантскую силу воли онъ проявилъ!.. Я не ошибусь, если скажу, что онъ былъ душою своихъ солдатъ. Онъ

сумѣлъ обратить этихъ маленькихъ людей, незамѣтныхъ, сильныхъ только своей массою, каждаго въ великана. И знаете, какъ онъ это сумѣлъ? Онъ на дѣлѣ показалъ этимъ маленькимъ людямъ, что онъ любитъ ихъ, какъ

ГЕНЕРАЛЪ КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ КАУФМАНЪ, НАЧАЛЬНИКЪ ХИВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ 1873 г.

самого себя, даже больше самого себя. Онъ заботился о нихъ, объ ихъ мельчайшихъ удобствахъ. Развѣ не показали имъ эту заботу намотанныя черезъ плечо кишки съ водой? Благодаря предусмотрительности начальника, въ авангардномъ отрядѣ всегда было больше воды на переходѣ, чѣмъ въ остальныхъ колоннахъ. Въ тѣ мгновенія, когда послѣднія силы покидали человѣка, у него

оказывалась подъ рукой драгоцѣнная живительная влага. А на привалахъ у колодцевъ? Кто послѣдній подходилъ къ водѣ и получалъ ее ровно такую-же порцію, какую получалъ каждый изъ солдатъ? Начальникъ колонны! Кто ночью заботливо обходилъ часовыхъ, повѣряя ихъ бодрствованіе? Начальникъ колонны! А эта щеголеватость, даже франтовство на походѣ, за которое высмѣивали всѣ товарищи нашего молодца? Да оно оказывало такое воздѣйствіе на массу, что оно оказалось сильнѣе всякихъ угрозъ... А послѣдній случай, это исправленіе моста на Ката-кунырь? Замѣтьте, мостъ исправленъ не саперами, не понтонерами, а простыми казаками. Зачѣмъ? Мы съ вами скажемъ: „для пользы общаго дѣла!“, а солдатъ скажетъ: „о насъ родимый позаботился, вспомнилъ, что мы по пескамъ переходы сломали, такъ самъ потрудился, чтобы насъ съ устатку не утруждать“... Вотъ что скажутъ! А когда понадобится, кинутся за потрудившагося для нихъ „родимаго“ на вѣрную смерть: „за евоное добро, значитъ, въ отплату!“ Мнѣ скажутъ, что это все мелочи, а если мнѣ такъ скажутъ, такъ я отвѣчу, что и въ этихъ мелочахъ уже кое-что видно... Что, не знаю еще самъ, а думаю, что скоро нашъ молодой товарищъ многихъ изъ насъ обгонитъ... Что-же! Давай Богъ! Руси православной такіе нужны... чу!

Генералъ смолкъ.

«Разгулялся, расплескался православный тихій Донъ»—

такъ и разлилась надъ бивуакомъ перенятая у донцевъ сунженскими казаками пѣсня.

— Это нашъ авангардъ! — генералъ посмотрѣлъ на часы, — менѣе чѣмъ въ полчаса казачки изготовились... ай да молодцы! Кто изъ офицеровъ со Скобелевымъ?

— Сотникъ Старицкій и есаулъ Аѳанасьевъ, ваше превосходительство!—доложилъ генералу начальникъ его штаба.

— Лихіе офицеры, горячія головы! Какъ-бы не переусердствовали только! — проговорилъ генералъ и вмѣстѣ съ своими свитскими пошелъ готовиться къ выступленію.

У Скобелева было по сотнѣ сунженцевъ и оренбуржцевъ. Послѣдними командовалъ есаулъ Пискуновъ. Казаки выступили съ бивуака, какъ это всегда бывало у Скобелева, съ пѣснями. Самъ начальникъ авангарда ѣхалъ во главѣ казаковъ.

— Добра джигитъ!—кивали глядѣвшіе на него киргизы,—такихъ и у акъ-падишаха немного!

Отведя авангардъ отъ бивуака, Михаилъ Дмитріевичъ созвалъ около себя старшихъ своихъ офицеровъ. Ему было извѣстно, что городокъ Ката-кунырь занятъ хивинцами. Несомнѣнно, что тамъ уже хивинскіе лазутчики увѣдомили о наступленіи русскихъ. Нужно было спѣшить, чтобы не дать непріятелю времени испортить мостъ на Казаватѣ. Впереди были бугристые пески Чукуръ-кумъ, пересѣкавшіе путь отряду во второй половинѣ, но за то пройти приходилось всего около семнадцати верстъ. Послѣ недолгаго совѣта, Скобелевъ выслалъ впередъ сотника Старицкаго съ сунженцами, приказавъ ему добраться какъ можно скорѣе къ переправѣ. У сунженцевъ были лучшія лошади и скоро они умчались отъ отряда, шедшаго „нарысяхъ“ по дорогѣ. Прошло немного времени, а уже въ той сторонѣ, гдѣ была переправа, затрещали выстрѣлы. Старицкій верстахъ въ трехъ отъ города „съ разбѣгу“ наскочилъ съ своими казаками на непріятельскій пикетъ. Хивинцевъ было съ полсотни. Они дали залпъ по казакамъ и кинулись на утекъ къ уже ясно выдѣлявшемуся у канала Ката-куныру.

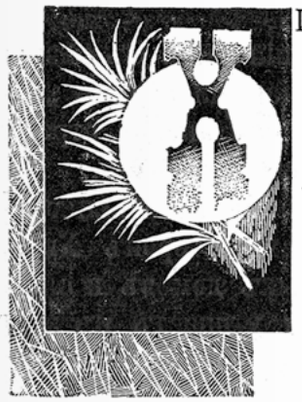
— Станичники, за мной! — крикнулъ удалой сотникъ и съ шашкой наголо помчался вслѣдъ за непріятельскими всадниками. Не разбирая ничего впереди враговъ, молодцы слѣдомъ за хивинцами ворвались въ городъ. Изъ зелени садовъ затрещали выстрѣлы, но съ ихъ трескомъ смѣшалось еще новое русское „ура“. Это примчался въ карьеръ

есаулъ Аѳанасьевъ, высланный Скобелевымъ съ остальными сунженцами въ подмогу Старицкому. Выстрѣлы разомъ смолкли. Вѣроятно, защитники Ката-куныра вообразили, что къ городу подходитъ пѣхота главнаго отряда. Съ гиканьемъ неслись они по узкимъ улицамъ къ Казавату. Казаки мчались у нихъ „на плечахъ“, т.-е. чуть не слѣдъ въ слѣдъ. Они успѣли доскакать до моста черезъ каналъ какъ разъ во-время. Послѣдній непріятельскій всадникъ поджигалъ деревянную мостовую настилку. Мѣткій выстрѣлъ казачьей винтовки свалилъ его въ воду, и мостъ уцѣлѣлъ. За то въ раскаленномъ дневнымъ зноемъ воздухѣ засвистали пули. Хивинцы засѣли въ садахъ на противоположномъ берегу. Ихъ совсѣмъ не было видно въ густой зелени. Только облачка порохового дыма указывали, гдѣ были стрѣлки. Въ это время Скобелевъ уже входилъ въ городъ съ остальными казаками. На обоихъ берегахъ Казавата уже разгорѣлась перестрѣлка. Приходилось прогнать хивинцевъ изъ садовъ съ противоположной стороны. Михаилъ Дмитріевичъ немедленно отправилъ черезъ мостъ есаула Пискунова съ полсотней спѣшенныхъ оренбуржцевъ. Съ громкимъ „ура“ кинулись впередъ удальцы. Чѣмъ ближе они были къ противоположному берегу, тѣмъ все меньше и меньше трещало вражескихъ выстрѣловъ. Хивинцы бросали свою позицію и уходили прочь. Наконецъ, русское „ура“ загремѣло на обоихъ берегахъ Казавата: врагъ былъ сбитъ отовсюду, и до Хивы оставался всего только одинъ переходъ...

Конецъ дѣла у Скобелева вышелъ столь же блестящій, какъ и начало...

X.

Подъ Хивою.



ИВА — это сердце всѣхъ пустынь, всѣхъ песковъ Средней Азіи. Отсюда расходятся безчисленные караваны въ кочевья тюркменъ, киргизовъ, каракалпаковъ, узбековъ и другихъ безчисленныхъ народцевъ и племенъ, кочующихъ въ пескахъ. Подъ Хиву-же, на берега Аму-Дарьи, собираются они въ такое время года, когда жизнь въ песчаныхъ пустыняхъ становится невозможною. Поразить Хиву — значило поразить всѣ пески, подчинить себѣ всѣ обитающія въ нихъ племена. Хивинскіе ханы, а вмѣстѣ съ ними и всѣ хивинцы были увѣрены, что Хива недоступна ни для кого. Окружные пески лучше всякихъ крѣпостей ограждали Хиву—и городъ, и самый оазисъ — отъ вторженій извнѣ. Были не разъ попытки проникнуть сюда со

стороны русскихъ, но всѣ эти попытки оканчивались неудачами и укрѣпляли тюркменъ въ убѣжденіи, что никогда никому не удастся пройти черезъ песчаныя пустыни и овладѣть ихъ „сердцемъ“. Въ 1869 г. смирились передъ Россіей Бухара и Коканъ. Занятія русскими Ходжента и Ташкента раздѣлили и подорвали ихъ силу, но Хива оставалась свободною и не усмиренною, и ея правители принимали всевозможныя усилія, чтобы привлечь на свою сторону тюркменскія племена, кочевавшія на югъ и на юго-западъ отъ нея, и русскихъ киргизовъ оренбургской степи. Два неудачныхъ похода русскихъ: въ 1717 и 1839 г.г. убѣдили хивинцевъ въ полнѣйшей ихъ безопасности, и на всѣ представленія туркестанскаго генералъ-губернатора хивинцы отвѣчали насмѣшливо, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ этотъ клочокъ годной для жизни земли всего съ четырьмя стами тысячами полудикаго своевольнаго населенія могъ представлять изъ себя силу, которая оказалась бы „не по плечу“ великой Россіи...

И вотъ для Хивы пробилъ послѣдній часъ. Съ сѣвера подошелъ къ ней оренбургско-мангишлакскій отрядъ „бѣлыхъ рубахъ“, съ юга подходилъ туркестанскій отрядъ самого „ярымъ Падишаха“—„полуцаря“ Кауфмана.

Великолѣпные, воздѣланные руками невольниковъ-европейцевъ сады окружаютъ со всѣхъ сторонъ Хиву. Городокъ, весь состоящій изъ глиняныхъ домовъ и окруженный толстыми стѣнами, какъ бы утопаетъ въ этой зелени. Съ сѣвера въ Хиву ведутъ Шахъ-Ыбатскія ворота, съ юга хазараенскія. Отрядъ генерала Веревкина подошелъ къ Хивѣ со стороны первыхъ.

Остановился отрядъ въ лѣтнемъ ханскомъ саду Чинакчинъ на каналѣ Хатыръ-туръ. Веревкинъ и его штабъ заняли лѣтній ханскій дворецъ. Отсюда до Хивы оставалось всего 8—6 верстъ, и генералъ рѣшилъ здѣсь подождать извѣстій отъ главнаго начальника всѣхъ отрядовъ, который съ часу на часъ могъ появиться на южной сторонѣ Хивы.

Садъ Чинакчинъ не уступилъ бы по своему устройству любому изъ европейскихъ садовъ. Превосходныя фруктовыя деревья, широкія прямыя аллеи, цвѣтники придавали этому саду несомнѣнный европейскій характеръ и, какъ печальный памятникъ того, что на полудикарей-хивинцевъ много поработали здѣсь русскіе люди, остались вырѣзанные на корѣ многихъ деревьевъ православные кресты, русскія имена, надписи, даты времени...

Отрядъ генерала Веревкина подошелъ къ Хивѣ, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ Скобелева на Ярмышѣ, Катакуныръ и Кошъ-купырь, 26-го мая. Веревкинъ, какъ только войска стали лагеремъ въ саду Чинакчинъ, сейчасъ-же выслалъ авангардъ и опять подъ начальствомъ Скобелева впередъ по направленію къ Хивѣ.

Казалось, молодой офицеръ не зналъ усталости. Едва отдано было приказаніе, онъ уже повелъ двѣ сотни уральцевъ и оренбуржцевъ по узенькой дорожкѣ, пролегавшей между садами, огороженными глиняными стѣнками. Образовалась тѣснина и какъ ни закалены были удальцы, а все-таки нѣсколько тревожно поглядывали то направо, то налѣво, каждое мгновеніе ожидая увидѣть направленныя на нихъ дула вражескихъ ружей. Опасность и въ самомъ дѣлѣ была велика. Изъ-за стѣнъ садовъ хивинцы могли-бы по-одиночкѣ перестрѣлять казаковъ, но тѣснина пройдена была вполнѣ благополучно и небольшой отрядъ выбрался, наконецъ, на просторъ.

Вдали передъ казаками виднѣлась цѣль ихъ похода „сердце песчаныхъ пустынь“—Хива...

— Такъ вотъ она, матушка Москва-то тюркменская какова!—переговаривались между собой казаки,—ну, погоди малость, подберемъ мы тебя къ россійскимъ рукамъ!

Однако, любоваться открывшимся видомъ не пришлось. Какъ только казаки выбрались изъ тѣснины, они не

болѣе какъ въ полуверстѣ отъ себя увидѣли толпу хивинцевъ, разбиравшую мостъ черезъ большой арыкъ.

— Ротмистръ Алихановъ,—указалъ на работавшихъ одному изъ своихъ офицеровъ Скобелевъ,—прогоните ихъ!

— Будетъ исполнено, подполковникъ!—весело отвѣтилъ тотъ, выдвигая впередъ разъѣздъ изъ лучшихъ всадниковъ обѣихъ сотенъ.

Во весь опоръ помчались молодцы на непріятеля. Тѣ, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, бросили мостъ и ударились бѣжать въ такую же точно тѣснину между садами, какую только-что прошли казаки. Алихановъ послѣдовалъ за ними. Скобелевъ въ нѣкоторомъ отдаленіи тоже велъ обѣ сотни по тому же направленію. И эту тѣснину прошли благополучно, но едва вышли изъ нея, сейчасъ-же лицомъ къ лицу столкнулись съ большимъ уже скопищемъ конныхъ и пѣшихъ хивинцевъ. Это было неожиданностью для обѣихъ сторонъ. Для казаковъ-же этотъ моментъ былъ критическимъ. Хивинцевъ было такъ много, что стоило имъ лишь обойти внезапно появившійся отрядъ и закрыть выходъ изъ тѣснины, они численностью своею подавили-бы русскихъ. Но съ казаками былъ Скобелевъ. Для этого вождя не существовало неожиданностей. Едва выскакавъ на просторъ и увидавъ непріятеля, Михаилъ Дмитріевичъ уже скомандовалъ въ атаку и понесся самъ впередъ за всадниками Алиханова. Уральцы и оренбуржцы съ громовымъ „ура“ мчались за нимъ. Какъ живой таранъ, ударили они въ огромную толпу враговъ. Лязгъ шашекъ, вой поражаемыхъ, боевой кличъ нападавшихъ, одиночные выстрѣлы,—все смѣшалось въ невозможный хаосъ звуковъ. Хивинцы не выдержали удара и кинулись бѣжать. Казаки неотступно преслѣдовали ихъ съ версту, пока Скобелевъ самъ не остановилъ ихъ. Онъ не находилъ возможнымъ слишкомъ приближаться къ Хивѣ, откуда могли кинуться на его отрядъ тысячи тюркменъ. Собравъ отрядъ, Михаилъ Дмитріевичъ отвелъ его къ тѣснинѣ между садами. Это отступленіе сейчасъ-же ободрило противниковъ. Собираясь въ большія кучи, они сами бросились на него. Въ тотъ-же моментъ позади затрещали выстрѣлы. Хивинцы успѣли забраться на стѣны садовъ и оттуда слали русскимъ пулю за пулей. Теперь скобелевскому отряду приходилось отстрѣливаться сразу на двѣ стороны, но что было опаснѣе всего, такъ это то, что входъ въ тѣснину между садами былъ закрытъ. Идти чуть что не по-одиночкѣ подъ пулями сверху—значило погубить весь отрядъ. Скобелевъ и тутъ нашелся. Онъ приказалъ части уральцевъ спѣшиться, примкнуть къ ружьямъ штыки и, назначивъ командиромъ спѣшившихся сотника Бородина, приказалъ ему очистить стѣны садовъ. Съ громкимъ „ура“, прикрываемые ружейнымъ огнемъ товарищей, кинулись уральцы на хивинскихъ стрѣлковъ. Не дологъ былъ бой и мало ушло изъ-подъ русскихъ штыковъ туркменъ. Большинство легло на мѣстѣ, входъ въ тѣснину былъ освобожденъ. Быстро ввелъ туда Скобелевъ свою сотню, оставивъ Алиханова сдерживать напоръ хивинцевъ ружейнымъ огнемъ.

Когда отрядъ изъ тѣснины выходилъ на поляну съ мостомъ черезъ арыкъ, изъ первой тѣснины уже вытягивались высланные на помощь авангарду казачьи сотни и конная артиллерія подъ командою полковниковъ Теръ-Асатурова и Леонтьева.

Подмога оказалась лишнею: Скобелевъ успѣлъ и самъ, однѣми своими силами, отбиться отъ непріятеля.

Эта рекогносцировка, обратившаяся въ первый бой подъ Хивою, дала ген. Веревкину поводъ думать, что безъ штурма Хивы не обойдется.

Слѣдующій день 27 мая какъ-будто подтвердилъ это предположеніе.

Скобелеву почти не пришлось спать въ эту ночь. Авангардный отрядъ былъ усиленъ ротою апшеронцевъ съ двумя ракетными станками, а сунженская сотня замѣ-

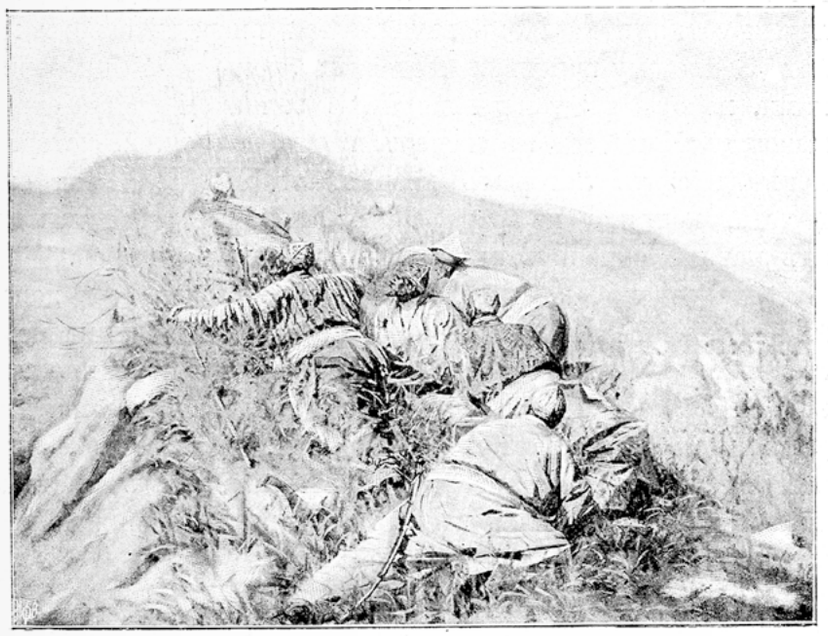
нена была дагестанскою. Апшеронцы, отдыхавшіе въ теченіе цѣлаго дня, заняли передовые посты на ночь. Имъ пришлось оберегать не только людей, но и верблюдовъ, выгнанныхъ за лагерь на пастбище. Всю ночь до утра раздавались одиночные выстрѣлы. Эти подкрадывавшіеся хивинцы пытались нападать на передовые посты и каждый разъ тамъ, гдѣ вспыхивала тревога, сейчасъ-же появлялся неутомимый начальникъ авангарда, готовый каждое мгновеніе къ отраженію непріятеля.

Все-таки ночь прошла спокойно. Не таково было утро.

Совсѣмъ разсвѣло уже, когда у пастбища верблюдовъ вдругъ, словно изъ-подъ земли, выросла огромная толпа хивинцевъ. Среди нихъ были и пѣшіе, и всадники. Раздалось страшное гиканіе, затрещали выстрѣлы и нападавшіе всею своею массою опрокинулись на ближайшіе посты, оттѣснили ихъ и, обскакавъ большую часть табуна верблюдовъ, быстро погнали ихъ въ сторону Хивы.

Все это произошло съ такою быстротою, что въ лагерѣ авангарда даже не успѣли сообразить, что такое происходитъ у пастбища. Однако, первымъ кинулся къ мѣсту тревоги батальонъ подполковника Гротенгельма и открылъ огонь по коннымъ хивинцамъ, порядочно далеко отогнавшимъ уже верблюдовъ. Въ то-же время явился съ дивизіономъ казаковъ и Скобелевъ. Хивинцы успѣли уже угнать табунъ за сады и были теперь совершенно скрыты ихъ зеленью. Лишь по гиканью и выстрѣламъ опредѣлилъ Скобелевъ, гдѣ находится непріятель и сейчасъ-же двинулся черезъ сады на перерѣзъ ему. Когда отрядъ выскакалъ на равнину, передъ нимъ оказалось болѣе тысячи хивинскихъ всадниковъ и съ полтысячи пѣхотинцевъ. Хивинская пѣхота, увидя русскихъ, заслонила собою конницу, но Скобелевъ, не обращая на нее вниманія, приказалъ подполковнику Квинитидзе, командиру прибывшихъ въ его отрядъ дагестанцевъ, ударить на первыхъ. Лихими бойцами показали себя дагестанцы. Они

врѣзались въ голову хивинской конницы и откинули ее назадъ. Въ то же время Скобелевъ бросилъ на пѣхоту сотни уральцевъ есаула Гуляева. Произошли жестокія схватки. Ни пѣхотинцы, ни всадники не выдержали удара и разбѣжались вразсыпную, но при бѣгствѣ они наткнулись на двѣ казачьихъ сотни, высланныхъ генераломъ изъ лагеря при первой тревогѣ, и были разбиты на голову.



ПОДКРАДЫВАЮТСЯ.
Картина В. В. Верещагина.

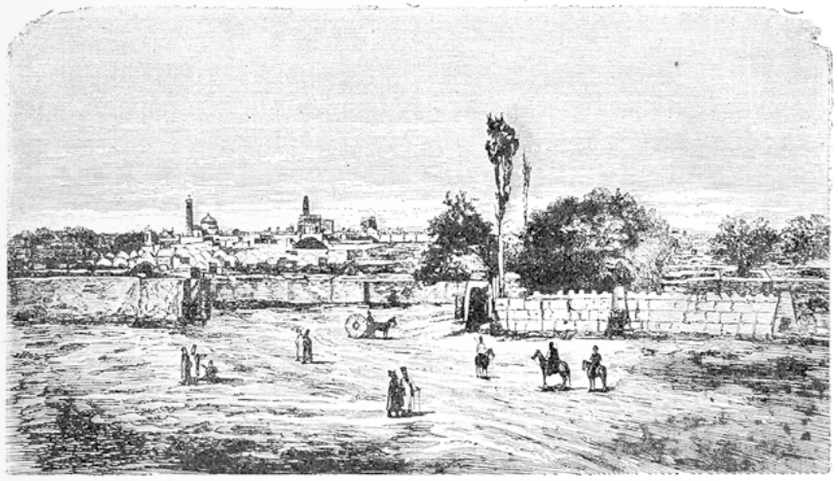
Верблюды, которыхъ хивинцы угнали около четырехсотъ штукъ, были отбиты и изъ нихъ потеряно всего около семидесяти, раненыхъ и искалѣченныхъ при быстрой гоньбѣ черезъ арыки.

Въ дѣлѣ этомъ у русскихъ оказался одинъ убитый и девять раненыхъ.

Отдохнуть послѣ этого дѣла Михаилу Дмитріевичу опять не удалось. Веревкину нужно было узнать, въ

какомъ положеніи находится Хива, какого сопротивленія ждать русскимъ отъ ея защитниковъ и, вотъ только что кончилось утреннее дѣло, Скобелевъ получилъ приказаніе произвести тщательную рекогносцировку мѣстности подъ прикрытіемъ войскъ авангарда. Этотъ неутомимый человѣкъ пошелъ и на новое дѣло съ такою же охотой, какъ утромъ шелъ въ бой. Приказавъ пѣхотѣ авангарда быть готовою къ выступленію по первому требованію, онъ съ двумя сотнями казаковъ выдвинулся впередъ версты на двѣ. Здѣсь ему пришлось выдержать новый бой съ хивинцами, но онъ все-таки исполнилъ задачу и среди окружавшихъ Хиву садовъ нашелъ такую поляну, на которой могъ-бы стать лагеремъ весь авангардъ, т.-е. вся его пѣхота, конница и артиллерія. Отыскавъ такое мѣсто, онъ началъ отходить къ главнымъ своимъ силамъ.

Отступленіе, хотя бы оно вовсе не вызывалось пораженіемъ, всегда дѣйствовало ободряюще на полудикарей-степняковъ. Такъ было и теперь. Хивинцы отчаянно насѣдали на русскихъ и отъ нихъ пришлось отбиваться ружейнымъ огнемъ. Какъ бы то ни было, а Скобелевъ все-таки перевелъ авангардъ на избранное имъ мѣсто и послѣ этого отправился къ ген. Веревкину, рѣшившемуся на слѣдующій день штурмовать Хиву.



ОБЩІЙ ВИДЪ ГОРОДА ХИВЫ ВЪ 1873 г.

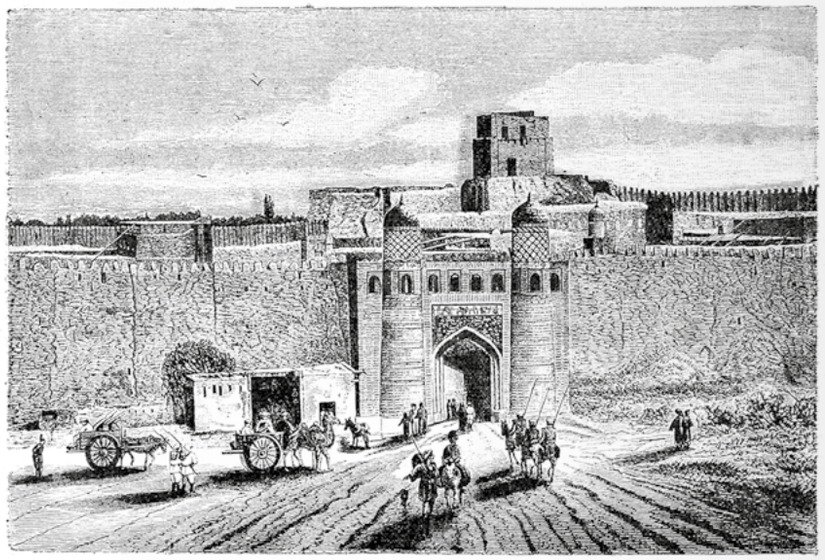
XI.

Сердце песчаныхъ пустынь.

ИВА—съ виду красивый, оригинальный городъ. Его стѣны съ башнями высоки. Ворота крытыя, также съ тяжелыми башнями по бокамъ. Изъ-за городскихъ стѣнъ высятся купола мечетей и минаретовъ, всюду зелень, сквозь которую мелькаютъ бѣлыми стѣнами городскія зданія.

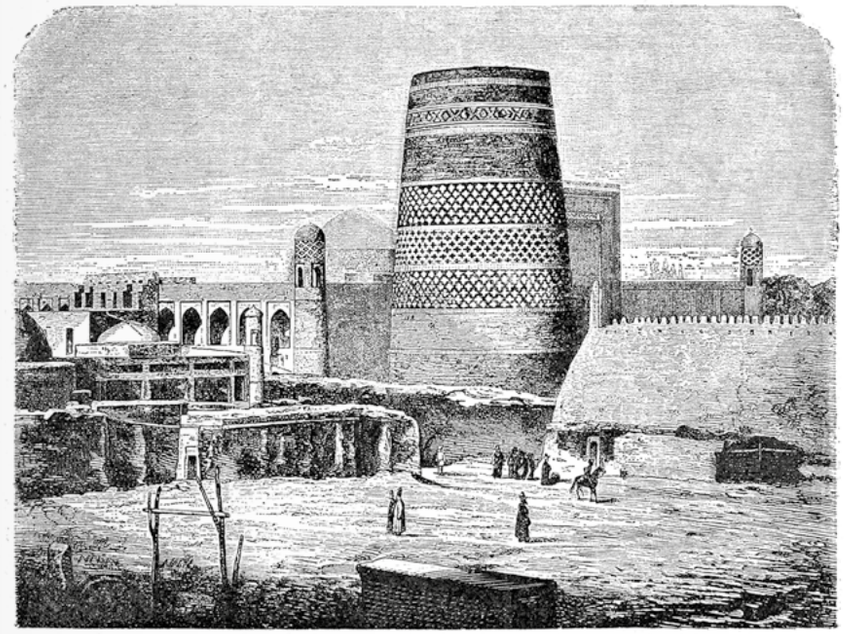
Но такова Хива издали. Если побывать въ ней, она представляется совсѣмъ иною. Во всемъ городѣ найдется не болѣе трехъ-четырехъ строеній, представляющихъ собою намекъ на какую бы то ни было архитектуру. Все остальное слѣплено изъ глины и представляетъ собою жалкій видъ...

Въ Хивѣ построено двѣ стѣны: одна снаружи, другая внутри города. Внутренняя стѣна съ частью города, которую она оцѣпляетъ, образуетъ цитадель въ одну милю длины и четыре мили ширины. За этой стѣной находится ханскій дворецъ, большая башня, нѣсколько медрессе, и почти всѣ общественныя зданія. Стѣна защищена четырьмя башнями и сооруженіе ея относится ко временамъ глубочайшей древности. Вѣроятно, цитадель и есть древнѣй-



ДВОРЕЦЪ ХАНА ВЪ ХИВѢ.

шая Хива, а все то, что явилось внѣ ея стѣны, уже позднѣйшаго происхожденія. Наружная-же стѣна Хивы построена въ 1842 г., когда Хива воевала съ Бухарою. Форма этой стѣны похожа на раковину устрицы съ нѣсколько удлиненнымъ узкимъ концомъ. Средняя вышина стѣны двадцать пять футовъ; толщина при вершинѣ около трехъ футовъ. Кромѣ стѣны городъ опоясываетъ ровъ, глубиною отъ трехъ до четырехъ саженъ. Кромѣ главныхъ воротъ Хазараспскихъ и Хазаватскихъ существовало еще пять другихъ входовъ или скорѣе проходовъ



МЕЧЕТЬ ХАНСКАГО ДВОРЦА ВЪ ХИВѢ.

черезъ наружную стѣну. Все пространство между стѣнами цитадели и наружною стѣною покрыто безобразнаго внѣшняго вида глиняными домами безъ оконъ, садами и гробницами. Улицы Хивы узки и часто не превышаютъ въ ширину полутора саженъ. Дома выходятъ на нихъ своими задними фасадами, грязными, голыми. Движенія на улицахъ никакого и даже одиночные прохожіе рѣдки.

Но невзрачны дома хивинцевъ только извнѣ. Внутри они устроены такъ, что удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ своихъ неприхотливыхъ хозяевъ. Зимой они теплы, въ лѣтній зной держатъ прохладу. Часто они бываютъ убраны съ большимъ комфортомъ, заставляющимъ позабывать объ ихъ жалкой внѣшности. Обыкновенно хивинскій домъ имѣетъ такое устройство. Съ улицы узкій проходъ ведетъ на просторный внутренній дворъ, посрединѣ котораго всегда устроенъ бассейнъ съ водой для домаш-

няго обихода. Вода въ этотъ бассейнъ проводится изъ маленькихъ каналовъ, кое-гдѣ прорѣзывающихъ сады. Въ эти каналы вода въ свою очередь проведена изъ двухъ большихъ каналовъ Чингери и Инарикъ, снабжающихъ водою весь городъ.

На большой дворъ хивинскаго дома выходятъ двери изъ всѣхъ жилыхъ помѣщеній. Внутреннихъ дверей въ нихъ нѣтъ, а изъ одного покоя въ другой иначе и нельзя пройти, какъ по двору. На южной сторонѣ двора устроенъ высокій портикъ, открытый съ сѣвера. Крыша его возвышается футовъ на десять надъ всей остальной стѣной и служитъ къ тому, чтобы захватывать вѣтеръ и спускать его во дворъ книзу въ знойные лѣтніе дни. Къ этому описанію слѣдуетъ прибавить еще, что во всѣхъ покояхъ хивинскаго дома постоянно царитъ полумракъ, кажущійся тьмою, если перейти въ него съ ослѣпительно яркаго дневного свѣта.

Ханскій дворецъ представляетъ собою рядъ тяжелыхъ растянутыхъ строеній съ зубчатыми глиняными стѣнами. Но неособенно приглядный внѣшній видъ дворца скрашивается знаменитой хивинской башней, стоящей около него. Башня эта футовъ тридцати въ діаметрѣ при основаніи и, постепенно суживаясь къ вершинѣ на высотѣ 125 футовъ, имѣетъ въ діаметрѣ не болѣе 15 футовъ. У башни нѣтъ ни пьедестала, ни капители, никакихъ другихъ украшеній. Это просто круглая башня, поставленная прямо на землю. Но поверхность ея вся покрыта изразцами голубого, зеленаго, пурпуроваго и бураго цвѣта, выложенными по снѣжнобѣлому грунту самыми разнообразными полосами и фигурами и въ своемъ общемъ цѣломъ производитъ на зрителя прекрасный эффектъ. Стѣны ея испещрены также изреченіями изъ Корана, и съ вершины ея ежедневно на закатѣ солнца раздается пронзительный голосъ муллы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ.

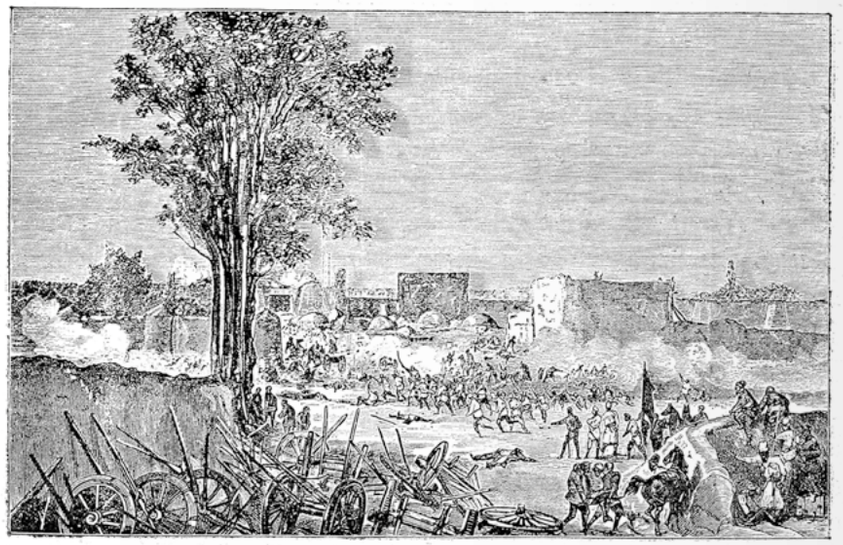
Самымъ великолѣпнымъ и въ то-же время священнымъ зданіемъ Хивы была мечеть Полвана-Ата,—святого мусульманъ, почитаемаго патрономъ Хивы. Расположена она въ глубинѣ сада и очень красива благодаря своему высокому куполу. Куполъ этотъ, имѣющій около шестидесяти футовъ высоты, покрытъ такими-же изразцами, какъ и большая городская башня, но только яркозеленаго цвѣта и заканчивается позолоченнымъ шаромъ. Внутренній видъ купола очень красивъ. Онъ весь выложенъ изразцами, украшенными тонкимъ голубымъ узоромъ въ перемежку съ изреченіями изъ корана. Изразцы такъ плотно пригнаны одинъ къ другому, что швовъ между ними вовсе не видно и общій видъ купола представляетъ какъ бы опрокинутую и вывернутую вазу изъ китайскаго фарфора.

Въ мечети помѣщены гробницы предшественниковъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахима, — того хивинскаго хана, при которомъ русскіе отряды явились впервые подъ стѣнами Хивы. Между ними здѣсь-же похороненъ и ханъ Ширъ-Гази, уничтожившій посланную на Хиву Императоромъ Петромъ Великимъ экспедицію князя Бековича-Черкасскаго. Противъ ханскихъ гробницъ находится гробница самого Полвана, въ честь котораго устроена мечеть, и основателя ея—хана Аллахъ-кули. За мечетью устроенъ пріютъ для олпитовъ, а на площади передъ дворцемъ два медрессе, т.-е. монастырь, соединенный вмѣстѣ съ училищемъ. Другихъ достопримѣчательностей въ Хивѣ того времени, какъ увѣряютъ путешественники, не было.

Генералъ Веревкинъ долго раздумывалъ, прежде чѣмъ рѣшился штурмовать Хиву. Нападенія 26 и 27 мая увѣрили его въ томъ, что туркестанскій отрядъ находится еще далеко. По мнѣнію генерала, если бы войска ген. Кауфмана подходили къ Хивѣ, хивинцы никогда не осмѣлились-бы не только нападать сами на русскихъ, но даже оказывать имъ сопротивленіе.

Въ полдень 28 мая штурмовыя колонны пошли къ

Хивѣ, но штурма не произошло. Хивинцы стрѣляли по русскимъ изъ своихъ пушекъ, русскіе отвѣчали имъ ружейнымъ огнемъ. Сдерживало Веревкина главнымъ образомъ то, что получены были извѣстія о приближеніи къ Хивѣ Туркестанскаго отряда, и генералъ не желалъ дѣйствовать рѣшительно безъ предварительныхъ распоряженій своего старшаго начальника. Кромѣ того онъ во время „дѣла“ былъ тяжело раненъ хивинскою пулею



дѣло 28 мая 1873 г. подъ стѣнами хивы.

и долженъ былъ, оставивъ командованіе на старшаго послѣ себя полковника Саранчева, уйти на перевязочный пунктъ.

Скобелевъ во время „дѣла 28 мая“ находился въ тылу при обозѣ, который приказано было ему охранять отъ внезапныхъ нападеній хивинскихъ всадниковъ и лишь къ концу схватки, послѣ того, какъ раненъ былъ ген. Веревкинъ, приблизился къ боевымъ линіямъ. Принять участія въ бою ему все-таки не удалось. Туркестанскій отрядъ ген. Кауфмана дѣйствительно подходилъ съ юга къ Хивѣ.

Ханъ прислалъ къ Кауфману посла и черезъ него заявилъ о своей покорности и готовности отдать и Хиву и все свое ханство на милосердіе русскаго государя. Это былъ самый лучшій исходъ, но въ ночь произошли совершенно неожиданныя событія. Большая часть хивинцевъ, тѣ изъ нихъ, кто явился сюда изъ пустынь, а не былъ постояннымъ жителемъ, объявили хану, что они не сдадутся русскимъ, а будутъ биться съ ними до послѣдней возможности. У Сеидъ-Мухамедъ-Рахима былъ соперникъ, желавшій стать ханомъ—Атаджакъ-тюря. Спасая свою жизнь, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ бѣжалъ, но не къ русскимъ. Его увѣрили, что пришлые туркмены перерѣжутъ въ ночь всѣхъ плѣнниковъ-русскихъ, и ханъ боялся, какъ бы Кауфманъ не обвинилъ его въ ги-

сеидъ-мухамедъ-рахимъ, ханъ хивинскій.

бели своихъ соотечественниковъ и не приказалъ его казнить. Между тѣмъ хивинцы удовольствовались изгнаніемъ хана, выбрали на его мѣсто Атаджака-тюрю, въ назначенный часъ вышли съ покорностью къ туркестанскому генералъ-губернатору, который стоялъ бивуакомъ въ двухъ верстахъ отъ города на Каналѣ Полванъ-ата и уже соединился съ нѣкоторыми частями отряда генерала Веревкина.

Хотя ген. Кауфманъ сейчасъ-же замѣтилъ, что настоящаго хана нѣтъ среди вышедшихъ къ нему на встрѣчу депутатовъ, но, не желая терять время, принялъ изъявленія покорности и приказалъ войскамъ идти къ Хазараспскимъ воротамъ Хивы.

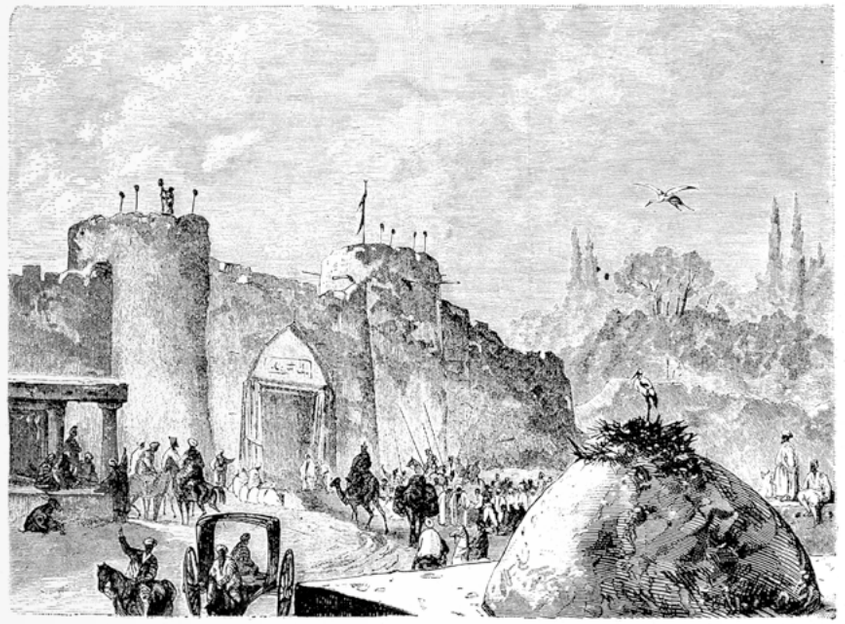
День уже разгорался, становилось жарко, войска шли, укутанныя облаками пыли. Съ музыкой подошли они къ широко раскрытымъ для ихъ пріема Хазараспскимъ воротамъ. На стѣнахъ толпились хивинцы, махавшіе шапками въ знакъ привѣта. Но только-что подошли туркестанскія войска, съ противоположной стороны Хивы загремѣли пушечные выстрѣлы и послышалось русское ура... Разомъ смолкла музыка, войска остановились, встревоженный ген. Кауфманъ послалъ узнать, въ чемъ дѣло.

Для привычнаго воина ясно было, что на другой, противоположной сторонѣ Хивы происходитъ бой...

Такъ было и въ дѣйствительности...

Командовавшій отрядомъ, шедшимъ съ сѣвера, былъ, какъ уже извѣстно, раненъ, и буйная часть населенія Хивы приняла это за блестящій успѣхъ. Наивные полудикари думали, что у русскихъ, какъ и въ ихъ степяхъ, потеря вождя заставитъ нападающихъ разойтись въ разные стороны. Не обращая вниманія на то, что подходили уже туркестанскія войска, они начали со своихъ стѣнъ стрѣлять въ стоявшихъ за рвомъ русскихъ. А тамъ былъ Скобелевъ. Зная отъ ген. Веревкина, что часть хивинцевъ не желаетъ сдачи города, онъ побоялся упустить удобный моментъ.

Стояли русскіе передъ Хазаватскими воротами и ворота были закрыты. Скобелевъ, съ которымъ былъ другой молодой и храбрый офицеръ гр. Шуваловъ, приказалъ сбить ихъ пушечными выстрѣлами. Ворота были разбиты, и Скобелевъ съ Шуваловымъ во главѣ тысячи человѣкъ солдатъ бросились на приступъ, осыпаемые со стѣнъ



ХАЗАВАТСКІЯ ВОРОТА ВЪ ХИВѢ.

ручными гранатами и ружейными пулями. Шуваловъ былъ сильно контуженъ упавшимъ бревномъ, четырнадцать солдатъ было ранено, но туркмены все-таки были сбиты со стѣнъ и разсѣялись по улицамъ, все еще продолжая стрѣлять по русскимъ.

Скобелевъ подъ выстрѣлами велъ солдатъ и остановился только тогда, когда дошелъ до ханскаго дворца. Здѣсь онъ получилъ строгое приказаніе Кауфмана прекратить бой, и вскорѣ до слуха его солдатъ донеслись величественные звуки русскаго народнаго гимна, съ которымъ

русскіе вошли и въ покорившійся имъ, и въ завоеванный ими городъ, цѣлые вѣка бывшій сердцемъ песчаныхъ пустынь.

Такъ послѣ пяти неудачныхъ попытокъ завладѣть ею, пала Хива и пала столько-же предъ великою мощью русскаго оружія, сколько и предъ великимъ миролюбіемъ всемогущихъ завоевателей.

XII.

На юмудовъ.

ПАЛА Хива. Подъ зеленью ея садовъ сошлись наконецъ три отряда, одолѣвшіе своимъ подвигомъ не только людей, но и саму природу: тѣ непроходимыя безводныя пустыни, которыя защищали Хиву болѣе надежно, чѣмъ всѣ первоклассныя крѣпости. Новое прекрасное царство и новый народъ присоединились къ тѣмъ, которые признавали своимъ повелителемъ русскаго бѣлаго царя...

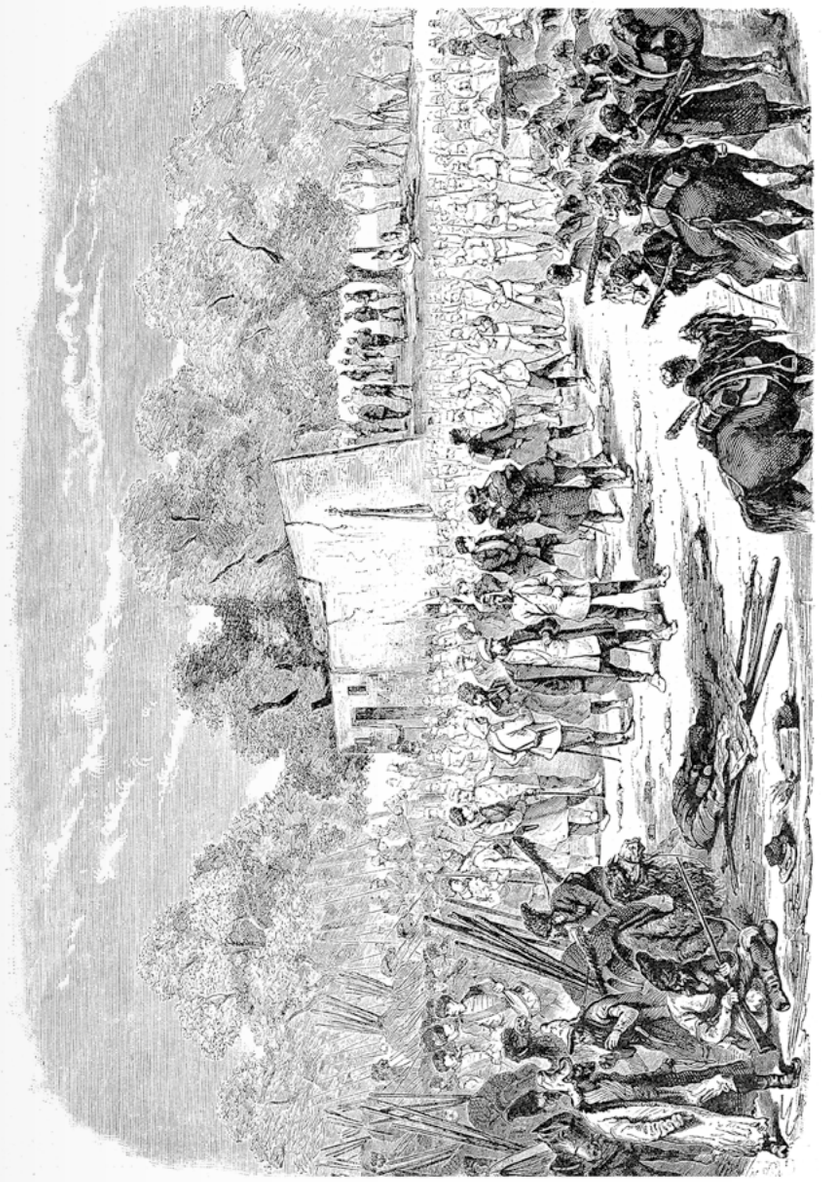
Ген. Кауфманъ былъ „пораженъ и возмущенъ“ устроеннымъ Скобелевымъ штурмомъ Хазаватскихъ воротъ. Только заступничество ген. Веревкина избавило молодого офицера отъ непріятностей со стороны всемогущаго ярымъ-падишаха.

Тѣмъ не менѣе штурмъ, произведенный Михаиломъ

Дмитріевичемъ, имѣлъ несомнѣнное вліяніе на туркменовъ. Они увидали, что съ ними русскіе и ласковы и добры только тогда, когда они добровольно покоряются имъ. Малѣйшее-же противленіе ведетъ за собой немедленное возмездіе. На такіе, еще не вступившіе на путь цивилизаціи народы можетъ дѣйствовать только одна сила, и Скобелевъ показалъ русскую силу въ то время, когда его высшій начальникъ показалъ покорнымъ хивинцамъ русское милосердіе.

Но какъ бы то ни было, а Хива все-таки была покорена. Возвратился въ свой дворецъ ея прежній ханъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ, возстановился порядокъ, освобождены были рабы-плѣнные, и навсегда въ хивинскомъ ханствѣ уничтожено было рабство. Русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ оказалось немного, за то персіанъ было безъ числа. Участь этихъ послѣднихъ была особенно плачевна. Хивинцы смотрѣли на нихъ какъ на животныхъ, даже хуже чѣмъ на животныхъ. Вѣчно въ цѣпяхъ, на ночь приковываемые то къ стѣнѣ, то къ особымъ врытымъ въ землю столбамъ, эти несчастные влачили самое жалкое существованіе. Какъ они прославляли русскихъ, когда были освобождены! Большинство изъ этихъ освобожденныхъ было отправлено обратно въ Персію и лишь немногіе остались въ Хивѣ, но уже какъ свободные люди...

Хивинцы легко примирились съ своей участью. Они ожидали, что побѣдители разгромятъ завоеванный городъ, истребятъ всѣхъ его жителей, и вдругъ вмѣсто ожидаемаго погрома они встрѣтили отъ русскихъ только ласку, только добро. Ничего не брали у нихъ русскіе насильно, за все взятое сейчасъ-же выплачивались деньги звонкой монетою, никакихъ обидъ не чинили, а въ то же время всѣ безъ исключенія хивинцы знали, что въ случаѣ какой-либо обиды учрежденный ярымъ-падишахомъ судъ „правдивый и милостивый“ разберетъ дѣло, покаретъ виновнаго, утѣшитъ обиженнаго.



СОЕДИНЕНІЕ ТУРКЕСТАНСКАГО, ОРЕНБУРГСКАГО И КАВКАЗСКАГО ОТРЯДОВЪ ПОДЪ ХИВОЮ.

Но степи и пески далеко не такъ отнеслись къ русскимъ, какъ хивинцы.

На западныхъ окраинахъ хивинскаго оазиса, на оконечностяхъ большихъ каналовъ, выходящихъ изъ Аму-Дарьи, кочевали туркменскія племена, отличавшіяся дикими, хищническими наклонностями. За туркменскими землями начинались уже пустыни и пески, уйдя въ которые туркмены чувствовали себя въ полной безопасности отъ какого-бы то ни было врага. Совсѣмъ не далеко отъ Хивы по Хазаватскому каналу жили, т.-е. кочевали, туркмены-юмуды племени Байрамъ-шалы, а къ сѣверу отъ Хивы у г. Куня-ургенчъ—туркмены-юмуды племени Карачахъ. Это были два сильнѣйшихъ туркменскихъ племени, державшихъ въ страхѣ даже Хиву. Ближе къ пескамъ стояли два большіе туркменскіе города Кизыль-такаръ и Ильяллы, изъ которыхъ послѣдній являлся какъ-бы центромъ для всѣхъ туркменскихъ племенъ и хивинскаго оазиса и песчаныхъ пустынь.

Когда Хива была занята, юмуды выслали своихъ старшинъ съ изъявленіями покорности, но вскорѣ вообразили, что русскіе недостаточно сильны для борьбы съ ними. Когда вмѣстѣ со всѣми жителями они были обложены повинностями, то они-же первые отказались нести ихъ, отказались доставлять провіантъ и повели себя такъ, что ген. Кауфману пришлось отправить въ туркменскія области сильный отрядъ подъ командой генерала Головачева съ тѣмъ, чтобы занять Кизиль-такаръ и Ильяллы и принудить туркменъ къ уплатѣ повинностей и кромѣ того еще пени за ослушаніе. Юмуды рѣшились оказать русскимъ сопротивленіе, и въ Хиву пришло извѣстіе, что у города Кизиль-такаръ собралось ихъ до ста тысячъ.

Генералъ Головачевъ съ своимъ отрядомъ вошелъ въ туркменскія области, а въ то же время въ Куня-ургенчъ былъ посланъ оренбургскій отрядъ, которымъ командовалъ теперь полковникъ Саранчевъ.

Запылали становища юмудовъ, какъ только вступилъ на ихъ землю русскій отрядъ. Юмуды, хотя и не ожидали такого быстраго появленія русскихъ, но успѣли собрать свои пожитки и бросились бѣжать въ глубь страны. Ихъ по пятамъ преслѣдовала русская конница. Въ особенности упорное преслѣдованіе велось за туркменскимъ станови-

ГЕНЕРАЛЪ ГОЛОВАЧЕВЪ,
НАЧАЛЬНИКЪ ТУРКЕСТАНСКАГО ОТРЯДА.

щемъ Бузгуменъ, гдѣ казаки почти что настигли бѣглецовъ. Напрасно туркмены пытались выстрѣлами остановить русскихъ лихихъ наѣздниковъ. Казаки, какъ безумные, мчались впередъ, врубаясь въ толпы непріятеля, давя ихъ копытами своихъ лошадей. Тогда все туркменское скопище: мужчины, женщины, дѣти, на коняхъ, на верблюдахъ, пѣшіе—въ паническомъ ужасѣ устремились впередъ. Какое-то степное озеро преградило имъ дорогу.

Обезумѣвшіе отъ смертельнаго страха люди, ничего не разбирая, кинулись прямо въ него. Когда къ озеру подскакали, глазамъ ихъ представилась страшная картина. Глубокій и быстрый протокъ былъ буквально запруженъ гибнувшими въ немъ людьми. Потонуло въ немъ около двухъ тысячъ человѣкъ, но тѣ, кто успѣлъ перебраться, сейчасъ-же начинали изъ-за озера стрѣлять по русскимъ.

Степь передъ озеромъ представляла зрѣлище тоже необычайное. Пущенныхъ въ аттаку казаковъ было пять сотенъ и они неслись по степи въ двѣ линіи. Всюду слышались вопли и крики, раскаты залповъ изъ ружей. Линіи казаковъ скоро были прорваны брошенными на пути арбами со всякимъ домашнимъ скарбомъ. Покинутыя безъ пастуховъ стада овецъ и козъ мѣшали движенію. Вездѣ были груды труповъ, корчились раненые. Вотъ туркменъ лежитъ на пескѣ съ головой, пробитой пулею, немного дальше казакъ свалился съ ужасной сабельной раной на лицѣ. Тамъ нѣсколько женщинъ съ тремя, четырьмя дѣтьми сидятъ, жалобно плача, рыдая, моля о пощадѣ. Еще дальше цѣлая куча арбъ и телѣгъ, ковровъ и одѣялъ, перемѣшанныхъ съ мѣшками, наполненными зерномъ, огромными узлами и вьюками, кухонной посудой и всякой рухлядью...

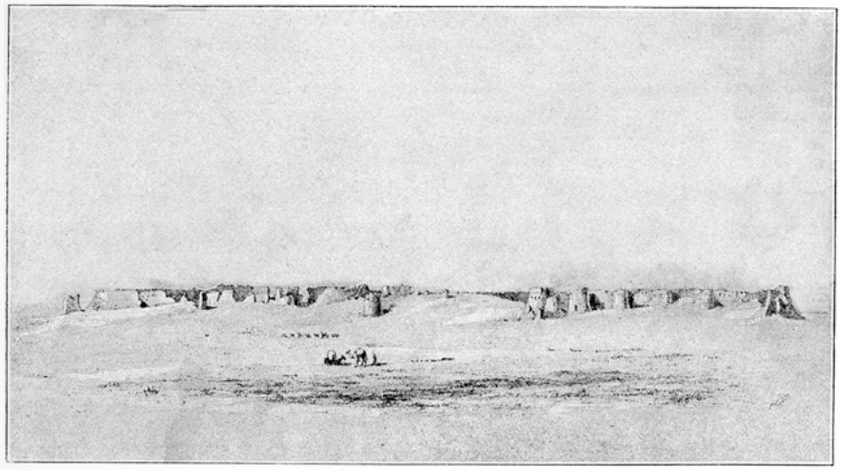
Въ семь часовъ вечера кончено было преслѣдованіе (дѣло это происходило 9 іюля), и на другой день отрядъ пошелъ далѣе по Хазаватскому каналу. 13 іюля онъ остановился въ Змукширѣ, туркменской крѣпости, откуда ген. Головачевъ послалъ въ Ильяллу юмудамъ сказать, чтобы они покорились и шли къ нему съ повинною.

Однако, юмуды крѣпко надѣялись на свою численность.

— Насъ не одна тысяча, а сто!—отвѣтили они русскому генералу,—вы вторглись въ нашу страну и жестокое будетъ вамъ за это наказаніе.

Послѣ такого отвѣта Головачевъ рѣшился идти далѣе.

15-го іюля у становища Чандыръ на русскій отрядъ опрокинулось десятитысячное скопище черкесовъ. Нападеніе было отчаянное. Каждый всадникъ везъ на своемъ конѣ еще одного товарища. Подскакавъ прямо къ русскому отряду, послѣдніе быстро сходили съ коня и, надвинувъ на глаза свои высокія шапки, съ одною лишь шашкою въ рукахъ кидались прямо въ бой. Рукопашная схватка была такъ горяча, что даже офицерамъ приходилось от-



КРѢПОСТЬ ЗМУКШИРЪ.

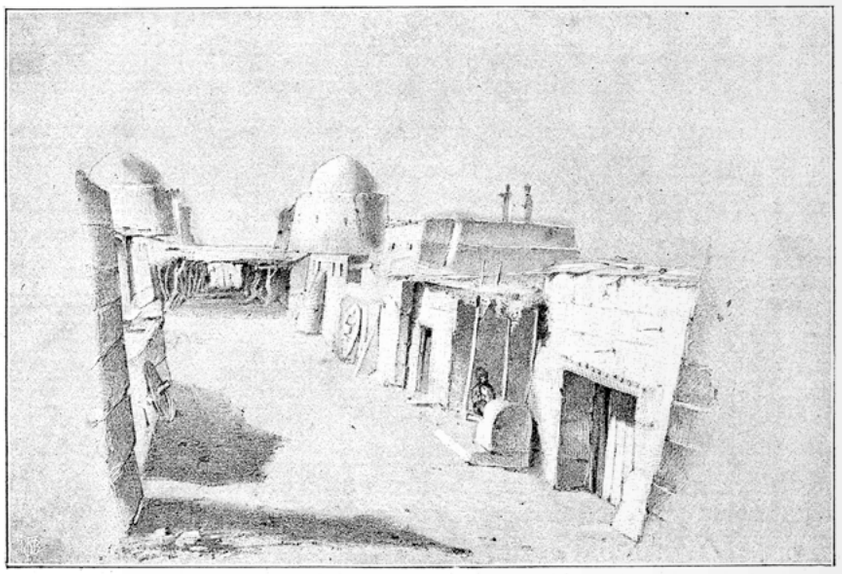
биваться отъ нападавшихъ холоднымъ оружіемъ. Убитъ былъ подполковникъ Есиповъ, лихой командиръ восьмой оренбургской сотни; раненъ сабельнымъ ударомъ самъ начальникъ отряда Головачевъ и еще нѣсколько офицеровъ. Трое солдатъ было убито, тридцать два ранено. Только пушки заставили разсѣяться всю эту массу. Отъ картечи юмуды бѣжали, оставивъ на полѣ битвы до восьмисотъ убитыхъ...

Но и этотъ урокъ не подѣйствовалъ. Юмуды не покорялись, и вплоть до Ильяллы головачевскому отряду пришлось идти, выдерживая постоянно нападенія, впрочемъ не столь упорныя, какъ подъ Чандыромъ.

Передъ Ильяллы отрядъ Головачева соединился съ оренбургскимъ отрядомъ, а вскорѣ послѣ этого оба соединившіеся отряда повелъ самъ ген. Кауфманъ, приведшій еще десять ротъ съ 8-ю орудіями.

Скобелевъ участвовалъ въ этомъ походѣ на юмудовъ, но не какъ начальникъ, а какъ рядовой офицеръ.

Скоро, однако, ему представился случай отличиться...



ВИДЪ Г. ИЛЬЯЛЛЫ.

XIII.

За первымъ Георгіемъ.

ОГДА въ лагерѣ подъ Ильяллы собрались три русскихъ отряда, юмуды поняли, наконецъ, что сопротивленіе невозможно... Старшины всѣхъ юмудскихъ и вообще туркменскихъ родовъ явились съ просьбой о помилованіи. Ген. Кауфманъ сдѣлалъ для нихъ все, что было возможно; разсрочилъ уплату повинностей и пени, предоставилъ вносить ихъ не только золотомъ и серебромъ, но погашать платежи, доставляя верблюдовъ, провіантъ и даже, но это уже послѣ того, какъ онъ убѣдился, что дикари дѣйствуютъ искренно, уменьшилъ взыскиваемую съ нихъ сумму въ 310 т. руб. почти на двѣ трети.

Юмуды были успокоены и нельзя было сомнѣваться болѣе въ ихъ покорности. Въ туркменскихъ степяхъ

отряду нечего было дѣлать болѣе и ген. Кауфманъ повелъ свои отряды обратно къ Хивѣ.

Когда подошли къ Змукширу по всему отряду прошелъ слухъ, что подполковникъ Скобелевъ затѣваетъ совсѣмъ немыслимое дѣло...

Красноводскій отрядъ полковника Маркозова, четвертый изъ направленныхъ подъ Хиву, не дошелъ до нея и отъ колодцевъ Орта-кую долженъ былъ во избѣжаніе гибели вернуться обратно. Часть песковъ оставалась не изслѣдованною и вотъ это-то изслѣдованіе предпринималъ Скобелевъ.

— Да вѣдь это-же невозможно!—говорили въ отрядахъ по поводу этой развѣдки. — Пески непроходимы. Какіе колодцы, есть-ли они тамъ, на какомъ разстояніи другъ отъ друга, это неизвѣстно... Тамъ, можетъ быть, такіе безводные переходы, что съ ума отъ муки сойдешь...

— А Кауфманъ все-таки разрѣшилъ Скобелеву эту рекогносцировку!—возражали болѣе освѣдомленные.

— Что онъ разрѣшилъ, еще не значитъ, чтобы задача была исполнима... Помилуйте, цѣлый отрядъ дойти не могъ, а тутъ... Потомъ по пескамъ во всѣхъ направленіяхъ бродятъ туркмены въ особенности теперь, когда мы ихъ распугали съ насиженныхъ мѣстъ. Долго-ли до грѣха: попадешься имъ въ лапы,—одинъ конецъ—голова съ плечъ... Безумный рискъ!..

Вѣроятно, и самъ Михаилъ Дмитріевичъ думалъ то-же, но онъ все-таки рѣшился на опаснѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ развѣдку...

Было шесть часовъ утра четвертаго августа 1873 г., когда изъ русскаго лагеря подъ Змукширомъ выѣхало шестеро туркменъ... Весь лагерь сошелся провожать ихъ. Даже самъ суровый Кауфманъ выѣхалъ со свитой и, пожавъ руку одному изъ „туркменъ“, отрывисто произнесъ:

— Желаю возвращенія, но на всякій случай прощайте!

Мнимый туркменъ былъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Спутниками его были казакъ-уралецъ Андрей Лысмановъ и преданный слуга Михаила Дмитріевича Козловскій, мѣщанинъ Николай Игнатьевъ, остальные трое были настоящіе туркмены—проводники-джигиты: Назаръ, Нефесъ-Мергенъ и Дурды. Кони подъ ними были лихіе, выносливые, настоящіе туркменскіе степняки. Кромѣ верховыхъ лошадей было еще четыре вьючныхъ, несшихъ на себѣ провіантъ и бурдюки съ водою.

Лысмановъ и Игнатьевъ ѣхали послѣдними; проводники были впереди, Скобелевъ—между ними.

— Помоги, Господи, вернуться! — набожно перекрестился Игнатьевъ, оборачиваясь назадъ, чтобы взглянуть на восходящее солнце.

— Никто, какъ Богъ!—согласился съ нимъ Лысмановъ,—только и на командира надѣйся тоже: онъ у насъ лихой—съ нимъ не пропадешь'..

— Одного только боюсь, встрѣтятся намъ джигиты, сразу въ немъ не своего признаютъ!..—сказалъ Игнатьевъ,—ишь, онъ какой чистый да бѣлый...

Въ Скобелевѣ, несмотря на пестрый халатъ и высокую баранью шапку, дѣйствительно, трудно было-бы признать питомца безводныхъ пустынь. Да и посадка его на конѣ была совсѣмъ не туркменская...

Лагерь тѣмъ временемъ скрылся уже изъ виду, во всѣ стороны отъ путниковъ разстилалась голая равнина, твердая, глинистая, потрескавшаяся отъ палящаго зноя. Ни малѣйшаго признака жизни не замѣчалось въ ней. Тоска охватывала человѣка при одномъ только взглядѣ на эту безпредѣльную даль, таившую въ себѣ невѣдомыя опасности. Спутники Скобелева смолкли; видно, и ихъ сердца томила тоска, и ихъ мучили думы о томъ, что ждетъ ихъ впереди... Присмирѣли и привычные джигиты. Пустыня и ихъ давила своимъ безлюдьемъ. Только Михаилъ Дми-

тріевичъ держался бодро. Лишь брови его были нахмурены, да глаза какъ-то особенно пристально смотрѣли въ стлавшуюся передъ ними безжизненную даль...

Въ тоскливомъ молчаніи ѣхали путники по пустынѣ почти шесть часовъ. Останавливались лишь изрѣдка, чтобы подтянуть подпругу, поправить сѣдло. Тогда лѣниво перебрасывались нѣсколькими словами, потомъ снова вскакивали на коней и продолжали путь... Къ счастію смѣльчаковъ, они не повстрѣчали ни одного человѣка. Даже признаковъ туркменъ не было. Попадись же они на глаза дикимъ сынамъ пустыни, не сдобровать-бы имъ: гибель при такой встрѣчѣ была неизбѣжна...

Къ полудню добрались до колодцевъ Чаталъ. Передъ истомленными путниками былъ маленькій оазисъ. Около колодцевъ была кое-какая зелень, даже трава пробилась здѣсь изъ-подъ песку. Вода оказалась сносною и даже вкусною; словомъ у этихъ колодцевъ Скобелевъ нашелъ то, чего и не ожидалъ...

Съ наслажденіемъ путники отдыхали въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ колодцевъ. Присутствіе въ изобиліи воды подъ почвой дѣлало землю нѣсколько прохладною и лежать можно было, не повертываясь то и дѣло съ боку на бокъ. Лысмановъ и Игнатьевъ, позавтракавъ сухарями, даже вздремнули.

Вдругъ одинъ изъ проводниковъ вскочилъ на ноги и изъ-подъ руки сталъ напряженно вглядываться въ даль. Тамъ видны были три движущіяся точки. Къ наблюдавшему ихъ туркмену присоединились его товарищи и быстро заговорили на своемъ гортанномъ нарѣчіи.

„Туркмены!“ — съ быстротой молніи промелькнула мысль у каждаго изъ русскихъ и ихъ руки невольно потянулись къ револьверамъ.

— Спи, тюря, спи, урусъ,—лепеталъ между тѣмъ подбѣжавшій къ нимъ Назаръ,—спи, мы обманемъ ихъ... ничего не бойся...

Точки между тѣмъ все росли и росли. Ясно были видны трое туркменъ свирѣпаго вида, скакавшихъ прямо къ колодцамъ. Справиться съ ними шестерымъ путникамъ, да еще прекрасно вооруженнымъ, конечно, было не трудно. Но эти туркмены могли быть только передовыми; гдѣ нибудь по-близости могла быть большая ихъ партія. На выстрѣлы, на шумъ борьбы, наконецъ, просто удивленные исчезновеніемъ своихъ, могли прискакать къ Чаталу остальные и тогда смерть и смерть мучительная была-бы неизбѣжна. Скобелевъ рѣшилъ исполнить совѣтъ Назара и, укутавшись съ головой, прикинулся спящимъ. Его русскіе спутники послѣдовали его примѣру. Джигиты-же, лихо вскочивъ на своихъ коней, помчались на встрѣчу подъѣзжавшимъ уже къ маленькому оазису дикарямъ.

Выглядывая изъ-подъ своихъ одеждъ, русскіе видѣли, что туркмены встрѣтились, какъ друзья. Разговоръ ихъ сопровождался оживленной жестикуляціей. Опять невольно вздрогнуло въ груди троихъ русскихъ сердце. Что если проводники окажутся предателями и выдадутъ ихъ своимъ землякамъ? Но этого не случилось. Джигиты оказались вѣрными людьми. Разговаривая, они подвели своихъ степныхъ знакомцевъ къ самому дальнему изъ трехъ колодцевъ и тѣ, напоивъ тамъ лошадей, распрощались съ встрѣченными проводниками русскихъ и умчались куда-то въ сторону.

Величайшая опасность миновала...

Послѣ джигитъ Назаръ, радуясь, какъ дитя, разсказывалъ Скобелеву и его спутникамъ, что онъ выдалъ себя за купца, нагоняющаго съ своими служителями вышедшій уже въ пески караванъ. Тѣ были такъ простодушны, что вполнѣ повѣрили этому объясненію и удалились, даже не поинтересовавшись тремя мнимыми служителями джигита Назара...

Благодаря этой встрѣчѣ отдыхъ у колодца затянулся нѣсколько долѣе, чѣмъ предполагалъ Скобелевъ. Во вто-

ромъ часу дня пустился далѣе маленькій караванъ. Характеръ мѣстности нѣсколько измѣнился и теперь передъ путниками была ровная солончаковая степь, пересыпанная мѣстами буграми и холмами сыпучаго песку. Вода, здѣсь и признаковъ не было. Даже обычныхъ ямъ, куда набиралась во время весеннихъ и осеннихъ дождей воды не замѣчалось. Такъ и пришлось заночевать въ этой пустынѣ подъ открытымъ небомъ среди безводной степи. Спали, приткнувшись другъ къ другу, но спали недолго. Передъ ночлегомъ найдены были слѣды большой туркменской партіи, направлявшейся, какъ увѣрялъ одинъ изъ проводниковъ, на колодцы Орта-кую, т.-е. туда же, куда держалъ свой путь и Скобелевъ. Это грозило опасностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось и удобствомъ. Можно было идти по слѣдамъ туркменъ даже ночью, не рискуя, благодаря этому, заблудиться среди пустыни.

Еще только-что началъ брезжить разсвѣтъ, а маленькій караванъ уже пустился въ путь. Сильно томила путниковъ жажда, но они не рѣшились тронуть запасы воды и предпочли напиться у колодцевъ Кизылъ-Чакыръ, до которыхъ нужно было пройти около сорока верстъ. А путь становился все болѣе и болѣе тяжелымъ. Солончакъ давалъ себя знать. Слюна во рту приняла солоноватый вкусъ, губы пересохли и жажда начинала съ каждой минутой мучить все сильнѣе. Зной томилъ нестерпимо и только силою воли держались эти люди на сѣдлахъ, лѣниво трусившихъ по солончаку, тоже истомленныхъ коней.

Наконецъ, по извѣстнымъ имъ однимъ примѣтамъ, проводники заключили, что Кизилъ-Чакыръ близко. Объявляя объ этомъ спутникамъ, они съ тревогою поглядывали на слѣды туркменъ. Слѣды были совсѣмъ еще свѣжіе. Изъ немногихъ русскихъ словъ, которыми перекидывались туркмены съ русскими, послѣдніе могли заключить, что проводники опасаются, какъ бы имъ не наткнуться у колодцевъ на передовую партію. Долго су-

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Съ фотографіи С. Левицкаго.

дили и рядили, какъ быть; наконецъ, порѣшили на томъ, чтобы двое изъ проводниковъ отправились къ колодцамъ и осмотрѣли ихъ прежде, чѣмъ идти всѣмъ. Такъ и сдѣлали. Остававшіеся сошли съ лошадей и образовали изъ себя группу, готовую въ случаѣ чего отразить всякое нападеніе. Къ счастью ожидать пришлось не долго, проводники вернулись и сообщили, что у Кизилъ-Чакыръ былъ на привалѣ цѣлый туркменскій аулъ, уходившій отъ русскихъ въ пески послѣ погромовъ, но туркмены уже снялись и вышли далѣе въ глубь пустыни. Однако, джигиты казались чѣмъ-то встревоженными и говорили между собою, все время покачивая головами. Когда Лысмановъ попробовалъ разспрашивать ихъ, они объяснили ему, что „скоро большой вѣтеръ будетъ“. Лысмановъ передалъ объ этомъ Игнатьеву, тотъ въ свою очередь поспѣшилъ сообщить эту новость Скобелеву. Михаилъ Дмитріевичъ только нахмурился, но энергично приказалъ идти какъ можно скорѣе къ колодцамъ. Онъ не выразилъ ни смущенія, ни боязни, хотя лучше своихъ спутниковъ понималъ, что такое значитъ въ пустынѣ „большой вѣтеръ“. Дѣйствительно, едва только успѣли добраться до колодцевъ, какъ началъ повѣвать легкій, прохладный вѣтерокъ. Лысмановъ и Игнатьевъ обрадовались ему. Они не замѣчали того, что при каждомъ порывѣ вѣтра степь начинала какъ-то странно шевелиться. Словно волненіе прошло по песчаному морю.

— Ложись, тюря, ложись!—понукали русскихъ проводники,—бѣда идетъ!

— Что тамъ за бѣда!—безпечно пробовалъ возражать казакъ,—бѣда бѣдой, а коней насытить нужно... Спасибо вашимъ: ишь сколько для насъ всякой всячины оставили!

Туркменскій аулъ повидимому спѣшилъ поскорѣе уйти въ пески. Около колодцевъ въ изобиліи оставался кормъ для лошадей, приготовленный туркменами, но не захваченный ими съ собой.

— Послѣ, послѣ,—настаивалъ джигитъ,—туда посмотри!

Онъ указалъ впередъ.

Изъ дали, недавно еще безпредѣльной и прозрачной, прямо на смѣльчаковъ двигалась стѣна. Словно изъ-подъ земли поднималась она и тянулась въ вышину къ небу. Казалось, кто-то невидимый вдругъ спустилъ надъ землею гигантскій занавѣсъ и этотъ занавѣсъ съ ужасающей быстротою надвигался на смѣлыхъ путниковъ.

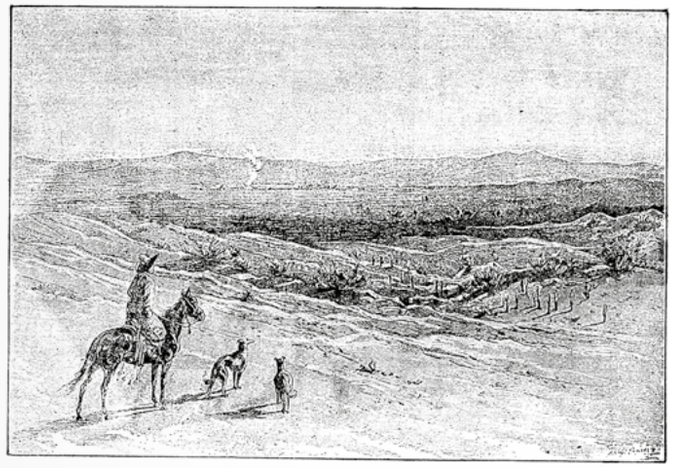
— Господи помилуй, да что-же это такое?—съ испугомъ вскрикнулъ Игнатьевъ.

— Ложиться! живо!—раздался окликъ самого Михаила Дмитріевича.—Головы закутать, ничкомъ ложись!..

Вѣтеръ крѣпчалъ. Шквалы становились все сильнѣе, грозная стѣна подвигалась все ближе; перепуганныя лошади дрожали и покорно ложились на землю; двое изъ джигитовъ хлопотали около колодцевъ, стараясь прикрыть ихъ чѣмъ подъ руку попало. Наконецъ, люди и лошади всѣ сбились въ одну кучу. Попоны, халаты, захваченные изъ Змукшира ковры окутывали ихъ. Вѣтеръ уже свистѣлъ, ревѣлъ, стоналъ и вдругъ песчаные облака совсѣмъ окутали собою путниковъ...

Предсказанный туркменами „большой вѣтеръ“ поднялъ на воздухъ цѣлыя тучи песку и песчаной пыли. Около четырехъ часовъ ревѣла песчаная буря. Когда стихла она, маленькій караванъ былъ засыпанъ весь. Больше часа пришлось выбираться изъ-подъ грудъ песку, а когда выбрались, солнце на далекомъ небѣ горѣло попрежнему, зной палилъ такъ-же, пустыня была безмолвна, но жалкіе кустики, росшіе у колодцевъ, исчезли: надъ каждымъ изъ нихъ выросли горы песку. Люди и животныя, выдержавшіе эту бурю, были измучены до крайности. Даже Михаилъ Дмитріевичъ и тотъ казался истомленнымъ и еле держался на ногахъ. Къ счастью, благодаря принятымъ предосторожностямъ, колодцы не были засыпаны и драгоцѣнная влага сохранилась.

Нѣсколько освѣжившись, напоивъ лошадей, маленькій караванъ опять пустился въ путь. Характеръ пустыни измѣнился. То дорогу прерывали сыпучіе пески, переходить черезъ которые приходилось съ величайшимъ трудомъ, ведя лошадей на поводу, то среди солончака вдругъ выростали холмы съ крутыми подъемами. Вездѣ песокъ былъ рыхлый и глубокій, ноги и людей и животныхъ вязли въ немъ и движеніе впередъ замедлялось. Но какъ



ПУСТЫНЯ.

бы то ни было, а въ восьмомъ часу вечера предъ путниками показались развалины когда-то большого туркменскаго города Шахъ-Сенемъ. Грустное впечатлѣніе производили эти руины! Видно было, что когда-то здѣсь было густое населеніе; арыки перерѣзывали по всѣмъ направленіямъ пустыню, какъ могильные памятники, стояли стѣны зданій, сохранившія въ себѣ слѣды причудливой восточной архитектуры. За Шахъ-Сенемомъ и пустыня нѣсколько оживлялась. Далѣе слѣдовали пески, извѣстные у туркменъ подъ названіемъ Янаджи. Эти пески не такъ безжизненны. Попадаются рощи саксаула; песчаные холмы, тянущіеся цѣпью, также поросли этимъ степнымъ расте-

ніемъ, но воды—воды не было... Драгоцѣнная влага была гдѣ-то глубоко, совсѣмъ глубоко подъ почвой и хотя въ пескѣ было нарыто множество ямъ, но на днѣ ихъ не оказывалось даже грязи—ямы были сухи и киргизы говорили, что вырыты онѣ лишь въ надеждѣ на сборъ дождевой воды.

У развалинъ Шахъ-Сенемъ долго не задерживались. Несмотря на наступленіе ночи, караванъ все-таки пошелъ впередъ. Ночевали среди песковъ въ безводной мѣстности и выступили снова, лишь только забрезжился разсвѣтъ. Впереди были колодцы Даудоръ, но Скобелевъ былъ предупрежденъ, что и тамъ врядъ-ли можно найти воду. Такъ и оказалось. Воду-то на этихъ колодцахъ найти было можно, но пришлось-бы врыться глубоко въ песокъ, а это совсѣмъ было не по силамъ маленькой развѣдочной партіи.

Запасы воды, взятые еще изъ Кизилъ-Чакыра, гдѣ ради этого были оставлены вьюки съ сухарями, были уже тронуты. Драгоцѣнной влаги оставалось всего-на-всего три бурдюка. Предъ Даудоромъ лошади такъ обезсилѣли, что ихъ пришлось вести въ поводу. Вся теперь надежда была на колодцы Орта-Кую, куда и стремился Скобелевъ. Въ Орта-Кую воды было много, но джигиты, поговоривъ между собой, объявили, что идти туда нельзя... По ихъ предположеніямъ, у Орта-Кую долженъ былъ стать на становище тотъ самый туркменскій аулъ, по слѣдамъ котораго шла развѣдочная партія вплоть до Кизилъ-Чакыра. Скобелевъ пробовалъ было настаивать и, повинуясь его приказаніямъ, партія пошла на явную опасность. Однако, ночь застала ихъ на половинѣ пути и джигитъ Назаръ посовѣтовалъ Михаилу Дмитріевичу вмѣсто Орта-Кую отклониться немного въ сторону и идти на колодцы Нефесъ-Кули. Онъ увѣрялъ, что эти послѣдніе посѣщаются кочевниками только случайно, а отъ нихъ до Орта-Кую всего два часа ходу на конѣ и если „тюря захочетъ, онъ, джигитъ Назаръ, проводитъ его туда“.

Доводы показались убѣдительными и Скобелевъ на этотъ разъ рѣшилъ послѣдовать совѣту проводника.

Седьмого августа въ восемь часовъ утра по глубокому, вязкому песку, то и дѣло перебираясь черезъ песчаные горы и барханы, добрались развѣдчики до Нефесъ-Кули. Но что-же? Всѣ предположенія Назара оказались ошибочными... У колодцевъ явно были видны слѣды пребыванія цѣлаго аула. Незадолго до появленія путниковъ здѣсь поились многочисленныя стада. Брошены были даже ведра съ веревками, что доказывало, что останавливавшіеся здѣсь намѣрены скоро возвратиться къ колодцамъ...

Въ самомъ дѣлѣ, не успѣли еще путники напиться сами и напоить животныхъ, вблизи колодцевъ показались два туркмена-пастуха... Съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу Назаръ и занялъ ихъ разговоромъ. Онъ сумѣлъ устроить такъ, что пастухи, поговоривъ съ нимъ, не пошли къ колодцамъ, а вернулись обратно. Возвратившись, Назаръ объявилъ, что ихъ каравану нужно уходить какъ можно скорѣе. Всего въ двухъ верстахъ отъ колодцевъ стоялъ туркменскій аулъ въ полтораста кибитокъ. Оказалось, что туркмены, какъ онъ и предполагалъ, прошли къ Орта-Кую, но тамъ на нихъ напали туркмены-текинцы, произошло сраженіе и пришельцы были прогнаны отъ колодцевъ. Уходя, они зарыли ихъ и лишь послѣ этого перешли къ Нефесъ-Кули.

Благоразуміе подсказывало, что должно послѣдовать совѣту Назара, уходить поскорѣе назадъ. Скобелевъ рѣшилъ, что задача его выполнена. Путь, остававшійся не изслѣдованнымъ, пройденъ и отмѣченъ имъ по картѣ, а потому и въ степи имъ болѣе дѣлать нечего.

Немного отдохнувъ, развѣдочная партія тронулась въ обратный путь.

Назадъ пошли, дабы не привлекать къ себѣ вниманія туркменъ, нѣсколько окружнымъ путемъ, но потомъ вышли на прежнюю дорогу къ Кизылъ-Чакыру, съ него на Змук-

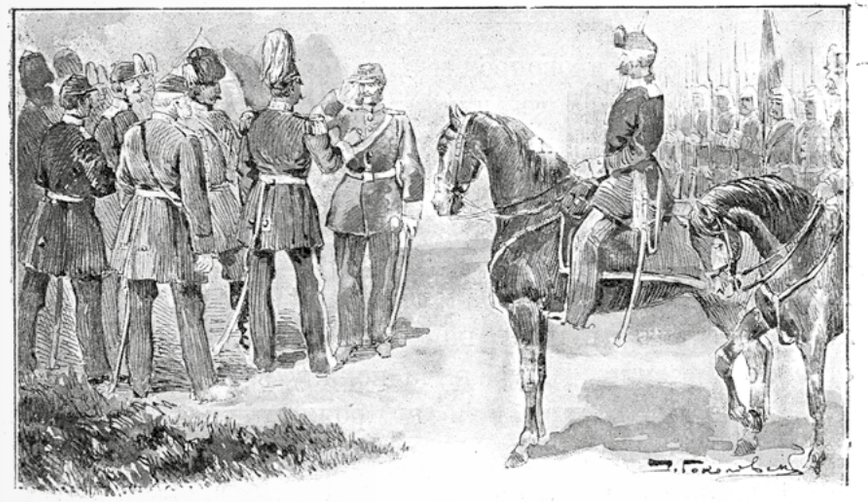
ширъ, а оттуда развѣдочная партія пришла прямо въ Хиву.

Въ семь дней Скобелевъ, постоянно рискуя жизнью, прошелъ слишкомъ шестьсотъ верстъ, съ успѣхомъ выполнивъ принятую на себя задачу.

За эту рекогносцировку онъ удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й степени.

Генералъ Кауфманъ, поздравляя Михаила Дмитріевича съ крестомъ, сказалъ:

— Вы исправили въ моихъ глазахъ ваши прежнія ошибки!



XIV.

Въ новыхъ мѣстахъ.

КОНЧЕНЪ былъ труднѣйшій походъ, прославившій и молодыя туркестанскія войска и старыхъ кавказскихъ воиновъ.

Настали дни мира, но не по душѣ была эта пора Михаилу Дмитріевичу. Въ пескахъ дикой Туркменіи закалилась его душа. Шумъ битвъ сталъ для него необходимъ и вотъ прямо изъ Хивы Скобелевъ, уже полковникъ и флигель-адъютантъ, перенесся въ Испанію, гдѣ шла междоусобная война изъ-за королевскаго престола. Считавшій себя его законнымъ наслѣдникомъ принцъ донъ-Карлосъ увлекъ за собой часть горскаго населенія и началась война кровавая, упорная. Скобелевъ оказался среди карлистовъ. Онъ явился сюда не сражаться, а любоваться картиною войны.

Часто во время кровопролитныхъ сраженій онъ сидѣлъ на камнѣ прямо подъ пулями и заносилъ въ записную книжку свои замѣтки. Былъ случай, что Скобелевъ смогъ остановить бѣжавшихъ съ поля трусовъ и повелъ ихъ назадъ въ бой. Другой разъ онъ спасъ пушку, лошади которой сорвались съ кручи. Среди приверженцевъ донъ-Карлоса былъ распространенъ даже слухъ, что Скобелевъ присланъ къ нимъ на помощь... Кажется, это и заставило Михаила Дмитріевича покинуть Испанію.

Но вскорѣ по прибытіи на родину для него опять нашлось дѣло по душѣ.

Подчинены были Россіи Бухара и Хива, часть кокандскаго ханства стала уже русскимъ достояніемъ, но та часть кокандцевъ, которые сохранили свою самостоятельность, не хотѣла жить въ мирѣ съ русскими, и въ 1875 г. начались частыя и отчаянныя нападенія кокандскихъ разбойниковъ на принадлежавшіе русскимъ кишлаки и, наконецъ, разбойники осмѣлѣли до того, что стали грабить даже русскій почтовый трактъ, сжигать русскіе заводы, а ихъ фанатики-муллы начали проповѣдывать священную войну съ Россіей.

Понадобилась сила оружія, чтобы укротить кокандцевъ, и генералъ Кауфманъ предпринялъ походъ противъ неспокойныхъ сосѣдей.

Скобелевъ, какъ-только прошли слухи объ этомъ походѣ, выхлопоталъ себѣ командировку въ Среднюю Азію и явился къ Кауфману.

Туркестанскій герой встрѣтилъ его привѣтливо и даже назначилъ его потомъ начальникомъ кавалеріи своего кокандскаго отряда.

Кокандское ханство, населеніе котораго главнымъ образомъ составляли кипчаки и кара-киргизы, занимало плодороднѣйшія равнины въ верхнемъ теченіи многоводной рѣки Сыръ-Дарьи. Правилъ ханствомъ ненавистный населенію изъ-за своей жестокости Худояръ-ханъ, наружно

покорный русскимъ, но въ то-же время поддерживавшій одного изъ народныхъ вождей Абдурахмана-автобачи, яраго противника Россіи.

Пока русскія войска готовились къ походу изъ Ташкента, кокандцы осмѣлѣли такъ, что пробовали осаждать занятый русскими Ходжентъ, гдѣ командовалъ войсками баронъ Нольде.

Сборы нѣсколько затянулись и Кауфманъ приказалъ Скобелеву осмотрѣть сѣверо-восточную границу туркестанскихъ владѣній, проходившую по Курамскому уѣзду. Оттуда не приходило никакихъ извѣстій и необходимо было выяснить, въ какомъ положеніи находятся тамошніе жители, покойны-ли они, или тоже готовы примкнуть къ кокандцамъ. Скобелевъ съ двумя сотнями казаковъ произвелъ необходимыя развѣдки. Ему приходилось идти по труднѣйшимъ горнымъ дорогамъ, спускаться въ долины, переправляться черезъ горныя рѣки, но край былъ пройденъ и, возвратясь въ Ташкентъ, онъ могъ сообщить ген. Кауфману, что жители покойны и даже были рады, когда среди нихъ появлялись русскіе.

Походъ начался во второй половинѣ августа 1875 г. и Скобелевъ съ казаками шелъ впереди. На первыхъ-же порахъ онъ согналъ съ пути нѣсколько непріятельскихъ скопищъ. Ходжентъ былъ освобожденъ и 20 августа русскіе уже вступили въ кокандское ханство. Конныя толпы кипчаковъ и кара-киргизовъ пробовали остановить движеніе отрядовъ, но впереди съ казаками шелъ Михаилъ Дмитріевичъ и каждый разъ предупреждалъ ихъ массовые удары, то кидаясь на непріятеля самъ, то громя его изъ конныхъ орудій.

Кокандцы медленно отходили къ Сыръ-Дарьѣ, на лѣвомъ берегу которой стояла ихъ крѣпость Махрамъ. Сильно надѣялись на эту свою твердыню кокандцы. Махрамъ, обнесенный высокой глиняной стѣной, стоялъ на береговомъ холмѣ, опоясанномъ глубокимъ рвомъ. Ровъ

въ свою очередь обведенъ былъ землянымъ валомъ, изъ-за котораго глядѣли на подступавшихъ жерла двадцати четырехъ орудій. Передъ валомъ стлалось болото, топкое и вязкое. Генералъ Кауфманъ, осмотрѣвъ крѣпость, нашелъ, что штурмъ ея съ фронта стоилъ-бы слишкомъ большихъ потерь. Онъ отправилъ Скобелева, чтобы обойти Махрамъ съ фланга, а свою пѣхоту пустилъ съ тылу. Въ то же самое время русскія пушки начали громить крѣпость... Защитники Махрама увлеклись артиллерійскимъ боемъ, а тутъ незамѣтно подошедшіе пѣхотинцы съ громовымъ ура ворвались за валъ и начали штыками выбивать его защитниковъ. Прошло еще немного времени и ура разлилось уже въ самой крѣпости. Охваченные паническимъ ужасомъ кипчаки кинулись огромною толпою въ бѣгство, но только что выбрались они изъ крѣпости, какъ на нихъ обрушился со своими казаками Скобелевъ. Казаки врубились въ самую гущу непріятеля. Сверкали шашки, изрѣдка раздавались выстрѣлы; русскіе и кокандцы перемѣшались. Подъ Скобелевымъ была убита лошадь, самого его какой-то кипчакъ полыснулъ шашкой по колѣну; рядомъ со Скобелевымъ былъ убитъ наповалъ хорунжій уральскаго войска Хорошкинъ. Казаки разгорячились такъ, что не отставали отъ бѣжавшихъ, пока въ нѣсколькихъ верстахъ не наткнулись на огромное скопище непріятеля, спѣшившее на выручку Махраму. Они были-бы раздавлены этой массой, но Скобелевъ, мгновенно сообразившій всѣ обстоятельства, приказалъ слѣдовавшей за его казаками ракетной батареѣ отпугнуть непріятельскія толпы ракетами и благодаря этому отошелъ къ главнымъ силамъ благополучно.

Въ бою подъ Махрамомъ Михаилъ Дмитріевичъ заслужилъ, и навсегда уже, уваженіе Кауфмана. Туркестанскій герой снялъ съ своей груди георгіевскій крестъ и самъ одѣлъ его на храбреца...

Съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни Кауфманъ оставался другомъ Скобелева.

Пораженіе подъ Махрамомъ нанесло сильнѣйшій ударъ кокандцамъ, но не усмирило ихъ. Однако, они на первыхъ порахъ разсѣялись и ген. Кауфманъ безъ боя занялъ сперва столицу ханства Кокандъ, а черезъ нѣсколько дней и другой важный городъ—Маргеланъ. Но Абдурахманъ-автобачи продолжалъ оказывать русскимъ упорнѣйшее сопротивленіе и Кауфманъ сформировалъ „летучій отрядъ“ для уничтоженія бродившихъ по всему краю шаекъ. Командованіе этимъ отрядомъ онъ поручилъ Скобелеву. Главнымъ средствомъ борьбы тутъ была скорость передвиженія и Скобелевъ быстро нашелъ способъ какъ двигаться вмѣстѣ съ пѣхотой, такъ чтобы и пѣхотинцы не отставали отъ кавалеристовъ. Способъ былъ придуманъ простой, не требовавшій затратъ и въ то же время представлявшій множество удобствъ. Скобелевъ взялъ да и посадилъ пѣхотинцевъ на арбы. Такъ и гонялся онъ съ ними за кокандцами, въ лихихъ схваткахъ разсѣивая шайки Абдурахмана. Особенно жаркая схватка была у урочища Мингъ-Тюбе. „Халатниковъ“ — такъ прозвали русскіе кокандцевъ,—было много, но скобелевцамъ удалось не только разогнать ихъ, но и захватить все ихъ оружіе. Такъ „летучій отрядъ“ дошелъ до города Ошъ и уже оттуда вернулся въ Маргеланъ. Ханство казалось успокоеннымъ и по мнѣнію ген. Кауфмана русскимъ нечего было дѣлать въ немъ. 22 сентября былъ заключенъ миръ, по которому къ русскимъ отошли всѣ земли по правому берегу Сыръ-Дарьи. Изъ этихъ новоприобрѣтенныхъ земель образованъ былъ Наманганскій отдѣлъ и начальникомъ его назначенъ былъ Михаилъ Дмитріевичъ.

Этотъ походъ имѣлъ для Скобелева большее значеніе, чѣмъ онъ и самъ придавалъ ему.

Во время его Михаилъ Дмитріевичъ близко сошелся съ однимъ изъ его участниковъ молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба Алексѣемъ Николаевичемъ Куро-

паткинымъ, ставшимъ вскорѣ его сподвижникомъ и другомъ.

Кауфманъ, понявшій, что Скобелевъ далеко не дюжинная натура, недаромъ оставилъ его въ Наманганѣ. Худояръ-ханъ былъ отправленъ въ Россію и поселенъ въ Оренбургѣ, а кокандскимъ ханомъ сталъ преданный Россіи Насръ-Эддинъ-ханъ.

Но живъ былъ Абдурахманъ-автобачи и какъ только туркестанскія войска ушли изъ предѣловъ Коканда, онъ снова поднялъ возстаніе, свергнулъ Насръ-Эддина и провозгласилъ ханомъ своего друга Фулатъ-бека. Снова заволновался весь край. Въ Андижанъ со всѣхъ сторонъ ханства стали сбираться толпы конныхъ и пѣшихъ кипчаковъ и кара-киргизовъ. Появилось у нихъ и оружіе, нашлись и пушки. Волей-неволей опять пришлось посылать въ Кокандъ отрядъ. Кауфманъ поручилъ его своему сподвижнику ген. Троцкому, а начальникомъ его штаба назначилъ Скобелева.

Теперь уже Михаила Дмитріевича не старались отстранять отъ важныхъ порученій; его талантъ оцѣненъ былъ по достоинству; его личная храбрость признавалась всѣми: и офицерами, и солдатами. Послѣднихъ Михаилъ Дмитріевичъ успѣлъ такъ привязать къ себѣ, что не было въ войскахъ солдата, который не былъ-бы готовъ пойти за „своимъ Скобелевымъ“ въ огонь и въ воду. Все нравилось простодушнымъ людямъ въ этомъ человѣкѣ. Нравилась его неизмѣнная щеголеватость—никто не видалъ никогда Скобелева неряшливо одѣтымъ; его обращеніе подсказывало солдатамъ, что этотъ офицеръ любитъ ихъ сердечно, готовъ сдѣлать все, что только возможно для облегченія тяжелой службы. Его отвага дѣйствовала заражающе. Солдаты, видя всегда впереди своего командира, веселаго, улыбающагося, прибадривались сами, веселѣли и шли въ бой, не страшась близости смертельной опасности.

Въ полки приходили молодые солдаты, и старики первымъ долгомъ считали разсказать имъ о Скобелевѣ, наэлекризовывали ихъ и молодежь, встрѣчаясь впервые съ Михаиломъ Дмитріевичемъ, уже ощущала въ сердцахъ невольный восторгъ передъ нимъ. Отпускные, расходясь по домамъ, заносили вѣсти о Скобелевѣ въ самые глухіе уголки Россіи. Создавалась сама собой такая популярность, какой, пожалуй, не пользовался даже знаменитый стратегъ Суворовъ, оцѣненный по достоинству только значительно спустя послѣ смерти. А Михаилъ Дмитріевичъ въ ту пору врядъ-ли и зналъ объ этой своей внезапно зародившейся и поразительно быстро выросшей всероссійской извѣстности. Пока онъ былъ увлеченъ весь боевой жизнью и думалъ лишь о побѣдахъ, пожалуй, и не стараясь заглядывать въ будущее...

Цѣлью похода Троцкаго былъ Андижанъ. Отрядъ шелъ быстро; числа 30 сентября уже подходили къ гнѣзду непокорныхъ бунтовщиковъ. Троцкій послалъ Скобелева произвести развѣдки. Съ полутора сотнями казаковъ Скобелевъ подошелъ къ самому Андижану. Кипчаки встрѣтили казаковъ градомъ пуль. Тогда Михаилъ Дмитріевичъ разсыпалъ свой отрядъ и приказалъ начать перестрѣлку; пока-же обѣ стороны обмѣнивались, какъ казалось, безполезными, не причинявшими ни тѣмъ, ни другимъ вреда выстрѣлами; топографы произвели съемку мѣстности, а самъ Скобелевъ намѣтилъ позиціи для батарей. Исполнено было самое главное. При отступленіи рекогносцировочному отряду пришлось плохо. Непріятель въ огромномъ количествѣ вышелъ изъ своихъ укрѣпленій и съ ожесточеніемъ насѣдалъ на маленькій отрядъ. Отходить пришлось сдерживая андижанцевъ ружейнымъ огнемъ и шли такъ медленно, что въ два часа прошли всего только полверсты. Выручилъ скобелевскій отрядъ полковникъ Борхъ, прискакавшій изъ авангарда на выстрѣлы.

Съемка мѣстности скоро пригодилась. Перваго октября съ намѣченныхъ Скобелевымъ позицій загрохотали русскія пушки. Дождь гранатъ полился на андижанцевъ, разсыпались глиняныя стѣны ихъ укрѣпленія и черезъ бреши съ могучимъ русскимъ „ура“ ворвались въ узкія улицы Андижана русскіе. Улицы преграждены были завалами. Съ домовыхъ кровель, съ деревьевъ садовъ сыпались градомъ на штурмующихъ пули. Солдатъ велъ Скобелевъ и они, забывая чувство самосохраненія, шли впередъ, разсыпаясь въ небольшія колонны и очищая занятыя непріятелемъ улицы. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Андижанъ былъ превращенъ въ груду развалинъ, надъ которыми поднялось зарево. Болѣе здѣсь дѣлать было нечего. Въ тотъ-же день отрядъ пошелъ обратно. Освирѣпѣвшіе кокандцы шли за русскими по пятамъ и Троцкій назначилъ Скобелева командиромъ арьергарда, непрерывно подвергавшагося нападеніямъ непріятеля. Скобелевъ отбрасывалъ кокандцевъ, то и дѣло бросаясь на нихъ въ атаку, а однажды у кишлака Муласы бился въ строю съ солдатскимъ ружьемъ въ рукахъ. Кокандцы все не унимались. Нужно имъ было дать такой урокъ, который надолго охладилъ-бы ихъ пылъ. Ночью,—это было пятаго октября,—Скобелевъ съ двумя сотнями оренбуржцевъ и сибирцевъ подкрался къ становищу главнаго непріятельскаго скопища. Рѣшено было застать кокандцевъ врасплохъ. Позади, но порядочно далеко, шла пѣхота подъ командой Меллеръ-Закомельскаго. Скобелевъ не сталъ ея дожидаться и употребилъ здѣсь пріемъ, нѣкогда блистательно удавшійся израильскому вождю Гедеону. Безмолвно подкрались въ ночной темнотѣ казачьи сотни и, когда уже оставалось всего нѣсколько десятковъ саженей, ринулись на безмятежно спавшихъ враговъ съ однимъ только громовымъ, непрерывнымъ крикомъ: „ура“, „ура“. Можно представить себѣ этотъ кличъ, вырвавшійся разомъ изъ двухсотъ грудей! Прежде всего онъ вспугнулъ та-

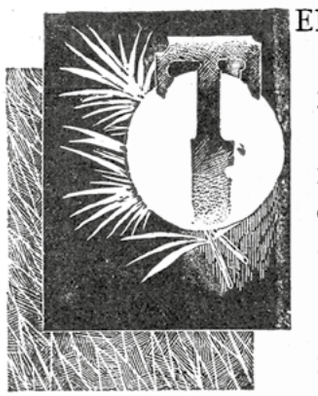
буны, пасшіеся около становища, и обезумѣвшіе отъ внезапнаго страха кони всей своей массой понеслись прямо на своихъ спавшихъ хозяевъ. Скобелевцы врубились въ живую обезумѣвшую массу, неистово крича, стрѣляя изъ ружей и рубя не пришедшихъ въ себя враговъ по головамъ и плечамъ. Жестокая сѣча продолжалась до разсвѣта. Утромъ на мѣстѣ ея найдено было 2,500 чалмъ—головныхъ уборовъ, оставленныхъ разогнаннымъ скопищемъ.

Послѣ этого отрядъ до Намангана дошелъ совершенно спокойно, никѣмъ не тревожимый.

Волненіе въ Кокандѣ, однако, не прекратилось. Явился новый вождь Батырь-тюря, и снова возстали жители, подстрекаемые противъ русскихъ Насръ-эддинъ-ханомъ. Кокандцы, воспользовавшись тѣмъ, что Скобелевъ ушелъ къ кишлаку Тюря-курганъ, гдѣ надѣялся захватить новаго вождя кокандцевъ, овладѣли Наманганомъ. Узнавъ объ этомъ, Михаилъ Дмитріевичъ вернулся, выгналъ кокандцевъ изъ этой своей резиденціи и несмотря на зиму повелъ свои войска для наказанія неспокойныхъ кипчаковъ.

XV.

Въ равнинахъ и на горахъ.



ЕПЕРЬ Михаилъ Дмитріевичъ дѣйствовалъ въ Наманганскомъ отдѣлѣ вполнѣ самостоятельно.

Онъ былъ произведенъ уже въ генералъ - маіоры и зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества, а въ то время Скобелеву шелъ только тридцать второй годъ.

Молодъ былъ Михаилъ Дмитріевичъ и для генеральскаго чина, и для двухъ бѣленькихъ крестиковъ, украшавшихъ его грудь; но уже эта его молодость была лучшею свидѣтельницею того, что отличія достались ему не даромъ, а были заслужены имъ трудами, подвигами и неусыпнымъ стремленіемъ совершенствовать себя на избранномъ и любимомъ поприщѣ.

Труды-же теперь выпадали на долю Скобелева не

малые. Онъ являлся хозяиномъ присоединенныхъ областей съ населеніемъ далеко не мирнымъ, враждебно относившимся къ русскимъ, готовымъ постоянно къ возстанію, что и доказала попытка кокандцевъ овладѣть Наманганомъ.

Такой дерзости нельзя было оставить безъ немедленнаго возмездія. Полудикари-кокандцы, уважавшіе только одну силу, приняли бы пощаду, какъ доказательство безсилія русскихъ, а это повело-бы только къ поголовному возмущенію, и не только въ Кокандскомъ ханствѣ, но и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ, и въ пескахъ туркменскихъ пустынь. На спокойствіе нельзя было разсчитывать. Абдурахманъ-автобачи, Батырь-тюря, Фулатъ-бекъ, да и самъ Нассръ-Эддинъ-Ханъ мутили населеніе.

Скобелевъ рѣшилъ дѣйствовать самъ, а не дожидаться пока ударятъ на него.

Освободивъ Наманганъ, онъ послѣдовалъ за отошедшими кокандскими скопищами и нагналъ ихъ у городка Балыкчи на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи. Кипчаки не ожидали такого быстраго появленія русскихъ. Они готовились къ новому вторженію въ предѣлы перешедшей къ Россіи области. Въ Балыкчи заготовленъ былъ въ огромномъ количествѣ провіантъ. Скобелевъ обрушился на нихъ какъ снѣгъ на голову. Неожиданность нападенія, какъ и всегда, дала перевѣсъ нападавшимъ. Кипчаки были разбиты, разсѣяны. Они разбѣжались, но лишь за тѣмъ, чтобы снова собраться и снова начать приготовленія къ борьбѣ съ русскими. А между тѣмъ стояла уже зима. Снѣгъ покрывалъ собой и равнины, и горы. Чуткіе къ холоду южане ни за что не рѣшились-бы идти на русскихъ въ зимнее время, но на весну можно было ожидать ожесточенной борьбы. Сѣверянамъ-же, русскимъ солдатамъ и офицерамъ Скобелева снѣгъ, морозы, стужа были ни почемъ...

Скобелевъ понялъ, какое преимущество на сторонѣ русскихъ, и воспользовался имъ.

Испросивъ разрѣшеніе у начальника края, Кауфмана, Михаилъ Дмитріевичъ сформировалъ сильный отрядъ и пошелъ съ нимъ за Сыръ-Дарью. Этого кокандцы никакъ не ожидали. Зима была для нихъ лютымъ врагомъ, а для русскихъ вѣрнымъ союзникомъ. Рѣдко гдѣ пробовали кокандцы оказывать сопротивленіе отряду. Они разбѣгались при приближеніи Скобелева. Скрѣпя сердце, русскіе разоряли, жалкія селенія бѣглецовъ, чтобы не было имъ куда возвратиться послѣ ухода войскъ. Это была печальная необходимость, но ничего иного нельзя было сдѣлать. Врагъ былъ неукротимъ. Разбитые и разогнанные въ одномъ мѣстѣ, кокандцы собирались въ другомъ. Абдурахманъ-автобачи и Батырь-тюря дѣйствовали съ несокрушимой энергіей. Они успѣли собрать у Андижана свыше 20000 кипчаковъ, укрѣпили городъ и приготовились къ отчаянному сопротивленію. Скобелевъ съ своимъ отрядомъ, доходившимъ до 2800 чел., явился къ Андижану. Дважды онъ предлагалъ кипчакамъ сдаться, обѣщалъ помилованіе и забвеніе прошлаго,—упорные полудикари отвѣчали грубыми насмѣшками. Тогда заговорили русскія пушки. Чугунный градъ посыпался надъ городкомъ. Рухнули непрочныя глиняныя стѣны, запылали высохшія подъ палящимъ солнцемъ жилища и вмѣстѣ съ тѣмъ на городъ двинулась стройными, грозными колоннами русская пѣхота, а позади ея во всѣхъ направленіяхъ вытянулись казачьи сотни, приготовившіяся къ преслѣдованію непріятеля... Недологъ былъ бой. Побѣдный кличъ русскихъ загремѣлъ въ городѣ. Андижанъ былъ взятъ, но эта побѣда не довершила собою всего дѣла. Скопище кокандцевъ было разсѣяно, вожди-же все-таки успѣли убѣжать и, несмотря на понесенное пораженіе, собрались въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Андижана около городка Ассаке. Скобелевъ и Андижанъ бросилъ. Онъ посадилъ пѣхоту на арбы и понесся со всѣмъ отрядомъ къ новому убѣжищу непріятеля. Переходы были пройдены съ такою быстротою, что кипчаковъ здѣсь застали врасплохъ. Они стояли на высотахъ и въ рукахъ другого воинства позиція ихъ была-бы очень сильною. Но Скобелевъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Прямо съ похода онъ повелъ своихъ солдатъ въ бой. Кипчаки сопротивлялись съ мужествомъ погибающихъ, но все было напрасно. Русскіе обошли ихъ и съ тыла и съ фланговъ. Гибель всего скопища была неизбѣжна, это поняли и оба вождя Абдурахманъ и Батырь-тюря. Они преклонились предъ неизбѣжнымъ и сдались съ остатками своихъ скопищъ на милость побѣдителя...

Талантъ полководца сломилъ силу... Абдурахманъ былъ отправленъ въ Екатеринославъ; спустя мѣсяцъ послѣ побѣды при Ассаке Кокандъ былъ занятъ вторично войсками Скобелева. Въ промежутокъ полковникъ Меллеръ-Закомельскій и начальникъ его штаба капитанъ Куропаткинъ, посланные Скобелевымъ противъ послѣдняго вождя кокандцевъ Фулатъ-бека, дважды разгромили кипчаковъ и его самого захватили въ плѣнъ. 19 февраля 1876 г. Кокандское ханство было навсегда присоединено къ Россіи и преобразовано въ Ферганскую область.

Высочайшею волею побѣдитель кокандцевъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ былъ назначенъ первымъ генералъ-губернаторомъ этихъ новыхъ русскихъ владѣній въ глубинѣ Средней Азіи.

На первыхъ-же порахъ своей новой дѣятельности Скобелевъ проявилъ выдающіяся административныя способности. Доселѣ онъ съ полудикарями-кокандцами дѣйствовалъ оружіемъ, громилъ ихъ скопища, сжигалъ ихъ кишлаки, разрушалъ ихъ города, теперь онъ сталъ дѣйствовать добромъ и ласкою. Скобелевъ былъ доступенъ для всѣхъ, кто ни приходилъ къ нему. Обиженные находили въ немъ защитника, обидчики строгаго, но не лицепріятнаго судью. Онъ старался выставить на видъ, что на судѣ и туземецъ, кипчакъ или киргизъ, и свой

русскій одинаковы. Въ то-же время Скобелевъ не дѣйствовалъ въ разрѣзъ съ установившимися обычаями. Онъ пользовался каждымъ случаемъ показать, что русскіе уважаютъ старину побѣжденныхъ и пришли въ ихъ страну не за тѣмъ, чтобы передѣлать все на свой ладъ, а съ тѣмъ, чтобы дать возможность каждому покойно заниматься мирнымъ трудомъ. Поступая такъ, Скобелевъ быстро вселилъ и укрѣпилъ въ населеніи новыхъ русскихъ областей убѣжденіе, что съ русскими жить лучше въ мирѣ, чѣмъ во враждѣ, и недавно буйное и мятежное населеніе успокоилось, совершенно примирившись съ потерею независимости.

Такъ было на всемъ сѣверѣ Ферганы.

Югъ Ферганской области обрамляли высокія Алтайскія горы, перерѣзанныя глубокими долинами. За Алтаемъ высился Памиръ — „крыша міра“, какъ называютъ эти горы на далекомъ Азіатскомъ востокѣ. Алтай—два хребта: большой и малый,—принадлежалъ къ Ферганѣ, а за Памиромъ былъ Афганистанъ, независимое ханство. Часть-же Памира принадлежала и Китаю подъ общимъ наименованіемъ Кашгара, съ главнымъ городомъ того-же имени по р. Кизылъ-Су. Въ долинахъ Алтая жили кара-киргизы, которыми управляли „дахты“, до прихода русскихъ зависѣвшіе отъ кокандскаго хана. Когда Скобелевъ завоевалъ Кокандъ, алтайскими кара-киргизами правила въ качествѣ „дахты“ женщина Курбанъ-джанъ, вдова прославленнаго алтайскаго правителя Алимъ-бека. Курбанъ-джанъ, женщина умная, пользовалась огромнымъ вліяніемъ на всѣхъ своихъ подвластныхъ кара-киргизовъ. Слава ея гремѣла по всему кокандскому ханству. Изъ отдаленнѣйшихъ кочевій пѣзжали къ ней на поклонъ киргизы. Даже своевольные ханы Коканда и тѣ заискивали передъ ней, ибо кара-киргизы по справедливости считались храбрѣйшими изъ всѣхъ населявшихъ Фергану племенъ. Пятеро сыновей „дахты“ помогали ей править кара-киргизами и вотъ Курбанъ-джанъ, понадѣясь, вѣроятно, на недоступность Алтая, отказалась отъ покорности русскимъ и по ея приказаніямъ шайки кара-киргизовъ вторгнулись въ мирные кишлаки кипчаковъ.

Лѣтомъ изъ Ферганы въ Кашгаръ была отправлена экспедиція съ научною цѣлью. Начальникомъ этой экспедиціи былъ любимѣйшій изъ друзей Михаила Дмитріевича капитанъ А. Н. Куропаткинъ. Онъ долженъ былъ изслѣдовать Кашгаръ, произвести нѣкоторыя изысканія и никакихъ военныхъ цѣлей не преслѣдовалъ. Алтайскіе киргизы напали на экспедицію. Составлявшіе конвой Куропаткина казаки отбили нападеніе горцевъ - дикарей, но Скобелевъ такъ и запылалъ гнѣвомъ, когда узналъ объ этомъ дерзкомъ нападеніи на русскаго офицера. Надъ головой Курбанъ-джанъ, ея семейства и всѣхъ ея подвластныхъ собиралась гроза. Скобелевъ не прощалъ никогда туземцамъ такихъ выходокъ. Онъ самъ повелъ войска въ горы на „алтайскую царицу“.

УЩЕЛЬЕ ЯГНИ-АРЫКЪ.

Но и Курбанъ-джанъ не пожелала покориться. Она собрала всѣ горные аулы и на встрѣчу русскимъ отправила многочисленное скопище горцевъ подъ начальствомъ старшаго изъ своихъ сыновей Абдулла-бека, когда скобелевскій отрядъ уже вошелъ въ горы.

Труденъ былъ путь. Алтай совсѣмъ не былъ обслѣдованъ; проходы почти неизвѣстны; за каждымъ утесомъ, за каждой скалой можно было ожидать засады. Но скобелевцы карабкались на недоступныя съ перваго взгляда

высоты *), скользили съ нихъ, дрались чуть не на каждомъ шагу съ горцами и все-таки неуклонно шли впередъ. Цѣлью ихъ былъ большой горный аулъ Гульчи, гдѣ жила съ семьею неукротимая дахта. Гульчи былъ уже близокъ, когда въ мѣстности, носившей названіе Ягни-арыкъ, Абдулла-бекъ преградилъ русскимъ дорогу. Даже самъ Михаилъ Дмитріевичъ призналъ позицію противника неприступною, но это еще не значило, чтобы онъ не попы-

УЩЕЛЬЕ НА ПУТИ ВЪ ГУЛЬЧИ.

тался ее взять... Во всѣ стороны, въ горы, были разосланы обходные отряды. Пока кара-киргизовъ развлекали демонстраціями, т.-е. только дѣлали видъ, что нападаютъ на нихъ, посланные отряды обошли Ягни-арыкъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе появились не только въ тылу киргизовъ и на флангахъ, но даже забрались на высоты, поднимавшіяся надъ тѣми, гдѣ засѣли враги.

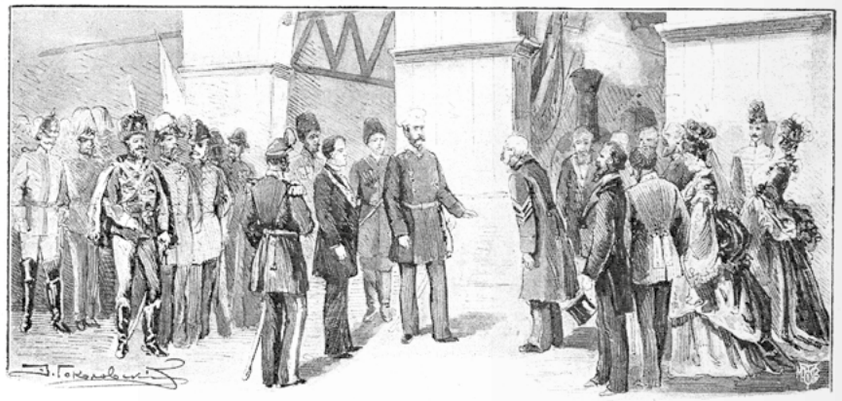
Абдулла-бекъ понялъ, что сопротивленіе немыслимо и, проведя всѣхъ своихъ воиновъ горными тропинками, ушелъ сперва къ Памиру, а потомъ въ Афганистанъ.

*) Скобелевскому отряду пришлось переходить черезъ горные перевалы Сары-Мигулъ—18 т. фут. и Арчатъ-Давинъ 11 т. фут. надъ уровнемъ моря.

Гульчи остался беззащитнымъ. Курбанъ-джанъ поспѣшила бѣжать вслѣдъ за сыномъ, котораго уже преслѣдовалъ почти по пятамъ посланный Скобелевымъ летучій отрядъ подъ начальствомъ князя Витгенштейна. Случилось такъ, что Курбанъ-джанъ, которую сопровождали ея младшій сынъ Канчи-бекъ и внукъ Мирза-Пояса, попалась въ руки китайскимъ разбойникамъ и только казачій разъѣздъ Витгенштейна, подоспѣвъ во-время, отбилъ у нихъ „алтайскую царицу“. Скобелевъ въ это время былъ въ Гульчи и, узнавъ, что Курбанъ-джанъ уже въ рукахъ казаковъ, поспѣшилъ къ ней на встрѣчу, оказалъ ей всякій почетъ, обласкалъ ее и убѣдилъ, что борьба съ русскими невозможна. Умная дахта поняла, что вождь русскихъ правъ и воротила покорность Бѣлому царю. Скобелевъ оставилъ ее правительницей алтайцевъ и даже собственноручно надѣлъ на нее почетный парчевый халатъ. Съ тѣхъ поръ Курбанъ-джанъ навсегда сохраняла вѣрность Россіи*).

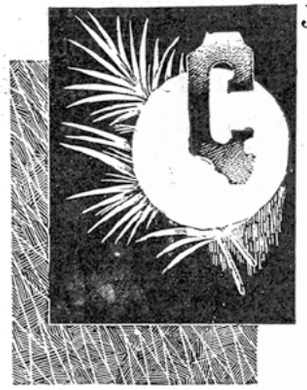
Почти все лѣто провелъ Михаилъ Дмитріевичъ на Кашгарской границѣ, а когда вернулся изъ похода—пришли уже вѣсти, что поднимается Русь на защиту балканскихъ славянъ и что война съ турками неизбѣжна...

*) Въ 1901 г. дахта Курбанъ-джанъ была еще жива. Въ № 90 «Русск. Инвалида» за 1902 г. помѣщена такая замѣтка: «Государь Императоръ 1-го декабря 1901 г. Высочайше соизволилъ пожаловать престарѣлой Курбанъ-джанъ-дахтѣ, знаменитой въ Ферганѣ «алтайской царицѣ» въ подарокъ перстень изъ Кабинета Его Величества».



XVI.

Война.



ЛОВНО невидимое, но все сожигающее пламя охватило весь безъ исключенія русскій народъ въ приснопамятные дни 1877 года... Казалось, что всѣ русскіе люди только и жили, что одною мыслью о войнѣ за „братьевъ-славянъ“.

Больше года прислушивалась Русь къ воплямъ, доносившимся къ ней изъ-за балканскихъ кручъ и съ береговъ Дуная и орлиныхъ гнѣздъ Черной горы. Вопли доносились жалобные, душу надрывающіе, въ ушахъ постоянно звенящіе. И заколыхалась Русь, и поднялась она на защиту единокровныхъ братьевъ, повинныхъ лишь въ томъ, что они были единовѣрны могучей Россіи. На поля Сербіи, безъ зова, повинуясь лишь голосу своего сердца, полетѣлъ одинъ изъ славныхъ русскихъ орловъ—генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. За нимъ потянулись русскіе удальцы и на равнинахъ Тимока, Дуная закипѣлъ неравный бой, бой единицъ русскихъ воиновъ-добровольцевъ и непривычныхъ къ военному дѣлу сербовъ противъ многихъ тысячъ турецкихъ солдатъ, превосходныхъ бойцовъ, снабженныхъ лучшимъ орудіемъ, безчисленнымъ количествомъ боевыхъ запасовъ, превосходнѣйшими пушками и руководимыхъ опытными вождями. Страшная гроза собралась надъ несчастной Сербіей, гибель княжества казалась неизбѣжною...

Въ отдаленнѣйшіе уголки Россіи приходили вѣсти изъ Сербіи и часто слышались въ разговорѣ по поводу ихъ такія слова:

— Черняевъ то Черняевъ! Что и говорить: Ташкентъ взялъ, а если-бы нашего Скобелева туда, то-ли-бы было!

Гдѣ-то далеко-далеко у самой таинственной Индіи, на вершинахъ Памировъ былъ этотъ человѣкъ, а о немъ говорили и на сѣверѣ Россіи, и на югѣ, говорили вездѣ, гдѣ были любящіе свою родину русскіе люди. Имя Скобелева знали даже дѣти. Большинство не знало даже въ точности, что сдѣлалъ Скобелевъ, кого онъ побѣдилъ, какія царства покорилъ онъ, не знали даже его имени и отчества, но о томъ, что существуетъ Скобелевъ, который покоряетъ царства, одерживаетъ въ каждой битвѣ побѣды, это и въ то время знали уже во всей Россіи. Около имени Скобелева создалась сама собою легенда. Въ молодыхъ войскахъ солдаты мечтали попасть подъ начальство Скобелева, создалась слава, но какъ все это случилось, какими путями пронесся изъ края въ край Россіи слухъ о Скобелевѣ?

Объяснить это можно только тѣмъ, что разнесли славу отпускные солдаты и офицеры, побывавшіе въ туркестанскихъ войскахъ. Вѣдь тогда только-что вводилась всеобщая воинская повинность; сократился срокъ службы для новобранцевъ, и возвращавшихся изъ-подъ знаменъ

было многое множество. Въ Туркестанѣ-же, какъ не задолго передъ тѣмъ на Кавказѣ, кипѣла непрерывная война. Войска туда нужно было много, возвращались отпускные, раненые, больные, признанные негодными къ военной службѣ, и каждый, кто ни приходилъ домой изъ Средней Азіи, непремѣнно говорилъ о Скобелевѣ, какъ о чудо-героѣ, какъ о такомъ отцѣ-командирѣ, какого еще не бывало, и шла молва о новомъ богатырѣ земли русской, народъ, возрожденный царемъ-освободителемъ къ новой жизни великимъ манифестомъ 19 февраля 1861 г., обрѣлъ себѣ „своего“ героя и Скобелевъ сталъ „нашимъ“ для каждаго русскаго человѣка, чувствующаго простою душой, а не раскидывающаго умомъ.

Тѣ-же, кто умомъ раскидывалъ, о Скобелевѣ былъ совсѣмъ другого мнѣнія.

— Что Скобелевъ сдѣлалъ,—говорили такіе,—халатниковъ-то побѣждать не трудно, вотъ-бы онъ съ турками попробовалъ, такъ вся-бы его слава какъ дымъ разлетѣлась...

Такихъ, впрочемъ, было меньшинство...

Михаилъ Дмитріевичъ въ это время ждалъ, что и его позовутъ на войну... Онъ чувствовалъ, что можетъ побѣждать и не однихъ „халатниковъ“; увѣрены были въ этомъ и всѣ, кто окружалъ его, кто зналъ его по Туркестану, но шли дни за днями, Скобелева не звали...

А въ несчастной Сербіи военная гроза уже бушевала съ яростною силою. Сербская тимокско-моравская армія, которой командовалъ русскій генералъ Черняевъ, была разгромлена подъ Алексинацемъ и турецкій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ паша велъ свои арміи на беззащитный Бѣлградъ, столицу Сербіи...

Велъ и вдругъ остановился...

Когда сербами была уже потеряна всякая надежда на спасеніе, когда казалось, что турки сотрутъ съ лица земли несчастное славянское племя, изъ Россіи раздалось слово, и турки остановились...

Сербія была спасена, но вскорѣ послѣ этого война для Россіи стала неизбѣжною...

Желанная война!.. Русскій крестовый походъ на вѣковѣчнаго врага и славянства, и православія...

Быстро одинъ за другимъ стягивались полки въ Бессарабіи къ границѣ Румыніи, съ которой заключенъ былъ союзъ. Русь ликовала. Отцы, какъ на веселый пиръ, отправляли на войну своихъ сыновей, благословляли дочерей идти на подвигъ сестры милосердія у постелей раненыхъ. Подростки бросали школы и шли въ полки вольноопредѣляющимися. Самъ государь императоръ Александръ Николаевичъ отбылъ изъ Петербурга въ Кишиневъ, чтобы тамъ объявить эту желанную войну, и вотъ на одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій Его Величеству былъ представленъ сѣдой какъ лунь фельдфебель, ветеранъ отечественной войны, украшенный многочисленными медалями.

Государь милостиво изволилъ обратить на него вниманіе и, желая наградить честнаго стараго служаку, спросилъ его, чего онъ хочетъ.

— Прошу принять меня снова на службу Вашего Императорскаго Величества: хочу положить свой животъ за царя и отечество!—отвѣчалъ старикъ, самъ еле удерживаясь на ногахъ отъ преклонныхъ лѣтъ.

Государя сильно тронулъ этотъ неподдѣльный патріотизмъ старика.

— Хорошо, куда же ты хочешь поступить?—спросилъ государь.

— Въ отрядъ генерала Скобелева, Ваше Императорское Величество!—отвѣчалъ старикъ.

Какъ отнесся къ этому желанію старца государь—неизвѣстно, но этотъ разсказъ свидѣтельствуетъ о громадной популярности Михаила Дмитріевича и въ то время, когда за нимъ не было ничего, кромѣ побѣдъ надъ „халатниками“.

Сидя въ глуши Ферганы, напрасно ждалъ Скобелевъ зова. Онъ не дождался его и, наконецъ, не вытерпѣвъ, отказался отъ военнаго губернаторства и, бросивъ все, помчался на Дунай...

Другой туркестанскій орелъ Черняевъ былъ въ это время въ Малой Азіи, гдѣ Кавказскій отдѣльный корпусъ стоялъ на-готовѣ по первому приказанію войти въ предѣлы Турціи. Черняеву не нашлось отдѣльной части въ командованіе, и обидившійся герой Ташкента совсѣмъ покинулъ армію.

Не такъ поступилъ Михаилъ Дмитріевичъ...

Онъ оставилъ почетное, вліятельное и видное положеніе военнаго губернатора огромной области, но и для него не нашлось ничего, никакого опредѣленнаго мѣста въ назначенной къ борьбѣ съ турками Дунайской арміи...

Можетъ быть, Михаилъ Дмитріевичъ тоже былъ обиженъ, но ничѣмъ не показалъ своей обиды, не ушелъ, какъ Черняевъ, а все-таки вступилъ въ армію добровольцемъ.

Его отецъ, котораго онъ догналъ чиномъ, былъ командиромъ Кавказской казачьей бригады, и молодой Скобелевъ занялъ должность начальника штаба этой бригады...

И это послѣ того, какъ онъ уже побылъ почти полновластнымъ распорядителемъ судебъ цѣлой страны, недавно еще упорно боровшейся за свою самостоятельность съ русскимъ колоссомъ!..

Ради любимаго дѣла, къ которому звала Михаила Дмитріевича душа, онъ совершилъ труднѣйшій подвигъ: поборолъ свою гордость, свое самолюбіе, но главное было совершено: онъ становился участникомъ великой эпопеи послѣдней четверти девятнадцатаго столѣтія...

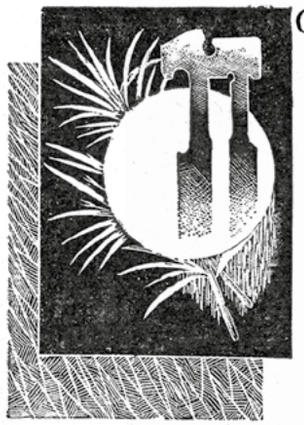
Отецъ пріютилъ сына...

Вѣдь родители, даже самые суровые и строгіе, не имѣютъ предубѣжденія противъ своихъ дѣтей. А среди

чужихъ это предубѣжденіе существовало. Въ Россіи, на Дунаѣ оно было даже сильнѣе, чѣмъ то, которое чувствовали къ Скобелеву его боевые товарищи предъ Хивинскимъ походомъ. Тамъ онъ побѣдилъ и предубѣжденіе, и непріязнь, но здѣсь, на Дунаѣ, никто не видалъ Скобелева во всемъ сіяніи воинскаго подвига, ироническая кличка: „побѣдитель халатниковъ“ преслѣдовала молодого генерала и ему предстояло теперь побѣдить непріязнь, какъ побѣдилъ онъ ее среди суровыхъ туркестанцевъ, воочію доказавъ имъ и походомъ по мертвой пустынѣ Усть-Юртъ, и штурмомъ Хивы, и въ битвахъ подъ Кара-Чукуль, Махрамомъ, Мингъ-тюбе, Андижаномъ въ первый разъ, Тюря-Курганомъ, Наманганомъ, Ташъ-бала, Балыкчи, Уиджи-бай, Гурь-Тюбе, вторично подъ Андижаномъ, затѣмъ Ассаке, Кокандомъ и своей Алтайской экспедиціей и изслѣдованіями Кашгарской границы, что Туркестанъ былъ для него боевой школой, въ которой развился и окрѣпъ его военный геній.

XVII.

На Дунаѣ.



ОДНЯВШАЯСЯ на защиту славянства Русь 12 апрѣля 1877 года, послѣ того, какъ раздалось на кишиневскомъ смотру Царское слово, тронулась на границу и вошла въ предѣлы Румынскаго княжества. Полетѣли впередъ лихіе казачьи отряды, и вскорѣ уже въ рядахъ русскихъ солдатъ зазвучала пѣсня, какъ нельзя болѣе характеризировавшая быстроту первыхъ русскихъ переходовъ на берегъ великой славянской рѣки—Дуная.

Авангарды наши прутъ
Черезъ рѣчку черезъ Прутъ
Прямо на Барбашъ!
Басурманъ спѣшитъ на Серетъ

И глазамъ своимъ не вѣритъ—
Струковъ обогналъ!

Полковникъ Струковъ командовалъ казачьимъ отрядомъ, занявшимъ на глазахъ турокъ Рени, Галацъ, Браиловъ—румынскіе городки въ нижнемъ теченіи Дуная.

Турки сопротивлялись вяло, русскія войска быстро позаняли всѣ выгодныя позиціи на лѣвомъ берегу Дуная. Въ маленькій румынскій городокъ Журжу пришла Кавказская казачья бригада, назначенная для охраны береговой линіи.

Командиръ этой бригады и начальникъ ея штаба — оба генералъ-маіора—невольно привлекали къ себѣ вниманіе всякаго, кто побывалъ въ это время въ Журжѣ.

Оба они походили одинъ на другого. Старикъ по внѣшности напоминалъ собою и своею приземистою фигурою съ добродушнымъ краснымъ лицомъ, украшеннымъ длинною русою сѣдѣющею бородою, бурмистра такъ-называемаго „добраго стараго времени“. Онъ былъ невысокъ ростомъ, кряжистъ, широкоплечъ. Черты лица его были крупны, голубоватые глаза смотрѣли добродушно, но съ оттѣнкомъ „хитринки“. Рѣчь была грубовата, изобиловала множествомъ простонародныхъ выраженій; въ одеждѣ была замѣтна нѣкоторая неряшливость.

Молодой генералъ ростомъ былъ значительно выше старика, строенъ, изященъ, но типъ оставался все тотъ-же: то-же чисто русское простое лицо съ добрымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, золотистая борода,—непринятыя тогда въ войскахъ баки и борода, была расчесана на двѣ стороны; всѣ движенія были порывисты, рѣчь лилась такъ быстро, что трудно было услѣдить за мыслями говорившаго. Начальническаго въ обращеніи съ подчиненными было совсѣмъ мало; въ каждомъ словѣ, въ тонѣ, которымъ оно произносилось, въ движеніяхъ такъ и выливалась русская душевная доброта, широчайшая размашистость и полнѣйшая беззаботность. Видно было, что этотъ

молодой человѣкъ, уже съ двумя Георгіями на шеѣ, свидѣтельствовавшими объ его безпримѣрной храбрости, не особенно заботился, что о немъ скажутъ и держался съ полнѣйшею непринужденностью.

Старикъ генералъ былъ Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ, молодой—его сынъ Михаилъ Дмитріевичъ, герой Польши, Хивы и покоритель Кокандскаго царства.

Скобелевъ-отецъ командовалъ Кавказской казачьей бригадой, сынъ былъ начальникомъ его бригаднаго штаба...

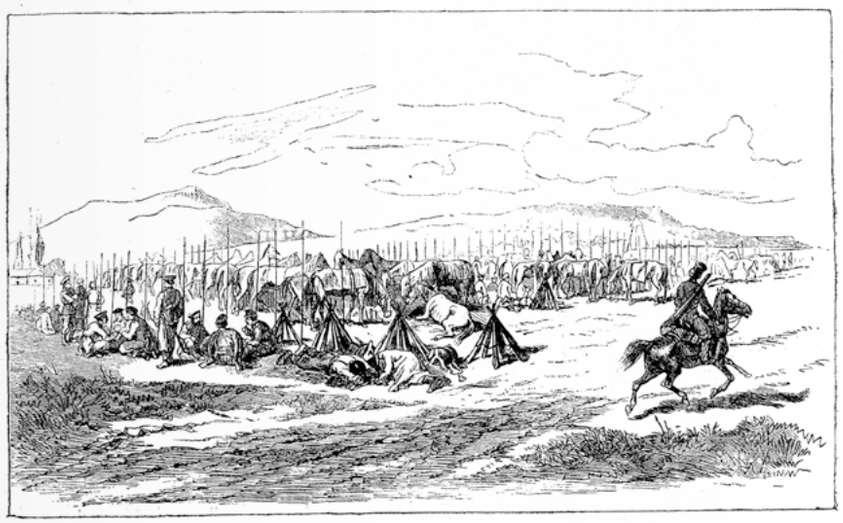
Только это и нашлось во всей дѣйствующей арміи для покорителя Коканда.

Не повезло Скобелеву, когда онъ явился въ армію. И начальникомъ то штаба бригады, находившейся подъ командой его отца, Михаилъ Дмитріевичъ сталъ лишь потому, что его предшественникъ полковникъ Паренсовъ былъ отозванъ въ Петербургъ.

Кавказская бригада была единственной, во главѣ штаба которой стоялъ генералъ... Генералы въ Освободительную войну 1877—1878 гг. были начальниками корпусныхъ штабовъ, да это только въ двухъ: въ корпусѣ генераловъ барона Криденера и Ванновскаго.

Но Скобелевъ смотрѣлъ на свое назначеніе, какъ на средство ознакомиться поближе съ солдатами и вообще съ войсками. Турки были на противоположной сторонѣ и зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ русскихъ. Казачья кавказская бригада предназначалась для охраны лѣваго берега у Журжи и для прикрытія работъ минной флотиліи на Дунаѣ. Войска собрались отборныя. Кавказскіе казаки природные воины. Въ бригадѣ были и пылкіе осетины, и храбрецы-кабардинцы. Были и пластуны, которыми командовалъ замученный турками въ іюлѣ во время перваго похода на Балканы есаулъ Баштанниковъ. Съ послѣдними Скобелевъ поднимался на всякія хитрости, чтобы безпокоить непріятеля, не давать ему по возможности ни

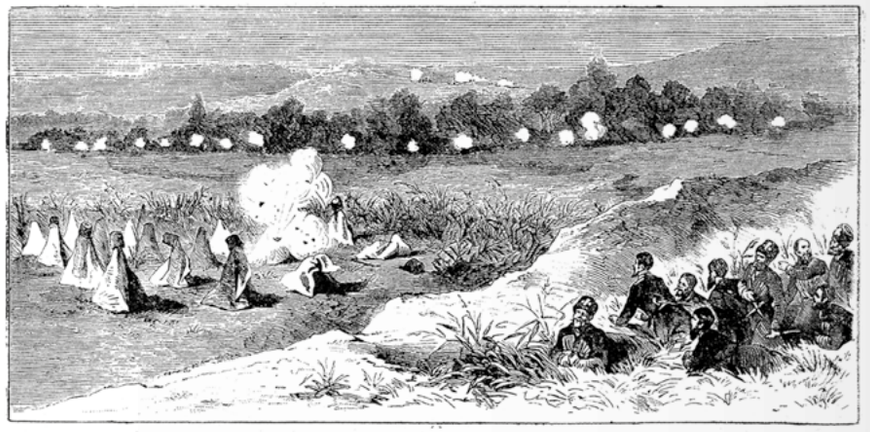
минуты отдыха. На лѣвомъ берегу появлялись невиданныя, словно изъ-подъ земли выросшія батареи: это Скобелевъ и пластуны укрѣпляли на подпоркахъ снопы соломы и такіе снопы издали казались туркамъ пушками. По нимъ открывали огонь, разстрѣливали ихъ гранатами; поднималась тревога, турки выбѣгали изъ лагерей, строились, готовились къ отраженію непріятеля и въ концѣ концовъ расходились, понявъ, что тревога была ложная. Въ



КАЗАЧІЙ ЛАГЕРЬ НА БЕРЕГУ ДУНАЯ.

особенности часто тревожилъ Скобелевъ турокъ тѣмъ, что пускалъ къ Дунаю плоты съ тлѣвшимися на нихъ угольями. Съ турецкаго берега казалось, что русскіе начинаютъ переправу. Съ ожесточеніемъ тогда трещали выстрѣлы, грозныя боевыя колонны приготовлялись встрѣтить русскихъ, цѣлыя ночи проходили въ ожиданіи и лишь къ утру разъяснялось, что ожиданія были напрасны, русскіе на лѣвомъ берегу крѣпко спали подъ грохотъ турецкихъ пушекъ и подъ трескъ превосходныхъ турецкихъ ружей...

Особенно по душѣ приходились всѣ эти продѣлки



ХИТРОСТЬ ПЛАСТУНОВЪ.

пластунамъ, этимъ воинамъ, воспитаннымъ на постоянной войнѣ съ неукротимыми храбрецами черкесами.

— Это настоящій... Это—нашъ!—говорили пластуны про Скобелева.

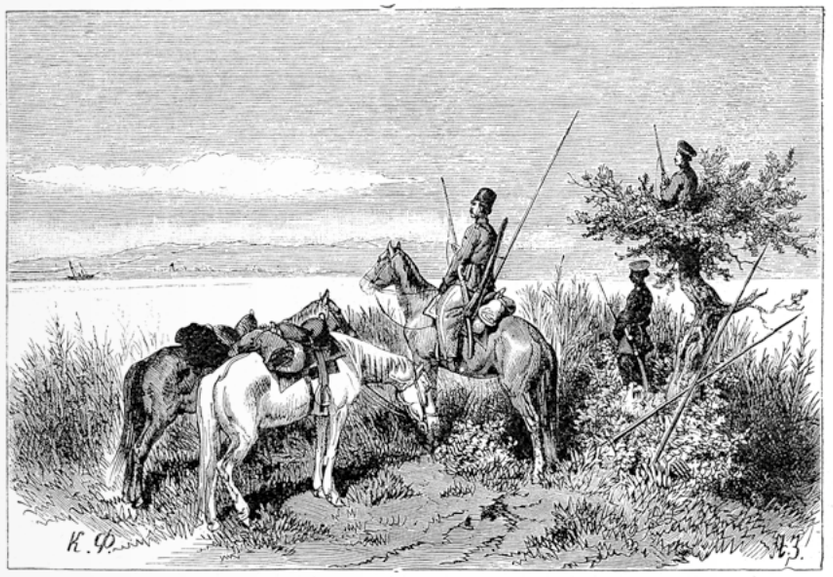
Они болѣе чѣмъ кто либо другой понимали, что всѣ эти „штуки съ туркомъ“ продѣлываются не спроста... Благодаря имъ, притуплялась бдительность непріятеля. Турки привыкали къ мысли, что съ ними „шутятъ“, что тревоги ложныя, мало обращали вниманія на появленіе подозрительныхъ предметовъ на Дунаѣ, и рекогносцировки праваго берега производились сравнительно безъ затрудненій и въ безопасности.

Михаилъ Дмитріевичъ нерѣдко самъ предпринималъ ихъ, рискуя своей жизнью.

Въ ночь на 23-е мая онъ съ капитанами Масловымъ и Сахаровымъ и германскимъ военнымъ агентомъ Лигницемъ на легонькой лодченкѣ, гребцами которой были пластуны, изслѣдуя дунайскій островокъ Мечку, прокатился подъ фонарями стоявшаго на якорѣ турецкаго монитора и по возвращеніи объявилъ, что „на островѣ и слѣда нѣтъ турокъ“.

Послѣ этой рекогносцировки начались работы, по загражденію Дуная минами, и загражденіе началось именно отъ острова Мечки, обслѣдованнаго Скобелевымъ.

Не однѣми только „шутками съ туркомъ“ занимался молодой Скобелевъ въ скучные дни стоянки на Дунаѣ. Часто цѣлыя ночи виденъ былъ огонекъ въ его палаткѣ. Когда спрашивали, что онъ дѣлаетъ, оказывалось, что



КАЗАЧІЙ СТОРОЖЕВОЙ ПОСТЪ НА ДУНАѢ.

молодой генералъ читаетъ... Да, Скобелевъ все свое свободное время въ эти дни, предшествовавшіе въ началѣ кампаніи жаркимъ боямъ, удѣлялъ чтенію. Онъ выписывалъ массу книгъ, посвященныхъ разнымъ отраслямъ военной науки и изучалъ все то, что предлагалось военными авторитетами. Память у Михаила Дмитріевича была громадная. Поля книгъ, которыя онъ прочитывалъ, были испещрены его замѣтками, выносками, ссылками на прочтенныя ранѣе сочиненія. Иногда Скобелевъ расчерчивалъ планы воображаемыхъ битвъ, принимая при этомъ

въ основу расположенія турецкихъ войскъ, и такъ шло изо дня въ день, вѣрнѣе, изъ ночи въ ночь. Умъ Скобелева обогащался новыми познаніями, которыя онъ готовился приложить къ живому дѣлу...

Но было у него въ эти скучные дни и другое дѣло по сердцу. Скобелевъ занимался съ солдатами, какъ бы предвидя, что ему скоро придется водить ихъ въ битвы.

Въ арміи его знали, но знали только по наслышкѣ. Теперь героя безчисленныхъ разсказовъ, ходившихъ по Россіи, увидѣли воочію.

Скобелевъ и въ дѣйствительности оказался такимъ, какимъ онъ былъ нарисованъ народными легендами.

Ѣдетъ онъ какъ-то въ колискѣ. Жара невыносимая, солнце жжетъ нестерпимо. Впереди едва-едва ковыляетъ солдатъ, чуть не сгибающійся подъ тяжестью ранца

— Что, братъ, трудно идти?—останавливаетъ его генералъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Ну, садись ко мнѣ!...

Солдатъ совсѣмъ въ недоумѣніи... Ему кажется, что генералъ шутитъ...

— Садись, тебѣ говорятъ!—раздается повелительный окликъ.

И начинаются разспросы о семьѣ, о деревнѣ...

Солдатъ выходитъ изъ коляски, боготворя молодого генерала, разсказъ его передается по всему полку, и когда этотъ полкъ впослѣдствіи попадаетъ въ руки Скобелева, солдаты уже не только знаютъ его, но и любятъ его...

Разъ въ Журжѣ Скобелевъ идетъ по улицѣ и видитъ—солдатъ плачетъ.

— Ты это что? Чего ревешь-то? срамъ!

Солдатъ вытягивается.

— Ну, чего ты? Что случилось такое?

Тотъ мнется.

— Говори, не бойся...

Оказывается, получилъ солдатъ письмо изъ дому. Нужда въ семьѣ, корова пала, недоимки одолѣли, неурожай, голодъ.

— Такъ бы и говорилъ, а то плачетъ! Ты грамотный?

— Такъ точно, ваше превосходительство, грамотный.

— И писать можешь?

— Такъ точно-съ, могу.

— Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей, пошли сегодня-же домой, слышишь? Тебѣ скажутъ, какъ это сдѣлать... Да квитанцію принеси мнѣ.

Какъ онъ умѣлъ говорить съ солдатами, знаютъ тѣ, кто видѣлъ его съ ними. Они понимали его съ полуслова. Скобелевъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы дать солдатамъ урокъ. Однажды пришло около ста новобранцевъ и Михаилъ Дмитріевичъ увидѣлъ ихъ и сейчасъ-же рѣшилъ дать имъ урокъ атаки на батарею.

— Ну, братцы, какъ вы пушку станете брать?

— А на уру, ваше превосходительство!

— Ура—урой... А вы умомъ раскиньте... Знаете-ли что такое картечь? Ну, вотъ бросились вы, уру закричали—непріятель выпалилъ изъ орудія, двадцать изъ васъ легло... Сколько васъ теперь осталось? Восемьдесятъ! Отойдите, двадцать человѣкъ! это вотъ убитые, слышите-ли? Ихъ ужь нѣтъ... Ну, что вы будете дѣлать‘ половчѣе чтобы вышло?

— А мы, ваше превосходительство, покуль онъ опять зарядъ, значитъ, положитъ, тутъ на него и навалимся... Штыкой его...

— Ну, теперь молодцы-ребята! Значитъ, поняли меня... Идемъ кашу ѣсть!

И генералъ взялъ деревянную ложку у перваго попавшагося солдата и засѣлъ за общій котелъ.

— Енъ, братъ, и ѣстъ-то по-нашему,—говорили потомъ солдаты...

Когда пришло приказаніе ставить минныя загражденія черезъ Дунай, Скобелевъ весь ушелъ въ дѣло. Заграждения предположено было ставить у Парапана, деревушки въ верстахъ пятнадцати за Журжей и тоже по Дунаю. Минный катеръ „Шутка“, которымъ командовалъ молодой лейтенантъ Скрыдловъ, долженъ былъ отогнать стоявшій у турецкаго берега мониторъ. Для прикрытія атаки „Шутки“ на турецкую махину былъ назначенъ 15-й баталіонъ изъ знаменитой впослѣдствіи четвертой стрѣлковой бригады, которую Скобелевъ впослѣдствіи и прозвалъ „желѣзною“. Какъ было принято, вызвали прежде всего охотниковъ. На этотъ вызовъ весь баталіонъ, какъ по командѣ, шагнулъ впередъ.

— Это лучше!—замѣтилъ присутствовавшій тутъ-же Скобелевъ,—по моему никакихъ охотниковъ не должно быть. Каждый долженъ быть охотникомъ... Дѣло—праздникъ для всякаго воина... Какіе-же тутъ охотники!

Было выбрано сто двадцать человѣкъ, къ нимъ командировано трое офицеровъ. Вмѣстѣ съ сотней уральскихъ казаковъ и полевой батареей это составило небольшой отрядъ прикрытія минныхъ работъ. Офицеры было повели солдатъ, когда Скобелевъ остановилъ ихъ:

— Постойте... Такъ нельзя... Солдатъ долженъ всегда знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ... Сознательный солдатъ въ тысячу разъ дороже безсознательнаго исполнителя... Уральцамъ я уже объяснилъ...

Затѣмъ Скобелевъ обратился къ стрѣлкамъ:

— Здорово, молодцы!

Тѣ ему отвѣтили.

— Знаете-ли, куда вы теперь идете?

Солдаты замялись.

— Въ Барабанъ, ваше превосходительство!

— Ну все равно, Парапанъ или Барабанъ... А зачѣмъ?

— Турку бить!

— Турка бить всегда слѣдуетъ... Какъ твоя фамилія?

Солдатъ отвѣчаетъ.

— Видно, что удалой... Скоро георгіевскимъ кавалеромъ будешь... А только мы теперь вовсе не турку бить идемъ... Намъ, братъ, другое дѣло нужно обработать... Скоро мы на ту сторону Дуная перебросимся, поняли?

— Такъ точно, ваше превосходительство, поняли!

— Ну, то-то... Сидѣть на одномъ мѣстѣ у молдаванъ надоѣло, и работы солдату надо!

— Это точно...

— Ну вотъ, мы воевать пришли, а непріятель на той сторонѣ, онъ къ намъ не придетъ—ему у себя чудесно, намъ нужно его выбить оттуда... выбьемъ вѣдь, орлы?

— Рады стараться!—повеселѣли солдаты.

— А чтобъ выбить, намъ нужно перейти черезъ Дунай... Тутъ-то намъ и достанется... Станемъ мы перебираться туда, турокъ-то вѣдь тоже не дуракъ, онъ на наши плоты да лодки мониторы свои пуститъ. Видѣли вы, каковы мониторы-то, вонъ тѣ, что у того берега пыхтятъ?

— Видѣли, ваше превосходительство!

— Они насъ и перетопятъ. Ну, а мы хитрѣе турокъ. Мы въ воду такія мины поставимъ, что ему сквозь нихъ и не проплыть, только онъ на нихъ наткнется, тутъ его и взорветъ... Мы-то у него передъ самимъ носомъ и перейдемъ рѣку.

— Рады стараться!—сами уже отозвались солдаты, понявшіе въ чемъ дѣло.

— Это совсѣмъ не такой, какъ другіе!—толковали потомъ они между собой.—Этотъ понятный совсѣмъ!..

Такъ на первыхъ порахъ имя „понятнаго генерала“ и осталось за Скобелевымъ *).

Постановка минныхъ заграждений удалась превосходно и стоила отряду прикрытія ничтожныхъ потерь.

---

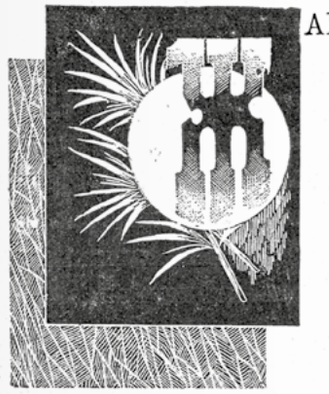
*) В. И. Немировичъ-Данченко: «Скобелевъ».

И Скобелевъ оставался вѣренъ себѣ во все это время стоянки на Дунаѣ. Офицеры встрѣчали въ немъ прекраснаго, отзывчиваго товарища, солдаты—добраго, съ рѣдкой заботой относившагося къ ихъ житью бытью и всѣми силами старавшагося облегчить ихъ тяготы. Слава молодого Скобелева все разросталась и разросталась, но все-таки онъ оставался „въ тѣни“...

А между тѣмъ близко было уже то время, когда громъ войны долженъ былъ огласить своими раскатами долины Болгаріи.

XVIII.

Не у дѣлъ.



ЖАРКІЙ день 14 іюня 1877 г. клонился замѣтно къ сумеркамъ.

Съ тихо катившаго свои волны Дуная повѣвалъ прохладный бодрящій вѣтерокъ. Грязноватый придунайскій городокъ Зимница какъ-то особенно молчаливо встрѣчалъ наступавшій вечеръ. Жители городка, обыкновенно суетливые, шумливые, румыны, валахи, молдаване, теперь бродили по улицамъ, какъ сонныя мухи. Кто могъ, тотъ подальше прятался въ дома, въ погреба, а нѣтъ, такъ и старался совсѣмъ уйти съ берега этой великой славянской рѣки, раздѣлявшей русскихъ отъ турокъ и постоянно оглашаемой громомъ пушечныхъ выстрѣловъ...

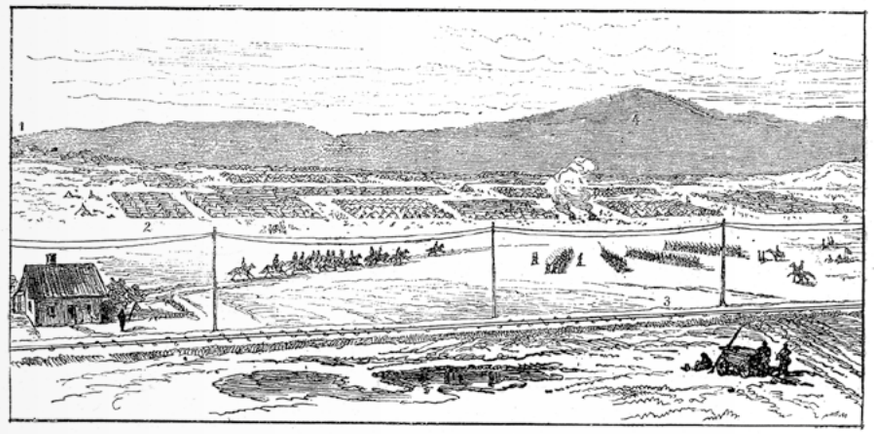
За Зимницей раскинулся лагерь. На огромномъ полѣ

правильными рядами бѣлѣлись палатки. Стояли бивакомъ полки, только-что наканунѣ, и даже въ ночь, пришедшіе откуда-то съ устья Дуная.

Подъ берегомъ, почти у самой воды, нѣсколько ниже Зимницы, копались въ землѣ саперы, вырывавшіе рвы и наскоро набрасывавшіе земляные завалы. Изрѣдка, на противоположномъ берегу, занятомъ турками, вздымалось бѣлесоватое облачко, громыхалъ орудійный выстрѣлъ и взвивался надъ Дунаемъ шипящій, свистящій турецкій снарядъ. Это турки, батареи которыхъ были у Систова, пытались своими выстрѣлами отогнать рабочихъ съ берега Дуная.

На турецкіе выстрѣлы русскіе почти и вниманія не обращали: привыкли къ нимъ. Да и какъ не привыкнуть! Уже два мѣсяца грохотали надъ Дунаемъ и русскія и турецкія пушки. Неизвѣстныя дотолѣ имена лейтенантовъ Макарова, Рождественскаго, Шестакова, Дубасова, Скрыдлова, мичмановъ Нилова, Аренса, Баля вдругъ получили громкую популярность. Первые два мѣсяца войны вся слава выпадала на долю моряковъ и только всего за четыре дня до того, съ котораго начинается этотъ разсказъ, геройскимъ переходомъ черезъ Дунай у Галаца впервые показала себя врагу и русская сухопутная армія.

Тому, что около Зимницы, вѣрнѣе, за Зимницей, собралось столько войска: цѣлая „трехмихайловская дивизія“—какъ называли тогда на Дунаѣ 14 пѣхотную дивизію, оттого, что и ея дивизіонный, ген.-л. Драгомировъ, и оба бригадные генерала носили имя Михаилъ,—пластуны, сильная артиллерія,—никто особеннаго значенія не придавалъ. Цѣлыхъ два мѣсяца передвигались съ одного пункта на другой полки. Приходили, отдыхали, уходили; на смѣну имъ являлись новые и такъ безъ конца... Общее мнѣніе, даже не мнѣніе, а убѣжденіе было таково, что переправляться русскія войска черезъ Дунай будутъ отъ городка Турну-Магурелли на Никополь и что для переправы предназначается десятый корпусъ. Въ дер. Фламунда, близъ Турну-Магурелли былъ самъ Государь Императоръ, Августѣйшій Главнокомандующій Дунайской арміей великій князь Николай Николаевичъ, весь штабъ, вся свита государя и это обстоятельство только поддерживало общее предположеніе, что переправа будетъ произведена выше, на Никополь. Появленіе-же у Зимницы драгомировской дивизіи объяснялось лишь тѣмъ, что составлявшіе ее



ЛАГЕРЬ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

полки перейдутъ къ Турну-Магурелли по первому требованію подкрѣпленій.

Но въ сумерки случилось новое обстоятельство, давшее поводъ къ новымъ обильнылъ предположеніямъ.

Въ Зимницу примчался находившійся „не у дѣлъ“ генералъ-майоръ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Не повезло Михаилу Дмитріевичу на Дунаѣ... Перемѣненъ былъ весь составъ казачьей кавказской бригады, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ ея вмѣсто Дмитрія Ивановича Скобелева назначенъ былъ полковникъ Тутолминъ.

Скобелевъ-сынъ дѣйствительно остался „не у дѣлъ“...

Но Михаилъ Дмитріевичъ и тутъ затаилъ въ себѣ горечь новой неудачи; онъ не ушелъ съ войны, а остался

при штабѣ, гдѣ былъ и его другъ и любимецъ по Туркестану и Коканду капитанъ Куропаткинъ.

Появленіе Скобелева въ Зимницѣ было „первой ласточкой“, возвѣстившей близость важныхъ событій.

Не было офицерскаго кружка, гдѣ-бы не говорили о Скобелевѣ въ сумерки этого памятнаго и для Россіи и для Турціи дня...

— Что онъ только будетъ дѣлать здѣсь?—толковали одни.

— Должно быть, есть дѣло... Даромъ-бы не появился: не таковскій...

— Опять еще что-нибудь выкинетъ, какъ тогда на Дунаѣ!

Кавказская казачья бригада стояла подъ Журжею, небольшимъ городкомъ на берегу Дуная, приходившемся наискось отъ турецкой крѣпости Рущукъ. Въ одну ночь, болѣе темную, чѣмъ предшествовавшія, Скобелевъ, бывшій тогда еще начальникомъ штаба бригады, задумалъ произвесть развѣдку непріятельскаго берега. На лодкѣ, гребцами которой были казаки, онъ съ нѣсколькими офицерами перебрался черезъ Дунай и проплылъ вдоль всего берега, охранявшагося турецкимъ мониторомъ. Около послѣдняго онъ прошелъ такъ, что лодка касалась почти самаго борта турецкаго судна. Часовые на мониторѣ замѣтили смѣльчаковъ и начали стрѣлять, а Михаилъ Дмитріевичъ, нисколько не задумавшись, принялся отстрѣливаться изъ револьвера. На турецкомъ берегу поднялся страшный переполохъ. Изъ Рущука заговорили даже пушки, въ Журжу посыпались турецкія гранаты, и смѣльчаки тѣмъ временемъ успѣли благополучно добраться до своего берега.

И такой случай со Скобелевымъ былъ не единственнымъ въ своемъ родѣ. О нихъ-то, какъ о безумствѣ, и говорили въ офицерскихъ кружкахъ.

— Ну, здѣсь этого не позволятъ!—убѣжденно отвѣчали тѣмъ, кто вспоминалъ о рущукской рекогносцировкѣ—здѣсь не папенька родимый, а настоящее военное начальство, умѣющее и не такихъ сорванцовъ сдерживать.

— Начальство-то начальство, а генералъ Скобелевъ устроился какъ-бы ординарцемъ при нашемъ Драгомировѣ!—утверждали болѣе освѣдомленные.

— Какъ такъ ординарцемъ? Недавній военный губернаторъ-то?

— Конечно, не настоящимъ, а только онъ будетъ при Драгомировѣ находиться! Пріятели вѣдь они, на „ты“ даже. Другого ничего не нашлось, такъ и это хорошо... А все-таки, если Скобелевъ здѣсь, значитъ, предстоитъ какое то дѣло...

Да, дѣло предстояло... Вскорѣ послѣ Скобелева прибылъ въ Зимницу великій князь Николай Николаевичъ младшій, а еще немного спустя явилась сводная полурота собственнаго Его Величества конвоя подъ командою флигель-адъютанта полковника Озерова.

Теперь въ самомъ дѣлѣ не могло быть сомнѣній: переправа на турецкую сторону должна была произойти не у Никополя, а у Систова...

Когда стемнѣло, въ рукавъ Дуная между островомъ Бужареску, правымъ берегомъ совершенно незамѣтно для турокъ проскользнула понтонная флотилія. Прошло еще не болѣе часу и по полкамъ было объявлено, что въ эту ночь они пойдутъ за Дунай.

Ночь окутала своимъ непроницаемымъ покровомъ и Дунай и оба его берега. Около Зимницы и на противоположномъ берегу воцарилась мертвая тишина. Тихо, безъ малѣйшаго шума выдвигался изъ-за Зимницы назначенный въ первую очередь на Дунай волынскій полкъ; впереди его къ берегу проскользнули словно утки пластуны. Вдругъ загремѣла невдалекѣ канонада. Это русскія батареи между Турну-Магурелли и Фламундою открыли огонь по Никополю. Турки, ожидавшіе переправы именно здѣсь,

съ величайшей энергіей начали отвѣчать изъ своихъ орудій русскимъ, но систовскія батареи молчали. Все вниманіе здѣшнихъ турокъ отвлечено было къ Никополю.

А между тѣмъ по Дунаю, огибая второй, близкій къ лѣвому берегу островъ—Адду, плыли уже понтоны. Ихъ сносило быстрое теченіе, но гребцы напрягали всѣ усилія и старались попасть въ высохшее устье рѣчки Текиръ-дере, куда распоряжавшійся переправой ген. Драгомировъ направилъ высадку.

Не одно сердце въ эти мгновенія билось смертной тревогой, не одна рука машинально творила крестное знаменіе, а высохшія отъ волненія губы шептали молитву, подсказанную войскамъ въ отданномъ въ этотъ вечеръ драгомировскомъ приказѣ: „Господи силъ, съ нами буди!“

Ген. Драгомировъ съ великимъ княземъ, обоими своими дивизіонными, Скобелевымъ и всею свитою стоялъ на берегу, съ лихорадочнымъ напряженіемъ вглядываясь въ покрытую ночнымъ мракомъ даль праваго берега. Прошло уже болѣе часа съ того времени, какъ отплыла первая очередь. Вдругъ словно молнія прорѣзала мракъ и на противоположномъ берегу раздался заглушенный далью и вѣтромъ трескъ ружейнаго выстрѣла, за нимъ послышался другой, третій и яркимъ пламенемъ вспыхнулъ на правомъ берегу соломенный сигнальный столбъ...

Словно электрическая искра пробѣжала по всѣмъ, кто былъ въ эти минуты около Драгомирова...

— Началось! Господи, помоги намъ!—пронесся тихій, какъ вздохъ, шопотъ.

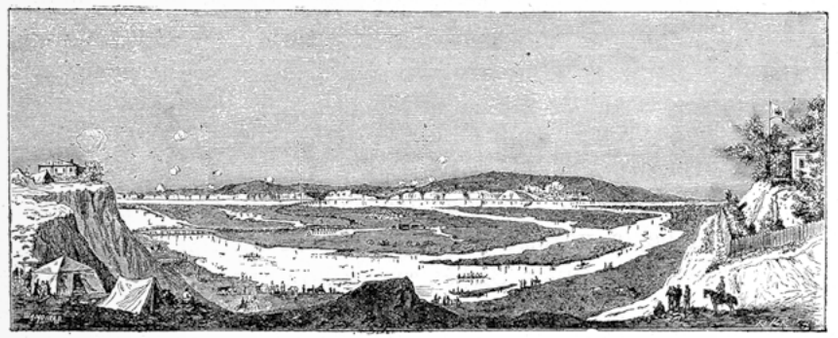
На правомъ берегу разгорался бой. Огненными змѣями вспыхивали линіи залповыхъ выстрѣловъ. Загрохотали орудія околосистовскихъ батарей. Оставляя огненный слѣдъ, то и дѣло взвивались надъ Дунаемъ турецкіе снаряды. Таиться нечего было болѣе. Заговорили и русскія пушки на лѣвомъ берегу. Теперь снаряды такъ и крестили воздухъ; съ того мѣста, гдѣ днемъ копались

саперы и солдаты-рабочіе, затрещали ружейные выстрѣлы. Тамъ въ наскоро вырытыхъ траншеяхъ засѣли брянцы. Съ Адды гремѣли пушки.

Вдругъ среди этого страшнаго хаоса звуковъ, покрывая ружейную пальбу, глуша даже отрывистые пушечные удары, разлилось русское „ура“...

— Высадились! — пробѣжалъ опять едва слышный шопотъ.

На берегу уже отчаливали понтоны со второй очередью. Ночь прошла. Сѣрая мгла покрывала теперь землю



ПЕРЕПРАВА РУССКИХЪ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ У ЗИМНИЦЫ, ВИДЪ ИЗЪ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ.

вмѣсто непроницаемаго мрака. Одновременно со второй очередью рѣшилъ переправиться на лѣвый берегъ и Драгомировъ.

Вмѣстѣ съ нимъ отправился и Скобелевъ.

Михаилъ Дмитріевичъ въ это жаркое лѣтнее утро былъ единственнымъ человѣкомъ во всемъ переправлявшемся отрядѣ, одѣтымъ по-лѣтнему. Всѣ солдаты и офицеры волынскаго и минскаго полковъ, назначенныхъ для переправы, были въ зимнихъ черныхъ мундирахъ и въ кепи безъ бѣлыхъ чехловъ. Талантливый руководитель переправы предусмотрѣлъ и то обстоятельство, что бѣлыя рубахи и бѣлые чехлы на кепи будутъ замѣтнымъ пятномъ среди ночного мрака и одѣлъ переправлявшіеся

полки по-зимнему. Скобелевъ составлялъ исключеніе. На немъ былъ бѣлый китель, бѣлая фуражка, но это уже было безразлично; Драгомировъ со своей свитой переправлялся тогда, когда бой на правомъ берегу кипѣлъ, расширяясь все болѣе и болѣе.

Первыми на правый берегъ высадились пластуны и, овладѣвъ турецкою караулкою, пробились по прямому направленію вглубь отъ берега. Затѣмъ волынскія роты подъ начальствомъ капитана Остапова, одолѣвъ первое сопротивленіе турокъ, растянулись отъ берега по направленію къ пластунамъ. Другія роты подъ командой капитана Фока заняли берегъ высохшей рѣчки Текиръ-дере. Явился четыреугольникъ, три стороны котораго образовывали живыя линіи, а четвертую—Дунай. Вся задача пока состояла въ томъ, чтобы не пустить турокъ внутрь этого четыреугольника.

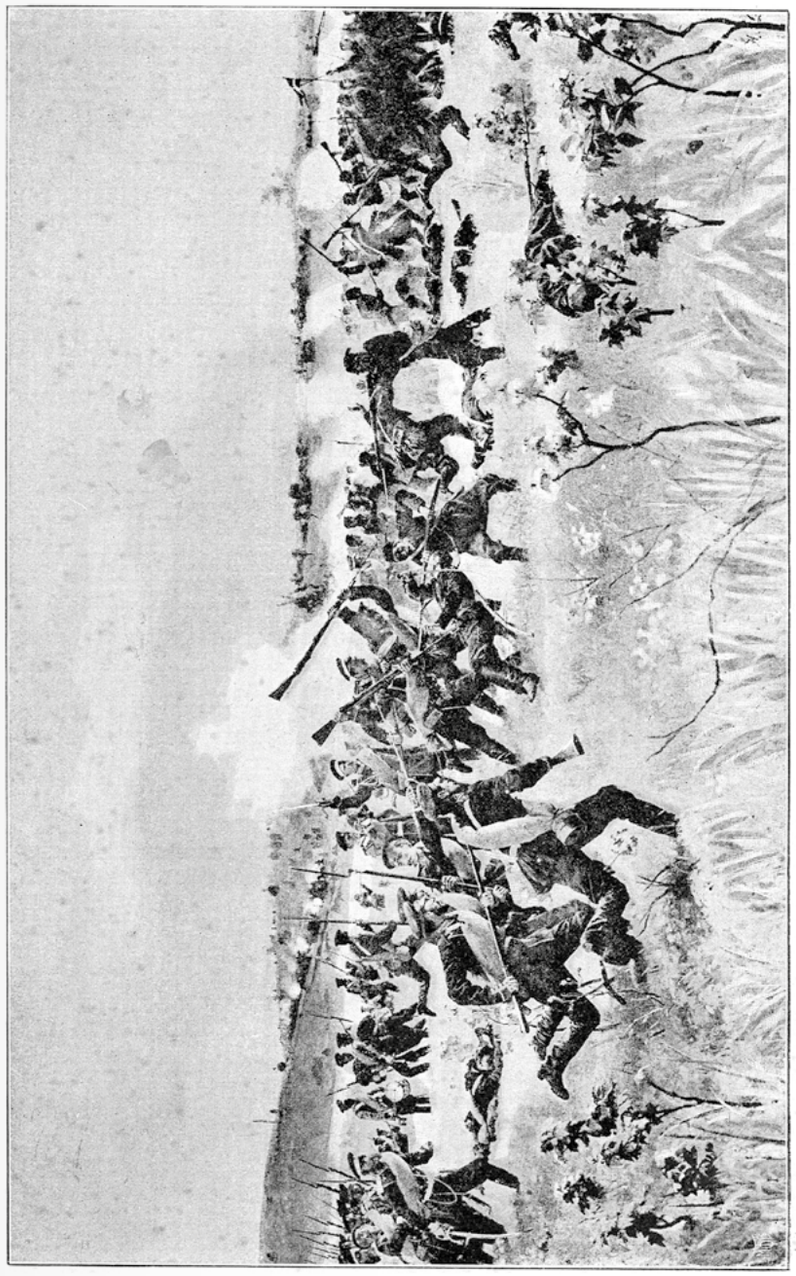
Круче всѣхъ доставалось ротамъ, засѣвшимъ на Текиръ-дере, а потомъ перебравшимся на правый берегъ этой высохшей рѣчки. Здѣсь турки ломили съ отчаяннымъ упорствомъ. Изъ сосѣдняго лагеря въ Варденѣ прибыли къ первымъ бойцамъ многочисленныя подкрѣпленія; изъ Рущука тоже спѣшили сюда новыя массы. Прорывъ турокъ здѣсь грозилъ ужаснымъ несчастіемъ: массы ихъ смяли-бы, скинули-бы въ Дунай всѣхъ переправившихся волынцевъ и, занявъ надбрежныя высоты, не подпустили бы близко къ берегу ни одного понтона.

Однако, какъ только высадился Драгомировъ и осмотрѣлъ поле отчаянной битвы, Михаилъ Дмитріевичъ, бывшій съ нимъ, радостно воскликнулъ:

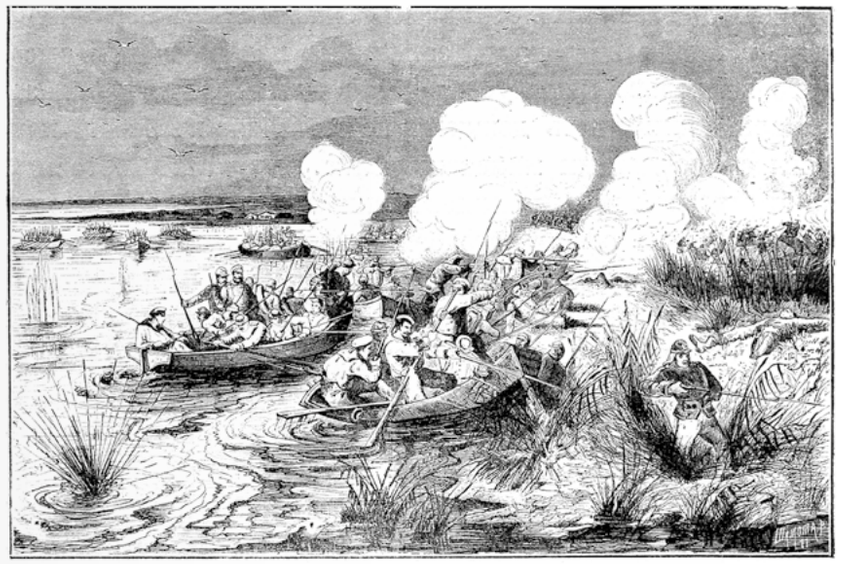
— Поздравляю тебя съ побѣдою!

— Это какъ?—удивился Драгомировъ,—откуда ты знаешь?

— Побѣда написана на лицахъ твоихъ солдатъ!—отвѣтилъ улыбаясь Михаилъ Дмитріевичъ,—вотъ увидишь самъ!



Бой на Систовскихъ высотахъ 15 іюня 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.



ВЫСАДКА ПЛАСТУНОВЪ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГЪ ДУНАЯ.

Живя постоянно среди солдатъ, Скобелевъ научился понимать ихъ. Онъ различалъ такіе признаки, подмѣчалъ такія выраженія ихъ лицъ, какія оставались незамѣтными для людей, не обладавшихъ способностью проникновенія въ чужія души. Для него лицо солдата, голосъ, которымъ онъ выкрикивалъ свой боевой кличъ, были открытыми книгами и онъ выучился читать эти лица-книги безъ ошибки.

Бой у Систова былъ первымъ серьезнымъ дѣломъ для Скобелева, хотя онъ и не участвовалъ въ немъ, а лишь только присутствовалъ при немъ. Но это не мѣшало ему наблюдать за всѣмъ происходившимъ передъ его глазами, и наблюдательность говорила ему о несомнѣнной побѣдѣ...

И Скобелевъ оказался правъ, поздравляя руководившаго переправой Драгомирова съ побѣдою ранѣе, чѣмъ выяснились даже приблизительно результаты этой битвы, исходъ которой подготовленъ былъ столько же храбростью русскихъ богатырей, сколько и талантомъ ихъ вождя...

Часть турецкихъ стрѣлковъ, снабженныхъ огромнымъ количествомъ патроновъ, засѣли на надбрежныхъ высотахъ нѣсколько ниже устья Текиръ-дере. Отсюда они засыпали свинцовымъ дождемъ подходившіе къ берегу понтоны съ солдатами минскаго полка. Поручикъ Моторный съ стрѣлковой ротой минцевъ кинулся на утесы и послѣ недолгаго, но отчаяннаго боя очистилъ ихъ отъ непріятеля. Теперь высадка была обезпечена и прошло послѣ этого очень немного времени, а въ первоначальномъ четвероугольникѣ оказалось столько русскихъ силъ, что въ побѣдномъ исходѣ битвы не могло быть сомнѣнія...

Даже перестрѣлка стала затихать и лишь у Текиръ-дере безостановочно трещали выстрѣлы.

Разгорячившіеся солдаты, разсыпанные вдоль берега длинною цѣпью, слали пуля за пулей медленно отходившему непріятелю...

— Правъ я?—спрашивалъ Михаилъ Дмитріевичъ у Драгомирова.—Побѣда?

— Полная!—согласился тотъ.—Чего тамъ на лѣвомъ флангѣ стрѣляютъ? И послать къ нимъ некого, чтобы перестали.

Всѣ ординарцы руководителя переправы были разосланы съ донесеніями и распоряженіями; не было даже казаковъ, высланныхъ срывать проволоку побережнаго телеграфа.

— Позволь я передамъ на лѣвый флангъ твое распоряженіе!—вызвался Скобелевъ.

— Ты?—изумился обрадованный успѣхомъ побѣдитель.

— Да! Вѣдь послушаются-же они генерала, если-бы онъ даже выступилъ въ роли ординарца.

Позволеніе было дано. На лѣвомъ флангѣ стрѣлки лежали на землѣ и вотъ они увидали молодого, высокаго, стройнаго генерала, въ бѣломъ кителѣ, съ двумя георгіевскими крестами на груди, шедшаго медленно вдоль ихъ

цѣпи и приказывавшаго имъ прекратить огонь. Въ воздухѣ, словно несчетные шмели, жужжали турецкія пули. Смерть все еще носилась надъ полемъ битвы, а молодой генералъ шелъ, выпрямившись во весь свой ростъ, съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто былъ увѣренъ, что ни одна изъ шипѣвшихъ вокругъ него пуль даже не задѣнетъ его...

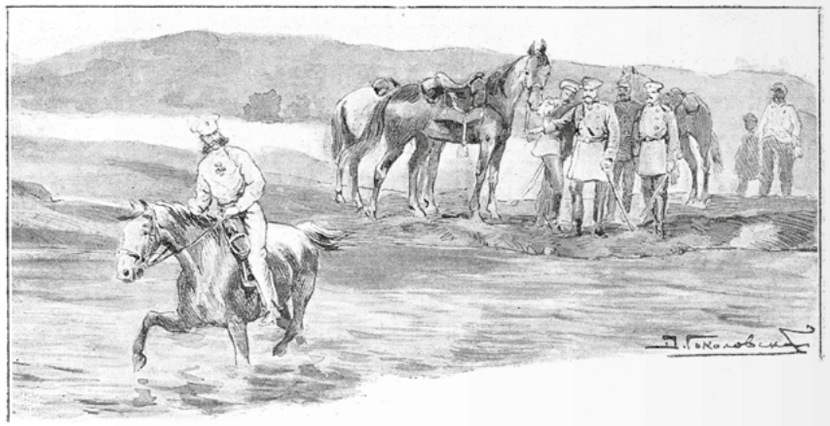
Трескъ русскихъ выстрѣловъ смолкъ, какъ бы по мановенію ока.

Солдаты забыли и о туркахъ, и о только что пережитыхъ ужасахъ боя. Всѣ они съ величайшимъ изумленіемъ смотрѣли на храбреца-генерала и вдругъ изъ устъ въ уста полилось только одно слово:

— Скобелевъ!

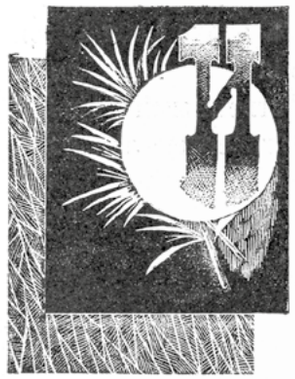
А Михаилъ Дмитріевичъ шелъ спокойный, улыбающійся. По временамъ онъ останавливался и заговаривалъ съ солдатами. Вытягивавшимся передъ нимъ офицерамъ онъ пожималъ руки, разспрашивалъ о высадкѣ, о первыхъ моментахъ боя, и вслѣдъ ему неслось восторженное, радостное „ура“ солдатъ, увидавшихъ около себя героя, о которомъ шелъ слухъ по всей Россіи.

Теперь они видѣли его своими собственными глазами, и съ перваго-же раза онъ поразилъ ихъ своею легендарною неустрашимостью.



XIX.

Первое дѣло.



послѣ перехода русской арміи на правый берегъ Дуная Скобелевъ продолжалъ оставаться „не у дѣлъ“. Онъ устроился при штабѣ 14-ой „Драгомировской“ дивизіи, но никакого опредѣленнаго назначенія не имѣлъ. Однако, и въ это время Скобелевъ далъ поводъ говорить о себѣ и говорить именно, какъ объ удальцѣ, какихъ немного было даже и въ русской арміи.

Когда послѣ переправы у Зимницы наводили понтонный мостъ черезъ Дунай, Скобелевъ въ кругу офицеровъ сталъ увѣрять, что для кавалеріи моста не нужно, что кавалеристъ можетъ переплыть всякую рѣку.

— Только не Дунай! — замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Это почему?—такъ и вспыхнулъ Михаилъ Дмитріевичъ.

— При такой ширинѣ рѣки и лошадь, и сѣдокъ выбьются изъ силъ...

Разговоръ происходилъ днемъ. Скобелевъ только одинъ стоялъ за то, что переплыть Дунай возможно. Даже офицеры казачьей бригады были противъ него. Чтобы доказать имъ правоту своего взгляда, Скобелевъ приказалъ подать коня и на глазахъ всѣхъ, кто спорилъ съ нимъ, дважды переплылъ черезъ Дунай...

— И пуля его не беретъ и въ водѣ онъ не тонетъ! —говорили солдатики, узнавъ объ этой переправѣ.

— Святой Георгій на водѣ поддержалъ!

Михаилъ Дмитріевичъ раздѣлся предъ переправой, но орденъ св. Георгія все-таки оставилъ на себѣ.

— А ежели пуля не беретъ, такъ это отъ того, что заговоренъ онъ,—объясняли солдатики.

— Какъ заговоренъ?

— Такъ... Когда подъ Хиву ходилъ, такъ его одна хивинка-старуха заговорила, семь денъ по пескамъ возила и отъ пуль заговаривала!

Такимъ дошелъ до простыхъ русскихъ людей слухъ о знаменитой развѣдкѣ Скобелева отъ Змукшира къ Орта-Кую. Увѣренность въ справедливости этого слуха особенно вселяло присутствіе у Скобелева личнаго слуги-туркмена, того самого джигита, который былъ при немъ проводникомъ въ его знаменитой степной рекогносцировкѣ.

Кто былъ повыше, имѣлъ на Скобелева совсѣмъ иные взгляды.

— Къ чему эта рисовка? — говорили среди штабныхъ,—онъ просто хочетъ доказать, что не даромъ получилъ за халатниковъ свои кресты...

Были случаи, когда Скобелева прямо оскорбляли.

Разъ онъ сдѣлалъ рекогносцировку, которую считалъ крайне необходимою.

— Ступайте и сидите у своей палатки, пока васъ не позовутъ! — высокомѣрно оборвали молодого генерала.

Скобелевъ послѣ этого даже заболѣлъ отъ тоски и обиды.

— Брошу все! — говорилъ онъ, — отпрошусь обратно въ Россію и, когда кончится война, сниму мундиръ и стану служить земству... Въ деревню уйду...

Однако, не ушелъ: призваніе приковывало его къ войнѣ...

Первыми оцѣнили по достоинству молодого генерала и какъ бы провидѣли въ немъ его выдающееся дарованіе генералъ Драгомировъ и тогдашній военный министръ графъ Милютинъ.

Драгомировъ даже устроилъ такъ, что Скобелеву выпалъ случай „попасть въ дѣло“.

Вскорѣ послѣ перехода черезъ Дунай занято было Тырново, древняя столица Болгаріи. Послѣ этого образованъ былъ подъ начальствомъ генерала Гурко „передовой отрядъ“. Гурко провелъ черезъ Балканы свой отрядъ по Ханкіоскому горному проходу и спустился съ горъ въ долину рѣки Тунджи. Въ Балканахъ-же на Шипкинскомъ перевалѣ остались турки, занимавшіе неподступныя позиціи на горѣ св. Николая. Предположено было ударить на турокъ сразу съ двухъ сторонъ: отъ Габрова въ Предбалканьѣ и изъ Казанлыка въ Забалканьѣ. Попытки окончились неудачею. Наконецъ, посланъ былъ Скобелевъ, но когда онъ съ даннымъ ему отрядомъ подошелъ къ турецкой позиціи, она уже оказалась оставленной турками. Скобелевъ и Гурко съѣхались на перевалѣ и нашли тамъ только обезглавленныя тѣла русскихъ, павшихъ при атакахъ на перевалъ. Въ числѣ ихъ было и тѣло есаула пластуновъ Баштанникова, совершенно исковерканнаго турками.

Казалось, сама судьба теперь „не давала ходу“ молодому богатырю...

Между тѣмъ военная гроза уже бушевала надъ Болгаріей...

Палъ Никополь и совсѣмъ неожиданно русскіе наткнулись на сильнѣйшую турецкую армію Османа-паши, засѣвшую въ Плевнѣ.

Обыкновенный болгарскій городокъ, приткнувшійся въ долинѣ рѣки Вида, былъ этотъ „Плевокъ“, какъ прозвали сначала Плевну русскіе остряки. Всего на восемь верстъ раскинулась треугольникомъ Плевненская равнина. На востокѣ она очень узка—не болѣе версты, но за то на западъ къ рѣкѣ Виду расширяется и у праваго берега этой рѣки достигаетъ почти пяти верстъ въ ширину.

Въ сторону Дуная отъ Плевны и за нею въ сторону Балканъ, т.-е. къ сѣверу и югу поднимаются высоты — стѣны, созданныя самой природою. Кое-гдѣ высоты сходятся и образуютъ ущелья съ отвѣсными кручами.

Орошена Плевненская долина рѣкою Гривицею, притокомъ Вида и Тученицею, притокомъ Гривицы. Гривица течетъ всего двадцать двѣ версты и образуется у болгарскаго селенія того-же имени изъ трехъ ручьевъ. Тученица течетъ къ Гривицѣ съ юго-востока, начинаясь неподалеку отъ соименной ей деревни. Она вьется между поросшихъ лѣсомъ высотъ, круто спускающихся своими отвѣсами къ ея руслу. Въ Плевненскую долину рѣка входитъ чрезъ столь узкое ущелье, что въ иныхъ мѣстахъ горы едва не сходятся между собою. На востокъ отъ Тученицы находятся Радишевскія высоты, на западъ къ Виду „Зеленыя горы“ — три горныхъ хребта, покрытыхъ лѣсомъ и виноградниками.

Въ первый разъ, когда русскія войска явились подъ Плевну, Зеленыя горы не были заняты турками, и здѣсь стояла кавказская казачья бригада, которой въ это время командовалъ полковникъ Тутолминъ.

Этотъ бой 8 іюля закончился неудачею для русскихъ,

и рѣшено было снова атаковать Плевну 18 іюля, т.-е. черезъ десять дней.

Османъ-паша, засѣвшій въ Плевнѣ, пользовался каждымъ проходившимъ днемъ. Онъ отовсюду стягивалъ къ себѣ какія только возможно было силы. Къ нему подходили подкрѣпленія изъ-за Балканъ. По Софійскому шоссе, ведшему отъ Плевны за Балканы, тянулись обозы съ провіантомъ и боевыми снарядами. Турецкій полководецъ даже отбилъ у русскихъ Ловчу, городокъ вблизи Балканскихъ горъ, черезъ который Османъ-паша могъ всегда имѣть сношенія съ главными силами арміи. Съ Плевной русскимъ нужно было покончить во что-бы то ни стало, ибо Османъ-паша съ засѣвшей тамъ арміей постоянно грозилъ обрушиться на войска, стоявшія у Систова, и уничтожить переправу черезъ Дунай.

Атаковать Плевну во второй разъ рѣшено было съ востока и юго-востока: отъ селенія Гривицы и на Радишевскія горы.

На Гривицу должны были пойти два отряда—одинъ, состоявшій изъ полковъ пензенскаго, тамбовскаго, козловскаго подъ начальствомъ ген.-лейт. Вельяминова и второй—изъ полковъ архангелогородскаго, вологодскаго и галицкаго, которыми начальствовалъ потерпѣвшій 8-го іюля неудачу подъ Плевной ген.-лейт. Шильдеръ-Шулодперъ. Артиллерію этихъ отрядовъ составляла 31 артиллерійская бригада.

На юго-востокѣ, гдѣ начальствовалъ командиръ одиннадцатаго корпуса, ген.-лей. кн. Шаховской, долженъ былъ дѣйствовать отрядъ изъ ярославскаго, шуйскаго, курскаго и уральскаго полковъ, поддерживаемыхъ шестью батареями.

Со стороны рѣки Вида были поставлены кавалерійскіе полки: уланскій, бугскій и девятый казачій донской. Къ Зеленымъ горамъ былъ посланъ маленькій отрядикъ изъ кавказской казачьей бригады съ восьмою донской и

конногорной артиллеріей и однимъ баталіономъ курскаго полка.

Роль этого отрядика была самая незначительная. Онъ долженъ былъ не подпускать въ Плевну подкрѣпленій изъ Ловчи, однако, вышло такъ, что въ плевненскомъ бою 18 іюля этотъ отрядъ принялъ видное участіе и даже удержалъ турокъ отъ нападенія на снова потерпѣвшіе въ этотъ день русскіе отряды.

Отрядикъ этотъ былъ ничтоженъ по количеству составлявшихъ его людей, но онъ обладалъ такой боевой силой, что нисколько не уступалъ по доблести другимъ многотысячнымъ отрядамъ: командиромъ его былъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Впервые еще за всѣ три мѣсяца войны выступилъ молодой Скобелевъ въ качествѣ командира отдѣльнаго отряда и показалъ, наконецъ, себя во всемъ блескѣ своего военнаго генія.

Подъ Гривицей и предъ Радишевымъ въ день 18-го іюля гибли сотнями русскіе воины. Ничего они не могли подѣлать, побѣда вторично ускользнула отъ нихъ. Плевненскій тріумфъ утонулъ въ моряхъ напрасно пролитой подъ Плевною крови, но, несмотря на пораженіе, все-таки величайшею славою на вѣки-вѣковъ покрыли себя козловцы, пензенцы, куряне, рыльцы, архангелогородцы, вологодцы, ярославцы, галичане, серпуховцы...

Безпримѣрная ихъ стойкость и отчаянная храбрость не могли принести результатовъ. Радишевскій и Гривицкій отряды были разбиты, отброшены, но не истреблены окончательно непріятелемъ, имѣвшимъ для этого полную возможность...

Скобелевскій отрядикъ связалъ Осману-пашѣ руки тамъ, гдѣ онъ менѣе всего могъ ожидать этого...

Ночь на 18 іюля была туманная, мозглая. Составлявшія Скобелевскій отрядъ части войскъ находились въ селѣ Боготъ, когда къ нимъ примчался Скобелевъ.

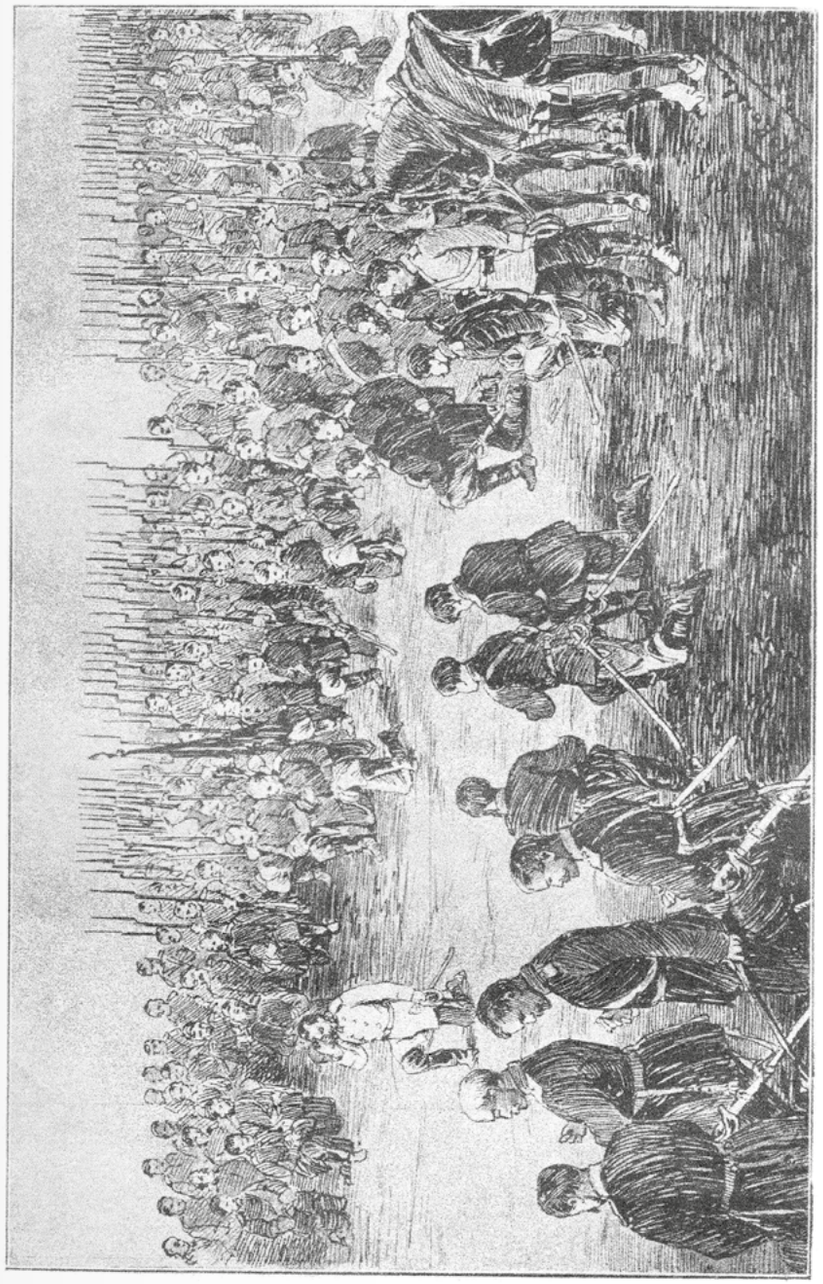
— Съ боемъ, ребята, васъ!—объявилъ онъ,—покажите себя молодцами! Царь на васъ надѣется, Русь за васъ молится... Съ Богомъ смѣло идите, я буду съ вами! Сигнала отступленія не будетъ! если услышите, такъ это вражій, не нашъ!

Прежде чѣмъ выступить, Скобелевъ приказалъ отслужить напутственное молебствіе. Священника не нашли. Тогда онъ построилъ войска „покоемъ“, т.-е. въ видѣ буквы п, и, вызвавъ тѣхъ солдатъ, которые въ мирное время были пѣвчими, приказалъ имъ пропѣть „Отче нашъ“. Среди клубившагося тумана раздались стройные звуки этого пѣснопѣнія, замелькали руки, творившія крестное знаменіе; сердца успокоились, невольная боязнь за близкое грозное будущее смѣнилась быстровозросшею бодростью; всѣ успокоились и готовы были къ бою „какъ къ праздничному пиру“.

Этого именно и добивался Скобелевъ.

Когда была пропѣта молитва, онъ проѣхалъ мимо рядовъ и поздравлялъ всѣхъ „съ дѣломъ“. Ласковый рокотъ голосовъ отвѣтилъ ему на эти поздравленія. Лишь послѣ этого объѣзда Скобелевъ приказалъ выступать.

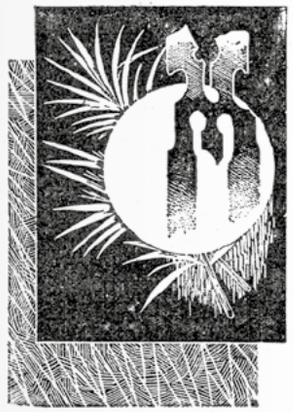
Въ маленькомъ отрядѣ знали, что пунктъ, куда онъ былъ назначенъ—опаснѣйшій. Если-бы атаковывавшимъ отрядамъ удалось выбить турокъ изъ Плевны, они всею своей массою хлынули-бы сюда и раздавили-бы скобелевцевъ. Могли раздавить ихъ и ловчинскіе турки, но всѣ въ отрядѣ шли спокойно, увѣренно, каждый готовъ былъ погибнуть и эту готовность создала мысль, что „со Скобелевымъ отступленія быть не можетъ!“



Скобелевъ приказалъ отслужить напутственное молебствіе.

XX.

Давидъ и Голіафъ.



ОЗГЛАЯ, сырая ночь превратилась въ мозглое, туманное утро. Туманъ такъ и клубился вокругъ казачьихъ сотенъ, двигавшихся съ юга на Плевно-Ловчинское шоссе.

Впереди по всѣмъ направленіямъ разосланы были дозоры, осматривавшіе путь. Михаилъ Дмитріевичъ, командиръ казачьей бригады Тутолминъ и полковникъ Паренсовъ, начальникъ бригаднаго штаба, были при авангардѣ, состоявшемъ изъ двухъ сотенъ кубанцевъ подъ командою войскового старшины князя Кирканова и четырехъ орудій. Остальной казачій отрядъ шелъ позади авангарда верстахъ въ двухъ. Послѣднимъ былъ баталіонъ курянъ подъ начальствомъ маіора Домбровскаго.

Путь былъ утомительный. Курскій баталіонъ шелъ по шоссе, казачьимъ-же сотнямъ приходилось двигаться по сильно всхолмленной равнинѣ. Въ отрядѣ знали, что идутъ къ Зеленымъ горамъ, гдѣ уже побывала бригада въ памятный день 8 іюня, но не знали, не заняты-ли турками эти высоты.

Неизвѣстно было это и самому Скобелеву.

— Есаулъ Астаховъ! — крикнулъ Скобелевъ одному изъ храбрѣйшихъ офицеровъ бригады, — возьмите людей и пощупайте Зеленыя горы, нѣтъ-ли тамъ турокъ!

— Слушаю, ваше превосходительство! — откозырялъ генералу лихой казакъ и черезъ нѣсколько минутъ уже скрылся съ своими удальцами въ клубахъ тумана.

Скобелевскій отрядъ былъ совсѣмъ одинокимъ. Справа отъ него приходился глубокій, съ отвѣсными почти берегами Тученицкій оврагъ. Впереди были Брестовацкія высоты, за ними три гребня Зеленыхъ горъ. Къ рѣкѣ Виду между Брестовацкими высотами, Зелеными горами и Плевной возвышались Кришинскія высоты. Позади отряда была Ловча, откуда каждую минуту можно было ждать турокъ. Враги были впереди и позади, а отъ сообщенія съ отрядомъ кн. Шаховского, единственнаго, отъ котораго можно было ждать подкрѣпленія, отрѣзывала скобелевцевъ Тученица.

Въ Брестовацѣ отрядъ остановился, чтобы подождать Астахова. Скобелевъ воспользовался этимъ временемъ и отдалъ по отряду нѣсколько распоряженій, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что онъ успѣлъ уже обдумать свое положеніе и предугадать случайности, на которыя другой на его мѣстѣ не обратилъ-бы вниманія.

Часть казаковъ онъ отрядилъ подвозить патроны стрѣлкамъ, которые попадутъ въ первую линію. Съ десятокъ другихъ казаковъ онъ назначилъ къ колодцамъ. Они должны были черпать воду и развозить ее во время боя по всѣмъ частямъ отряда. Каждой сотнѣ было указано ея мѣсто и втолковано, что должны были дѣлать люди въ томъ или иномъ случаѣ. Все было предусмотрѣно, все подготовлено, и теперь оставалось только приступить къ дѣлу...

Храбрецъ Астаховъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ побывалъ на всѣхъ зеленогорскихъ гребняхъ и примчался къ Скобелеву съ донесеніемъ, что турокъ тамъ нѣтъ. Радостная улыбка такъ и засіяла на лицѣ Скобелева, когда онъ услышалъ это донесеніе. Онъ и представить себѣ не могъ, чтобы Османъ-паша, считавшійся лучшимъ изъ турецкихъ полководцевъ, не обратилъ вниманія на позицію, являвшуюся ключемъ къ Плевнѣ...

Чтобы обезопасить свой отрядъ, Скобелевъ выслалъ на Видъ бывшихъ въ бригадѣ осетинъ, а къ Тученицкому отряду послалъ кубанскую сотню. Лишь послѣ этого онъ повелъ свой авангардъ на Зеленыя горы, оставивъ главныя силы бригады и подошедшихъ курянъ въ верстѣ отъ себя.

Тихо, безъ звука поднялись въ туманѣ скобелевцы сперва на первый гребень, потомъ, спустившись съ него въ поперечную лощину, перешли на второй, а тамъ заняли и третій. Турокъ не было, но они были близко, очень близко... Ясно доносились до русскихъ громкій гортанный говоръ множества голосовъ, ржанье лошадей, скрипъ колесъ. Только облака тумана раздѣляли противниковъ. Бой ещё не начинался. Соблюдая тишину, Скобелевъ разставилъ на гребнѣ свои орудія, вызвалъ роту курянъ и только дожидался того, чтобы Радишевскій и Гривицкій отряды начали сраженіе.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Туманъ, наконецъ, началъ рѣдѣть, непроницаемая дотолѣ завѣса мало-по-малу раздергиваться. Не одно даже закаленное сердце невольно дрогнуло въ эти мгновенія... Турецкія колонны, готовыя къ отраженію атаки со стороны Гривицы, стояли не болѣе, какъ въ трехстахъ саженяхъ отъ

скобелевскаго отряда! Ихъ было тутъ болѣе двадцати тысячъ... Турки стояли подъ ружьемъ, ихъ конница вытянулась красивою лентою по Софійскому шоссе къ рѣкѣ Виду. Скобелевцевъ турки разсмотрѣли не сразу. Но въ это время со стороны Радишева загрохотали русскія пушки. Скобелевъ сейчасъ-же далъ знать туркамъ о своемъ присутствіи. Загромыхали и его маленькія пушчонки. Картечь, словно градъ, посыпалась на турецкую массу. Это было полною неожиданностью для турокъ. Со стороны Зеленыхъ горъ они совсѣмъ не ждали непріятеля. Въ турецкихъ рядахъ засуматошились, а съ третьяго зеленогорскаго гребня громыхалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. Наконецъ, турки нѣсколько опомнились. Изъ Плевны выдвинуты были орудія и началась жесточайшая канонада. Съ Зеленыхъ горъ русскія пушки отвѣчали турецкимъ, не умолкая. Бой у Гривицы и Радишева уже начался и Скобелевъ выполнилъ главную свою задачу. Часть турецкихъ силъ была отвлечена отъ главныхъ атакующихъ отрядовъ и сила отраженія атаки такимъ образомъ была ослаблена...

Такъ въ артиллерійской перестрѣлкѣ прошло около часу. Османъ-паша сообразилъ, что русскихъ на Зеленыхъ горахъ немного, и рѣшилъ, что сбить засѣвшихъ тамъ смѣльчаковъ будетъ не трудно.

Съ гребня ясно было видно какъ отъ главной массы отдѣлились четыре турецкихъ табора, построились въ боевой порядокъ и съ стрѣлковыми цѣпями впереди пошли прямо къ русской позиціи. Начинался бой — бой, въ которомъ всѣ преимущества были на сторонѣ турокъ. Голіафъ шелъ на Давида. Турки съ фланговъ выпустили черкесовъ. Съ неистовымъ гиканьемъ вынеслись впередъ полудикіе всадники, но съ одной стороны они встрѣтили своихъ кровныхъ враговъ—осетинъ кавказской казачьей бригады, съ другой стороны, не дожидаясь ихъ удара, помчалась сама имъ навстрѣчу лихая кубанская сотня,

АТАКА СКОБЕЛЕВА ПОДЪ ПЛЕВНОЙ.

на гребнѣ-же, спѣшившіеся по приказанію своего вождя, казаки залегли въ кусты и встрѣтили наступавшихъ градомъ пуль. Но наступавшихъ было такъ много, что держаться противъ нихъ было немыслимо. Вѣдь у Скобелева былъ только авангардный отрядъ. Пуль не хватало не только что для того, чтобы сбить турокъ, но даже для того, чтобы разрѣдить ихъ ряды. Видя невозможность борьбы, Скобелевъ отвелъ свой авангардъ на первый гребень и вызвалъ туда остальныя сотни казачьей бригады. Далѣе турокъ не пустили однимъ только ружейнымъ огнемъ. Теперь турки тоже открыли огонь съ занятаго ими средняго гребня. Обѣ стороны засыпали другъ друга пулями. Но и эта перестрѣлка продолжалась не долго. Скобелевъ далъ время отдохнуть курскому баталіону и какъ только узналъ, что куряне оправились, вызвалъ роту и взводъ и кинулъ ихъ на турокъ. Стрѣлки-куряне скатились въ лощину и, не обращая вниманія на непріятельскій огонь, взобрались подъ пулями на средній

гребень. Сейчасъ-же тамъ закипѣлъ штыковой бой. Куряне быстро сбросили врага въ лощину и вслѣдъ за ними взобрались и на третій гребень. Турки съ него были прямо сошвырнуты, но въ это время уже не четыре, а восемь таборовъ кинулись на смѣльчаковъ. Скобелевъ успѣлъ уже поставить на третьемъ гребнѣ орудія и наступавшихъ встрѣтила картечь, а удальцы-куряне не задумались кинуться въ штыки на надвигающуюся на нихъ массу. Этотъ русскій ударъ былъ такъ стремителенъ, что турецкіе низамы поворотили назадъ, но совсѣмъ не ушли, а, залегши за не широкой низиной, начали донимать скобелевцевъ ожесточеннымъ ружейнымъ огнемъ.

Пока происходилъ этотъ бой за зеленогорскіе гребни, полковникъ Тутолминъ успѣлъ отогнать конный отрядъ, явившійся было изъ Ловчи, осетины-же и владикавказцы загнали черкесовъ обратно въ Плевну.

Бой какъ-будто сталъ затихать. Положеніе скобелевцевъ было тяжелое. Они съ ожесточеніемъ дрались уже нѣсколько часовъ. Особенно тяжело доставалось ротѣ курянъ со взводомъ. Этой горсти приходилось отстаивать позицію отъ непріятеля, постоянно мѣнявшагося и потому постоянно свѣжаго. Куряне-же истомлены были до крайности. Вышло солнце и русскимъ пришлось выдерживать бой подъ его палящими лучами. Невыносимая жажда мучила бойцовъ. Казаки-водовозы не успѣвали доставлять изнемогавшимъ товарищамъ воду. Но скоро и воды не стало: колодцы въ Брестовацѣ, откуда добывалась живительная влага, были вычерпаны. Солдаты срывали и сосали дикій виноградъ, чтобы хотя нѣсколько утолить мучительную жажду...

Вдругъ въ Плевнѣ завыли турецкіе сигнальные рожки и передъ истомленной боемъ, усталостью, жаждой горстью русскихъ выдвинулось восемь таборовъ свѣжихъ, еще не бывшихъ въ бою турецкихъ войскъ. Наступало рѣшительное мгновеніе, Османъ-паша готовился раздавить

столь мѣшавшую ему въ этотъ день горсть русскихъ смѣльчаковъ. Скобелевъ вызвалъ на третій гребень остававшіяся въ его послѣднемъ резервѣ три съ половиной курскія роты, а пока онѣ спѣшили на помощь къ своимъ товарищамъ, турецкіе таборы подошли уже безъ выстрѣла, не обращая вниманіе на картечь двухъ русскихъ орудій, совсѣмъ близко къ защитникамъ позиціи. Грозно было это движеніе суровыхъ воиновъ Османа-паши. Они шли безъ крика, въ полномъ молчаніи. Вотъ-вотъ эта живая масса раздавитъ русскихъ удальцовъ! Но когда турки были не болѣе, какъ въ двадцати саженяхъ, Скобелевъ поднялъ одно звено своей стрѣлковой цѣпи и приказалъ ему ударить на турокъ въ штыки. Это было дерзостью: звено— всего четыре солдата! Но Скобелевъ зналъ что дѣлалъ. Ему нужно было только показать. Къ кинувшимся смѣльчакамъ присоединились ихъ сосѣди; раздалось „ура“ и на него, какъ эхо, отвѣтило „ура“ подоспѣвшихъ послѣднихъ курскихъ ротъ. Съ львиной храбростью кинулись куряне на турокъ, врѣзались въ ихъ гущу; начался штыковой бой, и турецкіе таборы, не выдержавъ натиска, ударились бѣжать въ Плевну. Разгоряченные боемъ куряне кинулись вслѣдъ за ними. Много турокъ легло тутъ подъ русскими штыками. Отчаянные удальцы преслѣдовали непріятеля буквально „по пятамъ“ и слѣдомъ за ними ворвались въ Плевну...

Только тутъ турки опомнились и поддержанные свѣжими таборами повернули на курянъ. На улицахъ Плевны закипѣлъ было ожесточенный бой. Куряне попали подъ перекрестный огонь, но едва-едва удалось отозвать ихъ обратно...

Скобелевъ отвелъ свой отрядъ на третій гребень. Зеленыя горы были и остались во власти русскихъ...

День уже склонился къ вечеру, темнота окутывала собой поле ожесточенной битвы. Около Плевны стихали выстрѣлы, скобелевцы попрежнему держались на

Зеленыхъ горахъ, не уступая ни пяди отбитой у врага земли...

Получены были извѣстія, что Гривицкіе и Радишевскій отряды отбиты; тотчасъ послѣ этого въ скобелевскій отрядъ пришло приказаніе князя Шаховского о немедленномъ отступленіи...

Скобелевъ продержался на Зеленыхъ горахъ, пока не были подобраны казаками всѣ раненые и лишь послѣ этого отошелъ непобѣжденный превосходнымъ непріятелемъ, котораго онъ въ теченіе цѣлаго дня имѣлъ противъ себя въ этой прославившей русскихъ воиновъ, хотя и закончившейся неудачею битвѣ...

XXI.

Ловчинская побѣда.

ЗЕЛЕНЫЯ горы — первое въ эту кампанію сраженіе, гдѣ Скобелевъ распоряжался самостоятельно, открыло на него глаза всѣмъ, вѣдавшимъ судьбы войны.

Продержаться цѣлый день съ казаками и однимъ только баталіономъ пѣхоты противъ превосходныхъ силъ Османа-паши и не только продержаться, но нападать на эти силы самому было величайшимъ подвигомъ...

Ночь послѣ „второй Плевны“ была въ полномъ смыслѣ этого слова ночью ужаса. Мракъ спустился надъ полями битвъ совсѣмъ неожиданно. Разгоряченные и увлеченные борьбой люди даже не замѣтили, какъ окутала ихъ ночная темнота. Передвигались, отходя обратно, „на ощупь“. Были отряды, ночевавшіе подъ самой Плевной...

Турки не кинулись вслѣдъ отходившимъ русскимъ изъ Плевны; они такъ и остались сидѣть въ своемъ грозномъ логовищѣ, и это приписывается тому, что Османъ-паша чувствовалъ надъ собой угрозу со стороны Зеленыхъ горъ...

А за Зелеными горами на дорогѣ, по которой отходили герои куряне и казаки, сидѣлъ подъ грушевымъ деревомъ Михаилъ Дмитріевичъ и глаза его были увлажнены слезами. Да, слезами! Китель его былъ испачканъ, изорванъ, окровавленъ. Въ теченіе всего этого дня надъ Скобелевымъ витала постоянно смерть. Въ самыхъ опаснѣйшихъ, осыпаемыхъ градомъ турецкихъ пуль мѣстахъ видна была бѣлая фигура молодого генерала, съ сверкающими глазами, съ высоко поднятой головой. Словно вызовъ врагу, рѣялъ надъ Скобелевымъ его красный значокъ съ буквами „М. Д. С.“ Вокругъ него падали его боевые товарищи, пораженные турецкими стрѣлками. Убитъ былъ его вѣрный джигитъ Назаръ, подъ Скобелевымъ была убита лошадь, но самъ онъ оставался невредимымъ. Когда во время боя пробовали говорить ему объ убыли въ отрядѣ, онъ только грозно сверкалъ очами, а когда бой кончился, плакалъ, не скрывая слезъ, о жертвахъ боя, о безчисленныхъ раненыхъ, длинной вереницей проносимыхъ мимо него... Онъ не думалъ о томъ, что этимъ днемъ начинается его великая слава, что послѣ этого цѣлаго дня отчаянно-ожесточеннаго боя загремитъ повсюду въ русскихъ войскахъ вѣсть о „бѣломъ генералѣ“, онъ помнилъ только то, что ему приходится уходить, не сокрушивъ врага...

Османъ-паша не былъ сокрушенъ. Чудовище-Плевна, внезапно выросшая на пути русскихъ войскъ за Балканы, остановила ихъ. Она ободрила упадавшій было духъ въ войскахъ султана, и какъ-бы въ отвѣтъ на Плевну загремѣли на Балканскихъ вершинахъ знаменитые шипкинскіе бои, гдѣ горсти русскихъ пришлось оборониться противъ превосходныхъ войскъ Сулеймана-паши. Грохотъ Шипки отозвался и въ равнинахъ Предбалканской Болгаріи. Кацелево, Аблово, Караханскіой покрыли славой русское оружіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и показали, что турки достаточно сильны, чтобы не только обороняться, но и самимъ переходить въ наступленіе. Пелишатъ и Сгаловице, гдѣ Османъ-паша произвелъ отчаянную попытку пробиться черезъ русскія заставы, показали, что плевненскій полководецъ не потерялъ присутствія духа и постоянно будетъ грозить русскимъ изъ своей созданной не человѣческими руками, а самой природой крѣпости...

ЗНАМЯ-ФЛАГЪ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

Тогда рѣшено было взять Плевну, но успѣху штурма мѣшала Ловча, гдѣ, по мнѣнію всѣхъ русскихъ стратеговъ, могла создаться такая-же твердыня, какъ и убѣжище Османа...

Ловча лежитъ въ долинѣ, перерѣзываемой съ юга на сѣверъ довольно широкой, но мелководной рѣкою Осма. Вокругъ—кольца высокихъ горъ, гребни которыхъ

всюду представляютъ изъ себя созданныя самою природою укрѣпленія. Съ сѣвера и юга глубокіе ручьи являются какъ-бы естественными рвами. Правый берегъ Осмы выше лѣваго, и его высоты тянутся верстъ на шесть вдоль рѣки. Турки укрѣпили ихъ какъ могли. Въ сторону Плевны поднимается на три версты просторная возвышенность, раскинувшаяся по гребню горъ. Самый городокъ Ловча, ничѣмъ не отличавшійся отъ другихъ болгарскихъ городовъ, расположился по обоимъ берегамъ Осмы, соединеннымъ крытымъ мостомъ. Черезъ городъ проходили пересѣкающіяся шоссейныя дороги между Плевной и небольшими городками въ Балканскихъ предгорьяхъ: Сельви и Трояномъ. До Плевны отъ Ловчи было не болѣе тридцати верстъ разстоянія. Высоты праваго берега съ такъ называемой тогда „Рыжей горой“ на югѣ, единственной, не поросшей виноградниками, турки укрѣпили сѣтью траншей, въ центрѣ которыхъ поднимался огромный редутъ, командовавшій надъ плевненскимъ шоссе и являвшійся „ключомъ“ всей ловчинской позиціи.

По своимъ укрѣпленіямъ Ловча представляла твердыню и эту твердыню нужно было во что-бы то ни стало сломить русскимъ войскамъ.

Штурмъ Ловчи былъ порученъ князю Имеретинскому, отрядъ котораго былъ раздѣленъ на двѣ колонны. Одна колонна, которая должна была дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ, была поручена ген.-м. Добровольскому, командиру стрѣлковой бригады, другая — на долю которой выпадала вся тяжесть боя и взятіе „Рыжей горы“—Михаилу Дмитріевичу Скобелеву. На ловчинскомъ шоссе расположенъ былъ общій резервъ подъ начальствомъ ген.-м. Энгмана, а на плевно-ловчинскомъ шоссе поставлено десять сотенъ кавказской казачьей бригады, которая въ случаѣ успѣха должна была преслѣдовать отступающаго непріятеля.

Штурмъ Ловчи былъ назначенъ на 22 августа.

Князь Имеретинскій разгадалъ, какого вождя онъ имѣетъ около себя въ лицѣ Михаила Дмитріевича. Онъ предоставилъ ему полную свободу дѣйствій, и Скобелевъ уже за нѣсколько дней до штурма принялся производить тщательныя развѣдки Ловчинской позиціи. Съ неутомимостью, обличавшей въ немъ физически закаленнаго человѣка, изслѣдовалъ онъ мѣстность, заносилъ на планъ каждый холмъ, каждый пригорокъ, каждый ручеекъ около Ловчи и въ концѣ-концовъ зналъ всю мѣстность такъ, будто провелъ въ болгарскомъ городишкѣ долгіе годы своей жизни...

Разсвѣтъ 22 августа засталъ назначенныя къ штурму войска на заранѣе намѣченныхъ для нихъ мѣстахъ. Въ теченіе ночи солдаты возвели прикрытія батарей и взошедшее въ это время солнце озарило своими лучами слишкомъ десять десятковъ русскихъ пушекъ, смотрѣвшихъ своими пока еще безмолвными жерлами на турецкіе траншеи и редуты.

Князь Имеретинскій съ своимъ штабомъ помѣстился на высотѣ, приходившейся у шоссе къ Сельви и названной почему-то „Счастливою“. Отсюда командовавшему боемъ ясно было видно все поле, вся Ловча, и, осмотрѣвшись, князь подалъ сигналъ начинать обстрѣливаніе турецкихъ позицій. Загрохотали русскія пушки и имъ тотчасъ-же начали отвѣчать турецкія. Сотни снарядовъ крестили по всѣмъ направленіямъ воздухъ. Адскій грохотъ не смолкалъ нѣсколько часовъ подрядъ, и вдругъ, раньше, чѣмъ было условлено, войска генерала Добровольскаго пошли въ атаку. Добровольскій умѣлъ одушевлять солдатъ. Его стрѣлки, шедшіе впереди, перекатывались съ высоты на высоту, карабкались на холмы, брали одинъ за другимъ турецкіе окопы и, наконецъ, спустились, но уже растерявшіе на своемъ кровавомъ пути многихъ товарищей къ берегу Осмы.

Тутъ они должны были остановиться: ихъ оставалось слишкомъ мало для дальнѣйшаго наступленія.

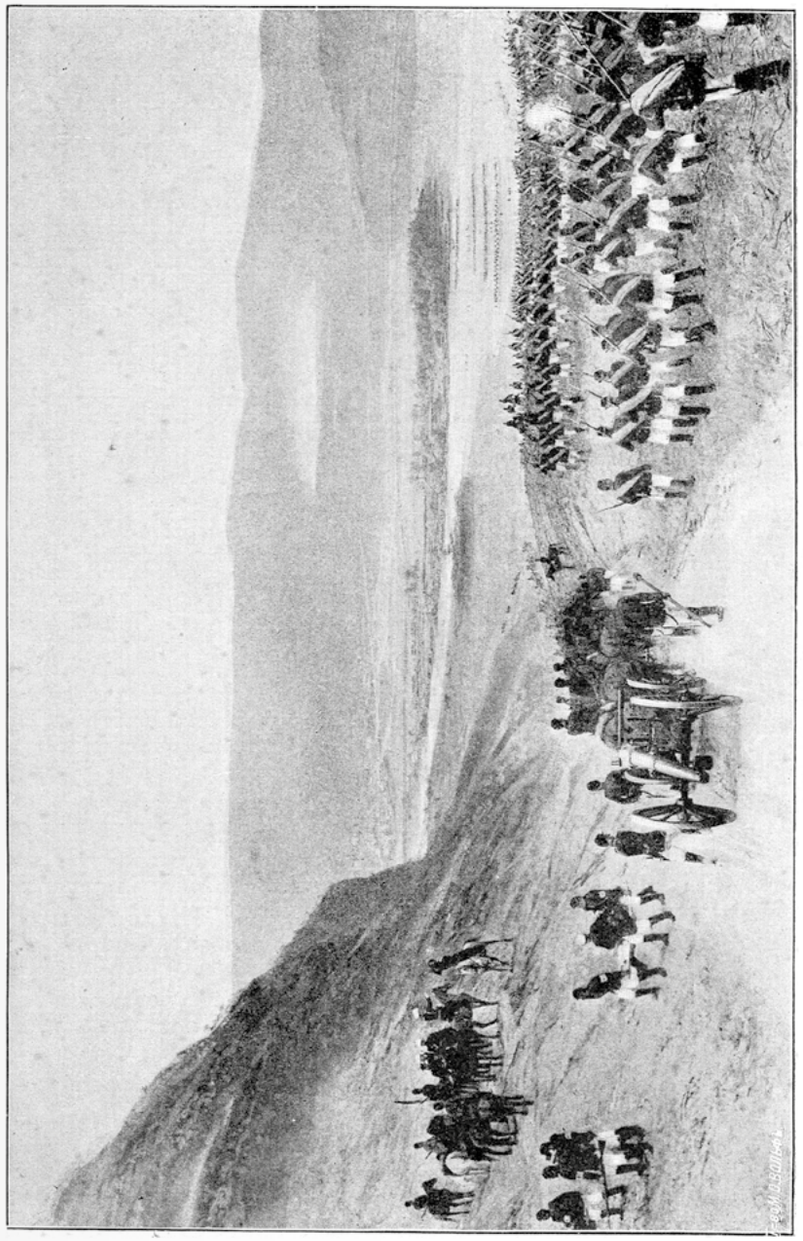
Скобелевъ и не думалъ спѣшить такъ, какъ поспѣшилъ Добровольскій. Онъ началъ атаку только около полудня. За то „Рыжая гора“ была вся засыпана русскими снарядами, а во время артиллерійскаго боя Скобелевъ успѣлъ подвести къ самымъ ея скатамъ совершенно незамѣтно для турокъ нѣсколько ротъ казанскаго полка. Казанцы сперва засѣли подъ горой, а потомъ такъ-же незамѣтно взобрались на сосѣднюю съ „Рыжей“ высоту. Только когда это было исполнено, Скобелевъ послалъ увѣдомить князя Имеретинскаго, что онъ начинаетъ наступленіе.

Пошли полки калужскій, казанскій и либавскій подъ общей командой ген. Разгильдѣева. Какъ только двинулись они, пятьдесятъ шесть русскихъ орудій направили свой огонь на „Рыжую гору“. Разгильдѣевская колонна бѣгомъ начала въ это время подниматься на скаты. Турецкіе стрѣлки попробовали было встрѣтить ее огнемъ, но въ это время около нихъ грянуло русское „ура“. Это незамѣтно подведенные казанцы ударили на турокъ, застигнувъ ихъ врасплохъ...

Быстро было покончено съ опаснѣйшимъ дѣломъ... „Рыжая гора“ была взята съ поразительной скоростью, но битва не кончилась, она только что еще начиналась...

Турки занимали надбрежныя высоты да за Осмой высился ихъ грозный редутъ, поражавшій огнемъ своихъ орудій тщетно пытавшихся переправиться черезъ рѣку стрѣлковъ Добровольскаго и уже начавшаго стрѣлять по полкамъ Скобелева.

Въ кромѣшный адъ превратились берега тихой недавно еще рѣчки. Грохотъ русскихъ и турецкихъ пушекъ слился въ одинъ ревъ какого-то ужаснаго чудовища. Снаряды шипѣли, свистѣли, жужжали, гудѣли, рвались съ оглушительнымъ трескомъ. Смерть носилась всюду; трупы русскихъ, турокъ, густой дымъ пожара надъ Ловчей—все это завершало собою мрачную картину этого боя...



Взятіе Ловчи 22 августа 1877 г.
Картина Л. Лагоріо.

И вдругъ среди этого невообразимаго хаоса звуковъ раздались стройные звуки военнаго оркестра. Показался полкъ, шедшій съ высотъ къ берегу Осмы съ распущенными знаменами. Это были казанцы. Скобелевъ самъ ихъ велъ въ опаснѣйшее мѣсто. Покойный, даже улыбающійся, не торопясь, ѣхалъ онъ впереди полка. Передъ нимъ была площадка, отъ которой велъ спускъ къ городу. Лишь подведя къ ней казанцевъ, Скобелевъ скомандовалъ имъ „впередъ!“, а самъ остался пропускать слѣдовавшіе за передовыми псковскіе баталіоны. Этимъ приходилось совсѣмъ плохо. Турки изъ-за Осмы замѣтили это движеніе и сосредоточили на наступающихъ орудійный огонь. Казанцы прошли сравнительно благополучно. Но за то турецкіе снаряды рвались къ самой гущѣ псковичей. Одна изъ гранатъ, разорвавшись, сразила сразу двадцать человѣкъ, но псковичи шли такъ-же твердо, какъ и казанцы. На нихъ смотрѣлъ, пропуская ихъ мимо себя, самъ Скобелевъ. Богатыри видѣли, что и генералъ подвергается такой-же опасности, какъ они, но видѣли они также, что онъ, этотъ ихъ „бѣлый вождь“, не обращаетъ никакого вниманія на рвавшіеся надъ головой снаряды и остается спокойнымъ даже тогда, когда сама смерть, казалось, приближалась къ нему...

Вслѣдъ за псковичами успѣли подобраться четыре орудія. Скобелевъ установилъ ихъ на площадкѣ, которую занимали казанцы, и сейчасъ-же русскія пушки начали громить зарѣчный редутъ. Это значительно облегчило путь наступавшимъ. Одинъ изъ русскихъ снарядовъ произвелъ взрывъ внутри редута. Облака чернаго дыма окутали турецкую позицію, показались-было языки пламени, но турки быстро успѣли остановить пожаръ. Однако, Скобелевъ воспользовался недолгимъ ослабленіемъ непріятельскаго огня и занялъ Ловчу третьимъ батальономъ казанцевъ, а калужскій и либавскій полки подвелъ къ берегу Осмы нѣсколько западнѣе городка.

Въ это время къ изнемогавшимъ уже на Осмѣ стрѣлкамъ Добровольскаго и къ примкнувшей къ нимъ сводно-гвардейской полуротѣ подоспѣлъ на помощь ревельскій полкъ и благодаря этому русскимъ удалось удержать въ своихъ рукахъ берегъ.

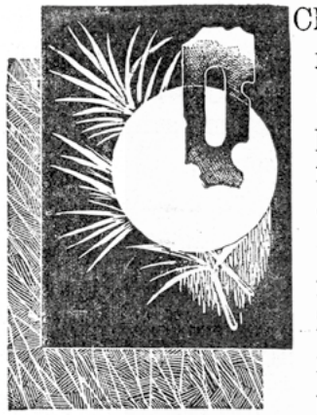
Битва близилась къ своему концу. Ловча была уже въ рукахъ русскихъ, оставалось только взятіемъ позицій за Осмой довершить побѣду. Какъ-то само собой вышло, что руководство боемъ перешло къ Скобелеву, и Михаилъ Дмитріевичъ мастерски воспользовался этимъ. Онъ не сталъ спѣшить съ переправой, а собралъ къ себѣ всѣ, какія только было возможно, войска. Былъ уже на исходѣ третій часъ дня. Солнце жгло невыносимо; солдаты были одѣты по приказанію Скобелева въ зимніе мундиры. Но теперь мало кто обращалъ вниманіе на зной, на жажду, на усталость. Всѣ—и солдаты, и офицеры, горѣли желаніемъ поскорѣе покончить съ Ловчей, сломить послѣдній оплотъ турокъ на берегу Осмы. Кругомъ рокотали барабаны, пѣли трубы кавалеристовъ. Семнадцать баталіоновъ и одиннадцать эскадроновъ и сотенъ собралось подъ рукой Скобелева и, давъ людямъ немного отдохнуть, бѣлый генералъ кинулъ ихъ за Осму.

Невиданное зрѣлище представляли атакующіе. Впереди шли съ развернутыми знаменами и музыкантами калужцы и либавцы, справа рота за ротой вступали въ бой ревельцы, слѣва — казанскія роты. Турецкій редутъ обратился въ адскую машину, высылавшую на встрѣчу наступавшимъ тысячи смертей. Ружейные выстрѣлы трещали съ такой скоростью, что звуки ихъ были похожи на удары тысячъ молотковъ. Пули сыпались, какъ-будто какой-то чудовищный гигантъ высыпалъ ихъ разомъ изъ огромной вмѣстимости мѣшка. Но этотъ свинцовый градъ не останавливалъ героевъ. Осма преградила имъ путь, они пошли вбродъ черезъ рѣку. Эстляндскій полкъ дрогнулъ было и замѣшкался въ своемъ общемъ наступленіи, и сейчасъ передъ нимъ появился бѣлый вождь. Скобелевъ прибѣгнулъ тутъ уже къ испытанному имъ пріему: онъ заставилъ полкъ подъ градомъ турецкихъ пуль продѣлать ружейные пріемы, и оробѣвшіе-было люди успокоились, пришли въ себя и, ободренные своимъ любимымъ генераломъ, неустрашимо двинулись впередъ. Скобелевъ уже опередилъ ихъ. Его красный значокъ носился по всему полю битвы. Передъ редутомъ было кладбище съ высокими стоячими турецкими памятниками усопшихъ. Михаилъ Дмитріевичъ указалъ на нихъ уже подбѣгавшимъ отдѣльнымъ солдатамъ. Прячась за камни, они подвигались къ редуту, не замѣчаемые его защитниками, сосредоточившими все свое вниманіе на подходившихъ полкахъ. Повторилось то-же, что было на Рыжей горѣ. Калужцы, либавцы, ревельцы, сохраняя фронтъ, ударили на редутъ, и въ это время въ тылу турокъ вдругъ загремѣло „ура“... Крохотная кучка не болѣе какъ человѣкъ въ пятьдесятъ успѣла подобраться незамѣтно и тоже, произведя переполохъ своимъ внезапнымъ нападеніемъ, съ безумной дерзостью кинулась на редутъ съ той стороны, откуда турки никакъ не могли ожидать русскихъ. На помощь атакуемымъ кинулся было послѣдній турецкій резервъ, стоявшій у Плевненскаго шоссе, но онъ попалъ подъ сабли кавказскихъ казаковъ, а въ это время редутъ былъ взятъ...

Побѣда была полная и честь ея принадлежитъ по справедливости Скобелеву, хотя командующимъ боемъ и былъ другой генералъ. Скобелевъ своимъ присутствіемъ въ опаснѣйшихъ мѣстахъ постоянно окрылялъ духъ русскихъ воиновъ, внушалъ имъ бодрость, презрѣніе къ опасности, а своими предварительными развѣдками онъ обезпечилъ успѣхъ битвы. Блистательная Ловчинская побѣда заставила забыть русскую армію о Плевненскихъ неудачахъ.

XXII.

Бой за Зеленыя горы.



ОСМАНЪ-ПАША не потерялъ даромъ времени. Плевна представляла изъ себя твердыню уже по природному расположенію своему. Турецкій полководецъ постарался укрѣпить еще болѣе свои неприступныя твердыни.

Онъ понялъ, что „ахиллесовой пятой“ его Плевны являются именно Зеленыя горы, откуда былъ легчайшій доступъ къ самому городу и расположившемуся около него турецкому лагерю, и укрѣпилъ ихъ такъ, что подступъ съ этой стороны къ Плевнѣ казался невозможнымъ...

Гребни Зеленыхъ горъ были изрыты равнинами для стрѣлковъ, а за третьимъ гребнемъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, два могущественныхъ редута Абдулъ-

бей-табія и Реджи-бей-табія, соединенные между собою крытою траншеею. Эти редуты были „сердцемъ Плевны“. Кто владѣлъ ими — тотъ становился хозяиномъ Плевны. Если-бы русскимъ удалось овладѣть редутами, Османъ-паша долженъ былъ-бы уйти изъ Плевны. Сопротивленіе было-бы невозможно, ибо съ редутовъ орудія разгромилибы всю Османову армію. Для защиты атакъ на эти редуты Османъ-паша укрѣпилъ поперечныя Кришинскія высоты.

Укрѣпился Османъ-паша и на другихъ пунктахъ. На сѣверѣ Плевна, обрамленная Буковлековскими высотами, была неприступна сама по себѣ, на югѣ противъ Радишева выросъ редутъ Омаръ-бей-табія, откуда турки одними только перекрестными выстрѣлами могли смести все живое. На востокѣ остался Гривицкій редутъ, укрѣпленный такъ, что огонь съ него можно было производить сразу съ двухъ ярусовъ.

Третій штурмъ Плевны назначенъ былъ на 30 августа, но уже съ 25-го начались „гранатные дни“. Это было обстрѣливаніе Плевны изъ всѣхъ орудій, какія были собраны въ стотысячномъ почти отрядѣ, назначенномъ для овладѣнія Плевненской твердынею.

Для дѣйствія противъ Зеленыхъ горъ, признававшихся теперь „ключомъ“ Плевненской позиціи, былъ назначенъ порученный князю Имеретинскому отрядъ, въ составѣ котораго находился и побѣдитель подъ Ловчей— Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Вторично ему приходилось вести русскихъ богатырей на Зеленыя горы... Князь Имеретинскій, какъ и подъ Ловчей, съ замѣчательной деликатностью предоставилъ Скобелеву самостоятельность, хотя во всѣ знаменательные дни третьяго Плевненскаго боя неотлучно находился при войскахъ.

Съ разсвѣтомъ 25 августа подняли оглушительный ревъ русскія орудія. Турки съ бѣшеной энергіей отвѣчали имъ. Зеленогорскій отрядъ, тылъ котораго послѣ взятія

Ловчи былъ безопасенъ, поспѣшилъ подойти къ деревушкѣ Брестовацу. Османъ-паша почему-то не занялъ Брестовацкихъ высотъ, точно такъ-же какъ и перваго гребня Зеленыхъ горъ. Турки ожидали противниковъ на второмъ—срединномъ гребнѣ, и зеленогорскій отрядъ не заставилъ себя долго ждать.

Подъ грохотъ бомбардировавшихъ Плевну русскихъ пушекъ подвелъ Михаилъ Дмитріевичъ отличившіеся подъ Ловчей и уже пополненные калужскій и эстляндскій полки, 9 и 10-й стрѣлковый баталіоны, пять батарей—четыре полевыхъ и одну дальнобойную, и три сотни казаковъ изъ полка, отличившагося въ походѣ за Балканы полковника Чернозубова. Брестовацъ былъ занятъ однимъ баталіономъ, и теперь русскій „Бѣлый генералъ“ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ опять стоялъ противъ Османа-паши, которому падишахъ всѣхъ османовъ далъ уже титулъ „Гази“, т.-е. непобѣдимаго...

Однако, сравнительно съ первою встрѣчею этихъ знаменитыхъ вождей на этотъ разъ была разница. Тогда, 18 іюля, Османъ-паша никакъ не ожидалъ появленія русскихъ на Зеленыхъ горахъ, теперь онъ совершенно готовъ былъ встрѣтиться съ ними здѣсь. Тогда на сторонѣ Скобелева была неожиданность его нападенія, теперь этого ничего не было, а зеленогорскій отрядъ въ сравненіи съ тѣми силами, которыя могъ выставить противъ него турецкій полководецъ, былъ все-таки незначителенъ.

Но Скобелевъ не думалъ о числѣ враговъ. Онъ явился, чтобы на этотъ разъ побѣдить Османа и стремился всѣми силами своего генія только къ побѣдѣ...

Начался артиллерійскій бой. Турки непрерывно стрѣляли по русскимъ батареямъ и съ Кришинскаго редута и съ Омаръ-бей-табіи. На всемъ пространствѣ отъ Кришина до Тученицкаго оврага гремѣли, несмолкая, пушки. Подъ ихъ выстрѣлами русскіе заняли первый гребень Зеленыхъ горъ.

Наступилъ день 29 августа. Скобелевъ прислалъ сюда донцовъ. Лихіе наѣздники, оставивъ коней, дѣйствовали такъ-же, какъ и пѣхотинцы-стрѣлки: ихъ берданки трещали безпрерывно. Турки, замѣтивъ, что казаковъ мало, поспѣшили спустить на нихъ черкесовъ. Удалой хорунжій Дукмасовъ кинулся на нихъ съ донцами и мо-

КАПИТАНЪ А. Н. КУРОПАТКИНЪ.

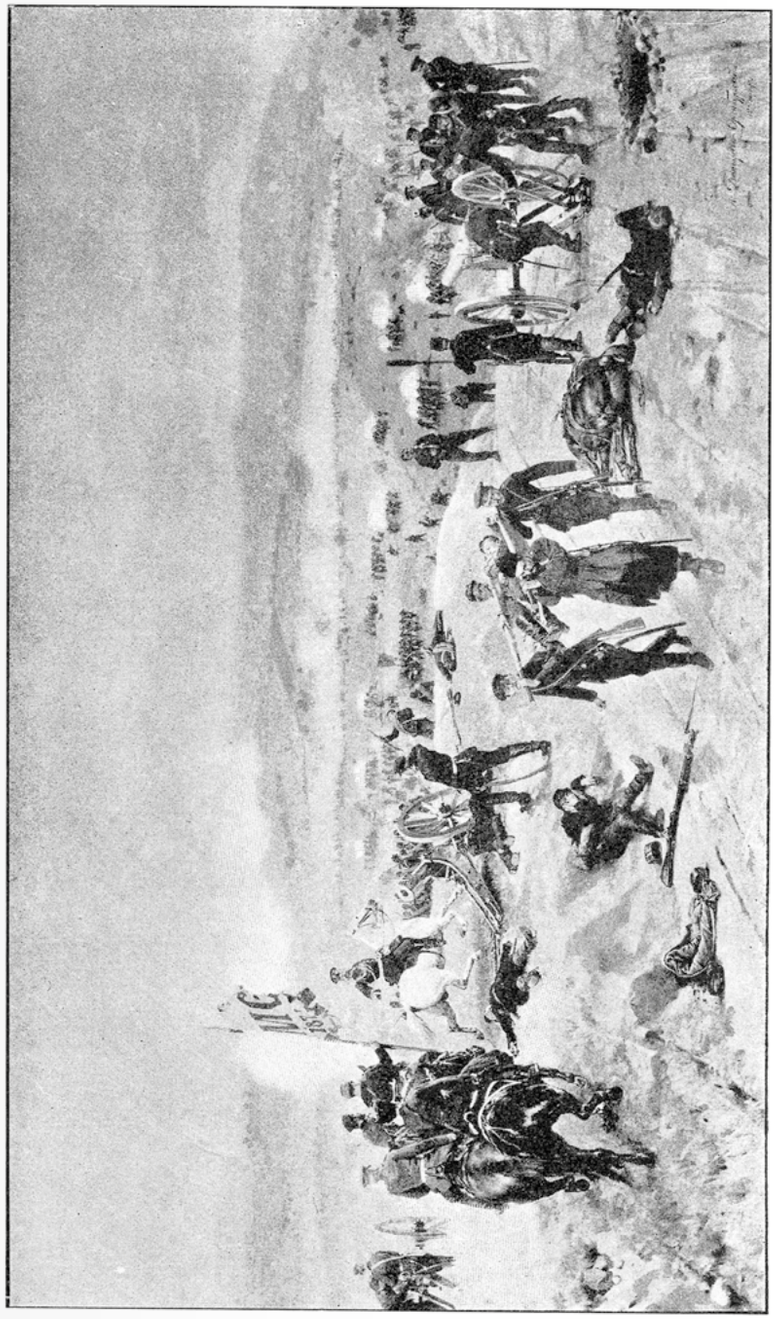
лодецкимъ натискомъ разогналъ этихъ полудикихъ воиновъ. Сейчасъ же заалѣлся отъ красныхъ турецкихъ фесокъ обращенный къ русскимъ скатъ срединнаго гребня. Это всей своей массой сползала турецкая пѣхота, чтобы однимъ натискомъ раздавить горсть смѣльчаковъ. Но донцы стояли неподвижно, готовые принять и отразить ударъ. Они даже стрѣлять перестали, готовя свои залпы къ тому моменту, когда турки подойдутъ совсѣмъ близко.

Но едва турки начали взбираться на третій гребень, по нимъ затрещали выстрѣлы: это начиналась знаменитая Скобелевская атака Зеленыхъ горъ—на гребень взошла стрѣлковая цѣпь Калужскаго полка.

Михаилъ Дмитріевичъ былъ около калужцевъ. Полкъ, уже отличившійся на глазахъ Бѣлаго генерала, шелъ и теперь спокойно, отчетливо, словно на смотровомъ полѣ, а не подъ выстрѣлами мощнаго энергичнаго врага. Въ боевой его линіи было два баталіона, въ резервѣ—третій. Эстляндцы оставались въ общемъ резервѣ у Брестоваца. Велъ калужцевъ ихъ молодой пылкій командиръ полковникъ Эльжановскій. Скобелевъ все время съ опасеніемъ посматривалъ на него. Онъ самъ былъ храбрецъ, и храбрецъ, свыкшійся съ боевыми опасностями и поэтому зналъ, что часто личная храбрость увлекаетъ людей дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и побаивался какъ бы Эльжановскій не испортилъ ему всего дѣла. Онъ намѣренъ былъ въ этотъ день овладѣть только вторымъ гребнемъ и зналъ, что и не по силамъ-бы его незначительнаго передового отряда было атаковать другія турецкія позиціи. А лицо удальца-командира такъ и горѣло боевымъ одушевленіемъ; видно было, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ момента, когда генералъ отпуститъ его одного впередъ...

Скобелевъ въ этомъ бою былъ не одинъ. Вмѣстѣ съ нимъ на Зеленыхъ горахъ былъ его любимѣйшій изъ туркестанскихъ друзей капитанъ Куропаткинъ, тоже попавшій въ дѣло послѣ долгаго своего пребыванія въ штабѣ дѣйствующей арміи. Съ Куропаткинымъ Скобелевъ готовъ былъ раздѣлить свою славу. Присутствіе молодого стратега какъ-бы придавало ему новыя силы, новую энергію...

Калужцамъ при наступленіи нужно было пройти нѣсколько менѣе полуверсты подъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ въ виноградникахъ срединнаго гребня. Взбираться на гребень приходилось тоже продираясь среди кустарниковъ и виноградныхъ лозъ. Турки такъ и сыпали пулями, но



Атака Зеленыхъ горъ 27 авг. 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

линіи наступавшихъ были разрѣжены и потери оказались при переходѣ черезъ обстрѣливаемое пространство незначительными.

Отпуская полкъ въ атаку, Скобелевъ просилъ Эльжановскаго идти съ резервомъ, а не при боевой линіи, но удалецъ, охваченный боевымъ жаромъ, скоро позабылъ объ этой просьбѣ и очутился впереди калужцевъ. Быстро взлетѣли смѣльчаки на вершину гребня и штыками посбросали съ него турокъ. Но это былъ мнимый успѣхъ. На калужцевъ посыпались пули съ третьяго гребня. Огонь былъ адскій. Солдаты легли и пробовали отстрѣливаться, но съ ихъ стороны огонь былъ вялый, нерѣшительный. Скобелевъ приказалъ имъ окопаться и укрѣпиться, какъ только срединный гребень будетъ занятъ. Этого не было сдѣлано и турецкія пули такъ и вырывали все новыя и новыя жертвы. Какъ на грѣхъ среди калужцевъ было много „новичковъ"—солдатъ, еще не побывавшихъ въ бояхъ. Для нихъ этотъ кромѣшный адъ былъ новинкой. Нервы не выдерживали этого постояннаго треска, а тутъ съ высотъ третьяго гребня поползли внизъ ярко-красныя толпы—это турки переходили въ наступленіе.

— Впередъ, штыками ихъ!—раздалась совершенно неожиданно команда—чья—это такъ и осталось неизвѣстнымъ, но приказаніе произвело совсѣмъ неожиданный эффектъ.

Нѣсколько солдатъ вскочили съ земли и, громко крича ура, со штыками на-перевѣсъ кинулись на спустившіяся уже въ лощину турецкія массы. Кинувшихся было всего нѣсколько, но вслѣдъ за ними бросились, какъ обезумѣвшіе, всѣ два баталіона. Напрасно офицеры приказывали остановиться—живой ураганъ увлекъ ихъ впередъ. Эльжановскій былъ тяжело контуженъ и не могъ распоряжаться боемъ. Солдаты мчались впередъ вихремъ. Пули, сыпавшіяся, какъ горохъ, на нихъ, никого не останавливали. Въ кого попадали онѣ, тотъ падалъ, если былъ тяжело раненъ.

Остававшіеся на ногахъ мчались впередъ. Страшно ударили они по туркамъ. Тѣ не ожидали этого удара и пораженные имъ бросились назадъ. Калужцы погнали ихъ и перемѣшались съ ними, поражая ихъ на бѣгу. Встрѣтившіеся на вершинѣ гребня турки были смяты, сброшены этимъ живымъ вихремъ. Но и тутъ калужцы не остановились. Они скатились за третій гребень и кучками по пятнадцати-двадцати человѣкъ неслись уже къ окутаннымъ пороховымъ дымомъ редутамъ, встрѣчавшимъ ихъ губительнымъ огнемъ. Напрасно Скобелевъ слалъ офицеровъ съ приказаніемъ возвратиться назадъ—остановить разгоряченныхъ солдатъ было невозможно...

— Наши впереди и мы туда-же!—отвѣчали герои, случайно услыхавшіе приказаніе.

Большинство даже не слышало ихъ совсѣмъ. Казалось, ничто не могло остановить теперь калужцевъ. Ихъ громили пушки съ обоихъ редутовъ, съ Кришина, съ Омаръ-бей-табія, но они подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ ворвались въ окружавшіе редуты ложементы и засѣли въ нихъ. Съ трехъ сторонъ на нихъ лилась—уже не градъ, а сплошная рѣка картечи. Смѣльчаки гибли и все-таки не уходили. Слѣва отъ Кришина на нихъ налетѣли черкесы и правофланговые всѣ были изрублены; справа Османъ-паша выпускалъ таборъ за таборомъ, дабы охватить живымъ кольцомъ этихъ героевъ-побѣдителей. Только теперь, когда остановка въ ложементахъ, нападеніе черкесовъ охладило нѣсколько боевой пылъ уцѣлѣвшихъ калужцевъ, они поняли, въ какое страшное положеніе завлекъ ихъ порывъ. Они оставили взятые ложементы, и преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ турками, начали отходить обратно. Рой пуль несся имъ вслѣдъ. Сзади насѣдали ожесточившіеся аскеры Османа. Съ фланговъ то и дѣло наскакивали съ дикимъ гиканьемъ черкесы. Остатки смѣльчаковъ должны были съ „ура“ кидаться въ штыки, чтобы отбрасывать безпощадныхъ враговъ. Иногда они

останавливались, чтобы дать залпъ. Бой, начавшійся въ четыре часа пополудни, занялъ все время до сумерекъ, и отходить калужцамъ пришлось уже въ наступавшей предвечерней мглѣ. Они были уже въ лощинѣ передъ третьимъ гребнемъ, когда слѣва передъ ними вдругъ обозначилась темная живая масса. Отступавшіе пріостановились, вскинули ружья, чтобы залпомъ ударить въ наступавшихъ.

— Не стрѣлять: свои!-—раздался голосъ изъ полумглы.

Калужцы опустили ружья, но въ этотъ-же моментъ по нимъ такъ и брызнулъ градъ пуль, и вслѣдъ за залпомъ раздалось радостное „алла“ турокъ. Непріятели обманули отступавшихъ смѣльчаковъ и подобрались къ нимъ почти вплотную. Гибель остатковъ полка была-бы неизбѣжна, но когда они уже готовились къ послѣднему рукопашному бою, въ темнотѣ загремѣло совсѣмъ близко „ура“. Это Скобелевъ выслалъ резервный калужскій батальонъ спасать уцѣлѣвшихъ героевъ. Турки жестоко поплатились за свое вѣроломство. Подоспѣвшій батальонъ всей своей тяжестью опрокинулся на нихъ, а вызванные на гребень эстляндцы отбросили огнемъ преслѣдовавшихъ со стороны Плевны турокъ...

На третьемъ гребнѣ удержаться не было возможности. За то на второмъ гребнѣ зеленогорцы успѣли утвердиться. Цѣль боя была достигнута и за свое увлеченіе—изумительно-геройское, но все-таки безполезное увлеченіе!—калужскій полкъ поплатился жестоко...

Въ этотъ день Зеленыя горы обошлись Россіи въ 900 человѣкъ...

Смущенные возвращались калужцы на свой бивуакъ въ Брестовацѣ... Полкъ ихъ былъ растерзанъ, раненые остались въ лощинахъ и все это было послѣдствіемъ не необходимости, а лишь внезапнаго увлеченія, охватившаго этихъ людей до такой степени, что они не могли противиться ему...

А все-таки это были герои, показавшіе Осману-пашѣ

и всей его арміи, какихъ бойцовъ онъ имѣетъ передъ собой на Зеленыхъ горахъ...

Усталые до послѣдней степени, голодные, потрясенные всѣмъ происшедшимъ, брели, какъ попало, остатки калужцевъ, не думая даже о равненіи, о поддержаніи строевого порядка.

— Стой, ребята!—раздался около нихъ молодой, звучный голосъ.

Солдаты остановились. Они и не замѣтили, какъ около нихъ очутился молодой Куропаткинъ.

Онъ весело, шутливо даже заговорилъ съ солдатами, ободрилъ ихъ ласковыми словами, потомъ заставилъ ихъ построиться и въ полномъ порядкѣ самъ повелъ къ бивуаку.

— А, пожалуй, ребята, и пѣсню запоемъ? — какъ-бы невзначай сказалъ Куропаткинъ ближайшему изъ солдатъ,—не любитъ генералъ, если молодцы безъ пѣсенъ идутъ.

— Отчего не запѣть? Запоемъ!—отвѣчалъ калужецъ, и надъ полемъ битвы полилась, смѣшиваясь съ трескомъ затихавшей перестрѣлки, удалая русская пѣсня...

Такъ въ полномъ порядкѣ, съ пѣснями возвратился изъ-подъ самой Плевны растерзанный турецкими пулями славный калужскій полкъ.

Плевна еще не смолкла. Со всѣхъ сторонъ оттуда доносились одиночные и залповые выстрѣлы. На Зеленыхъ горахъ по всѣмъ направленіямъ шныряли казаки, подбирая раненыхъ. Скобелевъ, Имеретинскій и начальникъ ихъ штаба Паренсовъ въ тѣсной болгарской избушкѣ Брестоваца обсуждали событія минувшаго дня, составляли планы слѣдующаго...

А слѣдующій день былъ великимъ днемъ: русскіе въ этотъ день должны были пойти на рѣшительный приступъ къ грозному оплоту турецкой силы—Плевнѣ.

XXIII.

Побѣда среди пораженій.

АБРЕЖЖИЛОСЬ въ мглистомъ туманѣ роковое утро 30 августа. Все время стояли ясные, даже знойные дни, а тутъ день начался пасмурнымъ, грозившимъ дождемъ утромъ. Низко плыли надъ Плевненской равниной густыя дождевыя облака; какъ только разсѣялась мгла, началъ моросить противный, до костей пронизывающій дождикъ.

Штурмъ Плевны предполагался одновременно съ трехъ сторонъ: Гривицкій редутъ должны были атаковать румыны, князь которыхъ Карлъ не задолго до этого подписалъ союзный договоръ съ Россіей. Русскій отрядъ долженъ былъ идти съ Радишевской горы на атаку редута Омаръ-бей-табія и, наконецъ, долженъ былъ атаковать турецкія позиціи и зеленогорскій отрядъ.

Ни за Гривицу, ни за Омаръ-табію Османъ-паша, какъ видно, нисколько не опасался. Все его вниманіе было устремлено на Зеленыя горы, противъ зеленогорскаго отряда онъ противопоставлялъ лучшія свои войска...

Но и этого казалось недостаточно энергичному полководцу. Онъ желалъ раздавить отрядъ, смести его съ высоты, ему была нужна побѣда надъ войсками Скобелева и Имеретинскаго, и Османъ-паша въ памятное Россіи утро 30 августа началъ бой первымъ...

Въ пять съ половиной часовъ утра съ занятаго турками третьяго гребня Зеленыхъ горъ раздались первые выстрѣлы по донцамъ Чернозубова, караулившимъ турокъ на занятомъ наканунѣ Срединномъ гребнѣ и вслѣдъ за первыми выстрѣлами изъ Плевны показались таборы Османовой арміи, наступавшіе съ густыми стрѣлковыми цѣпями впереди. Таборовъ было десять и шли они смѣло, увѣренно, не обращая вниманія на русскія пули. На Срединный гребень выведенъ былъ еще не бывшій наканунѣ въ бою эстляндскій полкъ. Онъ подоспѣлъ, когда турки перестроивались въ боевыя колонны. Теперь преимущества, представляемыя возвышенностями, были на сторонѣ русскихъ и эстляндцы встрѣтили турокъ такимъ огнемъ, что даже обстрѣленные, привычные къ нему Османовы аскеры не выдержали и повернули обратно, спѣша укрыться за своими высотами.

Скобелевъ воспользовался этимъ отступленіемъ и уѣхалъ въ Боготъ съ докладомъ о боѣ наканунѣ, а турки тѣмъ временемъ выползли опять изъ Плевны и пошли на проломъ по Ловчинскому шоссе. Изъ Кришина выскочили черкесы, но Михаилъ Дмитріевичъ успѣлъ вернуться и самъ принялся распоряжаться боемъ. Онъ успѣлъ обойти турокъ, но наступленіе свѣжихъ таборовъ было такъ стремительно, огонь изъ Кришина и съ третьяго гребня столь силенъ, что турки не остановились. Однако, бой все-таки завязался. Вдругъ въ тылу турокъ раздался

УТРЕННІЙ ТУАЛЕТЪ СКОБЕЛЕВА ПОДЪ ПЛЕВНОЮ ВПЕРЕДИ РЕДУТА.

оглушительный ударъ и надъ Плевной взвилось огромное облако. Это удачный русскій выстрѣлъ взорвалъ непріятельскій пороховой погребъ. Турки были ошеломлены взрывомъ и русскіе съ оглушительнымъ „ура“ погнали ихъ обратно въ Плевну...

Все-таки это былъ значительный успѣхъ. Зеленогорцы получили возможность отдохнуть. А кругомъ разлился уже рѣшительный штурмъ остальныхъ позицій. Дождь усилился и перешелъ чуть-что не въ ливень. Туманъ окуталъ Зеленыя горы, а тамъ полки, только-что отбившіе бѣшеныя атаки турокъ, готовы сами перейти въ наступленіе...

Вѣрный своему правилу, что „битва — это пиръ для солдата“, Скобелевъ собрался на этотъ кровавый бой, какъ на веселый праздникъ. Онъ одѣтъ былъ въ новый бѣлый китель и свѣженькое, только-что съ иголочки, генеральское пальто; борода его была расчесана волосокъ къ волоску на двѣ стороны. Самъ онъ былъ надушенъ, конь

подъ нимъ былъ бѣлый, голосъ его, которымъ онъ обращался къ солдатамъ, звучалъ весело, увѣренно. Глядя на него, бойцы даже залюбовались своимъ вождемъ и словно позабыли о смертной опасности, грозившей въ предстоящіе часы кроваваго боя каждому изъ нихъ.

— Здорово, богатыри! здорово, молодцы ловчинскіе!— слышенъ среди солдатскихъ рядовъ молодой, звучный голосъ Бѣлаго генерала,—идемъ на турку прямо!?

И въ отвѣтъ ему, этому удальцу только и слышится ласковое слово:

— Ужь постараемся для тебя, родимой... Побѣдимъ турку!...

Въ этомъ отвѣтѣ слышится, что между вождемъ и воинами уже установилась тѣсная сердечная связь, что все сдѣлаютъ для Бѣлаго генерала эти простые душой русскіе люди, сдѣлаютъ потому, что пришло время отплатить вождю за всю его ласку, за его доброту къ маленькимъ человѣчкамъ...

А кругомъ такъ и надрываются, оглушительно грохоча, турецкія пушки. Съ Кришина и Омаръ-табіи стрѣляютъ безъ перерыва. Вдругъ раздались стройные звуки военной музыки. Играетъ маршъ цѣлый оркестръ—это полки 16-й дивизіи пошли въ атаку на третій гребень Зеленыхъ горъ. Въ сгустившемся еще болѣе туманѣ раздалось богатырское „ура“. Это полки привѣтствовали, проходя, вождя. Первымъ началъ спускаться въ лощину Владимірскій полкъ, выдѣливъ впередъ боевую и резервную цѣпи. Врага не видно, слышенъ только адскій грохотъ и трескъ. Но скобелевцы шли на турокъ, а турки, не дожидаясь ихъ, спускались къ нимъ на встрѣчу. Туманъ скрывалъ враговъ другъ отъ друга, и столкновеніе произошло совсѣмъ неожиданно. Владимірцы подались назадъ, турки кинулись къ нимъ. Весь гребень былъ покрытъ османовыми аскерами. Словно красныя кровавыя волны переливались черезъ гребень, неся съ собою смерть и уни-

Взятіе приступомъ Гривицкаго редута 30 августа 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

чтоженіе. Владимірцы быстро оправились. Къ нимъ подоспѣли 9 и 10 стрѣлковый баталіоны, подходилъ суздальскій полкъ. Ружейный огонь остановилъ турокъ и началась отчаянная перестрѣлка, только мучившая солдатъ и не приносившая имъ никакой пользы. Турки не отходили съ своей высоты. Сколько ни громили ихъ русскія пушки съ Срединнаго гребня, число турокъ будто не уменьшалось. Османъ-паша въ подкрѣпленіе своимъ бойцамъ посылалъ все новые и новые таборы. Положеніе русскихъ становилось невыносимымъ. Нер не выдерживали, бодрость падала, и въ эт момент передъ полками явился Бѣлый генералъ. Орлинымъ взоромъ окинулъ онъ и своихъ, и турокъ и понялъ, что дольше держаться нѣтъ возможности и двинулъ всѣ подошедшіе къ третьему гребню полки въ атаку, приказывая имъ во что бы то ни стало сбить турокъ...

Громкое „ура“ было отвѣтомъ на это приказаніе любимаго вождя. Впередъ бросились находившіеся позади суздальцы. Неистово выкрикивая боевой кличъ и ободряя имъ самихъ себя кинулись они впередъ на скатъ, весь такъ и краснѣвшій отъ турецкихъ фесокъ. Пули турокъ не остановили героевъ. На пути суздальцы встрѣтили владимірцевъ и стрѣлковъ. Они увлекли ихъ за собою. Полки перемѣшались. Добравшись на сто саженъ къ туркамъ, русскіе всей массой кинулись на нихъ со штыками на перевѣсъ. Турки встрѣтили ихъ, и закипѣлъ самый ужасный, молчаливый рукопашный бой, грудь съ грудью, лицомъ къ лицу. Недолго онъ длился,—турки не выдержали богатырскаго удара, третій гребень былъ взятъ и очищенъ отъ непріятеля...

XXIV.

Въ сердцѣ Плевны.

СКОБЕЛЕВЪ такъ и пожиралъ глазами открывавшуюся передъ нимъ картину. Плевна была какъ на ладони. Изъ густой зелени садовъ выглядывали бѣленькіе болгарскіе домики, дальше поднимались острые, какъ иглы, минареты. Подъ Плевной совсѣмъ низко плавали облака порохового дыма. Восточныя высоты были такъ окутаны имъ, что тамъ ничего нельзя было разглядѣть...

Впрочемъ Михаилъ Дмитріевичъ и не особенно всматривался туда. Тамъ было „не его“, а предъ нимъ было то, что должно скоро перейти въ его руки... Передъ нимъ было „Сердце Плевны“—соединенные редуты: Абдулъ и Реджи...

Не казались они теперь въ этотъ дождливый, пасмурный день ни страшными, ни неприступными. Просто это были огромныя кучи мокрой земли и грязныхъ камней, но отовсюду, изъ грубо продѣланныхъ амбразуръ, изъ отверстій, замѣнявшихъ бойницы, смотрѣли дымившіяся жерла пушекъ и ружья...

Редуты молчали. Видимо, и ихъ защитники тоже утомились и теперь отдыхали, выжидая, когда опять па нихъ пойдутъ русскіе...

За то Кришинъ и Омаръ-табія не знали отдыха. Пушки гремѣли съ нихъ непрерывно. Въ лѣвой сторонѣ отъ главныхъ редутовъ выросъ новый—Садовый, какъ его называли уже русскіе, однако, отъ главныхъ редутовъ онъ былъ отдаленъ и представлялъ опасность только тогда, когда пришлось бы прорываться на него.

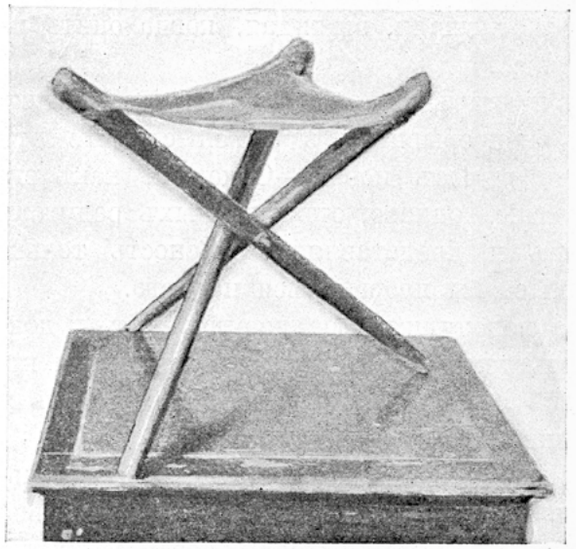
Было три часа пополудни. Еще два-три часа, и должна уже наступить темнота. Кончить съ редутами необходимо было засвѣтло. Скобелевъ тяжело вздохнулъ и подалъ знакъ начинать атаку.

Войска уже знали, что Радишевскій или центральный отрядъ былъ отброшенъ. Скобелевъ внимательно вглядывался въ лица солдатъ, желая разсмотрѣть на нихъ впечатлѣніе, произведенное вѣстями о неудачѣ. Но чѣмъ дольше вглядывался онъ, тѣмъ все болѣе свѣтлѣло его лицо. Онъ не видѣлъ въ солдатахъ ни тѣни унынія, ни слѣдовъ упадка духа. Люди смотрѣли бодро, даже весело, на каждомъ лицѣ какъ-бы отпечатывалась увѣренность въ предстоящей побѣдѣ...

Скобелевъ взглянулъ внизъ, въ логовину,—она вся клубилась туманомъ.

Полки проходили мимо своего Бѣлаго генерала, словно впереди ихъ ждалъ парадъ. Знамена были распущены, впереди шли музыканты. Такъ и вспыхивало „ура“, когда солдаты проходили мимо Скобелева. Съ „ура“ смѣшивались ихъ привѣтственные крики. Вотъ прошли суздальцы, владимірцы и стрѣлки—побѣдители этого утра, овладѣв-

шіе гребнемъ. Словно пасть ада открылась и поглотила ихъ—таково было впечатлѣніе, когда туманъ въ логовинѣ скрылъ ихъ. Съ редутовъ, которые были видны ясно съ третьяго гребня, затрещали безостановочные выстрѣлы. Турки оттуда тоже не видѣли наступавшихъ, но слали пули по тому направленію, гдѣ они должны были пройти. Пушки съ обѣихъ сторонъ такъ и надсѣдались. Скобелевъ глазъ не спускалъ съ той полосы, гдѣ кончался туманъ и снова была видна мокрая ослизлая земля. Вдругъ словно бездна разверзлась и изъ нея вынырнула на свѣтъ дневной небольшая кучка солдатъ. Вынырнула и остановилась, громко крича „ура“. Турецкія пули въ одно мгновеніе смели несчастныхъ. На смѣну имъ выбрались еще нѣсколько небольшихъ группъ И ихъ ждала та-же участь. Очевидно, изъ тумана выбѣгали только наихрабрѣйшіе. Остальные-же такъ и застряли въ непроницаемой долинѣ на днѣ лощины. Видимо, среди тумана бодрость оставила бойцовъ, смѣнившись нерѣшительностью. Это уже грозило и неудачею, и совершенно напрасными потерями людей, гибнувшихъ подъ турецкими пулями. Скобелевъ нахмурилъ брови. Въ первый разъ на его молодомъ, красивомъ лицѣ отразились слѣды тяжелаго душев-



СКЛАДНОЙ СТУЛЪ СКОБЕЛЕВА, НА КОТОРОМЪ ОНЪ ЧАСТО СИДѢЛЪ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНІЯ.

наго волненія Нервнымъ движеніемъ поворотивъ коня, онъ отдалъ приказаніе идти въ атаку ревельскому полку. Вспыхнуло на мгновеніе „ура“ и полкъ съ распущенными знаменами, съ музыкантами впереди ринулся подъ скатъ гребня. На Зеленыхъ горахъ наступила тишина. За то турецкіе редуты превратились въ страшныя пулеметныя машины. Не дождь, не градъ, а рѣка пуль и картечи лилась въ туманъ, черезъ который должны были пройти ревельцы. Теперь уже на лицѣ Скобелева ясно отпечаталась тревога. Онъ оглянулся назадъ, подъ гребень: тамъ въ послѣднемъ резервѣ стояло всего только пять батальоновъ: три либавскихъ и два стрѣлковыхъ—11-й и 12-й.

Послѣдній резервъ! Если и его бросить туда, въ эту клубящуюся бездну, что останется? Бѣлый генералъ зналъ, что подкрѣпленія къ нему не придутъ... Князь Имеретинскій увѣдомилъ его, что резервы всѣ уже введены въ бой и на Зеленыя горы нельзя послать ни одной роты...

Глухое, въ которомъ, однако, не было звуковъ побѣды, „ура“ раздалось за лощиной. Скобелевъ быстро обернулся туда и вздохъ облегченія вырвался изъ его груди...

Изъ клубившейся бездны вынырнули цѣпи ревельцевъ. Удальцы сдѣлали свое дѣло. Они были уже около самыхъ редутовъ, продолжавшихъ сыпать тысячи, десятки тысячъ пуль... Земля размякла, ослизла, обратилась въ какое-то мѣсиво. Люди, скользя, увязая и падая, карабкались по ней. Турки стрѣляли по головамъ съ своей высоты. Густыя цѣпи замѣтно порѣдѣли, люди уже сбились въ небольшія кучки, ложившіяся подъ рѣкою свинца... Всего четыреста шаговъ остается до страшныхъ редутовъ, но нѣтъ возможности пройти это ничтожное разстояніе. Словно стѣна выросла изъ пуль вокругъ и ничто живое, казалось, не въ состояніи пройти черезъ нее... А пройти необходимо, необходимо пройти, ибо не даромъ пожер-

твовано уже сотнями жителей. „Сердце Плевны“ должно перейти въ русскія руки.

Хриплымъ, надсѣвшимся голосомъ, Скобелевъ отдалъ приказаніе идти на редуты послѣднему резерву. Мигъ—и послѣдніе пять батальоновъ скрылись въ туманѣ. Клубящаяся бездна поглотила и ихъ. Что-то будетъ? Неужели и эти такъ-же будутъ отброшены, какъ ихъ товарищи?..

Но нѣтъ, нѣтъ! Ура вспыхнуло и загремѣло подъ самыми турецкими редутами. Наконецъ-то добрались до нихъ скобелевскіе герои. Вотъ они берутъ ложементы. Еще натискъ—и „Сердце Плевны“ перейдетъ въ руки храбрецовъ. Турки уже не могутъ стрѣлять: слишкомъ близко подошли русскіе воины... Но что это? Редуты вдругъ смолкли... Омаръ-табія вдругъ вся ощетинилась. Изъ-за ея насыпей поднялись сотни штыковъ и прямо на головы русскихъ храбрецовъ опрокинулись защитники редута...

Закипѣлъ кровавый рукопашный бой. Страшное нервное напряженіе, усталость сдѣлали свое дѣло... Либавцы и стрѣлки, и ревельцы, напрасно растратившіе свои силы начали отходить, скрываясь въ туманѣ. Дрались только наиболѣе стойкіе, но дрались уже безъ всякой надежды на побѣду...

Вдругъ мелькнуло, метнувшись внизъ, въ клубившійся туманъ что-то бѣлое...

Это Скобелевъ въ самый критическій моментъ, когда уже не было ни малѣйшей надежды на успѣхъ, далъ вдругъ шпоры своему бѣлому коню и самъ вихремъ помчался въ бой...

Пораженіе зеленогорцевъ было неизбѣжно. Перемѣшавшись въ одну нестройную массу, дрались остатки полковъ подъ Омаръ-табіей; сколько было отставшихъ въ лощинѣ—неизвѣстно. Изъ Плевны-же со стороны Тученицы выползали пѣхотные таборы, впереди ихъ неслись черкесы, нестройными толпами бѣжали баши-бузуки.

Османъ-паша уже ликовалъ. Онъ не сомнѣвался въ

БИТВА ПОДЪ ПЛЕВНОЙ. — ГЕНЕРАЛЪ СКОБЕЛЕВЪ ВО ГЛАВѢ СВОИХЪ ВОЙСКЪ, ВЕРУЩИХЪ ТУРЕЦІЙ РЕДУТЪ.

полной своей побѣдѣ и здѣсь, и высылалъ своихъ свѣжихъ бойцовъ, чтобы истребленіемъ бившихся подъ редутами зеленогорцевъ довершить свой успѣхъ.

Въ послѣдній, грозившій стать роковымъ моментъ, Бѣлый генералъ послалъ на помощь изнемогавшимъ, уничтожаемымъ полкамъ послѣдній резервъ—самого себя!..

Окружавшіе его офицеры штаба даже не поняли въ первые моменты, что такое совершилось...

Скобелевъ, шпоря коня, вынесся изъ оврага и очутился у начала подъема на тотъ холмъ, гдѣ стоялъ грозный редутъ. Тутъ ему на глаза попалась кучка отходившихъ изнеможенныхъ солдатъ...

— Это еще что за стыдъ!—загремѣлъ онъ,—изъ-подъ редута бѣжать! Смирно! Осрамились... Ружья побросали! Не русскіе вы... Идите къ туркамъ! Не хочу вами командовать!

И словно переродились эти изнервничавшіеся, измученные люди. Куда только дѣвалось овладѣвшее ими всецѣло уныніе. Въ мигъ передъ Бѣлымъ генераломъ появились ряды, раздалось „ура“, громкое, могучее, въ которомъ не слышалось совсѣмъ недавняго ужаса...

— Такъ! молодцы!-—гремитъ Скобелевъ,—теперь за мной! Я вамъ покажу, какъ русскіе бьютъ непріятеля... я самъ васъ поведу, стыдно тому, кто отстанетъ... Барабанщики, наступленіе! живо! Впередъ!

И не глядя, слѣдуютъ-ли за нимъ солдаты, Скобелевъ помчался впередъ къ редуту...

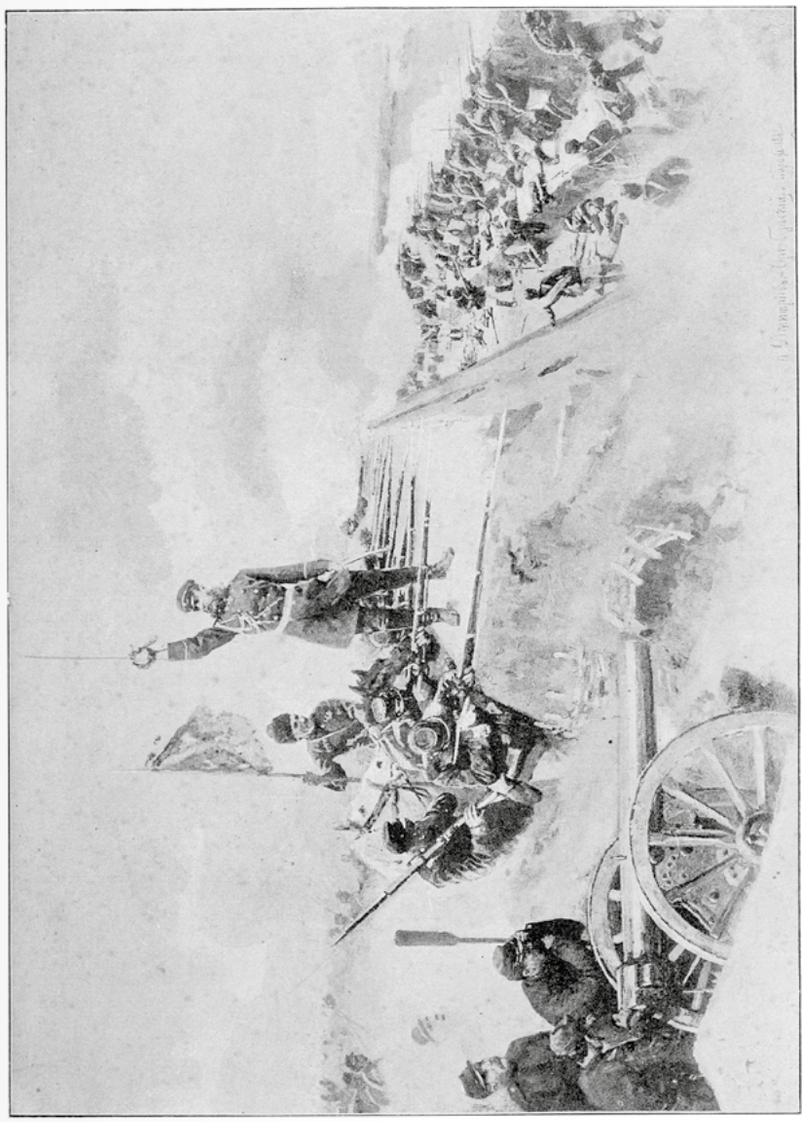
Дробь барабановъ и полное воодушевленія „ура“ заглушили грохотъ орудій. Редута не видно, его только слышно Пригнувшись къ землѣ бѣгутъ охотники. Ничто теперь не сможетъ остановить ихъ. Съ земли поднимаются раненые и, сжимая ружья въ рукахъ, тоже стремятся впередъ. Тѣ изъ нихъ, кто не въ силахъ идти, ползутъ, но ползутъ все-таки туда, къ редуту...

— За мной, дѣти, не отставать!—слышенъ уже далеко впереди голосъ Бѣлаго генерала.

Все, все до неузнаваемости измѣнилось на полѣ битвы, лишь только появился этотъ волшебникъ. Онъ словно новыя силы вдохнулъ въ изнеможенныхъ храбрецовъ. Все, что толпилось на днѣ оврага, что лѣпилось по скатамъ холма, словно ожило. Образовалась грозная масса и эта масса, надрывисто крича, мчалась на редутъ, гдѣ даже смолкли изумленные турки, понявшіе, что вмѣсто радостной, желанной побѣды ихъ теперь ждетъ пораженіе...

Траншеи и ложементы были взяты однимъ натискомъ.

— Сюда, молодцы!—слышенъ голосъ Скобелева,—



Скобелевъ передъ Плевной.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

здѣсь они враги, здѣсь! За мной, дѣти, однимъ ударомъ возьмемъ...

Бѣлый генералъ уже у редута...

Изъ-за камней глядятъ звѣроподобныя, черныя лица негровъ; видны смуглыя, словно выкрашенныя лица арабовъ, горбоносые съ хищнымъ взглядомъ турки... Огонь съ редута ослабѣлъ. Теперь уже не до стрѣльбы. Воины Османа штыками готовы встрѣтить ударъ русскихъ.

Какой-то мулла въ зеленой чалмѣ выскочилъ на брустверъ и бѣшено шлетъ проклятія.

— Алла, алла!—разливается повсюду съ валовъ.

Скобелевъ уже на краю рва и все еще на своей бѣлой лошади...

— Еще усиліе, за мной, ребята!—кричитъ онъ.

Мигъ и Бѣлаго генерала уже не видно... Онъ вмѣстѣ съ конемъ скатился въ ровъ. Вслѣдъ за нимъ влились живою волной его богатыри. Скобелевъ уже высвободился изъ-подъ лошади и впереди кучки храбрецовъ кинулся на насыпь. Теперь его узнать нельзя. Онъ весь покрытъ кровавой грязью, облѣпившей его; вмѣсто лица что-то черное, кровавое, бѣшеное. Скобелевъ хрипло кричитъ. Вотъ онъ уже на насыпи. Тамъ взгромыхнуло орудіе и напослѣдокъ выбросило картечь почти въ упоръ въ живую массу. Это былъ послѣдній выстрѣлъ. Въ редутѣ закипѣлъ штыковой бой. Скобелевъ впереди. Какой-то аскеръ размахнулся было штыкомъ, чтобы поразить генерала. Скобелевъ и не видѣлъ, какая опасность грозитъ ему. Сосѣдній солдатъ страшнымъ ударомъ отбилъ штыкъ. Скобелевъ даже и не замѣтилъ, кто спасъ его. Ему не до того. Онъ все еще впереди. Редутъ почти пройденъ, побѣдители штыками вышвыривали его послѣднихъ защитниковъ...

Громкое, побѣдное ура потрясло воздухъ. Абдулъ-Табія, самый могущественный изъ двухъ редутовъ перешелъ въ руки русскихъ. Часть турокъ убралась къ своему ла-

герю подъ Плевну, остальные уцѣлѣвшіе запрятались въ крытую траншею.

Схватки еще не кончены. Бой продолжается, но уже побѣда несомнѣнна. Около Бѣлаго генерала толпа офицеровъ и солдатъ. Они громко говорятъ, умоляя Скобелева уйти отсюда, изъ этого царства смерти... Вѣдь всѣ эти люди шли сюда, какъ за знаменемъ и теперь каждый готовъ прикрыть собою этого чудо-вождя, показавшаго имъ поразительный примѣръ презрѣнія къ смерти и опасности... Тяжело раненый майоръ Либавскаго полка тянулъ Скобелева за ногу, умоляя сойти съ лошади, которую подвели генералу. Наконецъ лошадь была повернута и чуть-что не насильно выведена изъ редута.

Скобелевъ и самъ сознавалъ, что здѣсь на полѣ битвы онъ болѣе ненуженъ, что есть у него теперь дѣло болѣе важное. Мало было того, что редутъ взятъ, его нужно было еще удержать. Турецкій лагерь находился всего въ трехстахъ саженяхъ, отъ занятаго турками редута Реджи-Табія русскіе отдѣлены были всего только одной траншеей... Необходимо было во что бы то ни стало подкрѣпить истомленныхъ бойцовъ, а резервовъ уже не было; оставалось только одно: собрать разсѣянные по лощинамъ остатки баталіоновъ и выслать ихъ на занятый редутъ.

Послѣ Скобелева принялъ командованіе въ редутѣ ген. Добровольскій, герой Ловчи. Черезъ полчаса турки попробовали было возвратить отбитый редутъ, но побѣдители однимъ только огнемъ заставили ихъ оставить попытки... При этомъ герой Добровольскій былъ смертельно раненъ и начальство перешло къ ген. Тебякину. Немного позже, послѣ того, какъ Скобелевъ прислалъ собранныхъ чуть-что не по одному солдату, суздальцы и либавцы подъ начальствомъ подполковника Мосцевого черезъ крытую траншею ворвались въ редутъ Табія и овладѣли и этимъ редутомъ.

Оба редута—„Сердце Плевны“ были взяты русскими...

XXV.

Легендарный бой.

СВЕРШИЛОСЬ великое дѣло!

Ключъ къ Плевнѣ былъ добытъ. Плевна, — чудовище, остановившее побѣдное шествіе русскаго воинства, была близка къ своему паденію...

Въ этотъ день съ огромными потерями взятъ былъ Гривицкій редутъ, но эта побѣда стоила не многаго. Предусмотрительный Османъ-паша такъ укрѣпилъ восточныя высоты плевненской долины, что взятіе Гривицкаго редута существенной пользы не принесло. Плевна осталась по прежнему неуязвима, хотя русскіе и подошли здѣсь совсѣмъ близко.

Зеленыя горы и редуты Абдулъ и Реджи, напротивъ того, держали Османа-пашу въ рукахъ. Взятіемъ ихъ турецкій полководецъ былъ до того ошеломленъ, что при-

казалъ держать наготовѣ обозъ, чтобы уйти изъ Плевны за Видъ, если не удастся возвратить обратно редутовъ.

А для защиты ихъ Скобелевъ могъ прислать только двѣ съ половиной сборныя роты Владимірскаго полка подъ командой майора Горталова и взводъ артиллеріи, который привелъ въ редуты раненый въ щеку капитанъ Васильевъ.

Вскорѣ героевъ псоѣтилъ генералъ.

Молча въѣхалъ онъ въ редутъ, сошелъ съ коня, вышелъ на брустверъ и пытливо оглядѣлъ окрестности.

— Спасибо, ребята, за службу!—тихо благодарилъ онъ потомъ солдатъ,—потрудились вы честно сегодня... Орлами налетѣли... видѣлъ я, какъ дрались вы... Львы! Я счастливъ, что командую такими молодцами... устали?

— Устали, ваше превосходительство!

— Отдыхайте. Полдѣла сдѣлали... Теперь удержаться нужно.

— Удержимся... резервовъ-бы маленько!

— Знаю. Спасибо, ребята, еще разъ! Вотъ и солнце кажется...

Дѣйствительно, подъ конецъ дня, послѣдніе лучи заходившаго солнца озарили небо.

— Знамена на валы!—скомандовалъ генералъ.

Редутъ сразу оживился.

Два батальонныхъ знамени взвились надъ брустверомъ. Первый солнечный лучъ въ этотъ день загорѣлся на ихъ крестахъ; легкій вѣтеръ колыхнулъ и, словно паруса, развернулъ ихъ полотнища. Развѣваясь надъ сѣрыми валами, они точно призывали благословеніе небесъ на эту группу измученныхъ цѣлымъ днемъ непрерывнаго боя храбрецовъ.

— Майоръ Горталовъ!

Горталовъ, невзрачный армейскій майоръ, небольшого роста, среднихъ лѣтъ, довольно плотный, съ симпатичнымъ, добродушнымъ, чисто русскимъ лицомъ, въ старенькомъ пальто съ потертыми древними погонами и въ такой же шапкѣ, очутился около генерала.

— Вы остаетесь комендантомъ редута! — раздался голосъ послѣдняго,—могу я разсчитывать на васъ? Тутъ нужно удержаться во что бы то ни стало... Подкрѣпленій, можетъ быть, и не будетъ. Дайте мнѣ слово, что вы не оставите редута. Это сердце непріятельской позиціи...

Горталовъ поднялъ руку, какъ бы присягая...

— Порукою моя честь! Живой не уйду отсюда!

Генералъ обнялъ и поцѣловалъ героя.

— Спаси васъ Богъ! Помните, ребята, подкрѣпленій не будетъ! Еще разъ говорю, разсчитывайт етолько на самихъ себя! Прощайте, господа!

Отъѣхавъ съ версту, генералъ обернулся на редутъ. Весь онъ казался на высотѣ. Два знамени его въ солнечныхъ лучахъ гордо рѣяли надъ сѣрыми камнями. Клубившійся внизу туманъ не успѣлъ еще окутать ихъ своею непроницаемою дымкою.

— На смерть обреченные!—печально прошепталъ генералъ, прощаясь съ лучшими изъ своихъ сподвижниковъ.

Ночь прошла для горталовскаго редута покойно, но за то, едва забрежжился разсвѣтъ, начались бѣшеныя атаки турокъ. Впереди редутовъ со стороны Плевны словно живое кровавое море плескалось: Османъ-Паша выбрасывалъ на редуты таборъ за таборомъ. Но атаки были отбиваемы каждый разъ. На редутѣ были уже не люди, а какія то сверхестественныя существа. Для нихъ не существовало ни усталости, ни смерти: ихъ громили съ трехъ сторонъ; они то отбивались ружейнымъ огнемъ, то сами кидались въ неистовыя атаки. Но держаться было невозможно. Каждая отбитая атака только отсрочивала роковой моментъ.

Горталовъ уже приготовился къ нему... Вдругъ невдалекѣ послышалось неровное, слабое „ура“... Сперва въ

редутѣ подумали, что это ошибка, галлюцинація, но нѣтъ! Ура звучитъ все ближе и ближе, слышна музыка...

— Братцы, родимые!—закричалъ Горталовъ,—держись ради Бога, подмога идетъ, наши близко...

А турки были уже у самаго бруствера, и прямо въ лицо имъ такъ и брякнуло „ура“. Ободрившіеся горталовцы встрѣтили ихъ штыками, еще разъ была отбита атака...

Откуда-же явились эти подкрѣпленія?...

Еще наканунѣ Османъ-паша выпускалъ свои таборы изъ Омаръ-Табіи, стремясь удержать радишевскій отрядъ отъ помощи зеленогорцамъ. И въ этотъ день послалъ онъ ихъ, но ударъ пришлось принять слабому отряду полковника Эрна, оберегавшаго правый флангъ зеленогорцевъ отъ обхода. Эрнъ не только принялъ и выдержалъ ударъ турокъ, но еще перешелъ самъ въ наступленіе. Османъ-паша выслалъ противъ него новыя силы и бой разгорѣлся...

У Скобелева не было подъ рукой ни одного свободнаго солдата. На третій гребень съ остервенѣніемъ лѣзли турки изъ Кришина. Ихъ отбрасывали однимъ только ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, но оставить гребень безъ защитниковъ было невозможно. Тогда Скобелевъ спѣшилъ сотню донцевъ и послалъ ихъ противъ турокъ, насѣдавшихъ на отрядъ Эрна. Турки были отбиты и отогнаны къ своимъ подкрѣпленіямъ. Но тутъ Скобелевъ получилъ отъ Горталова увѣдомленіе, что далѣе держаться онъ не въ состояніи и турки готовятъ атаку рѣшительную, массовую... Мало того, Горталовъ увѣдомлялъ, что среди его солдатъ, истомленныхъ, измученныхъ, голодныхъ, можетъ начаться паника и они бросятъ редутъ, и если только не будутъ ободрены хотя незначительной поддержкой.

Михаилъ Дмитріевичъ все еще не терялъ надежды, что главному его начальнику кн. Имеретинскому удастся выпросить въ главномъ штабѣ подкрѣпленіе и опять рѣ-

шился на то рискованное средство, которое помогло ему наканунѣ овладѣть редутами.

Неистово шпоря лошадь, онъ помчался самъ къ горталовцамъ и едва миновалъ третій гребень, какъ увидѣлъ кучки солдатъ, отходившихъ уже съ редута.

— Это что? кто уходитъ?!—полетѣлъ онъ на нихъ,—роты, стой! Стройся! Присягу забыли, знамя бросили, командира оставили...

Солдаты остановились, какъ вкопанные. Скобелевъ былъ страшенъ. Его красивое лицо такъ и горѣло яростнымъ гнѣвомъ. Его даже перекосило, губы искривились, глаза выходили изъ орбитъ. Пальто, распахнутое во время бѣшеной скачки было залѣплено липкой грязью; бѣлый чехолъ на фуражкѣ обратился въ сѣровато-грязный комъ; конь изъ бѣлаго обратился въ грязно-бураго. Скобелевъ попрежнему былъ обаятеленъ, и солдаты, заслышавъ его голосъ, вдругъ стали, какъ будто передъ ними выросла преграда, которую нельзя было ни обойти, ни перешагнуть...

Изъ Кришина турки замѣтили большую толпу людей. Въ Скобелева и покорно построившихся солдатъ, противно шипя и посвистывая на лету, посыпались турецкія гранаты.

— Стройся! Ружья къ ногѣ! На плечо!—раздавалась подъ этотъ свистъ команда.

Это Скобелевъ управлялся съ слабонервными защитниками редута. Словно на плацу, маршировали въ оврагѣ на-скоро собранныя имъ изъ бѣглецовъ роты. Откуда-то явилось нѣсколько музыкантовъ. Нестройно, но все-таки по привычкѣ довольно складно заиграли трубы...

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ...

Какъ замѣтно измѣнились въ это ничтожное время солдатскія лица! Недавняго угнетенія на нихъ не осталось и слѣда, нервное возбужденіе, доведшее ихъ только что до оставленія редута, какъ рукой сняло. Опять эти люди стали прежними скобелевцами—богатырями великаго духа, способными побѣждать всякаго врага...

Генералъ замѣтилъ это.

— Роты, направо кругомъ!—раздалась команда.

Стройно, какъ на ученьѣ, а не подъ выстрѣлами, повернулись люди и „въ ногу“, сохраняя строй, не торопясь, тронулись обратно къ холму, съ котораго они только-что ушли...

Скобелевъ довелъ ихъ почти до самаго редута и бросилъ случайно собранную имъ горсть людей въ кипѣвшій около Абдулъ-Табіи бой...

Съ помощью этого неожиданнаго подкрѣпленія отбита была еще одна атака османовыхъ аскеровъ. Скобелевъ въ это время былъ уже у Тученицы, гдѣ Эрнъ мужественно отбивался отъ турокъ. Турки насѣдали съ все превозмогающей силою. Русскія полевыя пушки уже замолкли. Враги надвигались сплошной стѣной и нечѣмъ и некому было отогнать ихъ... Маленькому отряду грозило полное уничтоженіе...

Скобелевъ вихремъ пролетѣлъ по полю битвы. Поблизости оказались какимъ-то образомъ забытыя и еще свѣжія роты либавцевъ. Не разбирая, какъ и почему онѣ остались незамѣченными, Скобелевъ повелъ ихъ въ бой и бросилъ на врага, какъ разъ тогда, когда тотъ менѣе всего ожидалъ удара.

Какъ и всегда при неожиданныхъ натискахъ, турки смѣшались и подались назадъ. Либавцы смѣло бросились на ихъ гущу и штыками заставили ихъ уйти въ свои укрѣпленія...

Здѣсь скобелевцы одержали успѣхъ, но для горталовскихъ редутовъ сочтены были послѣднія минуты...

Отбитыя атаки, однако, ободрили удальцовъ и утомили воиновъ Османа. Наступило затишье, если только можно считать имъ такія минуты, когда турки не кидались на приступъ, а ограничивались только однимъ обстрѣливаніемъ занятыхъ русскими редутовъ. Воспользовавшись этимъ, Скобелевъ послалъ горталовцамъ единственное

подкрѣпленіе, которое онъ только и могъ дать имъ... Людей у него не было,—Бѣлый генералъ послалъ пушки и къ нимъ снаряды. Орудія привелъ въ редуты его любимый другъ капитанъ Куропаткинъ, начальникъ его штаба. Какъ ободрились защитники редутовъ, увидя пушки и Куропаткина... Они встрѣтили ихъ такимъ радостнымъ „ура“, которое являлось вѣрнѣйшимъ залогомъ побѣды. Не даромъ-же Скобелевъ прислалъ Куропаткина! Вѣдь, въ сущности, Плевна уже взята. Если только удержаться на этихъ редутахъ, Османъ-паша долженъ уйти... Ему нельзя оставаться въ Плевнѣ, открытой русскимъ войскамъ. Если посланецъ Скобелева хорунжій Дукмасовъ, присланный нѣсколько ранѣе орудій, и прочелъ по приказанію генерала телеграмму кн. Имеретинскаго, въ которой тотъ сообщалъ, что никакихъ подкрѣпленій не будетъ, то этой телеграммѣ на горталовскихъ редутахъ не повѣрили. Тамъ знали, что на Систовской дорогѣ за Гривицей стоятъ свѣжіе, еще не бывшіе въ дѣлѣ полки. И радостное сознаніе блестяще одержанной побѣды поднимало духъ горталовцевъ...

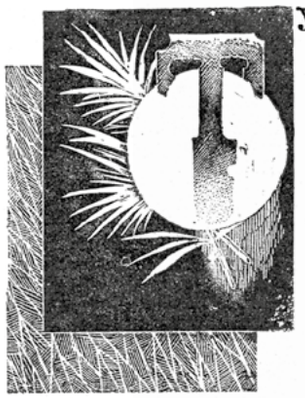
А вокругъ ихъ свирѣпствовалъ адъ... По редутамъ били турецкія пушки съ пяти пунктовъ. Отдѣльныхъ выстрѣловъ уже невозможно было различить—они слились въ одинъ громовой гулъ. Густѣйшія облака порохового дыма носились въ сыромъ воздухѣ. Ни картечи, ни гранатъ не было слышно...

Вдругъ громовой по силѣ ударъ потрясъ воздухъ. Словно тысячи ружей и сотни пушекъ дали сразу всѣ вмѣстѣ залпъ. Огромный столбъ порохового дыма взвился надъ редутами. Турецкіе таборы, подходившіе изъ лагерей для новой атаки, отпрянули, пораженные этимъ, превосходившимъ все доселѣ свершавшееся ударомъ...

Свершилось нѣчто грозное, почти ужасное, совсѣмъ не предвидѣнное...

XXVI.

Отступленіе львовъ.



УРЕЦКІЙ снарядъ, пущенный съ Кришина, случайно срѣзалъ гребень траверса и ударился въ крышку зарядnаго ящика. Произошелъ ужасный взрывъ. Все, что было только поблизости: ящики, лафеты подбитыхъ орудій, живые люди, трупы, камни—полетѣло на воздухъ. Кто стоялъ у брустевера, тотъ, какъ подкошенный, упалъ на землю. Генералъ Тебякинъ былъ убитъ. Надежда всѣхъ — капитанъ Куропаткинъ, страшно опаленный, контуженный, только благодаря страшному усилію воли, удержался на ногахъ...

Кругомъ выросли груды новыхъ тѣлъ, валялись разорванные на части трупы; орудія, столь радостно встрѣченныя на редутахъ, были исковерканы.

А кругомъ такъ и завывали турецкіе сигнальные

рожки, гремѣли радостные крики опомнившихся и сплошною стѣною шедшихъ въ атаку турокъ.

Ошеломленные, пораженные, не двигаясь стояли на своихъ мѣстахъ уцѣлѣвшіе бойцы. Врядъ-ли понимали они въ эти ужасныя мгновенія что съ ними, живутъ-ли еще или уже смерть настигла ихъ...

И вдругъ словно электрическая искра пролетѣла вѣсть: Скобелевъ на редутахъ!..

Въ страшную минуту, въ наступавшій послѣдній мигъ Бѣлый генералъ не оставилъ своихъ героевъ. Онъ очутился среди нихъ, и сейчасъ-же прошло смятеніе...

Враги, воспользовавшись страшнымъ мгновеніемъ, съ трехъ сторонъ двинулись на редуты. Особенно яростенъ былъ ихъ натискъ на горталовскій редутъ. Аскеры съ веселымъ гоготаньемъ неслись къ холму, но опять ошиблись въ своихъ надеждахъ на побѣду...

Скобелевъ успѣлъ возстановить порядокъ на второмъ редутѣ, гдѣ держался съ своими суздальцами полковникъ Мосцевой. Горталовцы пришли въ себя при первомъ же слухѣ о прибытіи Бѣлаго генерала.

И эта атака турокъ была отбита, какъ предыдущія... Снова надежда на побѣду окрылила обреченныхъ на смерть...

И вдругъ распространилось новое радостное извѣстіе: у входа показался турецкій обозъ, готовый въ путь.

Османъ-паша уходилъ изъ Плевны...

Уходилъ, но передъ уходомъ въ путь, который могъ оказаться для него роковымъ, турецкій полководецъ рѣшился на послѣднюю попытку. Въ четыре часа пополудни онъ двинулъ на многострадальные редуты всѣ, какіе только могъ, таборы...

Уже не живое море, а океанъ двигался на редуты. Турки шли грозными колоннами. Всюду рѣяли значки турецкихъ жолнеровъ, куда только хваталъ глазъ краснѣли турецкія фески. Массы двигались безъ крика, безъ

выстрѣла, колыхаясь и неудержимо стремясь впередъ. Между линіями пѣхоты видны были конные черкесы...

Въ пятый разъ съ утра этого дня герои видѣли надвигавшіяся на нихъ массы турокъ. Они уже привыкли къ нимъ и смотрѣли на враговъ совершенно равнодушно, поджидая, когда они приблизятся на столько, чтобы ни одна пуля, выпущенная при залпахъ съ редута, не пропала даромъ...

Но вдругъ дрожь пробѣжала по всѣмъ тѣламъ—невольная дрожь...

Впереди надъ массою надвигавшихся турокъ рѣяло зеленое знамя пророка—драгоцѣннѣйшая реликвія всѣхъ магометанъ...

Это значило, что каждый изъ наступавшихъ, помимо приказаній своихъ начальниковъ, самъ обрекъ себя на смерть, если бой не завершится побѣдой...

Редутъ Мосцевого уже открылъ огонь по туркамъ, горталовскій молчалъ, все еще выжидая, пока совсѣмъ близко подойдутъ враги. Турки тоже попрежнему шли молча, безъ выстрѣла. Они будто и не обращали вниманія на Мосцевого, имъ нуженъ былъ Абдулъ-Табія, слабѣйшій редутъ долженъ былъ пасть, какъ только перейдетъ въ ихъ руки сильнѣйшій, гдѣ былъ съ послѣдними владимірцами Горталовъ. Неправильнымъ полукругомъ охватывали они этотъ редутъ. Обратится полукругъ въ кругъ—и гибель горталовцевъ неизбѣжна.

Не болѣе ста шаговъ отдѣляло русскихъ отъ турокъ. Слышны ясно гнусавые и визгливые голоса муллъ, выкрикивавшихъ на распѣвъ стихи изъ Корана. Горталовъ, словно застывшій въ своемъ спокойствіи, скомандовалъ. Раздался залпъ, свинцовый дождь такъ и брызнулъ въ турокъ. Передніе ряды легли, какъ подкошенные, слѣдующіе смѣнили ихъ. Новый залпъ—пали и эти, имъ на смѣну явились новые. Залпы клали на землю турокъ цѣлыми рядами, но это не останавливало ихъ. Гибли сотни,

ихъ смѣняли тысячи. Вотъ турки уже у редута, вотъ толпа ихъ вскочила на брустверъ. Съ яростнымъ воплемъ сбили переднихъ штыками богатыри и какъ бы въ отвѣтъ на ихъ вопль раздался отчаянный крикъ:

— Турки позади!..

Свершилось то, что грозило защитникамъ редута во весь день. Османовы аскеры обошли редуты; кругъ сомкнулся—выросла живая стѣна... гибель русскихъ богатырей была неизбѣжна...

— Знамена спасайте, знамена!—раздались крики.

Погибающіе уже не думали о себѣ, ихъ страшила возможность потерять святыни...

Обезумѣвшіе отъ сильнѣйшаго нервнаго напряженія, турки, точно слѣпые, лѣзли на брустверъ и, не обращая вниманія на штыки, кидались на горталовцевъ. Тѣ защищались, но энергія ихъ уже стала ослабѣвать...

Но чу! Издали послышались ружейные выстрѣлы, пушечные удары. Прямо въ спины турокъ ударили пули и картечь. Это заставило ихъ откинуться назадъ. Живое кольцо опять разомкнулось, но—увы!—это не было подкрѣпленіе... Скобелевъ выпросилъ полкъ, чтобы прикрыть отступающихъ защитниковъ редута. Выстрѣлы неслись съ третьяго гребня.

Горталовъ понялъ это.

— Братцы, — закричалъ онъ, — спасайте знамена... Скорѣе уходите, здѣсь нельзя оставаться... Пробивайтесь штыками... Идите, пока можно...

Въ отвѣтъ ему послышались рыданія...

Это плакали герои, уже цѣлыя сутки жертвовавшіе своей жизнью. Свершилась сама судьба! Всѣ страшныя усилія пропали даромъ. Сердце Плевны не могло удержаться въ рукахъ русскихъ. Созданное Османомъ-пашею чудовище оставалось попрежнему не сокрушеннымъ.

— Съ Богомъ, братцы! Господь васъ благослови!—торопливо крестилъ Горталовъ уходившихъ.

Солдаты рыдали, слушая его послѣднія напутствія.

— Скажите генералу, что я сдержалъ свое слово... Не ушелъ отсюда... Идите... прощайте...

Медленно, всматриваясь впередъ воспаленными глазами, крѣпко сжимая ружейные стволы, выходятъ воины. Турки уже бѣгутъ, надрываясь отъ радостнаго крика, къ оставленному редуту. Съ обнаженной шашкой ждетъ ихъ Горталовъ. Онъ одинъ — ликующихъ враговъ тысячи... Вотъ красныя волны влились въ оставленный редутъ, судорожно затрепетало тѣло героя, десятки штыковъ впились въ него...

Вѣчная память, вѣчная слава чудо-герою майору Горталову!..

А на Зеленыхъ горахъ, гдѣ былъ Михаилъ Дмитріевичъ, разыгралась другая сцена.

Оттуда были видны силуэты редутовъ, окутанныхъ густыми тучами порохового дыма. Генералъ уже зналъ, что въ этихъ тучахъ умирали остатки геройскихъ ротъ, преслѣдуемыхъ десятками таборовъ.

Нервно стало подергиваться лицо, голосъ, всегда такой мощный, громовой, вдругъ сорвался, и вдругъ этотъ желѣзный человѣкъ, спокойно выносившій тридцать часовъ подъ-рядъ все—и гибель лучшихъ своихъ полковъ, и смерть друзей, и трагическіе переходы отъ побѣды къ пораженію, — зарыдалъ, склоняясь надъ лукою своего сѣдла...

Но быстро прошелъ этотъ взрывъ отчаянія. Онъ выпрямился и снялъ фуражку. До третьяго гребня ясно доносился шумъ боя.

— Слышите?—махнулъ онъ рукой по направленію къ редутамъ.—Слышите? Люди дрались и будутъ еще драться, но такихъ не будетъ! Слышите? Ихъ горсть, а вонъ какое „ура“!.. Прямо въ лицо врагамъ... Окруженные со всѣхъ сторонъ, раздавленные... Ну, что-же?.. Они сдѣлали все... Невозможное стало возможнымъ... Больше нельзя, господа...

Голосъ его дрогнулъ опять... Всѣ, кто ни былъ вокругъ генерала, притаили дыханіе.

— Господа! Мы отступаемъ... Мы отдали туркамъ назадъ взятое... Сегодня день торжества нашихъ враговъ, но и намъ онъ славенъ. Не покраснѣютъ мои солдаты, когда имъ напомнятъ этотъ день. Господа! мы уходимъ... Шуйцы прикрываютъ отступавшихъ... Впередъ и скорѣе...

Шпоры до крови разодрали бѣлую кожу великолѣпнаго коня, бросившагося стремглавъ по неровной и влажной почвѣ. Вѣтеръ свистѣлъ мимо ушей вмѣстѣ съ уносившимися вдаль пулями. Генералъ мчался, будто не видя передъ собой ничего, кромѣ открывавшейся картины послѣдняго боя. Изъ закушенной губы проступила кровь. Фуражка осталась въ рукахъ, слипшіеся волосы космами легли на лобъ. Конь дико храпѣлъ, изъ его разорванныхъ мундштукомъ губъ клубилась ало-кровавая пѣна.

— Вотъ они, вотъ они!—протянулъ руку генералъ,— видите! Идутъ ли шуйцы?

Въ клубахъ порохового дыма виднѣлась неясно кучка людей, почти окруженныхъ со всѣхъ сторонъ моремъ красныхъ фесокъ *).

А шуйцевъ совсѣмъ немного. Наканунѣ бился этотъ полкъ въ радишевскомъ отрядѣ и присланъ былъ лишь для того, чтобы прикрыть отступленіе. Шуйцы залегли на третьемъ зеленогорскомъ гребнѣ. Они сыпали пулями въ преслѣдовавшіе по пятамъ остатки ротъ таборы, но турки въ пылу своей побѣды не замѣчали выстрѣловъ. Они вслѣдъ за истомленными владимірцами и суздальцами взобрались и на третій гребень, и отсюда заставили уйти зеленогорцевъ... Легендарный бой кончился. Послѣ того, какъ „Сердце Плевны“ было взято, все пріобрѣтенное двумя днями нечеловѣческихъ усилій снова перешло въ руки турокъ.

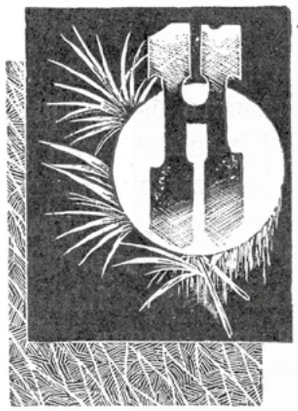
Зеленыя горы опять перешли къ туркамъ...

---

*) В. И. Немировичъ-Данченко: «Скобелевъ».

XXVII.

Скобелевъ въ траншеяхъ.



А военномъ совѣтѣ, послѣдовавшемъ утромъ слѣдующаго дня, было рѣшено, что взять штурмомъ Плевну невозможно и рѣшено было осаждать ее. Изъ Петербурга вызвана была гвардія, а также знаменитый военный инженеръ генералъ Тотлебенъ, прославившій себя сооруженіемъ севастопольскихъ укрѣпленій.

Быстро стали вырастать вокругъ Плевны земляныя укрѣпленія. Батарея являлась за батареею и скоро Плевна окружена была кольцомъ и людей и пушекъ... Въ октябрѣ взяты были укрѣпленія Османа-паши на Софійскомъ шоссе, Горній Дубнякъ и Телишъ. Послѣ этого для плевненской арміи турокъ создалось такое положеніе, что къ Осману-пашѣ птица не могла пролетѣть безъ вѣдома русскихъ.

Но турки въ Плевнѣ не сидѣли смирно. То и дѣло происходили вылазки. Чуть только наступала ночь, вдругъ вспыхивали выстрѣлы, начинался переполохъ, завязывались ожесточенныя схватки и лишь подъ утро затихала суматоха.

Все-таки туркамъ приходилось не сладко въ своей норѣ. По заведенному ген. Тотлебеномъ порядку каждое утро на разсвѣтѣ всѣ, какія только были собраны подъ Плевной, орудія давали по ней залпъ; затѣмъ начиналось обстрѣливаніе какого-либо одного заранѣе опредѣленнаго пункта и такъ продолжалось до шести часовъ вечера. Затѣмъ слѣдовалъ новый залпъ изъ всѣхъ орудій и пушки замолкали до слѣдующаго утра.

Такъ было изо дня въ день.

Михаилъ Дмитріевичъ, уже генералъ-лейтенантъ и командиръ шестнадцатой пѣхотной дивизіи, командовалъ надъ русской позиціей на прославившихъ его Зеленыхъ горахъ. Бои подъ Плевной показали, наконецъ, всему міру, какого вождя имѣетъ Россія въ Скобелевѣ. Сіяніе славы озарило Бѣлаго генерала. Всѣ недоброжелатели его замолчали. Государь вернулъ ему полное свое расположеніе. Въ арміи не было генерала популярнѣе Скобелева. Солдаты изъ полковъ 16-й дивизіи гордились тѣмъ, что они служатъ подъ его начальствомъ, и хвастались передъ товарищами, называя себя „скобелевцами“.

На зеленогорской позиціи Скобелевъ теперь являлся полнымъ хозяиномъ. Онъ немедленно поставилъ во главѣ своего штаба произведеннаго въ подполковники своего любимца и друга Куропаткина, и эти двое людей стали душою Зеленыхъ горъ. Они сумѣли такъ устроить тамъ свои полки, что они въ Брестовацѣ и его высотахъ расположились, какъ дома.

Но Скобелеву было мало этого. Его тянуло впередъ, поближе къ туркамъ, чтобы быть всегда на-готовѣ и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, вновь

овладѣть позиціями, которыя дважды уже побывали въ его рукахъ.

Въ одну темную, ненастную октябрьскую ночь высланы были охотники съ саперами и къ утру турецкія позиціи оказались опоясанными русскими траншеями. Турки пробовали было выбивать русскихъ огнемъ своихъ стрѣлковъ, но напрасно! Траншеи змѣями расползались во всѣ стороны, сѣть ровиковъ оплела все пространство впереди и турки были такъ сжаты, что должны были сидѣть въ своихъ норахъ, не показываясь изъ нихъ днемъ и лишь изрѣдка осмѣливаясь безпокоить русскихъ ночью.

Какъ только траншеи были сооружены, Скобелевъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ поселился на одной изъ нихъ. Онъ сумѣлъ обставить такъ себя, что солдаты постоянно видѣли его. Не проходило вылазки, чтобы онъ самъ не отправлялъ охотниковъ на турокъ, давая имъ наставленія какъ биться съ врагомъ, заклепывать орудія, выбивать непріятеля штыками. Если-же турки дѣлали вылазку, самъ Скобелевъ всегда былъ на лицо и ни разу турецкая вылазка не кончилась даже самой ничтожной удачей.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда подготовлялась вылазка, скобелевское „напутствіе“ солдатамъ производило на нихъ бодрящее дѣйствіе, хотя Бѣлый генералъ никогда не обращался къ нимъ съ рѣчами, а только попросту разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Вотъ выстроился взводъ охотниковъ. Они взялись подобраться чуть что не ползкомъ къ непріятельскимъ траншеямъ и ворваться въ нихъ, давая этимъ время подоспѣть какъ разъ во время суматохи къ товарищамъ.

Скобелевъ обходитъ ряды.

— Ну, молодцы, смотри, сдѣлай дѣло!—слышится его молодой голосъ.

— Постараемся, ваше превосходительство!—гремитъ въ отвѣтъ.

— То-то постараемся! Надобно чтобы все чисто было...

— Редуты брали, а тутъ чтобы осрамиться... Ни въ жизнь...

— Редуты, ребята, другое дѣло. Ихъ взять нужно, а тутъ только переполоху надѣлать... Подобрался, кричи „ура“ и дѣйствуй штыкомъ, пока турокъ не опомнится, а опомнился, уходи назадъ... Изморомъ ихъ доймемъ, если въ честномъ бою въ руки не даются... А чтобы изморомъ взять, покою давать нельзя... Поняли? Начальника, ребята, слушай; сказалъ онъ „стой“—ты ни съ мѣста... А въ разбродъ будете дѣйствовать, самимъ хуже: перебьютъ не за понюхъ табаку...

Это не высокопарная рѣчь, а понятныя каждому солдату слова...

Однажды,—это было еще до того, какъ Скобелевъ перебрался на траншеи,—онъ ночью отправился осмотрѣть работы. Только что Скобелевъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, перейдя Брестовацкій логъ, сталъ подниматься на первый гребень, какъ увидѣлъ бѣгущихъ солдатъ Владимірскаго полка. Нѣкоторые были съ ружьями, нѣкоторые безъ нихъ.

— Это что такое?—закричалъ Скобелевъ,—стой! Что это за безобразіе? Гдѣ офицеръ?

Подошелъ испуганный офицеръ и взялъ подъ козырекъ.

— Объясните, что это значитъ?—обратился къ нему генералъ.

— Ваше превосходительство! Турки открыли такой огонь, что нагнали панику на солдатъ... Мы ничего не могли съ ними подѣлать!—смущенно оправдывался офицеръ.

— Какъ вамъ не стыдно,—загремѣлъ Скобелевъ,—у васъ самолюбія нѣтъ! Вы своего долга не знаете... Стыдитесь, молодой человѣкъ!

Подошло еще нѣсколько человѣкъ, Скобелевъ пристыдилъ и ихъ и лишь послѣ этого обратился спокойно и даже ласково къ солдатамъ.

— Не хорошо, ребята!—заговорилъ онъ,—вы забыли присягу, данную государю: живота не щадить... Смотрите, загладьте скорѣе свою страшную вину, иначе я не хочу васъ знать, не буду вами командовать... Будьте молодцами... Господа офицеры! Соберите вашихъ людей, разберитесь по ротамъ и въ порядкѣ идите обратно въ траншеи...

Сконфуженные солдаты возвратились и подъ страшнымъ огнемъ турокъ докончили всѣ свои работы...

Скобелевъ явился на траншеи почти что вмѣстѣ съ ними. Покинутыя-было работы приходились въ центрѣ. Справа и слѣва работы продолжались.

— Спасибо вамъ, братцы,—заговорилъ Скобелевъ, обращаясь къ оставшимся на работѣ,—спасибо вамъ за вашу храбрость и стараніе. Постарайтесь, молодцы, къ разсвѣту, какъ можно глубже прорыться. Землю не бросайте впередъ, а только вверхъ... Ну, еще разъ спасибо и желаю успѣха...

Траншеи были устроены Скобелевымъ и Куропаткинымъ на славу. Онѣ были широки, помѣстительны, сообщались между собою крытыми ходами. Два прикрытыхъ пути проведены были прямо для Брестовацкаго лога. По этимъ ходамъ доставлялись на позицію патроны, снаряды, приносились котлы съ горячей пищей и все это исполнялось сравнительно въ безопасности. Ежедневно на траншеяхъ игралъ хоръ Казанскаго полка и это ободряло солдатъ лучше всякихъ рѣчей и приказовъ. Музыка какъ-бы вселяла въ нихъ увѣренность въ безопасности. Турецкіе выстрѣлы не бередили нервовъ. На траншеяхъ даже появились дощечки съ подписями: „Невскій проспектъ“, „Троицкій проспектъ“. Впереди раскиданы проволоки, сорванныя съ турецкихъ телеграфовъ. Ямы для

секретовъ также соединены были ходами. Словомъ, Скобелевъ сумѣлъ создать обстановку, при которой защитники траншей чувствовали себя покойно и какъ будто исполняли такое дѣло, которое не грозило имъ никакой опасностью...

На турокъ музыка, доносившаяся къ нимъ изъ Скобелевскихъ траншей, всегда производила впечатлѣніе. Въ первое время они даже стрѣлять переставали, пока игралъ оркестръ.

Вообще на скобелевскихъ траншеяхъ старались, чтобы время проходило весело...

Когда пришла, наконецъ, вѣсть о взятіи неприступной турецкой твердыни въ Малой Азіи—крѣпости Карса, Куропаткинъ предложилъ Скобелеву подѣлиться этою новостью съ Османомъ-пашею. Скобелевъ согласился. Рѣшено было сдѣлать изъ сшитыхъ попонъ огромный транспарантъ, въ серединѣ котораго вырѣзано было по-турецки два слова: „Карсъ взятъ“. Когда наступила ночь, транспарантъ этотъ выставили на передовой траншеѣ и сразу освѣтили тридцатью фонарями. Турки въ первыя минуты были очевидно удивлены. Они даже затихли, но затѣмъ, когда надпись транспаранта, по всей вѣроятности, была прочтена, началась адская пальба. Турецкія пули изрѣшетили попоны, такъ что онѣ стали никуда негодными, но все-таки это была забава, очень развеселившая скучавшихъ солдатъ...

Осень быстро переходила въ зиму. Начинали трещать морозы, шелъ снѣгъ. Скобелевъ ухитрился раздобыться для солдатъ полушубками.

— И меня, господа,—обратился онъ однажды при обходѣ траншей къ офицерамъ,—можете поздравить съ обновкою! Отецъ мнѣ прислалъ прекрасный полушубокъ и просилъ, чтобы я постоянно носилъ его... Только мнѣ онъ не нравится: весь черный...

Скобелевъ былъ нѣсколько суевѣренъ, вѣрилъ при-

мѣтамъ, предчувствіямъ. Случилось такъ, что черезъ нѣсколько дней онъ былъ легко контуженъ пролетѣвшею мимо непріятельской пулею и, смѣясь, говорилъ, что этой контузіей онъ обязанъ черному полушубку...

Однако, этотъ случай напугалъ всѣхъ его приближенныхъ.

— Господа!—сказалъ Куропаткинъ, когда Скобелевъ нѣсколько отошелъ,—если генералъ будетъ становиться на банкетъ и выставлять себя такимъ образомъ на показъ непріятелю, становитесь и вы тоже... Я увѣренъ, онъ рѣже будетъ рисковать собою...

Такъ и сдѣлали. Когда немного спустя Скобелевъ со дна рва взобрался на банкетъ и сталъ разсматривать непріятельскія позиціи, сопровождавшіе его тоже взлѣзли вслѣдъ за нимъ. Пули турокъ сейчасъ-же засвистали надъ ихъ головами. Скобелевъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на нихъ, но слѣзъ, не говоря ни слова, съ банкета и пошелъ дальше. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ повторилъ то-же—его спутники немедленно вслѣдъ за нимъ подставили и себя подъ разстрѣлъ турецкимъ пулямъ.

— Да чего вы-то торчите здѣсь? Сойдите внизъ!—недовольнымъ тономъ сказалъ генералъ.

— Мы обязаны брать съ начальства примѣръ,—иронически замѣтилъ Куропаткинъ.—Если вы подвергаете себя опасности, то и намъ, подчиненнымъ вашимъ, жалѣть себя нечего!...

Михаилъ Дмитріевичъ только молча пожалъ плечами, соскочилъ въ ровъ и пошелъ далѣе.

Но предназначенной ему пули онъ все-таки не миновалъ. Прошло немало дней и онъ все-таки снова былъ контуженъ въ спину турецкой пулей, какъ разъ тогда, когда сходилъ съ банкета въ ровъ.

Контузія на этотъ разъ была сильная. Скобелевъ упалъ... Съ воплемъ отчаянія кинулись къ нему ближайшіе, но генералъ уже очутился на ногахъ. Лицо его было только немного блѣднѣе обыкновеннаго.

— Ничего, братцы, пустяки!—произнесъ онъ, видимо перемогая страшную боль,—я даже не раненъ...

Мундиръ М. Д. Скобелева, въ которомъ онъ былъ раненъ на Зеленыхъ горахъ.

Но страданіе оказалось сильнѣе этого желѣзнаго человѣка, — Скобелевъ чувствовалъ, что оставаться долѣе въ траншеяхъ не можетъ и, поддерживаемый Куропаткинымъ и еще однимъ офицеромъ-казакомъ Хомячевскимъ, долженъ былъ уйти по прикрытому входу въ Брестовацъ.

А турки, словно догадавшись, что надѣлала ихъ шальная пуля, устроили въ эту ночь вылазку и дрались съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, какого они не проявляли еще съ перваго дня осады...

Въ Брестовацѣ Скобелевъ помѣщался въ довольно просторной хатѣ и лежалъ на постели, видимо, сильно страдая отъ раны, но, несмотря на физическія страданія, онъ старался быть спокойнымъ и даже шутилъ съ приходившими навѣстить его офицерами.

— Это все, господа, черный полушубокъ,—говорилъ онъ, улыбаясь,—не надѣнь я его, навѣрное, ничего не

было-бы... Но во всякомъ случаѣ это пустяки: скоро снова я явлюсь къ вамъ въ траншеи!

Однако, и лежа въ постели, Скобелевъ не переставалъ распоряжаться дѣлами. Онъ устроилъ еще батарею у Брестоваца, позади нея расположилъ перевязочный пунктъ и черезъ недѣлю, благодаря своей крѣпкой натурѣ, оправился настолько, что смогъ сѣсть на коня и явился на позицію.

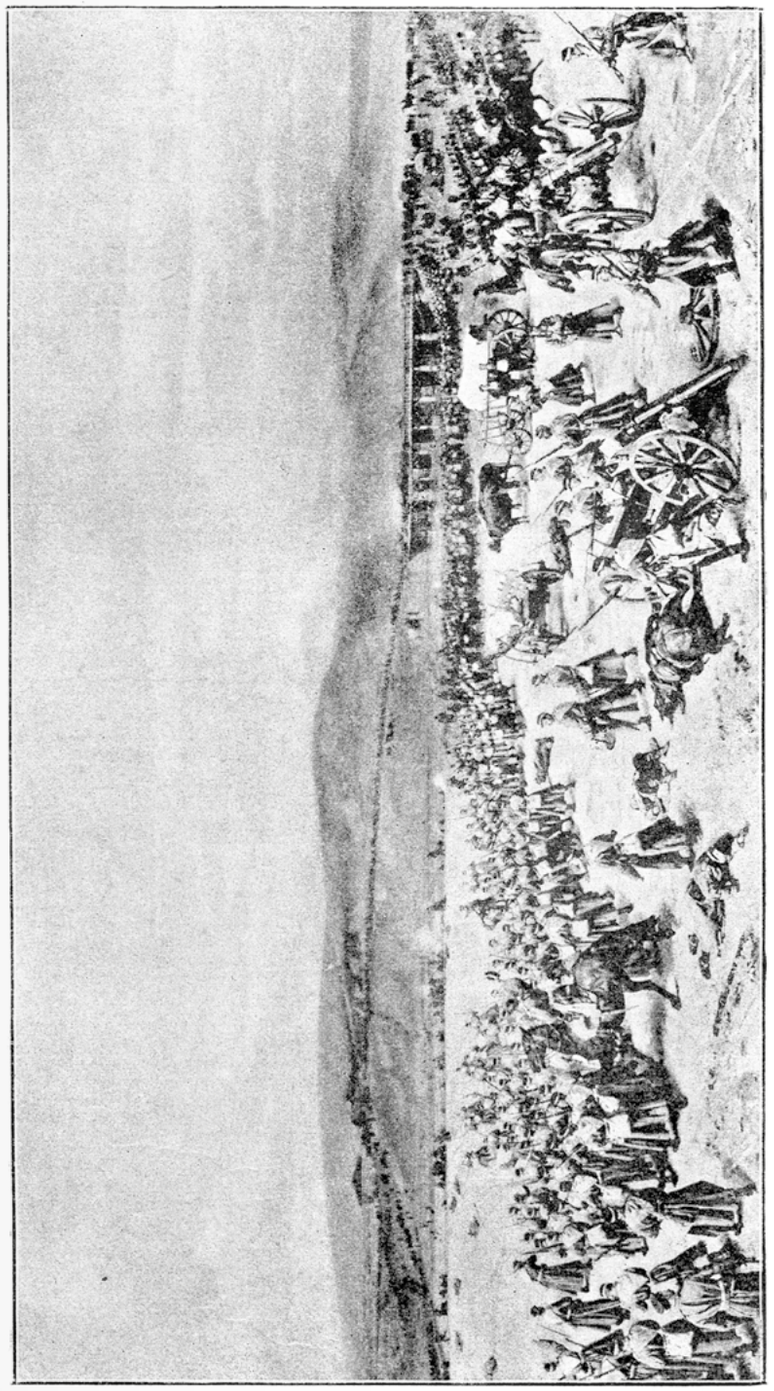
— Что же, братцы,—разсуждали, увидя его, солдаты, —если самъ генералъ нашъ идетъ прямо подъ пули, такъ нашему брату, простому нижнему чину, и подавно жалѣть себя нечего...

Контузія какъ будто и слѣдовъ не оставила на здоровьѣ богатыря. Онъ попрежнему проводилъ дни и ночи на траншеяхъ. Тамъ для него была выкопана длинная яма, въ нее поставлены носилки для раненыхъ, а сверху устроенъ навѣсъ изъ нарубленныхъ солдатами вѣтокъ. Это и было помѣщеніе Скобелева. Часто онъ тутъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ проводилъ цѣлые часы надъ составленіемъ плановъ, разсмотрѣніемъ всевозможныхъ бумагъ, а кругомъ были его воины-герои, съ любовью смотрѣвшіе, не спуская глазъ съ своего Бѣлаго генерала.

Скоро Михаилу Дмитріевичу пришлось принять на себя новое дѣло. За р. Видомъ были устроены такъ-называемые „Волынскіе редуты“. Ихъ занималъ гвардейскій отрядъ подъ командою генерала Гурко. Отрядъ этотъ отправился за Балканы, и Скобелевъ долженъ былъ взять редуты подъ свое начальство.

Въ назначенный день Михаилъ Дмитріевичъ отправился къ генералу Гурко. Предстояла встрѣча двухъ вождей, славою которыхъ гордилась вся русская армія. Скобелевъ уже на дорогѣ къ Волынскому редуту поспѣшилъ показать его гарнизону, каковъ тамъ будетъ новый начальникъ.

Отправился онъ на встрѣчу къ Гурко съ свитой, со-



Послѣдній бой подъ Плевной и взятіе въ плѣнъ всей арміи Османа-паши 28 ноября 1877 г.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

Гурко и Скобелевъ подъ огнемъ.

стоявшей изъ Куропаткина, инженеръ-полковника Мельницкаго, офицеровъ: Баранка, Хомячевскаго, Дукмасова и пяти казаковъ, но отправился не обходной дорогой, а на деревню Кришино, гдѣ раскинута была турецкая аванпостная цѣпь.

Появленіе русскихъ перепугало турокъ. Поднявъ крикъ, они бросились бѣжать, а изъ ближайшей траншеи подняли огонь. Пули такъ и щелкали, но Скобелевъ ѣхалъ впередъ съ безпечностью прогуливающагося наѣздника... Однако, онъ отослалъ назадъ Куропаткина, Мельницкаго и Баранка, а самъ продолжалъ путь лишь съ двумя офицерами и казаками. Гурко выѣхалъ ему на встрѣчу и они сошлись среди поля, осыпаемаго турецкими снарядами...

Поздоровавшись, они отправились не торопясь къ редуту и здѣсь Гурко приказалъ открыть огонь по туркамъ. Тѣ поспѣшили отвѣтить и бесѣда героевъ продолжалась подъ градомъ то и дѣло взрывавшихся снарядовъ.

Одинъ изъ снарядовъ ударился въ траверзъ редута. Всѣ, кто былъ съ Гурко, поспѣшили попрятаться, на ногахъ остались только два генерала да двое офицеровъ-скобелевцевъ...

Граната, взорвавшись, обсыпала удальцовъ землею, но къ счастью никто раненъ не былъ...

Гурко крѣпко пожалъ Скобелеву руку.

— Вы,—сказалъ онъ, улыбаясь,—съ молодыхъ лѣтъ еще привыкли къ боевой жизни, почему и относитесь къ ней такъ спокойно...

Скобелевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ продолжалъ дѣловую бесѣду и отбылъ съ Волынскихъ редутовъ лишь тогда, когда осмотрѣлъ всѣ ихъ, на свои Зеленыя горы...

XXVIII.

Павшая Плевна.

ОЯБРЬ подходилъ уже къ концу. Плохо приходилось Осману-пашѣ въ Плевнѣ. Близкая развязка чувствовалась всѣми. Особенно напряженно ожидали „конца Плевны“ на Зеленыхъ горахъ. Частенько теперь попадали въ руки скобелевцевъ турки изъ Плевны. Это уже были бѣглецы, не выдерживавшіе тягостей блокады. Они всѣ говорили въ одинъ голосъ, что въ Плевнѣ почти не осталось продовольствія для войскъ, что и снаряды близки были къ концу... Эти голодные, оборванные люди были такъ жалки, что ихъ, прежде чѣмъ отправлять далѣе, солдаты до-сыта накармливали изъ своихъ котловъ, одѣляли табакомъ, а иногда давали и одежду.

Около полуночи на 28-е ноября казачій разъѣздъ привелъ въ Брестовацъ къ Скобелеву захваченнаго имъ въ плѣнъ низама и тотчасъ-же въ зеленогорскомъ отрядѣ разнеслось, что турки ушли съ Кришинскихъ высотъ, бросивъ всѣ свои траншеи, окопы, редуты...

Засуетился весь Брестовацъ, вѣсть оттуда пошла уже по Зеленымъ горамъ. Если турки бросили Кришино, то это могло значить лишь одно: Османъ-паша уходилъ изъ Плевны со всею своей арміей...

Весь зеленогорскій отрядъ въ мгновеніе ока очутился на ногахъ... Пришло приказаніе Скобелева вызвать охотниковъ для развѣдки на кришинскія высоты. Это только подтвердило слухи...

Охотники съ проводникомъ — плѣннымъ туркомъ— ушли съ лихорадочной поспѣшностью и скоро вернулись обратно. Нанесшія столько вреда русскимъ укрѣпленія были оставлены.

Тихое на этотъ разъ, но радостное ура пролетѣло надъ Зелеными горами. Не могло быть сомнѣнія, что развязка начиналась, и весь вопросъ теперь былъ лишь въ томъ, удастся Осману-пашѣ уйти изъ Плевны или не удастся...

Скобелевъ немедленно послалъ весь Углицкій полкъ занять оставленныя позиціи и укрѣпиться на нихъ такъ, что въ случаѣ, если бы Османъ-паша пожелалъ вернуться въ Плевну, вернуть ему эти грозныя укрѣпленія не удалось-бы.

Остальные три полка Скобелевской шестнадцатой дивизіи посланы были къ р. Виду и стали тамъ такъ, что путь Османовой арміи по берегу былъ совсѣмъ загороженъ.

Османъ-паша дѣйствительно рѣшилъ уйти, прорвавшись черезъ блокирующія войска. Авангардъ его арміи уподобился могучему тарану. Таборы его скатились съ высотъ, перешли черезъ рѣку и съ небывало-страшной

Видъ Плевны послѣ сдачи.
Акварель Петра Соколова.

силой ударили на передовые русскіе полки. Османовы бойцы шли, обрекши себя на смерть. Ихъ ударъ былъ столь стремителенъ, что первыя двѣ линіи русскихъ оказались прорванными. Издали, съ тѣхъ высотъ, откуда глядѣлъ на бой Скобелевъ, казалось, будто кровавая рѣка вдругъ вырвалась изъ Плевны и бурными волнами ударила на русскихъ. Казалось, ничто не могло сдержать ее. Османъ-паша, уже вполнѣ увѣренный въ своемъ успѣхѣ, спустился къ Виду и подъѣзжалъ къ мосту, когда случайная пуля свалила его съ коня. Это рѣшило сраженіе. Авангардныя колонны, истощивъ свои силы на прорывы первыхъ двухъ линій, уже не смогли сломить третьей. Вѣсть о потерѣ вождя окончательно уронила духъ бой-

цовъ. Турки бросились назадъ; побѣдители ожесточенно преслѣдовали ихъ.

Скобелевъ приказалъ было полкамъ своей дивизіи ударить съ фланга на турокъ, но въ это время на мосту черезъ Видъ заколыхалось бѣлое знамя: свершилось великое дѣло—турецкая плевненская армія сдавалась на милость побѣдителя...

Бѣлый генералъ сейчасъ-же отмѣнилъ свое распоряженіе и послалъ свои полки занять павшую Плевну...

Ужасенъ былъ видъ этого городка, когда вошли туда русскіе. Всюду валялись неубранные трупы людей, животныхъ; всюду видны были слѣды ужаснаго бомбардированія: груды развалинъ, разрушенные дома, груды обгорѣлыхъ бревенъ...

А на Видѣ русскіе полки окружили уже со всѣхъ сторонъ сорокатысячную турецкую армію; Османъ-паша, раненый въ ногу, отдалъ свою саблю генералу Ганецкому.

Въ сумерки, въ караулку, гдѣ находился турецкій герой, примчался Бѣлый генералъ, назначенный военнымъ губернаторомъ Плевны.

Скобелевъ порывисто вошелъ въ караулку и устремилъ свой взоръ на Османа; тотъ тоже поднялъ свою понуренную голову и взглянулъ на своего самаго страшнаго противника.

Взгляды обоихъ героевъ встрѣтились.

Черезъ мгновеніе Скобелевъ порывисто двинулся впередъ, протянулъ Осману-пашѣ руку и, обращаясь къ переводчику, сказалъ:

— Передайте пашѣ, что каждый человѣкъ по натурѣ болѣе или менѣе завистливъ и я, какъ военный человѣкъ, завидую Осману въ томъ, что онъ имѣлъ случай оказать своему отечеству важную услугу, задержавъ насъ на четыре мѣсяца подъ Плевною.

Турецкій герой слушалъ внимательно переводчика,

потомъ онъ вскинулъ глаза на русскаго орла, скромно улыбнулся и проговорилъ:

— Генералъ еще такъ молодъ лѣтами, а между тѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать столь много и такъ хорошо заявить о себѣ на военномъ поприщѣ, что я не сомнѣваюсь, что если не я, такъ, можетъ быть, дѣти мои отдадутъ ему почтеніе, какъ фельдмаршалу русской арміи...

Еще нѣсколько минутъ продолжалось свиданіе, затѣмъ Скобелевъ и находившійся при Османѣ генералъ Ганецкій ушли, и вскорѣ послѣ этого Османъ былъ отправленъ въ Плевну.

Здѣсь онъ былъ представленъ Государю Императору и затѣмъ отвезенъ въ Россію и поселенъ въ Новгородѣ до конца войны.

Съ Плевной было покончено... Тяжелѣйшій подвигъ русской арміи по справедливости былъ оцѣненъ Государемъ Императоромъ на общемъ парадѣ плевненскимъ войскамъ, состоявшемся на томъ полѣ, гдѣ они побѣдили армію Османа-паши 3-го декабря. Теперь русскихъ воиновъ ждали новые подвиги. Вершины западныхъ Балканъ—непроходимый Умургачъ, сильнѣйшія турецкія укрѣпленія Шандорникъ, Арабъ-Канакъ—были уже пройдены русской гвардіей. Сильный отрядъ генерала Карцова направленъ былъ на труднѣйшій Трояновъ перевалъ; оставалась только Шипка, гдѣ геройски еще съ іюля защищался противъ безчисленныхъ полчищъ Сулеймана-паши генералъ Радецкій съ немногочисленными, но закалившими себя въ бою войсками, пережившими тяжелую зиму на обледенѣлыхъ балканскихъ вершинахъ.

Противъ Шипки стояла сорокатысячная, прекрасно вооруженная и снабженная всѣмъ необходимымъ турецкая армія. Нужно было сломить ея сопротивленіе и тогда открывался удобный и легкій путь на столицу имперіи османовъ—Константинополь.

Въ обходъ по горамъ пущены былы два отряда. Со

стороны предбалканскаго городка Травень черезъ деревню Сельцо къ забалканскимъ уже селеніямъ Горному и Дольнему Гузову долженъ былъ пойти отрядъ кн. Святополкъ-Мирскаго. Изъ другого предбалканскаго городка Сельви направленъ былъ отрядъ, составленный изъ полковъ 16 дивизіи, стрѣлковыхъ баталіоновъ, дружинъ болгарскихъ ополченцевъ, казаковъ и горной артиллеріи. Этотъ отрядъ долженъ былъ взобраться въ горы черезъ перевалъ „Марковы Столбы“, пройти вершину Караджа и горное плато съ сел. Иметли и выйти въ Забалканье у деревни Шейново.

Главнымъ начальникомъ этого отряда былъ назначенъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ...

Теперь ему не затруднялись довѣрять самостоятельно дѣйствовавшіе отряды...

XXIX.

Въ Балканахъ.

ВЕЛИКА была способность Скобелева извлекать выгоду для себя изъ всякаго положенія! Во время стоянки въ Плевнѣ Михаилъ Дмитріевичъ отобралъ лучшія изъ доставшихся русскимъ въ качествѣ трофеевъ турецкія ружья и отдалъ ихъ солдатамъ углицкаго полка. Турецкія „пибоди-мартини“ славились и силою, и дальностью своихъ выстрѣловъ. Патроновъ было множество и Скобелевъ безъ всякой затраты далъ своимъ испытаннымъ бойцамъ прекраснѣйшее оружіе, владѣя которымъ они, при ихъ личной храбрости, во всѣхъ отношеніяхъ превзошли своихъ противниковъ.

И это предусмотрѣлъ Бѣлый генералъ! Его солдаты

гордились теперь своими превосходными винтовками и съ нетерпѣніемъ ждали, когда поведетъ ихъ къ новымъ побѣдамъ ихъ любимый вождь...

Михаилъ Дмитріевичъ какъ только узналъ, что его отрядъ назначенъ въ забалканскій походъ, сейчасъ-же исчезъ изъ Плевны... Куда онъ скрылся—никто не зналъ. Въ свободное время Скобелевъ, ради того, чтобы отдохнуть, уѣзжалъ обыкновенно на нѣсколько дней за Дунай въ Бухарестъ. Такъ было послѣ кровавыхъ дней третьей Плевны и теперь большинство думало, что Михаилъ Дмитріевичъ отправился на отдыхъ...

Генералъ Радецкій.

Но не таковъ былъ Бѣлый генералъ, чтобы тратить время на себя, когда впереди было большое дѣло, гдѣ на него падала отвѣтственность и за успѣхъ и за жизнь довѣренныхъ и довѣрявшихся ему людей. Скобелевъ отправился на Шипку къ ген. Радецкому, чтобы самому предварительно осмотрѣть мѣстность, въ которой теперь ему выпало на долю бороться съ мужественнымъ непріятелемъ.

Мрачно выглядѣли Балканскія кручи, обледенѣвшія, занесенныя снѣгомъ. Русская позиція на Шипкинскомъ перевалѣ оказалась врѣзавшейся клиномъ въ тѣло врага. Справа и слѣва на горахъ видны были турецкія батареи, иногда по цѣлымъ днямъ громившія то гору св. Ни-

колая, гдѣ были русскіе, то ихъ лагерь на перевалѣ. Горы слѣва—Деміевецъ, Демиръ-тепе, Малый Бедекъ—интересовали Скобелева такъ же, какъ и горы справа: Зеленая и Волынская съ крутой, обледенѣлой горой Караджа, черезъ которую долженъ былъ перейти его отрядъ. Все осмотрѣлъ Бѣлый генералъ, все запечатлѣлъ въ своей памяти и возвратился въ Плевну, готовый вести свой отрядъ въ неприступныя Балканскія кручи...

Предстоялъ труднѣйшій зимній походъ черезъ горы и Михаилъ Дмитріевичъ приложилъ всѣ усилія, чтобы его отрядъ не только ни въ чемъ не нуждался, но даже былъ снабженъ и „роскошью“—табакомъ, чаемъ и пр.

Гонецъ за гонцомъ разсылался изъ Плевны. Скобелевъ ради успѣха дѣла не затруднялся просить, тамъ, гдѣ не могъ требовать. Результатомъ этого явилось то, что въ его отрядѣ оказалась и теплая одежда, и полушубки, и въ изобиліи всякое продовольствіе.

Шестого декабря Скобелевскій отрядъ вышелъ изъ Плевны, чтобы черезъ Ловчу и Селави перейти въ Габрово.

Рано утромъ въ день выхода Скобелевскаго отряда опять ожили, опять засверкали холодной сталью солдатскихъ штыковъ обезлюдившія Зеленыя горы. Было тихое, слегка морозное утро. Снѣгъ похрустывалъ подъ ногами людей. Колонны шли мирно, въ ногу, будто съ сожалѣніемъ покидая мѣста, съ которыми связано было столько воспоминаній и тяжелыхъ, и радостныхъ. Вотъ здѣсь въ этомъ логѣ была жаркая схватка, здѣсь взорвало зарядный ящикъ; вотъ тутъ крались охотники, чтобы съ „ура“ ворваться во вражескую траншею... Когда проходили мимо недавно еще грозныхъ редутовъ Абдулъ и Раджи-Табій, многіе обнажили головы и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ... вѣдь это были великія могилы—могилы храбрецовъ, какихъ уже не много оставалось на бѣломъ свѣтѣ...

Скобелевъ выѣхалъ съ своимъ штабомъ нѣсколько позднѣе. Когда онъ проѣзжалъ мимо редутовъ, лицо его омрачилось. Онъ снялъ фуражку и трижды перекрестился.

— Сколько здѣсь жертвъ легло и все напрасно!— тихо, но все-таки такъ, что его было слышно окружающимъ, прошепталъ онъ.

На глазахъ Бѣлаго генерала заблистали слезы...

Свита Скобелева тоже осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ. Воцарилось невольное молчаніе. При видѣ редутовъ вспомнились Добровольскій, Тебякинъ, Горталовъ и сотни безызвѣстныхъ храбрецовъ, жизнь свою положившихъ за эти твердыни...

За Брестовацемъ начали нагонять ушедшій впередъ отрядъ.

— Смирно!—раздавались команды офицеровъ, увидавшихъ генерала.

— Здорово, молодцы! съ походомъ поздравляю!—весело теперь привѣтствовалъ своихъ героевъ Скобелевъ.

Гулъ самыхъ разнообразныхъ привѣтствій послышался въ отвѣтъ ему.

— Смотрите-же, — продолжалъ Михаилъ Дмитріевичъ,—будьте-же такими-же молодцами, какъ и раньше! Вы теперь отдохнули, привели въ порядокъ оружіе, одежду, собрались съ новыми силами. Впереди предстоитъ еще много трудовъ, но, Богъ дастъ, мы скоро докончимъ съ турками на Шипкѣ, а потомъ дойдемъ до Царяграда и отдохнемъ уже тамъ въ волю!

Солдаты съ удовольствіемъ слушали слова своего любимца-вождя. По ихъ бодрымъ, самодовольнымъ раскраснѣвшимся на морозѣ лицамъ, по ихъ блестящимъ, веселымъ глазамъ видно было, что они вполнѣ соглашаются съ нимъ.

Скобелевъ обошелъ свой отрядъ и промчался въ Ловчу, чтобы заранѣе распорядиться тамъ о разныхъ хозяйственныхъ нуждахъ.

Когда пришлось становиться на ночлегъ, то въ деревняхъ, окружавшихъ Ловчу, было все приготовлено для пріема отряда. Солдаты получили горячую пищу, устроились въ жарко натопленныхъ болгарскихъ хатахъ. Видна была заботливость. Скобелевъ старался предусматривать все, что могло доставить его солдатамъ хотя какое-либо удобство. На утро онъ пропустилъ мимо себя всѣ колонны, внимательно осматривалъ каждую, и ничто при этомъ осмотрѣ не ускользало отъ его взгляда: послѣдній рядовой, запасная лошадь, лазаретная фура—все было осмотрѣно, и если была замѣчена какая-либо небрежность или недостатокъ, Скобелевъ заставлялъ все исправлять немедленно.

Пропуская мимо себя солдатъ, онъ разспрашивалъ ихъ, все-ли они получили, что имъ было назначено, и бѣда была, если солдаты оказывались неудовлетворенными! Виновнаго въ этомъ ждалъ строжайшій выговоръ...

И на слѣдующихъ переходахъ, отъ Ловчи до Сельви и отъ Сельви до Габрово, повторилось то же. Во всякую мелочь входилъ начальникъ отряда и полки явились на Балканы въ образцовомъ порядкѣ, здоровыми, веселыми, готовыми ко всякимъ трудамъ.

Въ Габровѣ простояли долго—до кануна сочельника. И тутъ Скобелевъ не терялъ времени. Въ горы высылали партіи рабочихъ для расчистки пути первыхъ подъемовъ; скуплены были всюду сани: Михаилъ Дмитріевичъ предусмотрѣлъ, что невозможно иначе, какъ на саняхъ втаскивать орудія на обледенѣлыя кручи. Запасены были въ большомъ количествѣ вьючныя лошади, на которыхъ были нагружены продовольствіе, патроны. Когда же колонны начали выступать со своихъ стоянокъ, каждому изъ солдатъ приказано было захватить по одному полѣну... Сперва это послѣднее распоряженіе показалось очень страннымъ, но потомъ, когда вошли въ горы, весь

отрядъ былъ благодаренъ своему вождю, предусмотрѣвшему, что топлива на Балканахъ достать будетъ нельзя...

Авангардъ выступилъ подъ командою подполковника Куропаткина, а утромъ въ день Рождества началъ восхожденіе на горы.

Предъ началомъ движенія Скобелевъ собралъ вокругъ себя офицеровъ и сказалъ имъ:

— Намъ, господа, предстоитъ тяжелая работа: пожалуйста, приложите побольше энергіи и труда! разъ мы побѣдимъ здѣсь, впереди не встрѣтится труда и мы легко займемъ Адріанополь и даже Константинополь...

У самаго начала подъема Скобелевъ выдѣлилъ изъ казанскаго полка баталіонъ, который поручилъ командованію полковника Ласковскаго, саперъ и сотню уральцевъ подъ начальствомъ войскового старшины Кирилова.

Когда онъ отдавалъ имъ послѣднія инструкціи, видно было, что всю мѣстность онъ знаетъ превосходно. На память называлъ Скобелевъ болгарскія и турецкія названія горныхъ деревушекъ, чѣмъ либо отмѣченныхъ мѣстъ и своимъ знакомствомъ съ горами удивлялъ даже проводника отряда болгарина Словейкова, провожавшаго черезъ Балканы въ іюлѣ отрядъ генерала Гурко.

— Двигайтесь какъ можно осторожнѣе!—сказалъ въ заключеніе Скобелевъ,—старайтесь, чтобы турки васъ не скоро замѣтили, и торопитесь занять возвышенность!

Священника въ отрядѣ не было. Вмѣсто молебствія Скобелевъ приказалъ обнажить головы и прочесть молитву.

— Ну, теперь съ Богомъ! Дай Богъ счастья!—произнесъ онъ и подалъ знакъ къ выступленію.

Безъ звука приняли нѣдра Балканъ скобелевцевъ; безъ музыки и пѣсенъ, какъ всегда бывало у Скобелева на походѣ, входили и они въ грозныя тѣснины. Всюду высились покрытыя глубокимъ снѣгомъ кручи. Холодомъ могилы вѣяли онѣ. Каждый невѣрный шагъ грозилъ

ездѣсь гибелью, но задумываться надъ этимъ не приходилось: нужно было идти все впередъ и впередъ, пока хватало силъ...

Подъемъ отряда на Балканы.
Картина Н. Сверчкова.

Поднимались тихо. Впереди открывали путь уральцы. На ихъ долю выпали всѣ первые труды подъема. Шли гуськомъ: одинъ за другимъ. Маленькимъ, косматымъ лошаденкамъ уральцевъ то приходилось вскарабкиваться на почти отвѣсныя обледенѣлыя скалы, то, осторожно упираясь передними ногами, сползать внизъ на заднихъ. Въ иныхъ мѣстахъ лошаденки увязали по грудь въ мерзломъ снѣгу и приходилось разрывать для нихъ проходъ въ сугробахъ. Тамъ, гдѣ лошади совсѣмъ уже не подъ силу оказывалось втащить сѣдока, казаки соскакивали и, держась за хвостъ своего коня, вскарабкивались вслѣдъ за нимъ на кручу. Слѣдомъ за казаками поднималась пѣхота. Солдаты мѣстами вязли выше

колѣнъ, но все-таки шли впередъ. Скобелевъ пропустилъ мимо всѣ колонны и лишь тогда, когда отрядъ втянулся уже въ горы, поспѣшилъ къ его передовымъ частямъ.

До деревушки Зелено-Древо отрядъ шелъ спокойно, но когда начали подниматься къ перевалу „Марковы Столбы“, турки замѣтили скобелевцевъ съ своихъ высотъ. Изъ отряда ясно были видны непріятельскіе лагери на Лысой горѣ. Видны были и русскія позиціи на Шипкинскомъ перевалѣ. Турки было открыли огонь, но Скобелевъ во-время вывезъ на высоты горную артиллерію и заставилъ ея выстрѣлами турокъ замолчать.

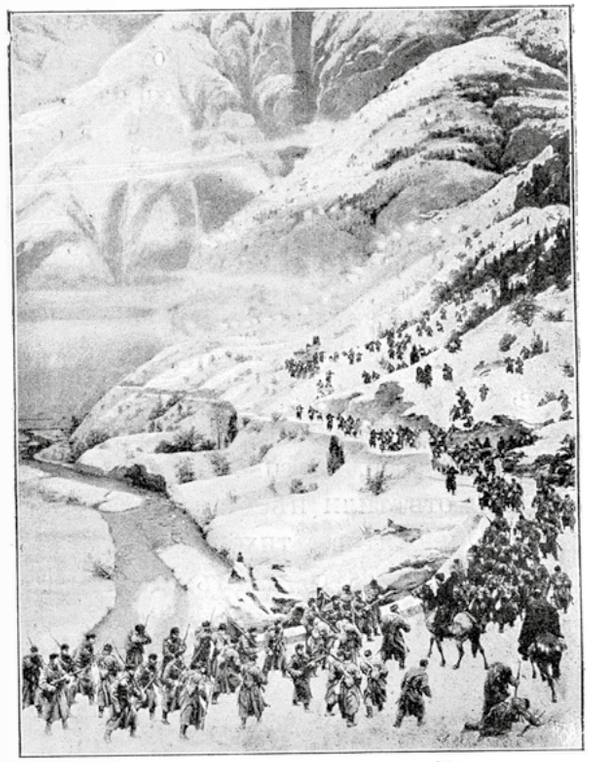
Весь день двадцать пятаго декабря пришлось карабкаться по высотамъ, и прошли всего только десять верстъ. Только десять верстъ, но эти версты стоили десятковъ, пройденныхъ по равнинѣ... И солдаты и офицеры выбились изъ силъ, а впереди былъ путь еще труднѣйшій! Скобелевъ, понимая, какъ необходимы людямъ силы, остановилъ отрядъ и приказалъ ему располагаться на ночлегъ. „Марковы Столбы“—главный перевалъ—были уже заняты и за дальнѣйшее движеніе Бѣлый генералъ былъ спокоенъ. Но турки все-таки были близко. Ихъ позиціи находились влѣво отъ отряда. Чтобы укрыть своихъ солдатъ, Скобелевъ отыскалъ самъ глубокую долину, скрытую отъ турокъ густымъ лѣсомъ, выслалъ далеко впередъ „секреты“, т.-е. особыхъ развѣдчиковъ-часовыхъ, которые, скрываясь сами, бдительно должны были наблюдать за непріятелемъ, и лишь тогда позволилъ развести костры.

Полѣнья, захваченныя изъ подъ Габрова, пригодились. Костровъ было разведено не много, но все-таки солдаты имѣли возможность обогрѣться около нихъ.

Началась ночь—ночь въ снѣгахъ... Врядъ-ли кто смогъ уснуть въ эти часы. Холодъ давалъ себя знать, каждое мгновеніе можно было ожидать тревоги. Однако сонъ, хотя-бы и урывками, все-таки освѣжилъ людей. Едва

забрезжился разсвѣтъ, весь отрядъ уже поднялся на ноги и снова готовъ былъ къ походу.

Скобелевъ поднялся на перевалъ. Теперь онъ былъ на такой высотѣ, что передъ нимъ открывался видъ на долину рѣки Тунджи. Темными пятнами чернѣлись на снѣгу десятки деревень. Въ эту долину нужно было спуститься; а внизъ велъ страшно обрывистый, мѣстами отвѣсный скатъ, а подъ нимъ караулили уже русскихъ турки...



Переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы.
Картина А. Кившенки.

Осмотрѣвшись и запечатлѣвъ въ своей памяти всѣ окрестности, Скобелевъ послалъ впередъ баталіонъ казанцевъ, сбить съ дороги турокъ. Бодро двинулись молодцы, но страшно убійственный огонь непріятеля не подпустилъ ихъ близко. Солдаты залегли въ снѣгъ и стали отстрѣливаться. Замѣтившіе это ободрившіеся турки атаковали ихъ и заставили отойти назадъ. Казанцы отошли и снова залегли въ снѣгу на высотахъ. Турки съ трехъ сторонъ окружили ихъ. Положеніе становилось опаснымъ. Скобелевъ поспѣшилъ къ аван-

гарду. Сейчасъ-же турки замѣтили генерала и его свиту, и пули посыпались горохомъ. Нѣсколько сопровождавшихъ Скобелева казаковъ было убито и ранено. Но не это было страшно. Когда Скобелевъ подскакалъ къ солдатамъ, залегшимъ на гребнѣ и лѣниво стрѣлявшимъ по туркамъ, тѣ даже не отвѣтили на его привѣтствіе... Видимо, масса непріятеля, охватившаго казанцевъ подковой, потокъ пуль, лившійся надъ ихъ головами, ослабилъ ихъ бодрость и они даже не обратили вниманія на любимаго вождя.

— Это что еще такое?!—грозно крикнулъ Скобелевъ и, давъ шпоры коню, помчался въ самую середину расположенія баталіона.

Величественна была его фигура въ это мгновеніе. На конѣ подъ пулями среди прижавшихся къ землѣ солдатъ, спокойный съ виду, но мечущій во всѣ стороны грозные взгляды, Скобелевъ былъ великолѣпенъ.

— Здорово, братцы!—еще разъ крикнулъ онъ.

Ему отвѣтили нѣсколько десятковъ голосовъ, но отвѣтили невнятно, тихо, какъ будто боясь привлечь вниманіе турокъ громкимъ отвѣтомъ.

— Охотники, ко мнѣ!—приказалъ Скобелевъ.

Поднялось, и то очень нерѣшительно, два десятка солдатъ.

— Дукмасовъ,—обратился Михаилъ Дмитріевичъ къ своему ординарцу,—возьмите вотъ этихъ...—онъ хотѣлъ что то сказать, но удержался,—возьмите этихъ людей и отбросьте лѣвый флангъ непріятеля... Я прошу васъ это сдѣлать непремѣнно ..

На лѣвомъ турецкомъ флангѣ, т.-е. на правомъ флангѣ казанцевъ противниковъ раздѣляло всего не болѣе какъ 300 шаговъ. Турки были скрыты кустарниками. Дукмасовъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ Скобелевскихъ храбрецовъ, тотчасъ-же повелъ солдатъ на турокъ.

— Смотрите, молодцы, дружно всѣ сразу навались

на турку... Они нашего штыка не выдерживаютъ, мнѣ ихъ не первый разъ гонять... Только уру орите погромче!

Подъ кустами охотникамъ удалось подобраться незамѣченными къ непріятелю. Совсѣмъ внезапно для турокъ по нимъ брызнулъ изъ-за кустовъ пулями залпъ и раздалось „ура“. Ошеломленные, не видящіе непріятеля аскеры, поддаваясь первому впечатлѣнію, ударились бѣжать. Дукмасовъ не далъ имъ опомниться. Съ громкими криками онъ уже отъ лѣваго сбитаго имъ фланга кинулся, хотя это ему и не было приказано, во флангъ всего непріятельскаго отряда. Громко крича, стрѣляя, работая штыкомъ, тѣснили два десятка русскихъ весь непріятельскій фронтъ. Неожиданность, кусты, скрывшіе малочисленность русскихъ, бѣгство лѣваго фланга помогли. Одна за другой вскакивали съ земли красныя фески и быстро катились внизъ въ долину. А за этими одиночными бѣглецами повалили кучки въ десятки, сотни... Всѣ они стремглавъ, перегоняя другъ друга, очевидно, въ паническомъ страхѣ отъ внезапнаго появленія и фланговаго огня, бѣжали, летѣли, катились внизъ въ долину Тунджи, провожаемые залпами русскихъ. Дукмасовъ, не давая имъ опомниться, преслѣдовалъ ихъ по пятамъ и занялъ деревню Иметли, но, желая скрыть малочисленность своей команды, нѣсколько отошелъ назадъ и укрылъ своихъ людей за утесами. Въ разстояніи полуверсты отъ охотниковъ былъ лѣсокъ, гдѣ расположилось повидимому начальство преградившаго скобелевцамъ дорогу отряда. Оттуда выскакало было нѣсколько турецкихъ офицеровъ, но всѣ они легли на мѣстѣ подъ пулями охотниковъ.

Горы совершенно были очищены отъ турокъ. Дукмасовъ, нагнувъ одного изъ солдатъ, на его спинѣ вмѣсто стола написалъ Скобелеву донесеніе и черезъ нѣсколько времени была прислана рота на смѣну ему.

Когда онъ возвратился къ штабу, его наперерывъ поздравляли съ побѣдою.

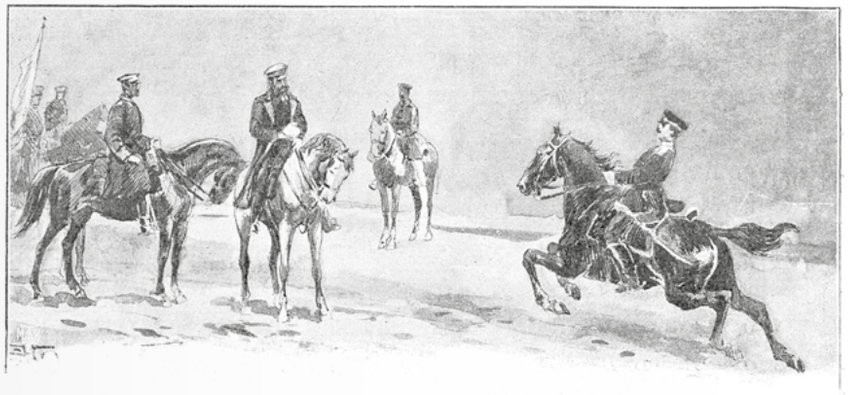
— Великое спасибо вамъ, голубчикъ,—говорилъ Скобелевъ, обнимая и цѣлуя лихого казака,—поздравляю васъ георгіевскимъ кавалеромъ!

Но въ этотъ день отрядъ настигла бѣда: былъ тяжело раненъ начальникъ Скобелевскаго штаба Куропаткинъ... Его пришлось отправить назадъ въ Габрово.

— Одинъ Куропаткинъ стоилъ у меня цѣлой дивизіи!—говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ объ этой потерѣ.

Дѣлать было нечего и онъ назначилъ начальникомъ своего штаба гр. Келлера *), тоже испытаннаго боевого офицера.

*) Погибшаго въ русско-японскую войну 1904 г.



XXX.

Шеиновская побѣда.

БЛАГОДАРЯ отчаянной схваткѣ Дукмасова авангардъ Скобелевскаго отряда вышелъ къ долинѣ Иметли, но дальше движеніе было невозможно. Главныя силы отряда растянулись по горамъ. Къ утру 27 декабря спустился съ горъ только баталіонъ углицкаго полка и Скобелевъ сейчасъ-же замѣнилъ имъ до нельзя уставшихъ казанцевъ.

Турки раскинулись на высотахъ вдоль всего пути. Ихъ стрѣлки били чуть что не на выборъ. Въ особенности мѣшала движенію одна изъ горъ, занятая большимъ количествомъ турокъ, чѣмъ другія. Въ ночь Скобелевъ послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ выбить съ Лысой горы непріятеля, но тотъ въ темнотѣ сбился и занялъ совсѣмъ не ту гору, которая была ему указана.

Михаилъ Дмитріевичъ, страшно разсерженный, послалъ опять Дукмасова съ ротой казанскаго полка и опять Дукмасовъ съ успѣхомъ выполнилъ дѣло. Турки были сброшены съ горъ и казанцы захватили множество ружей и пороховой погребъ.

Несмотря на эти успѣхи, Скобелевъ былъ замѣтно встревоженъ.

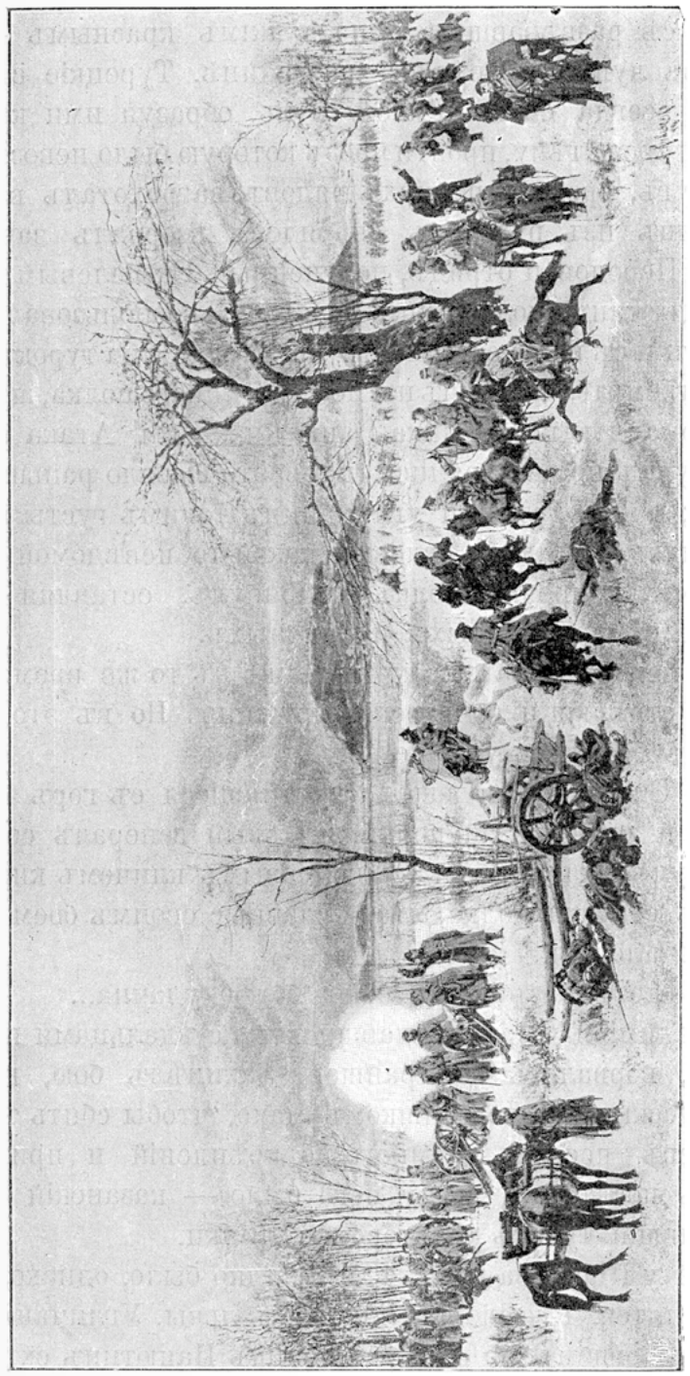
Съ утра 27 декабря изъ-за горъ, съ той стороны, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать противъ турокъ отрядъ Святополкъ-Мирскаго, донеслись раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. По условію именно въ этотъ день обѣ обходныя колонны должны были выйти изъ горъ и ударить на турецкую армію. Лѣвый отрядъ вышелъ, правый Скобелевскій растянулся такъ, что не съ чѣмъ было бы и ударить ему на турокъ.

Тогда Скобелевъ пустился на хитрости, чтобы отвлечь отъ себя сколько можно турокъ. Къ вечеру 27 декабря спустилась къ Иметли половина отряда. Когда наступила темнота, горныя батареи подобрались какъ можно ближе къ турецкимъ позиціямъ и начали стрѣлять залпами. Затѣмъ, по приказанію Скобелева, всѣ музыканты и барабанщики сыграли зорю, а войска развели множество костровъ, такъ что у турокъ должно было явиться впечатлѣніе, что около нихъ находятся на ночлегѣ огромныя силы...

Хитрость удалась, какъ увѣряли впослѣдствіи...

Наконецъ, настало утро 28 декабря. То, что скопилось у Скобелева, было немедленно пущено имъ въ наступленіе на врага, стоявшаго у деревни Шейнова. На правомъ флангѣ шли угличане, охраняемые донцами, на лѣвомъ—стрѣлки и болгарское ополченіе. Начали бой горныя орудія, безъ перерыва стрѣлявшія по непріятелю.

Передъ этими незначительными силами Скобелевскаго отряда стояла сорокатысячная турецкая армія, прекрасно укрытая за траншеями и за валами. Виднѣлся грозный



Сраженіе при деревнѣ Шейново.
Картина А. Кившенко.

редутъ съ развѣвавшимся надъ нимъ краснымъ знаменемъ съ луной и звѣздою посрединѣ. Турецкіе стрѣлки какъ и всегда сыпали массу пуль, образуя ими какъ-бы движущуюся стѣну, пройти чрезъ которую было невозможно. Но вдругъ, среди турецкихъ рядовъ, загрохоталъ взрывъ. Это одинъ изъ русскихъ снарядовъ взорвалъ зарядный ящикъ. Передовой отрядъ, порученный Скобелевымъ флигель-адъютанту полковнику Толстому, воспользовался моментомъ и съ потрясающимъ „ура“ кинулся на турокъ. Особенно стремителенъ былъ натискъ угличкаго полка, шедшаго подъ командою полковника Панютина. Увы! Атака не удалась, турки не растерялись, какъ это бывало раньше, при взрывѣ; они встрѣтили угличанинъ такимъ густымъ градомъ пуль, что тѣхъ словно какой-то невѣдомой силой отшвырнуло прочь. Полкъ отпрянулъ, оставляя послѣ себя слѣдъ изъ убитыхъ и раненыхъ.

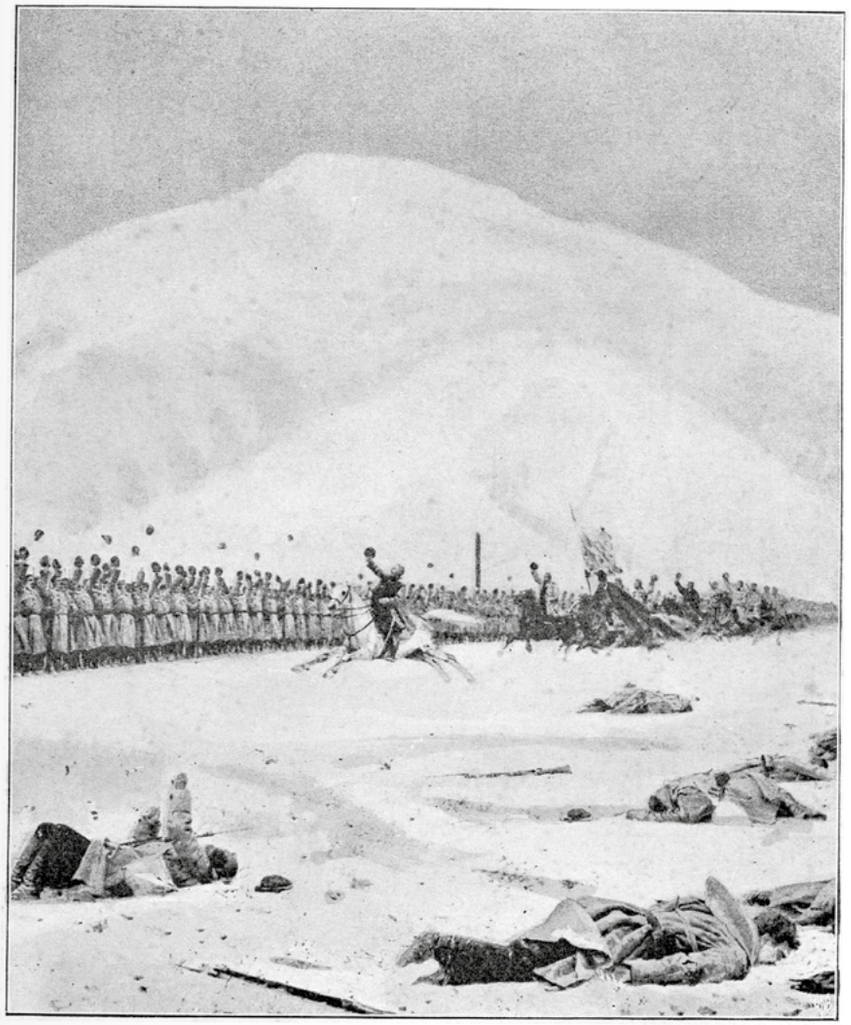
Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ въ то же время были отбиты стрѣлки и болгарскія дружины. Но въ это время къ нимъ спѣшила уже помощь...

Къ Скобелеву подошли спустившіеся съ горъ владимірскій и суздальскій полки, и Бѣлый генералъ сейчасъ-же кинулъ ихъ въ бой. Съ громовымъ кличемъ кинулись впередъ оба эти полка, столь славные своимъ боемъ подъ третьей Плевной.

На этотъ разъ атака была болѣе удачна...

Владимірцы, перемѣшавшись съ суздальцами и угличанами, ворвались въ траншеи. Закипѣлъ бою, но все-таки русскихъ было слишкомъ мало, чтобы сбить турокъ. Скобелевъ послалъ немного подкрѣпленій и приказалъ вызвать послѣднее, что у него было — казанскій полкъ, сторожившій турокъ со стороны Шипки.

Бой у Шеинова кипѣлъ. Не видно было, однако, чѣмъ онъ кончится. Русскіе дрались, какъ львы. Угличане были откинуты огнемъ, но ихъ полковникъ Панютинъ схватилъ знамя и одинъ кинулся на турецкія укрѣпленія. Весь



Скобелевъ объѣзжаетъ войска послѣ сраженія при деревнѣ Шейново.

полкъ послѣдовалъ за нимъ. И турки тоже дрались съ львиной храбростью. Они знали, что это послѣдняя битва и не отступали даже предъ ударомъ въ штыки. Въ это время къ Скобелеву явился ген. Дохтуровъ, только что переправившійся черезъ горы съ первой кавалерійской дивизіей. Михаилъ Дмитріевичъ сейчасъ-же послалъ его къ отряду Святополкъ-Мирскаго, гдѣ тоже въ этотъ день дрались съ самаго ранняго утра, а самъ остался наблюдать за картиною все разраставшагося боя.

Слышна была неровная, безпорядочная перестрѣлка; то и дѣло громыхали пушки. Иногда вдругъ раздавался громкій побѣдный кличъ, вырывавшійся изъ тысячи грудей, и тогда замѣтно было, какъ образовала русская линія уголъ и врѣзалась въ самую гущу турокъ; но положеніе быстро измѣнилось. Турки дѣлали усиліе, и линія снова выпрямлялась. Два рѣзко отличавшіеся другъ отъ друга ряда красный и сѣрый-то и дѣло мѣняли свои положенія. Скобелевъ сурово молчалъ. Участь боя висѣла на волоскѣ. Не удержатся кинутые имъ въ бой баталіоны — и конецъ всему: его, „Бѣлаго генерала“ ждетъ пораженіе! Лицо Михаила Дмитріевича такъ и передергивалось. Будто каждый мускулъ двигался на немъ, но онъ молчалъ, и только брови его все ниже и ниже опускались на глаза.

— Ваше превосходительство! — доложилъ кто-то изъ ординарцевъ,—два баталіона казанскаго полка пришли въ общій резервъ.

— Хорошо!—отвѣтилъ генералъ, не поворачивая головы.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ.

— Ваше превосходительство! — прискакалъ другой ординарецъ,—генералъ Дохтуровъ докладываетъ, что онъ вошелъ въ связь съ отрядомъ князя Святополкъ-Мирскаго!

— Слава Богу! — поднялъ голову Скобелевъ, и лицо его просвѣтлѣло.

— Ваше превосходительство! — явился новый гонецъ,—отъ князя Мирскаго казачій офицеръ съ пакетомъ!

— Скорѣе!—протянулъ руку Скобелевъ.

Нетерпѣливо взялъ онъ пакетъ и кинулъ взглядъ на заключавшееся въ немъ донесеніе.

Лицо его засіяло.

— Ну, теперь пора идти въ рѣшительную атаку! — произнесъ онъ и отдалъ соотвѣтствующія приказанія.

Четыре баталіона, по-ротно въ двѣ линіи, съ распущенными знаменами и съ музыкой двинулись впередъ. Шли несмотря на брызнувшій имъ на встрѣчу градъ пуль. Это былъ послѣдній градъ, подъ который попадали русскіе герои. Грозное ихъ движеніе ужаснуло турокъ, они бросали сами оружіе, надъ Шеиновымъ взвился бѣлый флагъ...

Сдавалась послѣдняя турецкая армія... Побѣда Россіи была обезпечена!

Прошло не болѣе часу, и геройски дравшіеся полки выстроены были покоемъ на полѣ битвы.

— На молитву, шапки долой! — раздалась громкая команда Бѣлаго генерала.

Тысячи головъ обнажились, тысячи устъ вознесли молитву Богу за дарованіе рѣшительной побѣды, за избавленіе столькихъ тысячъ отъ опасности и за павшихъ товарищей въ этомъ кровавомъ бою.

Многіе солдаты, офицеры даже плакали навзрыдъ въ эти мгновенія.

— Накройся!—прозвучала новая команда.

Солдаты надѣли шапки и вдругъ мимо рядовъ ихъ на своемъ красавцѣ бѣломъ конѣ помчался ихъ любимый вождь, ихъ Бѣлый генералъ.

Восторгомъ сіяло молодое красивое лицо побѣдителя, а изъ устъ его такъ и лилось:

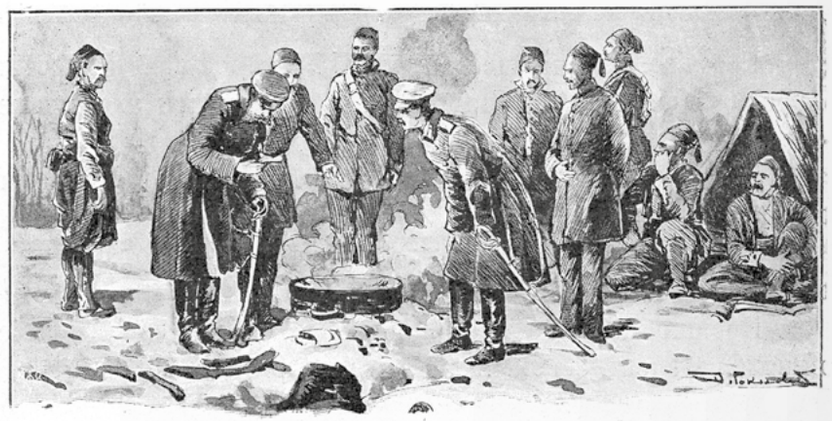
— Именемъ Государя, именемъ Россіи, спасибо вамъ, братцы, за вашу службу!

Громкое, звучавшее искренней сердечной радостью „ура“ вылетѣло изъ рядовъ и перекатнымъ эхо пронеслось надъ полемъ...

Русь побѣдила, путь къ Константинополю былъ открытъ.

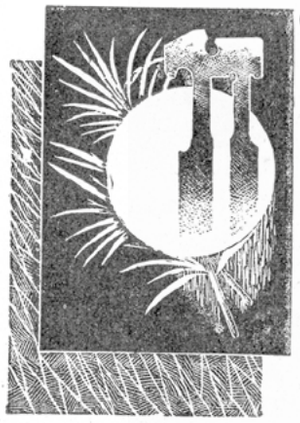
Шеиновская побѣда была послѣдней, въ которой принималъ участіе въ эту войну Бѣлый генералъ.

Прошло немного времени еще и Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ своими побѣдами прославилъ Россію.



XXXI.

Перемиріе—миръ.



ОБѢЖДЕННАЯ, потерявшая свои арміи Турція во прахъ склонилась предъ мощью побѣдительницы Руси. Перешедшіе укутанныя въ снѣгъ, обледенѣлыя Балканы богатыри стали въ Санъ-Стефано—преддверіи столицы Османовъ. Настали дни отдыха, праздниковъ. Отдыхалъ и Михаилъ Дмитріевичъ, но это былъ отдыхъ богатыря... Онъ часто бывалъ въ Константинополѣ, но еще чаще, пользуясь перемиріемъ, попадалъ на предъ-константинопольскія укрѣпленія, осматривалъ ихъ, дивился искусству нанятыхъ Турціей европейскихъ инженеровъ и говорилъ, что въ этихъ посѣщеніяхъ онъ учится тому, чего еще не зналъ до сихъ поръ...

Въ первое-же посѣщеніе Скобелевъ показалъ туркамъ, кто онъ такой.

По условію, въ опредѣленномъ пространствѣ, раздѣлявшемъ русскія войска отъ турецкихъ, не должно было быть ни одного турка, а между тѣмъ за рѣкою Карасу то и дѣло видны были турецкіе солдаты. Близость эта была совсѣмъ нежелательна. Недавніе враги легко могли вспомнить живое еще прошлое. Нельзя было поручиться, чтобы съ той или другой стороны не прогремѣлъ выстрѣлъ, а за нимъ не послѣдовала ожесточенная схватка. Это явилось бы нарушеніемъ перемирія, и Скобелевъ рѣшилъ самъ удалить соблазнителей турокъ изъ запрещеннаго пространства.

Дня черезъ три послѣ того, какъ скобелевская дивизія пришла въ хорошенькій забалканскій городокъ Чатылджу, расположенный вблизи рѣчки Карасу, Михаилъ Дмитріевичъ сказалъ своимъ ординарцамъ и ближайшимъ офицерамъ:

— Господа! Будьте готовы, завтра мы поѣдемъ осматривать непріятельскіе редуты!

Дѣйствительно, на слѣдующее утро Скобелевъ съ генераломъ Струковымъ, полковникомъ Гродековымъ, ординарцами и нѣсколькими казаками отправился въ гости къ туркамъ.

Это была безумно смѣлая выходка. Всего со Скобелевымъ было человѣкъ пятнадцать, и эта горсточка русскихъ людей направились въ самую гущу фанатически настроенной, обозленной неудачами турецкой арміи...

Выѣхали утромъ. До турецкихъ укрѣпленій было верстъ тридцать. Скобелевъ былъ на своемъ любимомъ конѣ, бѣлоснѣжномъ красавцѣ „Шеиново“. Онъ былъ веселъ, шутилъ съ спутниками, хотя глаза его то и дѣло зорко вглядывались въ даль. Наконецъ, передъ путниками вытянулась грязная, съ болотистыми берегами рѣчка Карасу. Вправо за нею высился грозный турецкій редутъ, мрачно глядѣвшій на русскихъ жерлами своихъ многочисленныхъ орудій.

Не говоря ни слова, Скобелевъ повернулъ коня и направился въ сторону этого укрѣпленія. Офицеры и казаки послѣдовали за нимъ. Скоро оказалось, что даже до Карасу нельзя было добраться — слишкомъ вязко было предбрежное болото.

— Господа!—распорядился Михаилъ Дмитріевичъ,— отыщите-ка бродъ, чтобы намъ поудобнѣе перебраться на ту сторону!

— Ваше превосходительство! — замѣтилъ одинъ изъ ординарцевъ,—здѣсь невозможно перебраться! Версты три есть мостикъ...

Скобелевъ сверкнулъ на него глазами, далъ шпоры коню и рѣшительно направился въ болото. Конь, чувствуя зыбкую, вязкую почву, заупрямился; Михаилъ Дмитріевичъ рѣшительно и сильно двинулъ его впередъ. Умное животное сдѣлало прыжокъ, но увязло въ болотѣ и опрокинулось на бокъ вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. Къ Скобелеву бросились его спутники, но прежде, чѣмъ они успѣли добраться до Михаила Дмитріевича, онъ уже былъ на ногахъ, поднялъ коня, вскочилъ на него и снова двинулъ его впередъ прямо по болоту...

— Ваше превосходительство, бродъ! — крикнулъ въ это время успѣвшій подобраться къ берегу ординарецъ.

Скобелевъ помчался къ нему и прямо съ берега заставилъ коня войти въ Карасу. За нимъ послѣдовала и его свита. Турки съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на эту переправу. Прежде чѣмъ они опомнились отъ изумленія, Бѣлый генералъ уже былъ у редута и прямо изъ воды, горяча своего коня, вскочилъ въ него...

Пораженные турки не препятствовали русскимъ осматривать укрѣпленіе...

Изъ редута Скобелевъ со своими офицерами проѣхалъ по всей линіи укрѣпленій и добрался до берега Мраморнаго моря. Турецкіе солдаты и офицеры почтительно отдавали честь русскому герою, и съ тѣхъ поръ прогулка

къ Мраморному морю стала любимѣйшимъ развлеченіемъ скобелевцевъ.

Вскорѣ въ русскихъ войскахъ получено было разрѣшеніе офицерамъ бывать и въ самомъ Константинополѣ. Скобелевская дивизія была придвинута значительно впередъ. Самъ Михаилъ Дмитріевичъ назначенъ былъ командиромъ четвертаго корпуса и избралъ для своего пребыванія деревню св. Георгія на узлѣ дорогъ, выводившихъ въ Константинополь. Теперь Скобелевъ часто былъ въ столицѣ Турціи, но этими посѣщеніями онъ пользовался, чтобы доставить своимъ солдатамъ какъ можно болѣе удобствъ. Всѣ госпитали въ его корпусѣ оказались снабженными въ изобиліи бѣльемъ, огромнымъ запасомъ необходимѣйшихъ лѣкарствъ. Одежда солдатъ на походѣ сильно пообтрепалась и Скобелевъ выхлопоталъ разрѣшеніе отправить въ Одессу нѣсколькихъ офицеровъ для закупки сукна. Прошло немного времени, посланные вернулись, въ полкахъ работа закипѣла, и скоро скобелевцы всѣ до одного были одѣты въ новое, прямо съ иголочки платье; Михаилъ Дмитріевичъ выхлопоталъ для нихъ у главнокомандующаго разрѣшеніе вмѣсто неудобныхъ кепокъ обзавестись гвардейскими фуражками. Солдатики были въ восторгѣ: имъ казалось, что эти головные уборы пожалованы были имъ въ отличіе за ихъ службу подъ Плевной и переходъ черезъ Балканы...

— Спасибо „отцу нашему“,—говорили въ полкахъ,— предстательствовалъ Михайло Дмитричъ за насъ—вотъ намъ и отличіе вышло!

Немного надобно, чтобы сдѣлать счастливыми простыхъ сердцемъ людей! Смѣна кепокъ на гвардейскія фуражки высоко подняла въ своихъ собственныхъ глазахъ солдатъ скобелевскаго корпуса, да и самъ Михаилъ Дмитріевичъ сталъ въ ихъ мнѣніи всемогущимъ.

— Вонъ какой у насъ корпусной-то! — хвастались другъ передъ другомъ Скобелевымъ его солдаты.—Онъ

не токмо что надъ туркомъ, а и у самаго главнокомандующаго все можетъ!.. Одно слово — „Бѣлый генералъ!“

Но еще болѣе привлекалъ къ себѣ солдатскія сердца Михаилъ Дмитріевичъ своимъ обращеніемъ. Суровый, величаво-холодный, грозный въ бою, въ дни отдыха онъ былъ товарищески нѣженъ даже съ ротными замухрышками. Иногда казалось, будто онъ въ лицо знаетъ всѣхъ солдатъ, по крайней мѣрѣ своей прославленной шестнадцатой дивизіи. Часто бывали такіе случаи. Идетъ по лагерю красавецъ-генералъ. Поступь величавая, голова запрокинута нѣсколько назадъ, взоръ орлиный, пронизывающій; на встрѣчу ему пробирается сторонкой солдатикъ, стараясь всѣми силами не попасться на глаза генералу. Вдругъ окликъ:

— Эй, нижній чинъ, стой!

Солдатикъ ни живъ, ни мертвъ останавливается и вытягивается въ струнку передъ корпуснымъ.

— Петровъ? — слышитъ онъ нѣсколько картавящаго генерала.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, Степановъ!

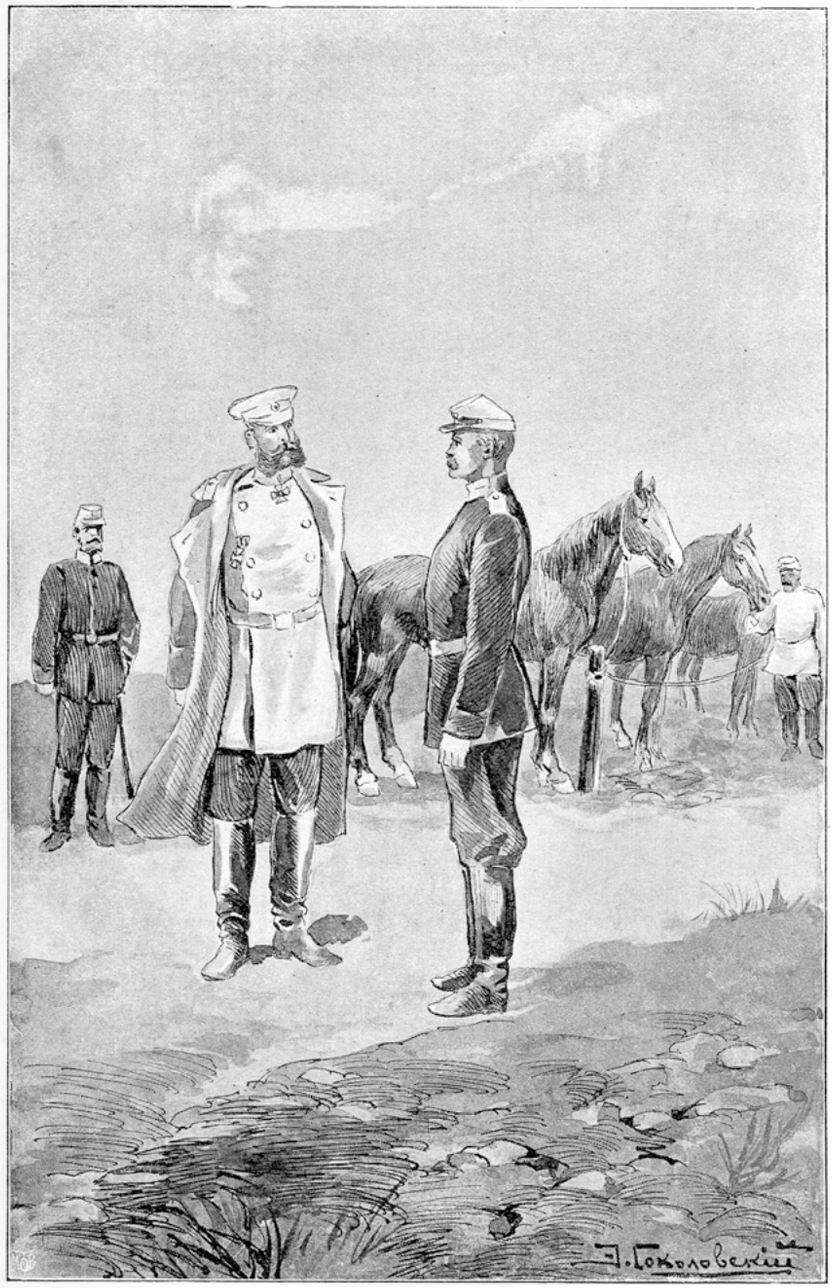
— Ахъ, да, Степановъ; какъ я это позабыть могъ, братецъ... Вѣдь мы съ тобой плевненскіе.

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Да, да, помню, въ траншеяхъ вмѣстѣ были... Что, Степановъ, поди, по деревнѣ скучаешь? Поди, родители тамъ остались?..

— Такъ точно, ваше превосходительство! отецъ съ матерью...

— Не скучай, скоро и по домамъ теперь... Послужили мы съ тобой, Степановъ, царю-батюшкѣ, поработали всласть, теперь и на печкѣ поваляться не грѣхъ... Ну, ступай съ Богомъ, Степановъ. Будешь въ деревнѣ, что понадобится, мнѣ пиши, не стѣсняйся. А я товарища не забуду... Прощай пока!



Солдатикъ ни живъ, ни мертвъ останавливается и вытягивается въ струнку передъ корпуснымъ.

Генералъ отходитъ, а солдатъ, какъ очарованный, стоитъ на мѣстѣ и долго-долго смотритъ ему въ слѣдъ...

„Господи!—проносятся въ его головѣ мысли,—какое вѣдь слово-то его превосходительство сказалъ: онъ и я—товарищи! Ужъ не ослышался-ли я!“

Но нѣтъ! Не ослышался бѣдный воинъ и въ душѣ его растетъ горделивое сознаніе, что и онъ вовсе не какой-нибудь Степановъ изъ захолустной деревушки, а Степановъ — „товарищъ“ Скобелева, не простой солдатъ, а „скобелевецъ“, и гордится Степановъ самъ собою и изъ всѣхъ силъ старается стать достойнымъ такого „товарища“, какъ Михаилъ Дмитріевичъ...

Если, встрѣчаясь съ солдатикомъ, Михаилъ Дмитріевичъ замѣчалъ, что тотъ не совсѣмъ исправенъ, то не бранилъ такого „товарища“, не кричалъ на него, не грозилъ ему всевозможными карами,—нѣтъ, грозный, неумолимо строгій въ военное время, онъ на отдыхѣ былъ чрезвычайно мягокъ и снисходителенъ.

— Какъ-же это ты такъ, братецъ?—журилъ онъ виноватаго,—и не стыдно это тебѣ? Вотъ ужъ отъ тебя-то никакъ ничего подобнаго я не ожидалъ!

— Виноватъ, ваше превосходительство!—чуть не плачетъ неисправный воинъ, удивляясь и въ то же время гордясь тѣмъ, что генералъ отъ него не ожидалъ неисправности...

— Только что развѣ виноватъ! Даешь слово, что въ другой разъ этого не будетъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, даю...

— Ну, смотри! Не давши слова крѣпись, давши—держись!

Чаще всего бывало, что послѣ подобнаго генеральскаго выговора солдатъ исправлялся и становился образцовымъ...

Когда въ С.-Стефано среди солдатъ вдругъ началась эпидемія тифа, Скобелевъ положительно плакалъ, узнавъ, что и среди его корпуса есть заболѣванія... Слезы этого

желѣзнаго человѣка, слезы, проливаемыя о незамѣтныхъ людяхъ, все болѣе и болѣе увеличивали любовь къ нему. Солдаты не только что четвертаго корпуса, но и чужіе начинали боготворить Михаила Дмитріевича...

Даже турки съ восторгомъ относились къ Бѣлому генералу...

Онъ въ своихъ поѣздкахъ въ Константинополь нерѣдко завертывалъ въ турецкіе лагери. Если приходилось попадать туда въ обѣденное время, русскій Бѣлый генералъ прямо отправлялся къ котламъ, бралъ у ближайшаго низама ложку и пробовалъ варево. Если онъ находилъ въ немъ какой-нибудь недостатокъ, то немедленно присылалъ къ туркамъ свой провіантъ, а иногда и своихъ кашеваровъ, угощавшихъ съ русскимъ радушіемъ недавнихъ враговъ русскими кислыми щами съ кашей... Благодаря этому и среди турокъ быстро выростала популярность Скобелева.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Михаилъ Дмитріевичъ заѣхалъ въ совершенно незнакомый лагерь. Тамъ его не знали и изумленію добродушныхъ низамовъ конца не было, когда они увидали русскаго генерала у своего котла. Однако, Скобелевъ улыбался такъ ласково, что низамы быстро ободрились. На ихъ лицахъ засвѣтились улыбки. Они весело смотрѣли, какъ Скобелевъ взялъ ложку, зачерпнулъ изъ котла варево, подулъ на него и сталъ пробовать.

— Однако, какою здѣсь мерзостью ихъ кормятъ! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ сопровождавшему его Дукмасову,—на что нашъ солдатъ неприхотливъ, а такой бурды онъ не сталъ-бы ѣсть! А между тѣмъ взгляните, какой все здоровый народъ!

Когда онъ говорилъ, вокругъ собрались офицеры, подошелъ командовавшій здѣсь турецкій генералъ. Скобелевъ нѣсколько времени привѣтливо разговаривалъ съ нимъ по-французски.

— А гдѣ здѣсь ближайшая дорога въ Константинополь? — обратился Михаилъ Дмитріевичъ къ пашѣ при прощаньи.

— Вамъ придется ѣхать назадъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Зачѣмъ? Развѣ по этой тропинкѣ нельзя пробраться?—указалъ Михаилъ Дмитріевичъ на узкую тропку, вившуюся черезъ не особенно высокій горный кряжикъ въ такъ-называемую „Райскую долину“, по которой былъ ближайшій путь къ столицѣ Турціи.

— Нѣтъ,—улыбнулся паша,—здѣсь съ трудомъ проходятъ пѣшіе, а верхомъ положительно немыслимо проѣхать.

— А вотъ мы попробуемъ! — сказалъ Скобелевъ и направилъ коня рысью къ обрыву.

Дукмасовъ и трое казаковъ послѣдовали за нимъ.

На лицѣ паши отразилось удивленіе, турецкіе офицеры что-то громко заговорили между собой.

— Дукмасовъ,—обратился Скобелевъ къ своему другу-ординарцу,—поѣзжайте впередъ, докажемъ имъ, что проѣхать тутъ можно—чепуху они городятъ!

Лихой казакъ быстро поднялся вверхъ къ тому мѣсту, гдѣ тропка начинала спускаться внизъ. Оттуда онъ увидѣлъ страшный спускъ, крутой, мѣстами обрывистый, мѣстами почти отвѣсный. Тропка, шириною не болѣе аршина, извивалась лентою, спускаясь внизъ.

— Ваше превосходительство!—сказалъ Дукмасовъ,—не лучше-ли намъ вернуться... Здѣсь дѣйствительно мудрено проѣхать...

— Поѣзжайте! — вспылилъ Скобелевъ и глаза его такъ и засверкали, — я далъ слово, что проѣду и сдержу его!

Оглянувшись назадъ, Дукмасовъ увидѣлъ, что весь турецкій лагерь собрался у начала подъема и смотритъ вверхъ, глазъ не спуская съ русскихъ удальцовъ. Это подзадорило казака и онъ, тронувъ коня, началъ спускъ.

Скобелевъ слѣдовалъ за нимъ, три казака вытянулись гуськомъ позади генерала. Тропинка была настолько узка, что лошади еле-еле могли ступать по ней. Съ лѣвой стороны былъ крутой подъемъ, съ правой—обрывъ саженъ въ пятьдесятъ глубины. Малѣйшій неосторожный шагъ коня и всадникъ вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ покатиться въ бездну...

„Вотъ чудакъ-то! — думалъ Дукмасовъ про Скобелева, — вышелъ чудомъ цѣлъ изъ войны, а тутъ ни съ того ни съ сего рискуетъ вдругъ жизнью передъ какими-то турками“...

Далеко былъ не правъ удалой донецъ. Не одно только низменное желаніе показать себя передъ недавними врагами заставило Михаила Дмитріевича выбрать эту опасную дорогу. Нѣтъ! Не себя хотѣлъ выставить передъ турками Бѣлый генералъ, онъ хотѣлъ доказать имъ, что для русскихъ людей нѣтъ ничего невозможнаго. Спускъ былъ законченъ благополучно. Внизу Скобелевъ остановился, оглянулся назадъ, смѣрилъ гору глазами и проговорилъ:

— Н-да! — и потомъ, немного помолчавъ, замѣтилъ Дукмасову:—вотъ видите, мы и перебрались...

— А турки-то на насъ поглядываютъ!—указалъ генералу Дукмасовъ на группу турецкихъ офицеровъ, слѣдившихъ за ними съ высоты перевала.

Скобелевъ только улыбнулся въ отвѣтъ и припустилъ коня.

Такъ старался даже въ дни перемирія Михаилъ Дмитріевичъ возвеличить среди турокъ уваженіе къ ихъ недавнимъ противникамъ...

Время шло быстро, скучающихъ не было, Скобелевъ наблюдалъ, учился и только немногіе часы отдавалъ развлеченіямъ. Миръ уже былъ заключенъ, полки за полками уходили въ Россію. Корпусъ Скобелева, однако, оставался подъ Константинополемъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ казанскій полкъ, особенно любимый Скобелевымъ, справлялъ свой полковой праздникъ. Задолго еще казанцы принялись готовиться къ нему. Имъ было извѣстно, что на праздникъ явятся турецкіе генералы. Михаилъ Дмитріевичъ съ своей стороны принялъ всѣ мѣры, чтобы этотъ день его солдаты провели какъ можно веселѣе. Въ день праздника прибылъ къ полку турецкій главнокомандующій Фуадъ-паша. Турку очень понравилось, что его приняли съ всевозможными почестями и самъ Бѣлый генералъ какъ-бы призналъ его старшинство по чину надъ собою. Михаилъ Дмитріевичъ, скомандовавъ войскамъ „на караулъ“, подскакалъ къ Фуаду съ рапортомъ, при объѣздѣ солдаты кричали въ отвѣтъ на привѣтствіе паши: „Здравія желаемъ, ваше превосходительство!“ Послѣ объѣзда всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и начался пиръ... И тутъ Скобелевъ сумѣлъ показать солдатамъ, что они побѣдители. Для трехъ баталіоновъ казанцевъ были устроены столы въ видѣ георгіевскихъ крестовъ, расположенныхъ по вершинамъ треугольника. У основанія его былъ разбитъ красиво иллюминованный флагами и вензелями офицерскій пентеръ, а у вершины поставленъ былъ столъ въ формѣ турецкаго полумѣсяца, обращеннаго своей вогнутой стороной къ столамъ русскихъ героевъ. Турки не замѣтили особенностей этого расположенія, но солдаты поняли мысль своего вождя и шумное ура то и дѣло вспыхивало за ихъ столами. Пиръ удался и даже турки вспоминали о немъ съ удовольствіемъ.

Въ послѣдніе дни стоянки Бѣлый генералъ былъ обрадованъ пріѣздомъ своей матери Ольги Николаевны. Въ это-же время у него гостилъ его другъ и учитель Жирарде. Съ заботливой нѣжностью ухаживалъ герой за этими двумя дорогими ему существами. У него не было иной семьи, кромѣ его богатырей-соратниковъ и вотъ явились люди, которые были близки ему съ дней мла-

денчества, съ дней дѣтства... Теперь Скобелевъ и Константинополь забылъ. Цѣлые вечера проходили у него въ задушевныхъ бесѣдахъ и, казалось, въ эти часы не было счастливѣе Михаила Дмитріевича, и вдругъ въ эти счастливыя мгновенія ворвалось, если не горе, то горькая обида...

Въ одно августовское утро Михаилъ Дмитріевичъ получилъ увѣдомленіе, что его желаетъ видѣть недавно прибывшій новый главнокомандующій графъ Тотлебенъ. Михаилъ Дмитріевичъ долженъ былъ одѣться въ полную парадную форму.

— Приготовь мнѣ скорѣе сюртукъ и шпагу! — приказалъ онъ своему денщику Лею.

Тотъ принесъ, но едва Скобелевъ взглянулъ на драгоцѣнное оружіе, какъ увидалъ, что всѣ бывшіе на шпагѣ крупные брилліанты вынуты...

Онъ поблѣднѣлъ и раскричался. Лей стоялъ передъ нимъ съ перепуганнымъ видомъ. Ясно было, что онъ ничего не знаетъ о пропажѣ.

— Позови Круковскаго!—крикнулъ ему генералъ.

Круковскій былъ старшимъ его денщикомъ и въ отношеніи Скобелева онъ былъ тѣмъ-же, чѣмъ знаменитый Прошка у Суворова. Полякъ родомъ, Круковскій былъ вспыльчивъ и даже дерзокъ, но любилъ Михаила Дмитріевича, какъ нянька любитъ порученное ея заботамъ дитя.

Скобелевъ встрѣтилъ его крикомъ, но и Круковскій не могъ ничего ему объяснить, не зная даже о существованіи на шпагѣ драгоцѣнныхъ камней.

— Знать ничего не хочу, — гнѣвался Скобелевъ, — чтобы были мнѣ брилліанты, не то оба въ Сибирь пойдете!

Круковскій въ свою очередь вспылилъ.

— За что-же въ Сибирь?—заговорилъ онъ,—почемъ я знаю, кто камни взялъ... Мало-ли къ вамъ всякихъ господъ ходитъ—за всѣми не усмотришь!

Только что онъ сказалъ—Скобелевъ и о пропажѣ забылъ. Его гнѣвъ перешелъ въ ярость: одинъ только намекъ, что грязное преступленіе совершено кѣмъ-либо изъ близкихъ людей, кѣмъ-либо изъ товарищей по сраженіямъ, вывелъ Михаила Дмитріевича изъ себя...

Онъ долго не успокаивался и къ Тотлебену уже не поѣхалъ.

Офицеры, окружавшіе Михаила Дмитріевича, немедленно узнали о пропажѣ и сами произвели слѣдствіе. Виновникъ былъ обнаруженъ. Онъ оказался болгариномъ Узатисомъ, человѣкомъ облагодѣтельствованнымъ Михаиломъ Дмитріевичемъ, однимъ изъ его ординарцевъ...

Скобелевъ только поблѣднѣлъ, какъ полотно, когда одинъ изъ офицеровъ сообщилъ объ открытіи вора.

— Да, Узатисъ... У меня ихъ два... Кто могъ подумать! — пробормоталъ онъ и потомъ твердо и ровно произнесъ: — губить его незачѣмъ... Богъ съ нимъ... Онъ еще такъ молодъ, можетъ исправиться... а вы, голубчикъ, мою просьбу исполните: никому объ этомъ не говорите. Богъ съ ними...

Для Узатиса все ограничилось тѣмъ, что Скобелевъ его и его брата отослалъ обратно въ полкъ. Михаилъ Дмитріевичъ забылъ объ этихъ людяхъ, онъ вычеркнулъ ихъ изъ своей памяти, но черезъ два года послѣ этого братья Узатисы напомнили ему о своемъ существованіи...

Вскорѣ гости Скобелева разъѣхались, вскорѣ разошлись и полки. Въ Болгаріи остался одинъ четвертый корпусъ. Михаилъ Дмитріевичъ не покинулъ своего любимаго дѣла. Собирая вокругъ себя офицеровъ, онъ составлялъ съ ними планы какъ поступить, если вдругъ турецкія арміи нападутъ на оставшіеся полки. Шли споры, обсуждали этотъ вопросъ серьезно, скучное осеннее время летѣло для всѣхъ незамѣтно

Наконецъ, и Скобелевскій корпусъ возвратился въ Россію и сталъ на постоянныя квартиры около Минска...

XXXII.

Новые враги.

ВНИМАНІЕ всей Россіи было приковано къ войнѣ съ Турціей. И въ Малой Азіи шла борьба съ упорнымъ врагомъ. Тамъ бился съ турками кавказскій отдѣльный корпусъ, подъ Ардаганомъ, Карсомъ и на Авліярскихъ высотахъ прославившій побѣдами Россію.

Въ такое тревожное время совсѣмъ было не до туркменъ, жившихъ почти бокъ-о-бокъ съ русскими владѣніями.

Туркменіей или Туркменской степью называется огромная площадь, ограниченная съ запада Каспійскимъ моремъ, на югѣ—Персіей и Афганистаномъ, на сѣверѣ Мангышлакскимъ полуостровомъ, принадлежавшимъ Россіи, а на сѣверо-востокѣ Бухарой и Хивой. На сѣверѣ Туркменіи лежитъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями песчаная

пустыня Усть-Юртъ, а на юго-востокѣ отъ нея за горнымъ кряжемъ Балханы тянется южный хребетъ Капетъ-дагъ, отдѣляющій Персію отъ Туркменіи. Хребетъ мѣстами высокъ, и его сѣверные скаты орошены множествомъ небольшихъ рѣчекъ. Рѣчки эти, ниспадая съ высотъ къ подошвѣ хребта, образуютъ не широкую, но длинную полосу земли, мѣстами годной для жизни человѣка.

Эта полоса земли—Ахалъ-Текинскій оазисъ, заселенный туркменскими племенами ахалъ-теке.

Это племя храбрѣйшее изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ. Развѣ только одни іомуды—сосѣди ихъ—не уступали имъ въ храбрости. Но іомуды были уже покорены русскими во время похода на Хиву; ахалъ-текинцы же оставались совершенно независимыми, хотя и говорили про себя, что они подчиняются хивинскому хану...

Оазисъ Ахалъ-Теке—рядъ небольшихъ оазисовъ, густо заселенныхъ богатымъ и способнымъ населеніемъ. На пространствѣ двухсотъ пятидесяти верстъ, составляющихъ длину оазиса, жило двадцать семь текинскихъ родовъ, занимавшихъ каждый отдѣльное селеніе, или аулъ, и имѣвшихъ каждый отдѣльную воду, т.-е. отдѣльныя свои водохранилища, откуда пользовалось драгоцѣнною въ пескахъ влагою все населеніе аула.

Текинскіе аулы были поистинѣ благодатными уголками среди или песчаной или солонцеватой Туркменской степи. Превосходныя, дававшія огромный урожай пашни раскидывались около нихъ; каждый домъ былъ окруженъ прекраснымъ садомъ съ персиковыми, абрикосовыми и орѣховыми деревьями. Виноградниковъ — множество и воздѣлываніе ихъ не представляло даже особеннаго труда — благодатная природа сама заботится о людяхъ.

Аулы имѣли довольно своеобразный видъ.

Домовъ, въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово, нѣтъ. Вмѣсто нихъ кибитки и войлочныя палатки-юрты,

размѣщенныя на небольшихъ дворикахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого высокими стѣнами.

Таково жилище текинца.

Въ каждомъ селеніи у текинцевъ устроено нѣсколько „калъ“—нѣчто въ родѣ форта съ толстыми глиняными стѣнами, съ бойницами и башнями. Немало сторожевыхъ башенъ было разбросано по полямъ, въ особенности около „карызовъ“—глубокихъ колодцевъ, между которыми продѣлано подземное сообщеніе, что постоянно сохраняетъ воду отъ испаренія при царившемъ въ этихъ мѣстахъ зноѣ.

Текинскій оазисъ имѣлъ два густо населенныхъ города: Геокъ-Тепе, съ крѣпостью Денгиль-Тепе, и Асхабадъ. Послѣдній былъ населенъ гуще перваго, но за то крѣпость Денгиль-Тепе, стоявшая на высокомъ холмѣ и обнесенная огромной толщины стѣнами, считалась среди туркменъ-текинцевъ неприступною. Здѣсь они чувствовали себя въ полнѣйшей безопасности; отсюда совершали постоянно набѣги на сосѣднюю Персію, уводя изъ ея предѣловъ множество рабовъ, здѣсь-же они укрывались отъ преслѣдованій.

Рядомъ съ Ахалъ-Текинскимъ оазисомъ находился другой туркменскій оазисъ Мервъ, столь-же плодородный, также густо населенный, но жители его были болѣе мирнаго характера, чѣмъ туркмены-текинцы.

Туркменская степь перерѣзана многочисленными караванными путями, соединявшими Хиву и Бухару съ побережьемъ Каспійскаго моря, Персіей и Афганистаномъ. Дорога по степи чрезвычайно затруднительна. Лошади выносятъ переходы плохо; единственное животное, которое можетъ съ успѣхомъ служить для передвиженія по степи—это верблюдъ, но и тотъ требуетъ массу ухода. И не однѣ только трудности пути мѣшали въ то время развитію торговли. Главною помѣхою былъ неукротимый характеръ текинцевъ, грабившихъ караваны, разорявшихъ

пограничныя области и почти всегда оставшихся безнаказанными.

Текинцы были самое могущественное и независимое изъ туркменскихъ племенъ. Они пользовались огромнымъ вліяніемъ на всѣ остальныя племена· чадоровъ, го-

Знатный текинецъ.

клановъ, іомудовъ, салоровъ, сарыковъ и др. Въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ ихъ жило около девяноста тысячъ человѣкъ и однимъ изъ главныхъ средствъ къ существованію были для нихъ „аламаны“ или грабежи.

Жизнь подъ опасеніями нападеній выработала изъ текинцевъ превосходныхъ, мужественныхъ воиновъ. Каждый текинецъ всегда готовъ былъ къ бою, къ набѣгу, къ грабежу. Они не только врывались къ сосѣдямъ, преиму-

щественно персамъ, но и между собою вели постоянныя и упорныя войны. Всѣ туркменскія племена были въ кровавой враждѣ между собой и только сильнѣйшія и храбрѣйшія могли разсчитывать на сохраненіе и жизни и имущества. Единственнымъ закономъ среди нихъ была только сила, ничего другого они не признавали. Каждый туркменъ считалъ себя самостоятельнымъ и хотя у нихъ и были ханы, т.-е. старѣйшины, но эти ханы являлись только предводителями партій во время набѣговъ, въ другое-же время никакою властью не пользовались.

Храбрые въ битвѣ текинцы, какъ и всѣ полудикіе народы, свято исполняли долгъ гостепріимства. Гость, явившійся въ домъ, становился для хозяина и его семейныхъ священной особой. Текинецъ долженъ былъ умереть, защищая своего гостя, хотя бы это былъ его заклятый врагъ. Воровство среди текинцевъ считалось самымъ позорнымъ преступленіемъ. Жившіе постоянно грабежомъ, эти „рыцари степи“ рубили головы тѣмъ изъ своихъ, кто былъ уличенъ въ воровствѣ. Третьимъ хорошимъ качествомъ ихъ характера была любовь къ своей родинѣ. Въ то же время въ ихъ характерѣ было много отталкивающаго. Они всѣ какъ на подборъ были лживы, вѣроломны, завистливы, жестоки. Но съ внѣшняго вида текинецъ былъ совсѣмъ молодецъ. Высокій, стройный, обладающій чрезвычайною физическою силою, неустрашимый въ бою, не дорожащій жизнью полудикарь не только для персовъ, но и для русскихъ представлялъ серьезнаго врага. Оружіе текинцевъ состояло изъ кривыхъ шашекъ, которыми они наносили сильнѣйшіе, убійственные удары. Потомъ уже они пользовались пиками, пистолетами и ружьями. Огнестрѣльное оружіе ихъ было плохое: попадались кремневыя, фитильныя, курковыя, охотничьи ружья и никогда не было въ достаточной мѣрѣ зарядовъ для нихъ въ виду полнаго разнообразія системъ. Да на ружья эти удальцы и не особенно полагались: главнымъ ихъ оружіемъ были

шашки. Полуголые, часто и совсѣмъ раздѣтые, бросивъ ножны, они кидались на непріятеля, закрывая глаза, чтобы не смущать себя видомъ опасности, и начинали рубиться съ остервенѣніемъ, пока не падали мертвыми. Дерзкая смѣлость ихъ была такъ велика, что часто одинъ, двое, много трое текинцевъ, густо вымазавъ тѣла жиромъ или саломъ, подкрадывались къ большимъ отрядамъ, кидались на часовыхъ, производили страшный переполохъ. Если ихъ схватывали, то, благодаря пріобрѣтенной ихъ тѣломъ скользкости, они легко вырывались и исчезали безслѣдно.

Отправляясь на „аламанъ“, текинцы обыкновенно избирали себѣ сардаря—вождя, повиноваться которому клялись безпрекословно во все время, пока будетъ продолжаться набѣгъ, и обыкновенно эти клятвы исполнялись ими.

Безнаказанность многочисленныхъ „аламановъ“, безнаказанность увода въ плѣнъ многихъ тысячъ мирныхъ жителей, нескрываемый страхъ, внушенный текинцами населенію Хивы, Бухары, Персіи, Афганистана дали текинцамъ поводъ считать себя храбрѣйшимъ въ свѣтѣ народомъ и развили въ нихъ чрезвычайную гордость, а нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ надъ многочисленными войсками хивинскаго хана и персидскаго шаха, увѣрили ихъ въ томъ, что они и въ самомъ дѣлѣ народъ непобѣдимый...

Когда пала Бухара и за нею Хива, непобѣдимая дотолѣ, текинцы наружно, но не искренно признали себя покорными Россіи; а когда-же въ 1877 г. предпринятъ былъ походъ въ туркменскія степи, вызванный набѣгами текинцевъ на Хиву и Бухару, они оказали русскимъ отчаянное сопротивленіе, а въ слѣдующемъ году русскія войска даже были вынуждены къ отступленію. Текинцы, вообразившіе, что они „побѣдили“ русскихъ, стали до того дерзкими, что явились на побережье Каспійскаго

моря и пробовали блокировать русскіе города тамъ—Чигишляръ и Красноводскъ.

Набѣги текинцевъ на Хиву и Бухару становились все болѣе дерзкими. Пограничныя области Персіи были жестоко разоряемы ими. Русскому правительству приходилось нести отвѣтственность за текинцевъ и, наконецъ, въ 1879 г. рѣшено было усмирить ихъ силою оружія.

Отправлена была противъ нихъ экспедиція ген.-м. Ломакина. Войска вошли къ Геокъ-Тепе и 28 августа пробовали штурмовать Денгиль-Тепе, но должны были отойти ни съ чѣмъ, потерявъ въ бою четыреста пятьдесятъ три человѣка...

Это пораженіе тяжело отозвалось на положеніи русскихъ въ Средней Азіи... Покоренные народы подняли голову; полунезависимая Бухара и даже Хива увидѣли возможность борьбы съ русскими и не только борьбы, но даже побѣды надъ непобѣдимыми до тѣхъ поръ въ Азіи русскими войсками.

И безъ того грозное въ этихъ мѣстахъ племя текинцевъ окружилось ореоломъ непобѣдимости. Ихъ подвиги, преувеличенные молвой, передавались на базарахъ Азіи, воспламеняя и фанатизируя мусульманъ... Необходимымъ становилось повторить экспедицію и рѣшительнымъ ударомъ разгромить текинцевъ...

И вотъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1880 г. состоялось повелѣніе о назначеніи ген.-ад. Михаила Дмитріевича Скобелева начальникомъ новой экспедиціи противъ Ахалъ-Теке...

Немного прошло времени съ той поры, какъ Михаилъ Дмитріевичъ покинулъ пески туркменскихъ степей, теперь судьба снова возвращала его въ мертвыя песчаныя пустыни, гдѣ слава впервые озарила его своимъ лучезарнымъ блескомъ.

Немного времени, а какая большая перемѣна!

Скобелевъ возвращался въ туркменскіе пески прославленнымъ на весь міръ героемъ. На него возлагались надежды, ему ввѣряли честь Россіи, а всего за семь лѣтъ до того даже незначительные офицеры кавказскихъ войскъ относились къ нему свысока, съ недовѣріемъ... Теперь Михаилъ Дмитріевичъ, благодаря своему генію, сталъ выше всѣхъ и его имя произносилось не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ...

Текинецъ.

Совсѣмъ еще недавно онъ былъ незначительнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, прикомандированнымъ къ кавказскимъ войскамъ безъ всякаго опредѣленнаго назначенія, послѣ войны онъ сталъ командиромъ корпуса и генералъ-адъютантомъ. Онъ прибылъ въ туркменскія степи прямо изъ Минска, гдѣ была штабъ-квартира его четвертаго корпуса, прибылъ готовый потрудиться на пользу Россіи и сейчасъ-же принялся за дѣло.

Всѣ въ Красноводскѣ и Чикишлярѣ ожидали, что Бѣлый генералъ немедленно пойдетъ въ степи. Даже ахалъ-текинцы пріуныли—слава Скобелева была еще жива въ пескахъ. Въ Геокъ-Тепе собрался совѣтъ всѣхъ старшинъ туркменскихъ племенъ и на немъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ текинскихъ вождей Тыкма-сардарь настоялъ на томъ, чтобы русскимъ оказано было самое энергичное сопротивленіе. Совѣтъ этотъ происходилъ въ аулѣ Изгентъ, и старшины рѣшили, чтобы текинцы всѣхъ ауловъ пере-

брались въ Денгиль-Тепе. Каждаго, кто только заговоритъ о примиреніи съ русскими, рѣшено было убивать, и Тыкма-сардарь получилъ подъ свое начальство тысячу всадниковъ, которые должны были подъ страхомъ смерти переселять своихъ соплеменниковъ въ крѣпость.

Во время послѣдняго неудачнаго похода Ломакина, текинцы отбили у русскихъ нѣсколько пушекъ, множество ружей, боевые снаряды и у нихъ явилась такимъ образомъ артиллерія. Это-то давало имъ увѣренность, что имъ удастся побѣдить Бѣлаго генерала.

А Скобелевъ словно поддразнивалъ легковѣрныхъ и пылкихъ дѣтей песчаныхъ пустынь. Онъ прибылъ въ Красноводскъ, часто бывалъ въ Чигишлярѣ, но похода не начиналъ...

Текинцы ликовали, воображая, что и на этотъ разъ у русскихъ не хватаетъ силъ на борьбу съ ними..

XXXIII.

Снова въ пескахъ.

ЧИГИШЛЯРЪ—это старая полуразрушенная не столько людьми, сколько временемъ текинская крѣпость на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Уже давно, когда только-что русскіе стали утверждаться въ песчаныхъ пустыняхъ, остатки крѣпости были обращены въ русскій наблюдательный постъ. Появились кое-какія строенія, замелькали „бѣлыя рубахи“ молодцовъ кавказцевъ, почти непрерывно слышался ревъ верблюдовъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1880 г. Михаилъ Дмитріевичъ прибылъ сюда, и ничто не говорило о томъ, что онъ останется здѣсь не надолго...

Вмѣстѣ со Скобелевымъ прибылъ въ Чигишляръ и начальникъ его штаба полковникъ Николай Ивановичъ

Гродековъ; одинъ по одному собирались офицеры, и скоро заброшенный постъ такъ и закипѣлъ веселымъ оживленіемъ.

Среди прибывшихъ военныхъ особенное вниманіе обращалъ на себя высокій, красивый старикъ, чрезвычайно подвижный, всегда веселый, улыбающійся. Постоянные обитатели чигишлярскаго поста съ удивленіемъ поглядывали на него. Старикъ, видимо, былъ очень близокъ къ Скобелеву. Онъ непринужденно разговаривалъ съ прославленнымъ героемъ, иногда слышали, какъ онъ, говоря съ нимъ всегда по-французски, называлъ его „своимъ сыномъ“. Михаилъ-же Дмитріевичъ относился къ нему съ нѣжной почтительностью и съ сыновней заботливостью.

— Кто это?—спрашивали чигишлярцы у прибывшихъ съ генераломъ.

— Развѣ вы не знаете?—въ свою очередь удивлялись тѣ,—это m-r Жирарде.

— Кто? Какой Жирарде?

— М-г Дезире Жирарде, учитель и воспитатель Михаила Дмитріевича... Генералъ былъ у него въ пансіонѣ, въ Парижѣ, когда его отецъ не нашелъ возможнымъ воспитывать его дома... Онъ очень любитъ своего учителя и они теперь неразлучны...

Дѣйствительно, Жирарде покинулъ Парижъ, чтобы быть поближе къ своему геніальному воспитаннику. Онъ былъ съ нимъ и въ Хивѣ, и въ покоренномъ Кокандѣ, не разлучался съ нимъ и подъ Плевной въ войну, и въ Минскѣ въ годъ мира, а теперь сопровождалъ его въ этомъ походѣ на текинцевъ, первомъ дѣлѣ государственнаго значенія, порученномъ всецѣло Скобелеву. Учитель и ученикъ были неразлучны и на самомъ дѣлѣ. Предъ пріѣздомъ въ Чигишляръ Михаилъ Дмитріевичъ заболѣлъ и долженъ былъ пролежать въ Красноводскѣ нѣсколько дней въ постели. Жирарде не отходилъ ни на шагъ отъ своего воспитанника-друга и теперь явился вслѣдъ за нимъ въ текинскіе пески.

Съ каждымъ днемъ оживленіе въ Чигишлярѣ все росло и росло. Появлялись новыя войска, цѣлыя стада упитанныхъ, хорошо выдержанныхъ верблюдовъ пригоняли изъ степей.

Около верблюдовъ усиленно хлопотали двое людей: отставной, тучный, но подвижный подполковникъ и бравый фельдфебель, тоже изъ отставныхъ. Оба они, казалось, всецѣло отдались своему дѣлу. Верблюды у нихъ были лучшіе во всемъ отрядѣ. Часто къ нимъ попадали заморыши, истомленные голодовками и тяжелой непосильной работой; они умѣли очень скоро выхаживать ихъ и превращать въ животныхъ, на которыхъ и залюбоваться-бы было не диво.

— Какъ думаешь, Макаровъ,—спрашивалъ частенько толстякъ, съ любовью поглядывая на неуклюжихъ „кораблей пустыни“,—не ударимъ мы въ грязь лицомъ передъ генераломъ-то, а?

— Зачѣмъ ударять, ваше высокоблагородіе!—отвѣчалъ обыкновенно Макаровъ,—сами увидите, похвалитъ его превосходительство...

— Превосходительство!—вздыхалъ подполковникъ,—а помнишь, парень, Хиву-то? Помнишь, какъ мы Усть-Юртъ переходили?

— Еще-бы забыть!—почтительно титулуя толстяка, но въ то же время и нѣсколько фамильярно говорилъ фельдфебель,—нешто такое забудешь!

— И воды мало утекло, а сколь многое перемѣнилось... Кто бы и подумать могъ, когда тогда по пустынѣ шли, что нашъ „питерскій фазанчикъ“, во всемірные герои попадетъ...

— И тогда можно думать было, ваше высокоблагородіе,—отозвался Макаровъ,—очень уже ихъ превосходительство себя выдерживали... Подумать только, нашъ

братъ рядовой отъ жары бѣсился, а они какъ ни въ чемъ не бывало...

— Да, многіе ошибались насчетъ его, и я въ числѣ первыхъ...—вздыхая произнесъ подполковникъ,—что же, вотъ теперь опять Богъ привелъ свидѣться, опять въ пескахъ... Послужить надо ему, чтобы ладно все дѣло вышло...

— И послужимъ, ваше высокоблагородіе!—соглашался Макаровъ,—а я намедни ходилъ войска встрѣчать, такъ видѣлъ поручика Волпянскаго.

— Какого Волпянскаго?

— Прапорщикомъ тогда, въ хивинскій нашъ походъ, въ вашей ротѣ были...

— Помню, помню! Еще въ одной юломейкѣ жили, онъ отъ Михаила Дмитріевича въ несказанномъ восторгѣ былъ, а я его все разубѣждалъ... Что онъ?

— Не могу знать... Только генералъ изволили прибывшимъ смотръ сдѣлать, такъ поручика признали и милостиво съ ихъ благородіемъ разговаривали...

— Узнаетъ-ли онъ насъ съ тобой?.. На завтра верблюжьему каравану смотръ назначенъ, представляться придется... Охъ, такъ сердце и замираетъ...

Во всю эту ночь и подполковникъ и фельдфебель глазъ не сомкнули. Они то появлялись на верблюжьихъ выгонахъ, то дѣлали наставленія лаучамъ—туземцамъ-верблюдовожатымъ, то осматривали заготовленный для животныхъ кормъ.

На другое утро Скобелевъ самъ осмотрѣлъ верблюжій караванъ и на его лицѣ, исхудаломъ послѣ болѣзни, появилась довольная улыбка.

— Спасибо!—обратился онъ къ пожилому, по-купечески одѣтому человѣку, неотступно ходившему за нимъ, пока продолжался осмотръ.

Этотъ купецъ былъ извѣстный въ среднеазіатскихъ пескахъ поставщикъ-подрядчикъ Громовъ. Михаилъ Дмитріевичъ зналъ его еще съ того времени, когда онъ ходилъ подъ Хиву, а затѣмъ покорялъ кокандцевъ. Когда онъ началъ еще въ Красноводскѣ приготовляться къ походу на Геокъ-Тепе, то вдругъ оказалось, что невозможно достать верблюдовъ, а безъ этихъ животныхъ былъ немыслимъ переходъ черезъ песчаныя степи. Сколько ни бились, верблюдовъ не было. Туркмены наотрѣзъ отказались поставлять ихъ изъ боязни, что текинцы жестоко отомстятъ имъ за это. Скобелевъ арестовалъ даже пятерыхъ вліятельныхъ старшинъ, но и это не помогло: кочевники упорствовали, а время шло и откладывать начало похода становилось невозможнымъ. Текинцы смѣлѣли день-ото-дня. Они однажды пошли на доктора Студитскаго, возвращавшагося съ конвоемъ послѣ объѣзда постовъ. Во время нападенія Студитскій былъ убитъ, а его спутниковъ спасла отъ плѣна только случайно подошедшая къ мѣсту схватки рота. Михаилъ Дмитріевичъ и убѣжденъ былъ и изъ опыта зналъ, что на полудикарей дѣйствуетъ только сила, а тутъ каждый день промедленія все болѣе увѣрялъ текинцевъ, что русскіе безсильны наказать ихъ. Тогда Скобелевъ вспомнилъ о Громовѣ, вызвалъ его, почти съ перваго слова уговорился въ цѣнѣ, и Гро-

М. Д. Скобелевъ.

мовъ, хотя и съ опозданіемъ, доставилъ сперва въ Красноводскъ, а потомъ и въ Чигишляръ 12,000 великолѣпныхъ верблюдовъ, купленныхъ имъ у туркменъ-іомудовъ.

Теперь Бѣлый генералъ былъ увѣренъ, что съ такимъ обиліемъ вьючныхъ животныхъ ему удастся преодолѣть пески, а людей Михаилъ Дмитріевичъ не боялся...

— Спасибо!—еще разъ повторилъ онъ, пожимая руку Громову.

— Не за что, ваше превосходительство!—добродушно отвѣчалъ Громовъ,—что я? вотъ ихъ поблагодарите!—указалъ онъ на толстяка подполковника, за спиной котораго вытянулся въ струнку фельдфебель.

Скобелевъ такъ и впился въ нихъ своимъ пронизывающимъ лучистымъ взоромъ.

— Старые знакомые, кажется?—отрывисто спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство,—подполковникъ въ отставкѣ, Агапѣевъ...

— Помню, помню... Хива... Усть-Юртъ! Меня еще на чемъ свѣтъ при молодежи разносили... Не сужу, не сержусь... Эти разносы мнѣ на пользу шли, изъ за нихъ себя всегда выдерживалъ... Радъ теперь, что встрѣтились!

Онъ протянулъ руку Агапѣеву, на лицѣ играла довольная, радостная улыбка.

— Радъ, радъ!—повторилъ онъ,—а это... это тоже старый знакомый... Макаровъ? Самурскаго полка?

— Радъ стараться, ваше превосходительство!—гаркнулъ по привычкѣ Макаровъ.

— Ну, оглушилъ!.. Тутъ у меня въ отрядѣ еще общій нашъ знакомецъ есть... Хивинецъ, поручикъ Волпянскій... Подполковникъ Агапѣевъ! прошу васъ ко мнѣ на чай... Поговоримъ, побесѣдуемъ... Старину помянемъ... а теперь безъ конца караваномъ доволенъ... Пока до свиданья... Прямо отсюда вы ко мнѣ... Тебя, старина,—кивнулъ онъ Макарову,—тоже не забуду!

Онъ еще разъ пожалъ Агапѣеву руку и быстро пошелъ къ своей свитѣ, стоявшей нѣсколько поодаль.

— У васъ Агапѣевъ служитъ?—спросилъ Михаилъ Дмитріевичъ на ходу у Громова.

— Такъ точно, ваше превосходительство!—отвѣтилъ тотъ,—для службы-то онъ тяжелъ оказался, а капиталу нѣтъ, трудиться нужно было, нуждался подполковникъ сильно.

Брови Скобелева нахмурились.

— И я этого не зналъ! Я помню, подъ Хивою онъ бокъ о бокъ со мной бился... Жалко, жалко!

— Такъ вотъ я его, ваше превосходительство, и пріютилъ, дѣло далъ и нахвалиться имъ не могу... Очень онъ за верблюдами хорошо смотритъ, толкъ въ нихъ знаетъ, всю ихъ природу изучилъ... Да и помощникъ у него способный...

— Макаровъ?

— Да. Онъ его раненаго изъ огня что ли вынесъ, такъ съ тѣхъ поръ они и не разстаются...

— Теперь я о нихъ самъ позабочусь!—произнесъ Скобелевъ,—товарищи мы...

Онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на бивуаки прибывшихъ войскъ.

Агапѣевъ между тѣмъ, какъ только отошелъ генералъ, въ безсиліи опустился на одинъ изъ лежавшихъ около каравана вьюковъ.

— Помнитъ! сразу узналъ!—растерянно лепеталъ онъ,—и сердца у него на меня за прошлое нѣтъ, къ себѣ зазвалъ... А, Макаровъ?

— И меня, ваше высокоблагородіе, не забылъ!—отозвался тотъ.

— Не забылъ, не забылъ... А вѣдь идти надо... Ой! и радостно мнѣ, и боюсь я...

— Идите съ Богомъ, ваше высокоблагородіе! Ничего не бойтесь, все ладно выйдетъ, а тутъ я за скотиной присмотрю... На меня положитесь...

Агапѣевъ ушелъ и вернулся часа черезъ два. Съ нимъ былъ Волпянскій. Оба были радостно взволнованы, оба не находили словъ, чтобы высказать свой восторгъ передъ Скобелевымъ.

— Что за человѣкъ!—мечтательно произносилъ Волпянскій, когда они вмѣстѣ съ Агапѣевымъ усѣлись въ палаткѣ послѣдняго и Макаровъ принесъ имъ чай.—Какъ я жалѣю, что мнѣ не удалось выхлопотать себѣ переводъ въ дунайскую армію во время войны...

— За то теперь Богъ привелъ намъ вмѣстѣ поработать... Тоже — дѣло не шуточное... Послѣ неудачи Ломакина, отъ текинцевъ въ степяхъ житья нѣтъ и въ наши области разбойничать являются...

— Вотъ Скобелевъ покажетъ имъ... Такъ мы, значитъ, вмѣстѣ?

— Выходитъ такъ! — подтвердилъ Агапѣевъ, — меня онъ начальникомъ каравана назначилъ, васъ — начальникомъ охраны, стало быть, вмѣстѣ...

— Въ Бами идемъ?

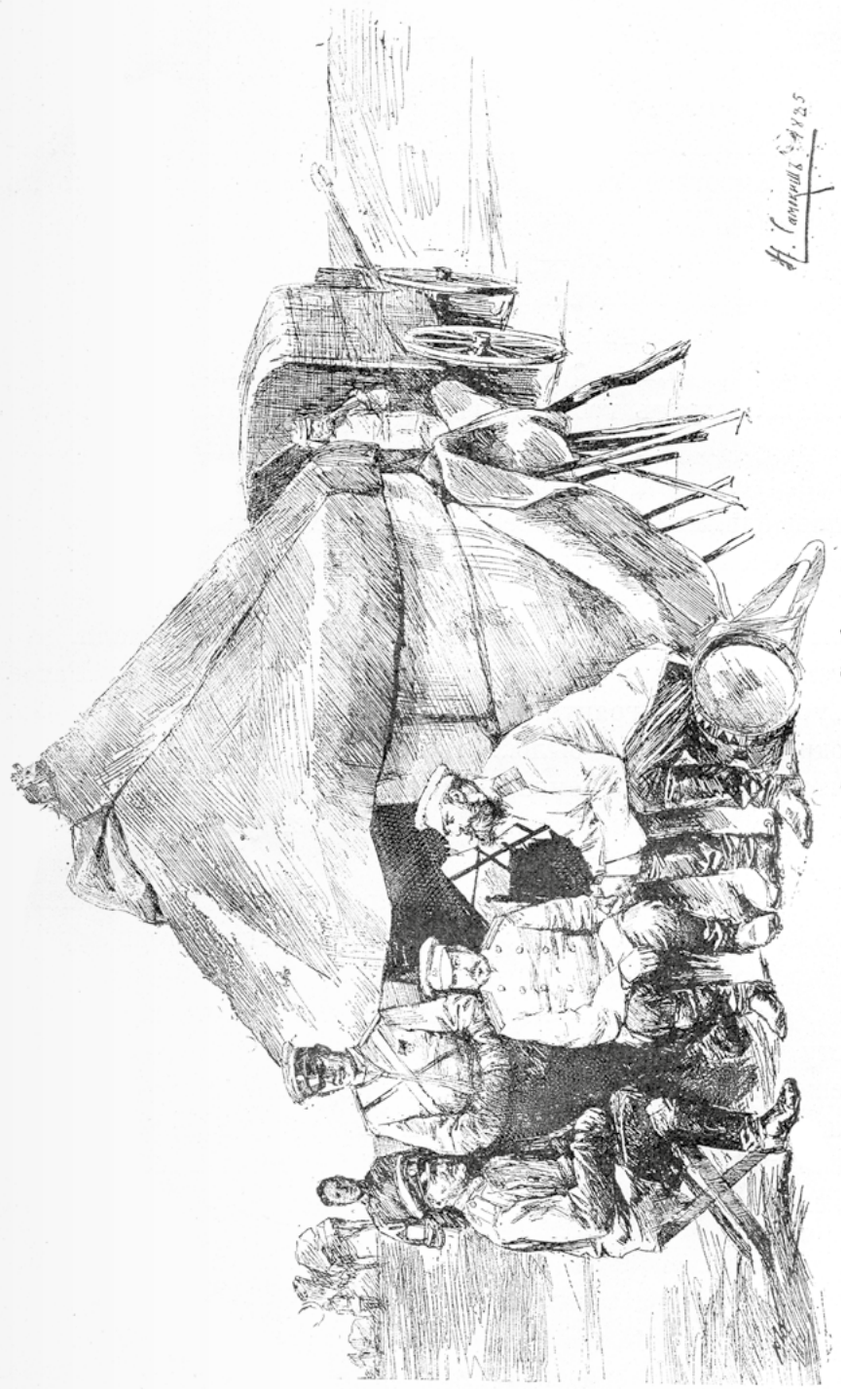
— А оттуда прямо въ Денгиль-Тепе... Успѣхъ несомнѣненъ...

— Еще бы! со Скобелевымъ-то да неудача! Развѣ это возможно... Съ нимъ всегда счастье...

— Онъ и самъ въ свое счастье вѣритъ... Вы слушайте, что онъ продѣлалъ, когда сюда въ Чигишляръ прибылъ... Самъ я свидѣтелемъ былъ...

И Агапѣевъ разсказалъ слѣдующее.

Скобелевъ прибылъ въ Чигишляръ 7 мая 1880 г. На пароходѣ, на томъ же, на которомъ ѣхалъ онъ, везли и его чуднаго бѣлаго коня. Когда пароходъ былъ у берега, Михаилъ Дмитріевичъ не велѣлъ идти къ пристани, а остановиться прямо въ морѣ. Потомъ онъ приказалъ



Военный совѣтъ Скобелева.

вывести своего коня и спустить его въ море. Красавецъ-конь немедленно очутился на волнахъ сѣдого Каспія. Умное животное оглядѣлось вокругъ и поплыло прямо къ берегу.

— Выплыветъ—успѣхъ насъ ждетъ!— громко, такъ что всѣ кругомъ слышали его слова, произнесъ генералъ.

На пароходѣ все замерло. Бѣлый красавецъ уже слился съ сѣдою пѣною буруна. Его нѣсколько минутъ не было видно. Вдругъ громкій шопотъ восторга прошелъ по пароходу. Кто въ бинокли, кто просто глазами увидѣлъ коня генерала, благополучно выбравшагося на береговую площадь. Еще мгновеніе и конь, отряхнувшись, уже мчался съ веселымъ ржаньемъ къ лагерю...

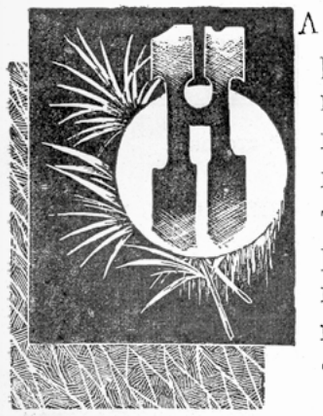
— Если бы вы только знали, поручикъ, что на берегу было,—разсказывалъ Агапѣевъ,—когда тамъ узнали, что генералъ, такъ сказать, „судьбу испытывалъ“... Такое „ура“ тогда грянуло, что, пожалуй, во всѣхъ степяхъ окрестъ слышно было... Только и разговору послѣ было что о томъ, что Денгиль-Тепе мы непремѣнно возьмемъ... Непремѣнно возьмемъ... И теперь всѣ увѣрены, что походъ удаченъ будетъ...

— Аминь!—торжественно проговорилъ Волпянскій и повелъ разговоръ о приготовленіяхъ къ предстоящему походу по пескамъ.

За это время войска были уже продвинуты на 181 версту впередъ, къ посту Дузъ-Олумъ. Отсюда они прошли еще 121 версту и заняли старинную туркменскую крѣпость Бами. Геокъ-Тепинскій оазисъ былъ передъ русскими богатырями. Денгиль-Тепе манило къ себѣ Бѣлаго генерала...

XXXIV.

Подъ Геокъ-Тепе.



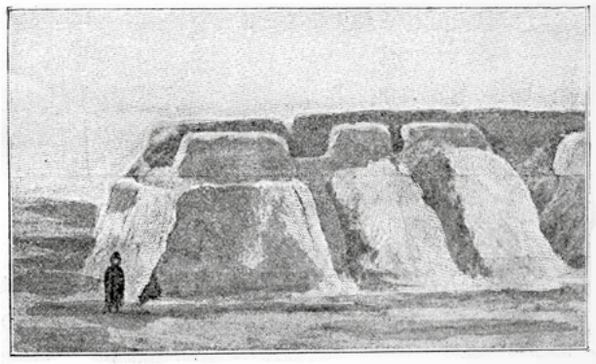
Л высокомъ холмѣ, поднявшемся надъ раскинувшейся безпредѣльно песчаной пустыней, высится Денгиль-Тепе, главная крѣпость текинцевъ. Со всѣхъ сторонъ поднимаются стѣны, толстыя такъ, что и никакимъ ядромъ ихъ не пробить. Кругомъ крѣпости сады. Пріятно ласкаетъ взоръ ихъ нѣжная зелень, но чу! что такое?

Въ нѣдрахъ текинскихъ песковъ раздаются звуки военной музыки... Откуда это? Текинцы на стѣнахъ и не то съ недоумѣніемъ, не то съ удивленіемъ вглядываются въ даль.

Передъ ними словно какая-то бѣлая лента вьется... будто ползетъ гигантская бѣлая змѣя... Вотъ она ближе и ближе... Нѣтъ, это не лента, это не змѣя,—это подходятъ къ текинскому оплоту русскіе отряды.

Вотъ медленно, но грозно идетъ пѣхота, сверкая на солнцѣ холодной сталью своихъ штыковъ. Идутъ и испытанные кавказскіе полки, десятки лѣтъ безъ устали дравшіеся въ горахъ Кавказа съ непріятелями. За пѣхотой вытянулись казачьи сотни. Громыхаютъ пушки... Страшная гроза надвигается на Геокъ-Тепе, пріютъ текинцевъ...

— Самъ Гезъ-Каллы—кровавые глаза—ведетъ бѣлыя рубахи!—проносится вѣсть среди полудикарей и они чувствуютъ, что хотя и немного русскихъ, но тотъ, кого они



Видъ стѣны Денгиль-Тепе съ внутренней стороны.

прозвали „Гезъ-Каллы“, не уйдетъ отъ нихъ безъ побѣды, какъ уходили его предшественники.

Гезъ-Каллы—это Скобелевъ...

Онъ не пошелъ изъ Бами на текинцевъ, пока не подготовилъ своего отряда такъ, что люди могли пройти по степямъ, ни въ чемъ не нуждаясь. Запасены были верблюды въ огромномъ количествѣ, собранъ былъ провіантъ, но и тогда Скобелевъ нашелъ, что идти на Ахалъ-Теке еще рано... Прежде чѣмъ вести отрядъ, онъ пожелалъ самъ обслѣдовать и путь до Геокъ-Тепе и самую крѣпость.

Благополучно дошелъ рекогносцировочный отрядъ до кишлака Янги-кала въ нѣсколькихъ верстахъ отъ

Геокъ-Тепе. Здѣсь Скобелевъ подъ надежною охраною оставилъ обозъ и тронулся къ крѣпости.

Едва только русскихъ завидѣли изъ Денгиль-Тепе и тамъ нѣсколько оправились отъ смущенія, пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ всему собравшемуся текинскому народу, что непріятель близко. Не замолкло еще эхо, вызванное грохотомъ пушки, какъ на встрѣчу русскимъ понеслись толпы конныхъ текинцевъ, оглашая недавно еще тихую равнину громкимъ гиканьемъ и десятками ружейныхъ выстрѣловъ. Завязалась перестрѣлка. Выдвинутыя впередъ пушки забрызгали по текинцамъ шрапнелью. Множество коней безъ всадниковъ, сбитыхъ съ сѣдла выстрѣлами, мчались по полю, но текинцы, горѣвшіе желаніемъ схватиться съ русскими, не смутились и еще болѣе участили свои выстрѣлы.

Нападеніе текинцевъ опасности не представляло, но оно мѣшало производить съемку мѣстности. Скобелевъ приказалъ отпугнуть нападавшихъ.

При развѣдочномъ отрядѣ была такъ-называемая ракетная команда: десять станковъ для пусканія ракетъ въ непріятеля.

Выдвинули станки. Молоденькій поручикъ суетливо хлопоталъ около нихъ, уговаривая наводчиковъ попадать прямо въ текинцевъ, бѣсновавшихся совсѣмъ близко. Однако, первая попытка закончилась неудачею. Первыя двѣ ракеты шипѣли и лопались въ станкахъ, не вылетая изъ нихъ. Третья, наконецъ, вылетѣла, но не поднялась, а упала тутъ-же около офицера. Тотъ инстинктивно отскочилъ назадъ...

— Поручикъ, надо умѣть умирать!—раздался надъ нимъ хорошо знакомый звучный голосъ.

Михаилъ Дмитріевичъ, замѣтивъ, что ракеты долго не показываются, поспѣшилъ къ командѣ. Его возгласъ страшно смутилъ молодого человѣка. Онъ на глазахъ генерала кинулся къ одному изъ станковъ и самъ пустилъ

ракету. Она шипя взвилась и влетѣла прямо въ непріятельскую конницу, произведя тамъ страшный переполохъ. Лошади, перепуганныя шипѣніемъ и трескомъ, перестали слушать всадниковъ и кинулись въ разныя стороны, унося ихъ съ равнины.

— Благодарю, поручикъ!—крикнулъ Михаилъ Дмитріевичъ,—радъ за васъ!

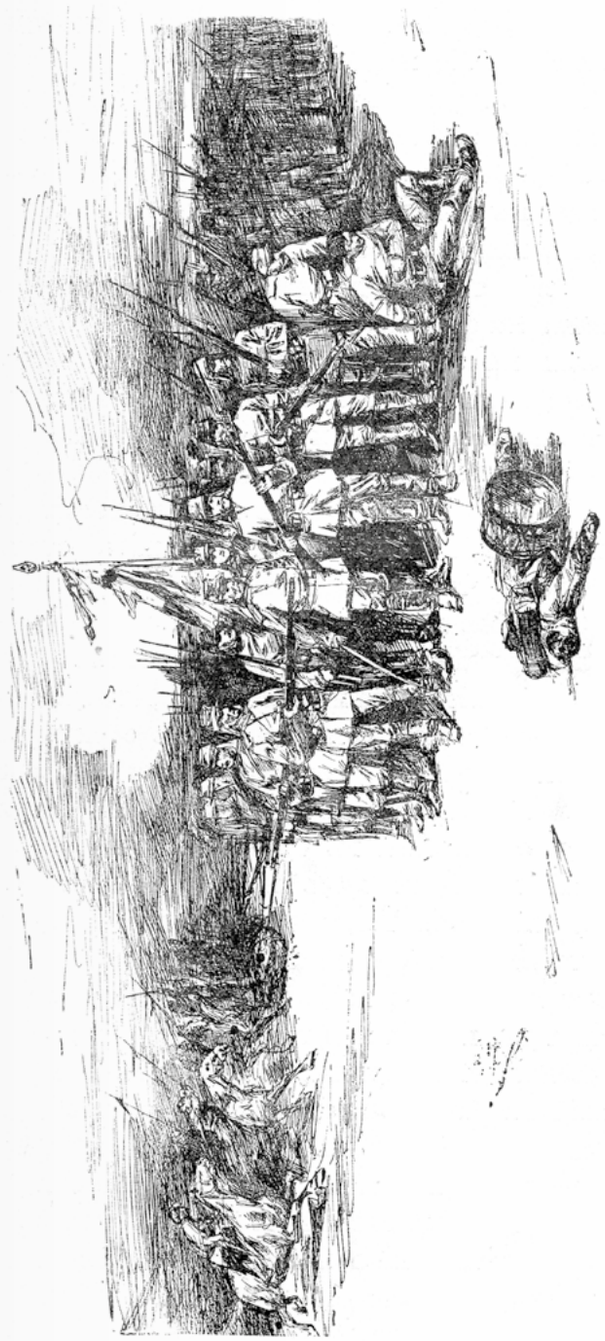
Онъ унесся впередъ къ своей свитѣ, расположившейся на высокомъ бугрѣ, откуда прекрасно была видна вся мѣстность. Топографъ и нѣкоторые офицеры уже работали, набрасывая кроки непріятельскаго укрѣпленія и его окрестностей. Вдругъ засвистѣли пули. Оказалось, что партія текинцевъ, укрывшись въ одномъ изъ садовъ, начала безпокоить оттуда отрядъ своимъ огнемъ. Чтобы прогнать непріятеля, высланъ былъ взводъ красноводскаго мѣстнаго баталіона. Скобелевъ съ бугра смотрѣлъ черезъ бинокль, какъ шли солдаты, и вотъ на лицѣ его появилось гнѣвное выраженіе. Давъ шпоры коню, генералъ помчался прямо къ взводу красноводцевъ. Оказалось, что баталіонъ состоялъ изъ молодыхъ солдатъ, никогда еще не бывавшихъ подъ выстрѣлами. Очутившись подъ пулями, они смѣшались, залегли въ высохшій арыкъ и начали оттуда стрѣлять по текинцамъ. Вмѣсто дѣла, выходила безцѣльная, только напрасно утомительная перестрѣлка.

— Это еще что такое?—загремѣлъ Скобелевъ, останавливая на всемъ скаку своего коня,—вставай! Стройся!

Онъ поднялъ солдатъ, позабывшихъ при его появленіи о текинскихъ пуляхъ, и тихимъ церемоніальнымъ маршемъ довелъ ихъ до предназначеннаго мѣста.

Нѣсколько учащенныхъ залповъ, и текинцы были выбиты. Послѣ этого работы пошли безъ перерыва и къ двумъ часамъ дня рекогносцировка была кончена.

Теперь нужно было возвращаться назадъ, а это было самое трудное...



Нападеніе текинцевъ на наше каре.

Текинцы собрались массами и только ждали того момента, когда русскіе пойдутъ прочь.

Теперь полудикари увидали то, чего они никогда еще не видывали... Не торопясь, словно на учебномъ плацу, весь отрядъ перемѣнилъ фронтъ, и вдругъ раздались звуки марша... Ровно, въ ногу, будто кругомъ и не было враговъ, готовыхъ кинуться на отходившихъ въ шашки, пошла впередъ пѣхота, оградившая своимъ щетинистымъ строемъ пушки. На флангахъ размѣстились казаки, только обертывавшіеся на замершихъ на одномъ мѣстѣ текинцевъ да грозившихъ имъ нагайками. Звуки музыки такъ и разливались надъ пустыней и подъ нихъ отрядъ стройно и плавно отходилъ все дальше и дальше.

Текинцы, наконецъ, очнулись и съ неистовымъ гиканьемъ кинулись вслѣдъ за уходившимъ отрядомъ. Теперь оказалось, что каждый текинскій всадникъ везъ позади себя на конѣ пѣшаго товарища Мгновеніе—и съ трехъ сторонъ русскій отрядъ окруженъ былъ гомонящей толпой, готовой броситься на ненавистныя „бѣлыя рубахи“, но мигъ еще—раздалась команда и весь отрядъ ощетинился сотнями штыковъ. Раздалась новая команда и грохнули залпы. Градъ пуль, просыпавшись на текинцевъ, заставилъ ихъ откинуться въ сторону, но нѣкоторые изъ нихъ все-таки прорвали цѣпь и, конечно, погибли всѣ на русскихъ штыкахъ. Тогда настала очередь пѣшихъ. Нестройной толпой они бросились къ отряду съ обнаженными шашками, но даже подойти не могли близко: русская картечь такъ и отшвырнула ихъ...

Показалось Егинъ-батырь-калы, пунктъ „съ водою“, гдѣ вышедшій на развѣдки отрядъ оставилъ свой обозъ и свои тяжелыя орудія. Какъ ни смѣлы были текинцы, а тутъ они не посмѣли преслѣдовать русскихъ и разсыпались во всѣ стороны, занявъ горы противъ занятаго русскими укрѣпленія. Скоро на высотахъ стало показываться множество пѣшихъ и конныхъ, очевидно, высматривавшихъ издали, какъ расположатся на ночлегъ русскіе.

А Михаилъ Дмитріевичъ самъ хлопоталъ надъ этимъ. Громче всѣхъ другихъ раздавался его звучный, слегка картавый голосъ. Онъ отдавалъ приказанія, распредѣлялъ людей, самъ указывалъ мѣста для орудій, разсылалъ секреты. И Скобелевъ, и всѣ его офицеры были увѣрены, что съ наступленіемъ темноты текинцы нападутъ непремѣнно. Они видали, что рекогносцировочный отрядъ невеликъ, а это давало имъ поводъ вообразить, что ихъ нападеніе будетъ имѣть несомнѣнный успѣхъ.

Еще въ войну съ турками Скобелевъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе производитъ на наступающихъ внезапно открытый по нимъ огонь и теперь строго запретилъ стрѣлять безъ команды. Были заготовлены огромные костры, но зажигать ихъ было запрещено. Михаилъ Дмитріевичъ намѣренъ былъ поразить воображеніе пылкихъ и впечатлительныхъ противниковъ.

Въ глубокое молчаніе погрузился весь русскій лагерь, когда наступила ночь. Костры, разведенные днемъ для варки горячей пищи, были не только потушены, но даже засыпаны. Во всемъ лагерѣ горѣла только одна свѣчка—въ палаткѣ у Скобелева, погруженнаго въ разборку и приведеніе въ порядокъ накопившихся за день дѣлъ. Въ лагерѣ царила мертвая тишина, хотя никто не спалъ. Солдаты шопотомъ переговаривались другъ съ другомъ, да вѣтеръ, набѣгая, чуть слышно шевелилъ листьями группы деревьевъ, около которыхъ растянулся русскій лагерь.

Настала глухая полночь, текинцы все еще медлили нападеніемъ. Лишь въ концѣ второго часа приползли секреты и сообщили, что громадныя толпы непріятеля крадутся съ трехъ сторонъ къ лагерю...

Наступило мгновеніе, когда скобелевцамъ приходилось помѣряться силами съ врагомъ, дерзкимъ, настой-

чивымъ, кровожаднымъ и ободреннымъ своими прошлыми успѣхами.

Скобелевъ очутился около передовыхъ частей.

— Не стрѣлять безъ команды!—повторяетъ онъ тихо свое приказаніе,—цѣлься ниже, горячиться нечего... Вонъ они...

Прямо на лагерь двигалась темная масса... двигалась въ грозномъ молчаніи,—текинцы такъ были увѣрены въ своемъ превосходствѣ, что не старались даже предварительно „запугивать“ противника и шли прямо напроломъ.

Темная масса совсѣмъ близко... И вдругъ пустыня, горы—ожили отъ ужасающаго крика. Разомъ вскрикнули нѣсколько тысячъ человѣкъ, и ихъ голоса смѣшались съ трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Мертвое безмолвіе было отвѣтомъ со стороны русскихъ...

Ободренные этимъ молчаніемъ текинцы съ трехъ сторонъ кинулись на безмолвный лагерь, но когда они были въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, ярко-огненная полоса прорѣзалась въ темнотѣ ночи, раздался трескъ одновременныхъ залповъ, и градъ пуль брызнулъ прямо въ лицо текинцамъ.

Словно невидимая сила отшвырнула ихъ. Эхо, перекликаясь въ горахъ, пронесло гулъ залпа, и затѣмъ опять все стихло въ русскомъ лагерѣ. Будто и нѣтъ его... Ошеломленные текинцы откинулись далеко въ пустыню. Послышались отдѣльные голоса и восклицанія. Очевидно, предводители скликали своихъ людей и подбодряли ихъ къ новому нападенію...

Теперь текинцы узнали, что ждетъ ихъ... Но залпъ только не надолго поразилъ ихъ воображеніе. Они слышали лишь ружья и вообразили, что у русскихъ нѣтъ зарядовъ для пушекъ...

Съ новымъ пронзительнымъ гикомъ, покрываемымъ

Скобелевъ у своей палатки.

трескомъ ружей, кинулась масса текинцевъ на безмолвно поджидавшій ихъ отрядъ. Теперь пушки и ружья заговорили сразу. Картечь вырывала цѣлыя кучи тѣлъ, залпы трещали непрерывно, выростали груды труповъ, и снова кинулись назадъ отбитые и на этотъ разъ враги...

Но ихъ такъ много, что они рѣшились и еще на одну, уже третью по счету атаку, но и тутъ ихъ отбросили съ страшнымъ урономъ...

Между тѣмъ начался разсвѣтъ. На востокѣ заалѣла утренняя заря, и едва показались первые лучи восходившаго солнца, въ русскомъ лагерѣ грянула зоревая пушка... Быстро построились солдаты и среди пустыни раздались величественные звуки народнаго гимна. Потомъ, перестроившись въ боевой порядокъ, весь отрядъ тронулся въ обратный путь...

Текинцы, не понявшіе, зачѣмъ являлись къ Геокъ-Тепе „бѣлыя рубахи“, вообразили, что русскіе уходятъ изъ-за того, что „Гезъ-Каллы“, т.-е. Скобелевъ, не рѣшился болѣе воевать съ ними, увидавъ своими глазами ихъ силу... Они то и дѣло наваливались всею своею массою на русскій отрядъ, но каждый разъ ихъ встрѣчала картечь шести орудій... Былъ одинъ моментъ, когда подъ натискомъ текинскаго скопища кавалерійская цѣпь стала суживаться, но тогда впереди ея на походномъ креслѣ очутился Скобелевъ. Онъ совершенно спокойно разсматривалъ въ бинокль бѣсновавшуюся массу и сумѣлъ передать свое спокойствіе и всему отряду... Насѣдавшіе текинцы были прогнаны и русскіе уже безпрепятственно продолжали свой путь по пескамъ.

Скобелевъ узналъ все, что ему нужно. Всего трое убитыми и восемь ранеными потерялъ его отрядъ въ эту рекогносцировку, но за то Геокъ-Тепе было обслѣдовано, и теперь „Гезъ-Каллы“ оставалось только взять его...

Съ этимъ послѣднимъ Скобелевъ не сталъ торопиться. Онъ хотѣлъ дѣйствовать навѣрняка.

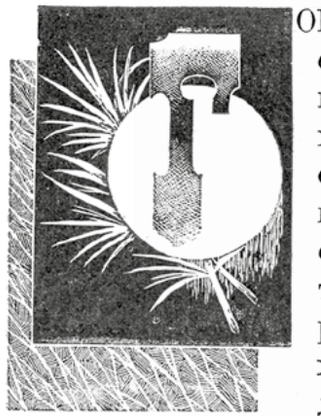
А по пескамъ уже ходили о Скобелевѣ легенды.. Впечатлительные текинцы были увѣрены, что русскій вождь не простой человѣкъ, а существо, посланное самимъ Аллахомъ для наказанія ихъ за грѣхи... Да и среди русскихъ солдатъ и казаковъ, знавшихъ Скобелева лишь по слухамъ, теперь явилось убѣжденіе, что ихъ генералъ заговоренъ и отъ пули, и отъ пораженій...

— Кого Скобелевъ не побѣдитъ, того ужъ никто не побѣдитъ! —говорили въ полкахъ.

Теперь предстояло довершить побѣдное шествіе русскихъ вглубь туркменскихъ песковъ...

XXXV.

Послѣдній переходъ.



ОВОРИТЬ о дѣлѣ—одно, а дѣлать его—другое... Хорошо зналъ Михаилъ Дмитріевичъ, съ кѣмъ ему приходится вести войну—недаромъ русскій „чудо-герой“ началъ свое военное поприще въ сосѣднихъ съ текинскими песчаныхъ пустыняхъ. Одна только сила и какъ ясное олицетвореніе ея—побѣда могла повліять на хитрыхъ, ослѣпленно храбрыхъ полудикарей. Скобелевъ долженъ былъ побѣдить во что бы то ни стало текинцевъ, а чтобы побѣдить ихъ, необходимо было дѣйствовать навѣрняка...

Бѣлый генералъ поэтому не торопился со сборами. Подтягивались войска, собирались обозы, устраивались дороги...

Наконецъ сборы были покончены.

Былъ пятый часъ туманнаго ноябрьскаго утра, когда рожки и барабаны подняли на ноги весь бамійскій лагерь. Громыхнулъ заревой выстрѣлъ, на площадку старой крѣпости собрались отовсюду роты и баталіоны.

Наступило 26 ноября — день общаго выступленія впередъ...

Михаила Дмитріевича въ лагерѣ не было и его замѣнилъ генералъ Петрусевичъ. Самъ Скобелевъ еще за пять дней до этого вышелъ съ кавалеріей впередъ.

Скромный, кроткій іеромонахъ Аѳанасій совершилъ молебствіе и окропилъ ряды солдатъ св. водою.

— Поздравляю васъ, братцы, съ походомъ!—раздалось громкое привѣтствіе Петрусевича и разомъ грянувшее богатырское „ура“ покрыло слова генерала.

Съ пѣснями пошла въ безпредѣльный степной просторъ пѣхота, загромыхали пушки, съ жалобнымъ ревомъ тронулись верблюжьи караваны...

Наступленіе на твердыню текинцевъ началось...

Скобелевъ въ это время былъ уже далеко, далеко впереди.

Теперь, когда все было готово и когда сомнѣнія въ побѣдѣ быть не могло, Бѣлымъ генераломъ овладѣло нетерпѣніе. Онъ такъ и рвался впередъ, и на этомъ походѣ былъ случай, когда Михаилъ Дмитріевичъ едва не сложилъ въ пескахъ своей богатырской головы или, что еще хуже, не попался въ плѣнъ степнякамъ...

Шайки текинцевъ рыскали по всѣмъ направленіямъ. Они не осмѣливались напасть на русскій отрядъ, но бѣда была тѣмъ, кто по какому либо случаю отбивался отъ главныхъ силъ отряда. Смерть и смерть мучительная была неизбѣжна для такого несчастнаго. Текинцы были настолько дерзки, что однажды угнали красавца бѣлаго коня самого Скобелева и угнали такъ, что конь этотъ исчезъ гдѣ-то въ степяхъ и его не возвратили, несмотря даже на предложенія выкупа...

Бѣлый генералъ, какъ и всегда, относился съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ опасности. Случилось такъ, что кавалерійскій отрядъ, съ которымъ былъ Михаилъ Дмитріевичъ, переваливъ черезъ горный хребетъ Капетдагъ, наткнулся на многочисленную шайку текинцевъ, гнавшихъ стадо тысячъ въ семь барановъ. Молодцы кавалеристы разогнали дикарей, овладѣли стадомъ и пошли далѣе, а ихъ герой-командующій, увлекаемый желаніемъ осмотрѣть лично дальнѣйшій путь, отсталъ отъ своей колонны и самъ отправился на развѣдки.

Мрачно тянулись къ небу угрюмые утесы Капетдага. Ущелья, долины прорѣзывали по всѣмъ направленіямъ горныя массы. Скобелевъ, съ которымъ было нѣсколько офицеровъ его штаба и четверо осетинъ изъ его конвоя, вступилъ въ ущелье Арвазъ и остановился здѣсь на отдыхъ. Онъ вмѣстѣ съ своими офицерами занялся просмотромъ сдѣланныхъ во время пути отмѣтокъ и набросковъ и совсѣмъ не замѣтилъ, какъ горы внезапно укутались въ густѣйшій туманъ. Волнующаяся и клубящаяся мгла разлилась въ воздухѣ. Съ каждой минутой она все сгущалась и скоро путники едва могли различать другъ друга. Тѣмъ не менѣе Скобелевъ попробовалъ все-таки выбраться изъ ущелья, руководясь компасомъ. Кое-какъ розыскали среди тумана коней, разобрались и тронулись положительно на-ощупь впередъ. Кони шли, спотыкаясь на каждомъ шагу; туманъ волновался, какъ море; прошелъ часъ — другой, а ущелье какъ будто не кончалось, кругомъ въ туманѣ высились грозныя громады. Всѣ, не исключая и Бѣлаго генерала, ясно видѣли, что дорога потеряна, что они заблудились среди горнаго лабиринта...

Не одно сердце дрогнуло страшной тревогою, когда исчезли всякія сомнѣнія въ окончательной потерѣ пути. Въ такомъ туманѣ все могло случиться. Вмѣсто своихъ, путники могли выбраться прямо на какое-нибудь ста-

Статуя Скобелева.
По модели Лансере исполн. Шопена.

новье текинцевъ и тогда смерть была бы неизбѣжна. Всѣ сопровождавшіе Скобелева ясно понимали, что участь экспедиціи висѣла на волоскѣ. Случайность могла погубить все, ибо гибель Скобелева въ этомъ случаѣ была равносильна гибели всего дѣла. Всѣ примолкли, разомъ оборвались разговоры и только удары кованныхъ копытъ о камни свидѣтельствовали о движеніи крошечнаго отряда...

Вдругъ среди тумана раздался голосъ... Разомъ натянулись всѣ поводья, весь отрядъ всталъ какъ вкопанный. Въ туманѣ послышалась пѣсня — не русская пѣсня, голосъ пѣвца былъ гортанный, полный придыханій.

„Текинцы—все пропало“—пронеслась одна мысль во всѣхъ головахъ.

Залязгали шашки, вынимаемыя изъ ноженъ; конвойцы-осетины выхватили изъ чехловъ винтовки. Весь отрядъ замеръ на мѣстѣ. Одна изъ лошадей вдругъ заржала, сейчасъ-же изъ клубившейся мглы тумана послышалось отвѣтное ржанье и вслѣдъ за нимъ громкій окликъ.

— Да тамъ нашъ!—воскликнулъ одинъ изъ осетинъ, узнавшій по голосу товарища.

Онъ не ошибся. Черезъ мгновенье радостно привѣтствуемый присоединился къ крохотному отрядику еще джигитъ-конвоецъ, тоже отбившійся отъ колонны, но объявившій, что онъ можетъ найти путь къ выпущенной впередъ на развѣдки командѣ стрѣлковъ.

Ободрился отрядъ. Опасность далеко не миновала и все еще угрожала со всѣхъ сторонъ отбившимся, но уже теперь явилась полная увѣренность въ близкомъ освобожденіи. Джигита немедленно отправили отыскивать стрѣлковую команду, которой, по предположеніямъ Скобелева, долженъ былъ командовать подпоручикъ Воропановъ. Посланцу дали записку, въ которой Воропанову приказывалось немедленно спѣшить къ генералу, давая знать

о своемъ приближеніи выстрѣлами. Скобелевъ же съ своими людьми рѣшилъ остаться на одномъ мѣстѣ, находя, что въ этомъ случаѣ Воропановъ скорѣе разыщетъ его.

Попрощавшись, джигитъ скрылся въ туманѣ. Скоро замеръ въ отдаленіи стукъ копытъ его лошади. Для оставшихся томительно медленно тянулись часы напряженнаго ожиданія. Туманъ не разсѣивался, а густѣлъ все болѣе и болѣе. Бѣлый генералъ, укутавшись въ плащъ, усѣлся прямо на землю, прислонившись спиной къ граниту утеса. Около него какъ попало размѣстились его спутники. Одинъ изъ конвойцевъ стоялъ у лошадей, готовый подать ихъ офицерамъ при первомъ намекѣ на опасность, двое стали на часы, болѣе полагаясь въ этомъ положеніи на свои уши, чѣмъ на глаза...

Шли минуты и часы. Мертвая тишина царила въ ущельѣ. Рѣдко-рѣдко раздавался ударъ копытомъ о мерзлую землю и лязгала шашка. Всѣ небольшіе запасы сухарей были уничтожены, а выручка все еще не приходила. Становилось нестерпимо холодно. Начался вѣтеръ, туманъ разсѣивался, вмѣсто него начиналась стужа.

Вдругъ одинъ изъ часовыхъ встрепенулся.

— Кто идетъ?—раздался среди мертвой тишины его рѣзкій окликъ.

Въ туманѣ ясно вырисовывались чьи то фигуры.

— Енералъ здѣсь, что-ли?—послышался грубый солдатскій голосъ.

Всѣ разомъ поднялись на ноги; вздохъ облегченія вырвался не изъ одной груди. Давно жданная подмога, наконецъ, подоспѣла...

Посланный впередъ джигитъ отыскалъ Воропанова. Подпоручикъ сообразилъ, что въ туманѣ почти невозможно найти заблудившихся, если отыскивать ихъ сразу всею колонною и разослалъ въ разныя стороны небольшіе отрядики. Одинъ изъ нихъ случайно наткнулся на Скобелева и его спутниковъ...

Часа черезъ два Бѣлый генералъ уже возвратился къ своему отряду.

Только много спустя послѣ этого стало извѣстнымъ какой опасности подвергался Скобелевъ въ этотъ день. Совсѣмъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ ожидалъ онъ подмоги, притаилась въ другомъ ущельѣ шайка застигнутыхъ туманомъ текинцевъ. Лишь по счастливой случайности не узнали они, кто находится съ ними бокъ о бокъ...

Михаилъ Дмитріевичъ очень не любилъ вспоминать объ этомъ своемъ приключеніи въ Арвазскомъ ущельѣ...

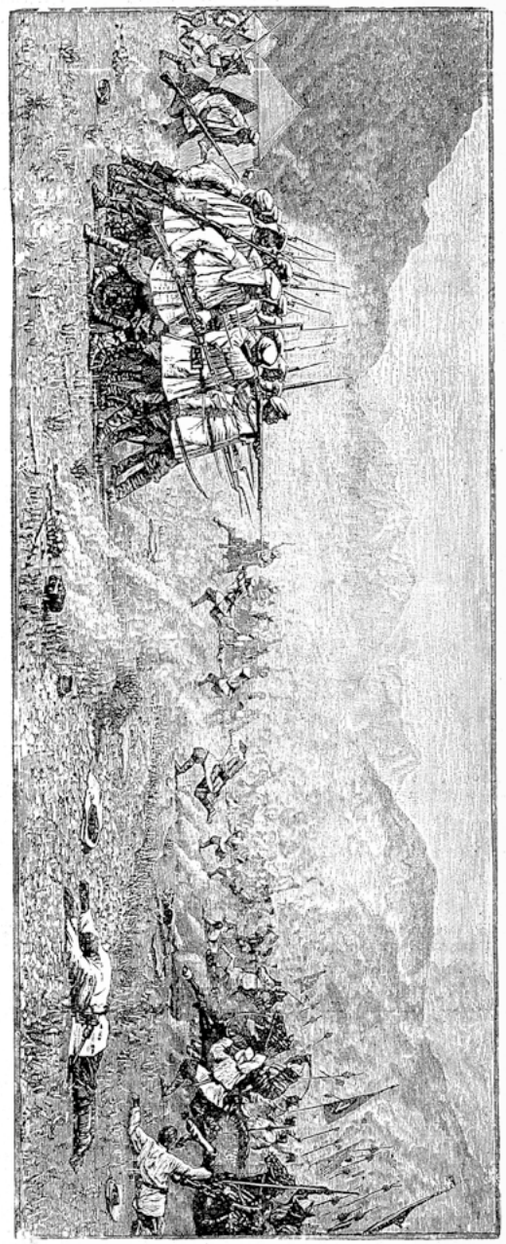
Дальнѣйшій свой путь кавалерійская колонна совершила благополучно. Всегда удавалось настигать въ степи туркменскія шайки, сгонявшія въ Геокъ-Тепе барановъ. Стада отнимали и такимъ образомъ запасы продовольствія все увеличивались.

Наконецъ насталъ знаменательный день 30 ноября. Скобелевскій отрядъ подошелъ къ кишлаку Егинъ-батырькалы. Это былъ текинскій поселокъ, сплошь состоявшій изъ деревянныхъ загородокъ, съ тремя укрѣпленіями, увѣнчанными на углахъ башнями. За нимъ раскидывалась на добрый десятокъ верстъ волнистая песчаная степь, среди которой словно призракъ поднимался высокій холмъ, увѣнчанный чернѣвшимся издали зданіемъ—это была неприступная по мнѣнію текинцевъ твердыня ихъ Денгиль-тепе... Правѣе его, поближе къ Егинъ-калы виднѣлось другое обширное селеніе Янги-калы.

Скобелевскій отрядъ былъ въ виду главной цѣли своего похода.

Михаилъ Дмитріевичъ приказалъ войскамъ стать бивуакомъ и варить себѣ обѣдъ, а самъ сейчасъ-же отправился съ драгунами и своимъ штабомъ осматривать текинскія укрѣпленія.

Между тѣмъ текинцы сейчасъ-же дали себя знать. Едва только расположились войска на отдыхъ, степь вда-



Этюдъ В. В. Вѣщагина.

АТАКА.

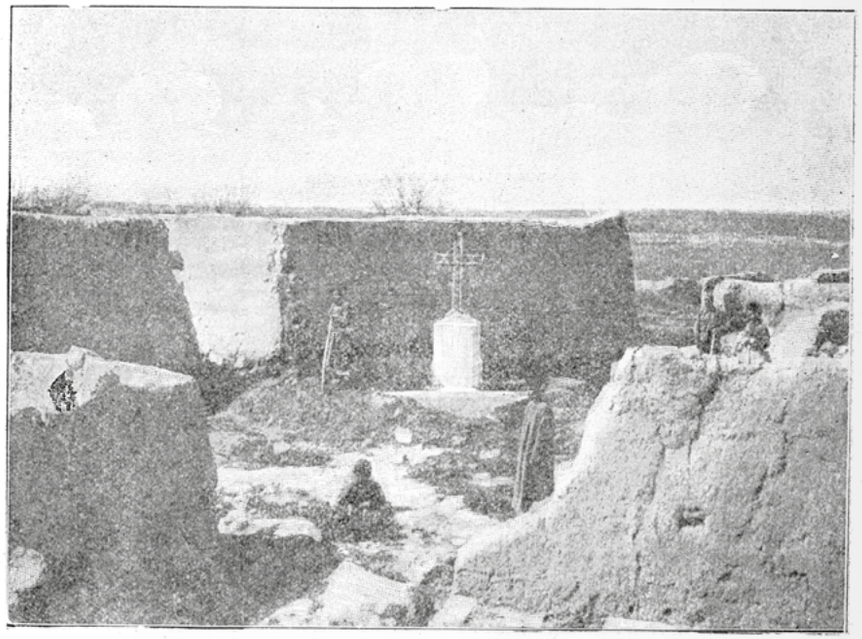
лекѣ вся покрылась множествомъ движущихся точекъ. Это были текинскіе всадники, выскакавшіе впередъ на развѣдки. На нихъ не обращали никакого вниманія, но они не замедлили показать себя. Сперва въ одиночку, потомъ группами они стали подскакивать къ бивуаку все ближе и ближе. Наконецъ, видя, что ихъ не трогаютъ, степняки осмѣлѣли такъ, что кинулись - было на стада барановъ, пасшіяся въ нѣкоторомъ отдаленіи. Нѣсколько всадниковъ врѣзалось было въ середину одного изъ стадъ. Сейчасъ - же съ гиканьемъ понеслись на нихъ казаки. Произошла короткая сшибка. Текинцы кинулись вразсыпную, казаки

погнались за ними и наткнулись съ разбѣга на сплоченныя массы непріятеля. Теперь имъ самимъ пришлось удирать отъ многочисленнаго врага. Они кинулись назадъ, разгорячившіеся степняки ударились преслѣдовать ихъ; но едва они оказались на разстояніи пушечнаго выстрѣла, какъ на окраинѣ русскаго бивака взвилось бѣлое облачко, за нимъ другое, третье, загромыхали выстрѣлы и осыпанные картечью текинскіе всадники, стрѣляя изъ своихъ разнокалиберныхъ ружей, опять разсѣялись по безпредѣльной степи...

Текинскія пули кое-кого задѣли. Это были первые раненые въ отрядѣ. Раны были пустяшныя и получившіе ихъ шутливо поздравляли другъ друга съ полученіемъ первыхъ „текинскихъ поцѣлуевъ“...

Вернувшійся съ развѣдокъ Бѣлый генералъ приказалъ немедленно укрѣпить Егинъ-калы. Здѣсь онъ рѣшилъ ожидать, пока соберутся всѣ части отряда, подтянутся верблюжьи караваны, подойдутъ орудія. Только тогда рѣшилъ Михаилъ Дмитріевичъ идти на Денгильтепе, темный силуэтъ котораго ясно вырисовывался въ прозрачномъ степномъ воздухѣ.

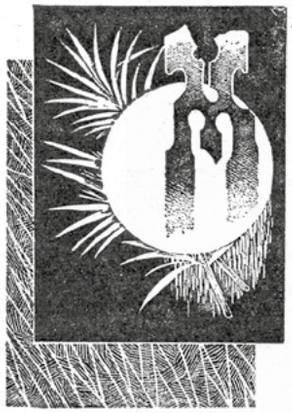
Въ немногіе дни, проведенные въ Егинъ-калы, Михаилъ Дмитріевичъ положительно не давалъ себѣ отдыха. Ежедневно все далѣе и далѣе углублялся онъ въ пески, появляясь то у Янги-калы, то и подъ самымъ холмомъ Геокъ-Тепе... Ни одной пяди земли не осталось безъ обслѣдованія, все взвѣшивалъ, все старался предусмотрѣть Бѣлый генералъ. Онъ зналъ, что отъ его предварительныхъ трудовъ зависитъ не только успѣхъ его дѣла, но и сохраненіе множества драгоцѣнныхъ русскихъ жизней...



Мѣсто, гдѣ 23 декабря 1880 г. убитъ текинцами генералъ Петрусевичъ.

XXXVI.

Успѣхи и неудачи.



ЕРТВАЯ степь ожила. Тысячи людей двигались по ней въ различныхъ направленіяхъ. Къ Егинъ-батырь-калы подтягивались русскіе, къ Геокъ-Тепе прибывали нестройныя толпы текинцевъ. Всѣ оазисы, не только текинскіе, но и мервскіе, высылали своихъ джигитовъ для защиты прославленной твердыни. Борьба предстояла не на жизнь, а на смерть... Лазутчики и перебѣжчики сообщили: Тыкма-сердарь поклялся не сдаваться живымъ и къ его клятвѣ примкнули всѣ джигиты. Когда замѣнившій Гродекова, выѣхавшаго въ Персію, началь-

никъ Скобелевскаго штаба полковникъ Ивановъ сообщилъ объ этихъ донесеніяхъ Бѣлому генералу, тотъ, пожимая плечами, хладнокровно отвѣчалъ:

— Пусть ихъ даютъ какія угодно клятвы, а Геокъ-Тепе будетъ взятъ!

Чѣмъ болѣе прибывало народу въ текинскую крѣпость, тѣмъ все смѣлѣе становились текинцы. Нужно было скорѣе кончать съ ними. Въ первыхъ числахъ декабря Скобелевъ выбрался изъ лагеря на рекогносцировку и подошелъ почти-что къ самому холму, на которомъ стояла крѣпость. Высланы были впередъ орудія; пока они били по крѣпости, отрядъ топографовъ подъ наблюденіемъ самого Бѣлаго генерала произвелъ съемку мѣстности, но едва войска стали отходить, на нихъ сейчасъ-же опрокинулось тысячное скопище степняковъ.

Съ гиканьемъ, визгомъ, завываньемъ носились текинцы вкругъ отряда, то бросаясь въ шашки на его тылъ, то заносясь въ его фланги. Лишь картечные выстрѣлы кое-какъ сдерживали ихъ. Скобелевъ высылалъ всюду цѣпи и залпы то и дѣло раздавались со всѣхъ сторонъ отступающаго отряда, во главѣ котораго хоръ музыкантовъ игралъ ободряюще маршъ.

Былъ уже поздній вечеръ. На небо выплыла полная луна, разливавшая вокругъ бѣлесоватый свѣтъ. Скобелевъ былъ въ цѣпи, появляясь всюду, гдѣ, по его мнѣнію, отряду угрожала наиболѣе ощутительная опасность. Текинскія пули такъ и свистали вокругъ, но слишкомъ часто слышалъ Бѣлый генералъ ихъ пѣніе, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Его громкій голосъ слышался всюду, и казалось, что этотъ чудо-человѣкъ обладаетъ способностью бывать сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вдругъ лошади отряда выказали странное безпокойство. Небо замѣтно потемнѣло, луна покрылась какой-то непроницаемой завѣсою; еще немного и вся степь сразу погрузилась въ кромѣшный мракъ...

Это было лунное затменіе...

На мгновеніе весь отрядъ смѣшался. Люди, пораженные небеснымъ явленіемъ, замерли на мѣстѣ, лошади фыркали, храпѣли, рвались; выстрѣлы смолкли, ревъ и вой текинцевъ слышались уже далеко. Степняки были панически перепуганы затменіемъ. Оно показалось имъ страшнѣе, чѣмъ картечь и пули русскихъ и они ударились вразсыпную, страшась только того, что въ темнотѣ Гезъ-Каллы, умѣющій сводить луну съ небесъ, напуститъ на нихъ подвластныхъ ему шайтановъ...

Но вотъ, словно золотой вѣнчикъ, прорѣзалъ мракъ неба край яркаго диска, и какъ бы въ знакъ привѣта ему раздались съ земли звуки марша, вмѣстѣ съ которыми понеслось и радостное ура. Затменіе окончилось. Перепуганные текинцы болѣе не преслѣдовали отряда и скоро уже онъ присоединился къ главнымъ силамъ.

Этой рекогносцировкой Скобелевъ добился того, что узналъ главное: въ Геокъ-Тепе было свыше двадцати пяти тысячъ защитниковъ и текинцы, прежде чѣмъ подпустить русскихъ къ своему оплоту, рѣшили оказать отчаянное сопротивленіе у Янги-калы.

Эти свѣдѣнія пополнились еще донесеніями казаковъ о томъ, что къ текинцамъ прибываютъ новыя подкрѣпленія изъ Мерва. Скобелевъ рѣшилъ тогда, что непріятелю незачѣмъ давать усиливаться. Онъ ожидалъ только, пока соберутся около него всѣ его любимцы и друзья, съ которыми онъ хотѣлъ раздѣлить свою славу.

Ждать Бѣлому генералу пришлось недолго. Прибылъ изъ Персіи генералъ Гродековъ, выполнившій превосходно возложенное на него порученіе, а вскорѣ послѣ него къ Скобелевскому отряду присоединился небольшой отрядикъ всего изъ двухъ ротъ пѣхоты и двухъ съ половиной сотенъ казаковъ съ двумя пушками. Пришелъ этотъ отрядъ изъ форта Александровскаго съ Аму-Дарьи. Двадцать два дня пробылъ онъ въ солончаковой степи, и по этой степи

ему пришлось сдѣлать 673 версты. Путь, по которому прошелъ отрядъ, былъ почти не изслѣдованный, на картахъ колодцы были намѣчены кое-какъ, повсюду рыскали шайки дикихъ туркменъ, но отрядъ явился въ полномъ порядкѣ...

Привелъ этотъ отрядъ любимый другъ Бѣлаго генерала полковникъ Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ.

Быстро ознакомилъ Михаилъ Дмитріевичъ прибывшихъ друзей съ положеніемъ дѣла, и рѣшено было прежде всего взять Янги-калы и уже послѣ этого нанести ударъ и Геокъ-Тепе. Честь перваго удара на оплотъ текинцевъ выпала на долю Куропаткина.

Скобелевъ верхомъ.

Въ семь часовъ утра морознаго дня 29 декабря выстроились войска около бывшаго передовымъ Егинъ-батырь-калы, получившаго новое наименованіе Самурскаго укрѣпленія. Совершено было молебствіе и среди рядовъ кавказскихъ героевъ показался ихъ чудо-вождь.

Медленно объѣзжалъ Скобелевъ баталіонъ за баталіо-

номъ, поздравляя солдатъ съ наступленіемъ. Для всѣхъ у него находилось ласковое ободряющее слово. Однимъ онъ говорилъ о чести, ожидающей ихъ въ бою, другимъ напомнилъ, что послѣ побѣды ихъ ждетъ возвращеніе домой. Ура такъ и гремѣло вслѣдъ Бѣлому генералу. Тотчасъ послѣ объѣзда Михаилъ Дмитріевичъ отдалъ приказъ выступать и немедленно тронулась впередъ первая колонна Куропаткина.

Гремѣло ура, когда войска проходили мимо Скобелева. Далеко въ степи показалась кучка текинцевъ, наблюдавшихъ за тѣмъ, что дѣлалось въ русскомъ лагерѣ. Они, наконецъ, сообразили, что значатъ эти крики, это движеніе, и быстро исчезли, стремясь поскорѣе принести своимъ вѣсть о начавшемся движеніи.

Вслѣдъ за колонною Куропаткина, также бодро и весело пошла колонна Козелкова, и за нимъ выступилъ съ главными силами и самъ Михаилъ Дмитріевичъ.

Ближе и ближе Янги-калы. Вотъ ясно вырисовываются глинобитныя стѣны его крѣпостцы. Наступающіе знаютъ, что здѣсь засѣлъ Маметъ-кулъ ханъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ текинскихъ джигитовъ, съ нимъ полторы тысячи отчаянныхъ удальцовъ. Бой за эти укрѣпленія долженъ былъ пойти „не на животъ, а на смерть“, какъ говорили солдаты; но должно быть ихъ вождь былъ истиннымъ любимцемъ военнаго счастья. Штурмъ Янги-калы длился очень недолго. Укрѣпленіе взято было прямо „съ похода“. Съ двухъ сторонъ кинулись съ громовымъ ура солдаты штурмовыхъ колоннъ. Текинцы словно только и ожидали этого натиска. Вмѣсто того, чтобы обороняться, они кинулись вонъ изъ своей крѣпости и скоро на стѣнахъ ея взвилось русское знамя.

Это была удача, какой даже и не ожидали. Никто не сомнѣвался, что Янги-калы будетъ взятъ, но нельзя было и думать, чтобы штурмъ этого укрѣпленія выполненъ былъ съ такою легкостью. До нѣкоторой степени Янги-

калы было ключомъ къ Геокъ-Тепе. Устроившись здѣсь, можно было, какъ кольцомъ, охватить всю текинскую твердыню траншеями и окопами. Такъ оно и вышло. Бѣлый генералъ, очутившись у Геокъ-тепинскаго холма, не повелъ немедленнаго его штурма, а рѣшилъ подготовить его успѣхъ осадою.

Прошло немного дней, а уже ряды окоповъ окружили текинскую крѣпость. Съ самаго ранняго утра рылись въ землѣ саперы и команды рабочихъ. Калы-текинскія укрѣпленія преобразились въ опорные пункты осады. Осадныя сооруженія все росли и росли. Скобелевъ боялся теперь лишь того, что текинцы могутъ уйти изъ своей крѣпости.

Въ пескахъ между тѣмъ было далеко не спокойно. Михаилъ Дмитріевичъ получилъ извѣстіе, что шайки степняковъ то и дѣло нападаютъ на караваны, подвозившіе къ отряду боевые и съѣстные припасы. Одинъ такой караванъ, принадлежавшій Громову, цѣликомъ достался въ руки степняковъ... Скобелевъ набожно перекрестился, когда получилъ извѣстіе. Текинцы овладѣли караваномъ лишь потому, что конвоировавшая его команда и всѣ русскіе, находившіеся при немъ, легли на мѣстѣ. Среди павшихъ были Агапьевъ, Волпянскій и Макаровъ, свидѣтели первыхъ подвиговъ Бѣлаго генерала среди песчаныхъ пустынь Средней Азіи...

Осада не обѣщала быть продолжительной, но подготовительныя работы занимали все-таки не мало времени. Однако, съ ними не торопились, успѣхъ осадныхъ работъ уменьшалъ потери при предстоящемъ штурмѣ.

Чѣмъ плотнѣе окружали русскіе послѣдній оплотъ текинской силы, тѣмъ все болѣе и болѣе возростало упорство степняковъ. Въ ихъ души вселилось убѣжденіе, что русскимъ не удастся взять никогда ихъ крѣпости. Они впрочемъ надѣялись не только на свои силы, но и на помощь извнѣ.

Геокъ-Тепе была крѣпость обычной въ этихъ мѣстахъ постройки. Она имѣла видъ неправильнаго продолговатаго четыреугольника, опоясаннаго глубокимъ рвомъ, за которымъ высились глинобитныя стѣны, достигавшія вверху до четырехъ саженъ толщины. За стѣной шелъ внутренній. состоявшій изъ ямъ, ровъ. Въ одномъ изъ угловъ этого четыреугольника поднимался холмъ вышиною болѣе семи саженъ. На этомъ холмѣ возведена была башня, называвшаяся Денгиль-тепе и бывшая цитаделью, а съ нея открывался видъ на всю безпредѣльную степь.

Между стѣнами крѣпости раскинулась огромная площадь. Обычныхъ загородокъ и перегородокъ здѣсь не было, за то сплошь вся площадь была заставлена кибитками укрывшихся здѣсь, при приближеніи русскихъ, текинскихъ семей. Текинцы побросали свои прекрасно воздѣланные оазисы, забрали стада, все свое имущество и явились въ крѣпость съ женами, дѣтьми, стариками. На крѣпостной площади стояло тридцать тысячъ кибитокъ. Тѣснота здѣсь стояла невообразимая. Воды въ колодцахъ не хватало и приходилось часами ожидать, пока она не наберется изъ-подъ почвы, да и то всегда въ такомъ количествѣ, чтобы удовлетворить жажду всего населенія крѣпостцы.

Предводитель текинцевъ. Тыкма-сердарь.

Но текинцы и не думали о сдачѣ.

Вожди-джигиты знали, что дѣлали, допуская такую скученность. Текинцы всѣ готовы были умереть за свои семейства и сопротивленіе ихъ было тѣмъ упорнѣе, чѣмъ болѣе было въ крѣпости дорогихъ имъ существъ.

Тыкма-сердарь объявилъ „газаватъ“, т.-е. священную войну противъ русскихъ. Всѣ, кто ни былъ съ нимъ, отвѣтили на призывъ тѣмъ, что дали клятву умереть, но не отдавать крѣпости. Даже женщины примкнули къ защитникамъ и выразили готовность биться съ ними противъ Гезъ-Каллы и его воиновъ. Муллы стихами изъ корана воодушевляли степняковъ, ихъ вожди говорили, что помощь не замедлитъ и русскіе уйдутъ отъ Геокъ-Тепе, такъ же какъ ушли уже изъ ихъ степей въ тотъ годъ, когда ихъ привелъ сюда не этотъ Гезъ-Каллы, а другой вождь...

Увѣренность въ побѣдѣ росла среди степняковъ. Никто изъ нихъ не допускалъ даже мысли, что ихъ противники одержатъ надъ ними верхъ. Видя осадныя работы, защитники крѣпости не понимали ихъ значенія и насмѣхались надъ русскими, будто-бы закапывающимися въ землю изъ-за страха передъ ними, удалыми джигитами, для которыхъ на землѣ „никакой страхъ не страшенъ“...

Хмурились скобелевскіе богатыри, когда до нихъ достигали эти насмѣшливые отзывы степняковъ. Текинская крѣпость не казалась имъ такою твердынею, которую они не могли-бы взять штурмомъ и даже сѣтовали на своего вождя, позабывая о томъ, что подготовляя штурмъ осадою Бѣлый генералъ только сберегаетъ жизнь и кровь своихъ воиновъ.

На первыхъ порахъ воинское счастье какъ будто бы улыбалось текинцамъ, такъ по крайней мѣрѣ они думали сами... Иногда имъ удавалось одерживать кое-какіе успѣхи въ незначительныхъ схваткахъ съ осаждающими и они эти мнимые успѣхи выставляли въ качествѣ „побѣдъ“ А никто, даже наиболѣе умнѣйшіе изъ нихъ, упорно не замѣчали того, что русскіе подходили все ближе и ближе къ холму.

Вокругъ Геокъ-тепинскаго холма было много текинскихъ калъ. Постепенно скобелевцы овладѣвали ими и, наконецъ, было получено приказаніе взять окруженную

садами калу, откуда было удобно дѣйствовать на крѣпость.

Взятіе этой калы Бѣлый генералъ поручилъ одному изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, генералу Петрусевичу, замѣнявшему его во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ почему-либо удалялся отъ отряда.

— Увѣренъ, генералъ, что кала перейдетъ въ ваши руки! — сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ, провожая Петрусевича.

Въ овладѣніи калой и сомнѣнія быть не могло. Погода, казалось, способствовала нападенію. Стоялъ густой туманъ, совершенно скрывавшій движеніе отряда. Кала издали представлялась совершенно пустою. Оттуда не доносилось ни одного звука, тогда какъ текинцы всегда выдавали свое присутствіе громкимъ шумомъ, галдѣньемъ, иногда даже выстрѣлами.

Генералъ Петрусевичъ.

Небольшой отрядъ Петрусевича быстро приближался къ калѣ. Впереди цѣпью разсыпаны были конные джигиты, съ громкими криками подскакавшіе къ рву калы. Никто не выглянулъ оттуда, ни одного звука не понеслось на встрѣчу наступавшимъ. Это дало поводъ Петрусевичу предположить, что кала оставлена и отрядъ уже безъ опаски пошелъ къ ея стѣнамъ.

Однако, какъ только приблизились къ калѣ русскіе, оттуда грянулъ залпъ многихъ ружей и около одного только генерала повалилось на землю человѣкъ пятнадцать наступавшихъ. Началась вполнѣ понятная суматоха, но длилась она очень недолго.

— Ребята!—загремѣлъ, покрывая трескотню выстрѣловъ, голосъ Петрусевича,—впередъ! за нами! Помни присягу!

Генералъ пришпорилъ коня и поскакалъ къ крѣпостцѣ. Съ громкимъ ура послѣдовали за нимъ его офицеры и солдаты. Текинскія пули никого не остановили. Вихремъ ворвались богатыри черезъ узкій проходъ во внутрь калы, впереди всѣхъ былъ Петрусевичъ. Текинцы густой толпой сбились на противоположной сторонѣ, держа ружья на прицѣлѣ.

— Братцы!—закричалъ генералъ,—бери ихъ!

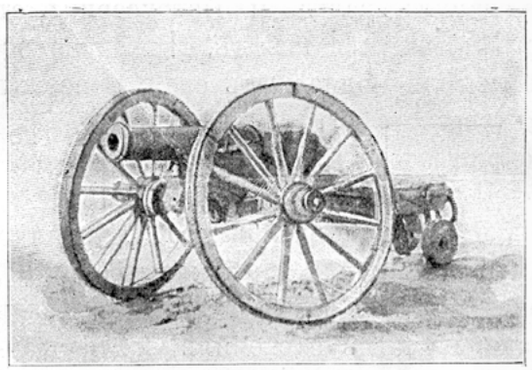
Онъ съ обнаженной шашкой кинулся на степняковъ, но въ это мгновеніе грянулъ залпъ и Петрусевичъ съ болѣзненнымъ стономъ откинулся назадъ. Бѣжавшіе позади его казаки едва успѣли поддержать его... Генералъ былъ весь обагренъ кровью.

— Умираю!—прохрипѣлъ онъ,—не выдавайте... впередъ, ребята!

Новый залпъ сбилъ поддерживавшихъ Петрусевича казаковъ съ ногъ. Генералъ упалъ на землю. Текинцы, воя, какъ дикіе звѣри, кинулись, чтобы овладѣть тѣломъ русскаго вождя. Однако, на нихъ наскочили уже ворвавшіеся въ калу казаки и драгуны. Засверкали шашки и кинжалы. Началась ожесточенная рукопашная схватка. Обѣ стороны рубились съ величайшимъ мужествомъ, но русскихъ ворвалось въ калу очень немного. Текинцы обвили ихъ живымъ кольцомъ; часть ихъ товарищей взобралась опять на стѣны и мѣткими выстрѣлами поражала тѣхъ, кто приближался къ стѣнамъ. Смѣльчаки внутри калы изнемогали. Тѣмъ, кто былъ снаружи, не видно было, какая кровавая драма происходила за этими высокими стѣнами, усѣянными энергично отстрѣливавшимися врагами. Тѣмъ не менѣе отсутствіе генерала было замѣчено, кто-то напомнилъ, что его видѣли ворвавшимся во внутрь укрѣпленія. Презирая опасность, кинулась, находившаяся невдалекѣ, казачья сотня подъ командой кн.

Голицына на калу. Казаки такъ торопились, что нѣкоторые изъ нихъ не успѣли даже шашекъ обнажить и дѣйствовали вмѣсто нихъ нагайками. Они ворвались въ укрѣпленіе и выручили своихъ и тѣло Петрусевича. Бой сейчасъ-же закипѣлъ и въ самой калѣ и въ окружавшихъ ее садахъ. Побѣда оставалась за напавшими, когда въ воздухѣ раздался рѣзкій сигналъ отступленія. Въ первыя мгновенія никто не повѣрилъ ему, но сигнальная труба настойчиво звала назадъ и волей-неволей этому призыву пришлось подчиниться.

Послѣ оказалось, что изъ Геокъ-Тепе выбрались цѣлыя тучи текинцевъ, грозившія численностью своею задавить небольшой отрядъ несчастнаго Петрусевича, и Бѣлый генералъ, замѣтившій опасность, вовремя успѣлъ отозвать своихъ назадъ.



Текинская пушка.

Глубоко и искренно было горе Михаила Дмитріевича, когда ему доложили о гибели Петрусевича.

— Я потерялъ въ немъ свою правую руку,—говорилъ онъ, — такіе люди незамѣнимы... Онъ любилъ свое дѣло и былъ только ему одному преданъ...

Трогательны были похороны погибшаго героя. Вмѣстѣ съ нимъ въ одну могилу положили и казаковъ, кинувшихся выручать его и нашедшихъ смерть подлѣ своего вождя. Бѣлый генералъ первый бросилъ горсть земли на тѣла этихъ своихъ соратниковъ и всѣ, кто стоялъ около могилы, видѣли, что слезы блестѣли на глазахъ прославленнаго героя.

Но горевать не было времени... Каждый часъ дня и ночи занятъ былъ работою по возведенію траншей и окоповъ. Трудились усиленно и съ охотой, ибо работать приходилось на глазахъ любимаго вождя. Михаилъ Дмитріевичъ не зналъ, что такое отдыхъ. Его видѣли всюду на работахъ. Здѣсь онъ указывалъ направленіе траншей, тамъ подбодрялъ энергичнымъ словомъ, но ласково, безъ озлобленія уставшихъ, тамъ онъ опредѣлялъ направленіе подкоповъ, которые вели для закладки минъ подъ стѣны текинской крѣпости. Въ палаткѣ-канцеляріи постоянно происходили у него совѣщанія съ начальниками отдѣльныхъ частей, ночью свѣтъ никогда не гасъ въ его личной отдѣльной палаткѣ: генералъ сидѣлъ надъ просмотромъ множества поступающихъ въ отрядъ бумагъ, разрѣшалъ всевозможнѣйшія дѣла, диктовалъ приказы на слѣдующій день.

Въ нѣсколько дней русскіе траншеи и окопы настолько приблизились къ текинской крѣпости, что и сами самоувѣренные дикари, наконецъ, сообразили, что русскіе вовсе „не закапываются въ землю“, а подходятъ къ нимъ, чтобы ударить на ихъ твердыню съ возможно ближайшаго разстоянія.

Сообразивъ это, удальцы не преминули попробовать прогнать противника. Текинцы были увѣрены, что стоитъ имъ только опрокинуться всей своей массой на русскихъ и они заставятъ ихъ уйти отъ этой крѣпости, которую во всѣхъ степяхъ считали неприступною.

Была беззвѣздная и безлунная ночь 28 декабря. Несмотря на кромѣшную темень, работы въ траншеяхъ такъ и кипѣли. На правомъ флангѣ осаждающихъ двое офицеровъ инженеры Сандецкій и Чернякъ вышли за второй рядъ траншей, чтобы намѣтить направленіе работъ на слѣдующій день. Они не предвидѣли ни малѣйшей опасности и вышли, оставивъ въ траншеяхъ свои шашки и револьверы. Съ ними былъ всего только одинъ солдатикъ,

шедшій нѣсколько впереди. Инженеры были шагахъ въ пятидесяти отъ траншей, когда солдатикъ вдругъ остановился и не своимъ голосомъ крикнулъ:

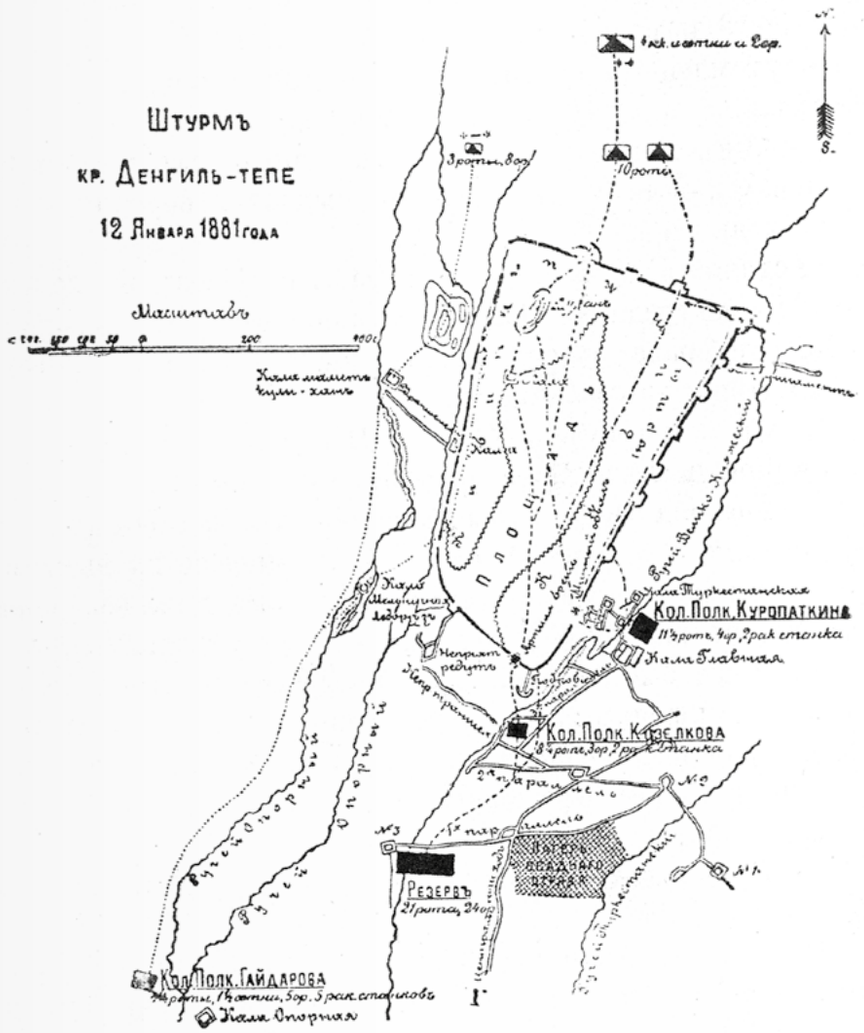
— Ваше благородіе! Спасайтесь... Текинцы впереди!

Сандецкій и Чернякъ на мгновеніе замерли на мѣстѣ. Совсѣмъ близко отъ нихъ чернѣлась какая-то движущаяся безъ одного звука масса. Не страхъ объялъ этихъ застигнутыхъ врасплохъ людей. Они вспомнили, что въ окопахъ остается совершенно неготовый къ нападенію баталіонъ апшеронцевъ, ожидавшій какъ разъ въ это время смѣны. Вспомнивъ о товарищахъ, Сандецкій и Чернякъ кинулись опрометью назадъ, предупреждая товарищей объ опасности. Однако, время было упущено. Сандецкій тутъ же палъ, изрубленный шашками нападающихъ; Черняка спасъ сопровождавшій ихъ солдатъ. Бѣдняга принялъ на себя удары текинцевъ, офицеръ успѣлъ добраться до траншей и поднять тамъ тревогу. Но было уже поздно. Слѣдомъ за нимъ, какъ волны живого моря, ворвались въ траншеи степняки, поднявъ теперь отчаянный шумъ и крикъ. Натискъ ихъ былъ такъ неожиданъ, такъ стремителенъ, что апшеронцы успѣли только сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. По несчастному стеченію обстоятельствъ, какъ разъ въ это время къ траншеямъ подбѣгала рота саперъ.

— Не стрѣляй: свои! — раздался съ ихъ стороны окликъ.

Это окончательно смутило и сбило съ толку апшеронцевъ. Они слабо оборонялись отъ ворвавшихся текинцевъ. А тѣ шли, вооруженные только одними шашками, съ надвинутыми на глаза шапками. Среди ночной темноты закипѣлъ въ траншеяхъ рукопашный бой. Застигнутые врасплохъ русскіе гибли подъ шашками текинцевъ, но не сдавались. Погибъ баталіонный командиръ кн. Магаловъ, легъ на мѣстѣ знаменщикъ, весь караулъ при знамени, всѣ субалтернъ-офицеры, само знамя, эта величайшая святыня полка—очутилась въ рукахъ врага...

Ударъ былъ произведенъ не на однѣ только правофланговыя траншеи. Текинцы вышли изъ крѣпости чуть ни всей своей массой. Они сбили всѣ передовые



посты, прорвались сквозь первую линію траншей и открыли себѣ путь къ лагерю.

Бѣлый генералъ, какъ разъ передъ этимъ покончившій съ обходомъ работъ, зашелъ въ шатеръ Краснаго

Креста, чтобы согрѣться послѣ долгаго пребыванія на морозѣ стаканомъ чаю. Здѣсь его встрѣтила единственная сестра милосердія его отряда—графиня Милютина и завѣдующій отрядомъ Краснаго Креста князь Шаховской; но едва только поданъ былъ чай, какъ до шатра, гдѣ былъ утомленный трудами цѣлаго дня вождь, донеслись выстрѣлы и тягучіе, заунывные крики текинцевъ.

— Гдѣ генералъ? — вбѣжалъ одинъ изъ штабныхъ офицеровъ, — текинцы сдѣлали вылазку, ворвались въ наши траншеи...

Усталость, жажда, все было забыто. Черезъ нѣсколько минутъ уже среди резервныхъ баталіоновъ гремѣлъ голосъ Бѣлаго генерала, отправлявшаго подкрѣпленія къ застигнутымъ врасплохъ бойцамъ.

Тамъ уже гремѣли орудія. Невольное смущеніе, непремѣнное послѣдствіе неожиданности, разсѣялось. Картечь вырывала цѣлые ряды нападавшихъ. Залпы смѣнилъ непрерывный батальный огонь; отъ множества выстрѣловъ временами становилось свѣтло; такъ длилось, пока текинцы не кинулись назадъ къ своему убѣжищу.

Такъ-же быстро, какъ быстро вспыхнулъ, стихъ шумъ боя. Въ траншеяхъ засверкали огоньки—это явились подобрать раненыхъ санитары. Вызванные полковые оркестры грянули веселый маршъ, сразу поднявшій духъ и успокоившій разгоряченныхъ солдатъ.

— Продолжать работы! — раздался звучный голосъ Бѣлаго генерала.

Работы закипѣли по-прежнему, какъ будто и въ поминѣ не было этого кровопролитія и только груды текинскихъ труповъ показали утромъ, какой опасности подвергался скобелевскій отрядъ въ эту ночь. Текинцы не только охватили весь правый флангъ осадныхъ работъ, но очутились въ тылу русскаго лагеря. Пять русскихъ офицеровъ было убито при отраженіи атаки, нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными выбыло въ эту ночь около двухсотъ.

Штурмъ Геокъ-Тепе.

Картина Ф. Рубо.

Эта вылазка была единственнымъ удачнымъ дѣломъ текинцевъ. Дальнѣйшія работы были закончены къ 11 января и на понедѣльникъ 12 января въ „Татьянинъ день“ Бѣлый генералъ назначилъ общій штурмъ Геокъ-Тепе и вѣнчавшей его цитадели „Денгиль-тепе“.

Все начало января Михаилъ Дмитріевичъ былъ необыкновенно сумраченъ.

Какъ и раньше, онъ, несмотря на всѣ подготовленія, произведенныя по его указаніямъ и ручавшіяся вполнѣ за успѣхъ штурма, мучился нетерпѣніемъ и страхомъ предъ какой-нибудь непредвидѣнностью, которая могла испортить все...

Между тѣмъ всѣ окружавшіе Бѣлаго генерала сохраняли увѣренность и спокойствіе и боялись лишь того, какъ бы ихъ вождь не отложилъ штурма.

— Этакая земляная кубышка, — говорили солдаты о Геокъ-Тепе, — и ползимы около нея простояли!

Наконецъ, давно жданный и желанный „Татьянинъ день“ наступилъ.

Густыми клубами плавалъ надъ русскимъ лагеремъ предразсвѣтный туманъ, когда поднялись на ноги войска и выстроились въ правильные ряды, въ ожиданіи объѣзда главнокомандующаго.

Онъ появился передъ рядами своихъ богатырей, когда совсѣмъ уже разсвѣло. Красивый, гордый, надменно глядящій вдаль проѣхалъ онъ по рядамъ, здороваясь съ одними, ободряя другихъ, поздравляя съ боемъ всѣхъ. Радостные клики несутся вслѣдъ славному вождю, увѣренность въ побѣдѣ среди его богатырей все возрастаетъ и возрастаетъ.

Бѣлый генералъ предупредилъ, что отступленія не будетъ, да и никто въ это утро и не думаетъ объ отступленіи. Побѣда написана на лицахъ воиновъ. Всѣ считаютъ минуты до той поры, когда ихъ поведутъ къ стѣнамъ Геокъ-Тепе.

А текинская крѣпость примолкла. Чувствуютъ ея защитники, что наступилъ рѣшительный мигъ, что не уйти имъ отъ нелюдимаго Гезъ-Каллы.

Холодное зимнее солнце поднимается все выше и выше. Въ клубахъ тумана слышны звуки музыки. Это играютъ маршъ музыканты русскихъ баталіоновъ. Хотя бы звукъ донесся изъ крѣпости. Текинцы засѣли за своими глинобитными стѣнами и ждутъ того момента, когда русскіе подойдутъ поближе, чтобы осыпать ихъ тысячами пуль. Между тѣмъ разрѣдившійся туманъ поднимается все выше и выше и лишь только надъ землей исчезла его дымка, какъ текинцы увидали три русскія колонны, стоявшія въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ крѣпости въ полномъ боевомъ порядкѣ.

Въ туманѣ подведены были Куропаткинымъ, Козелковымъ, Гайдаровымъ ввѣренные имъ Бѣлымъ генераломъ баталіоны. Былъ десятый часъ утра, когда назначенныя для штурма войска заняли указанныя имъ мѣста. Нѣсколько поодаль ихъ на высокомъ холмѣ, съ котораго видны были всѣ окрестности, собрался вокругъ Бѣлаго генерала весь его штабъ. Самъ Михаилъ Дмитріевичъ примостился на высокомъ походномъ креслѣ и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждетъ чего-то. Онъ то и дѣло посылаетъ къ колоннамъ своихъ ординарцевъ, что-то говоритъ своей свитѣ, нервно пожимая плечами.

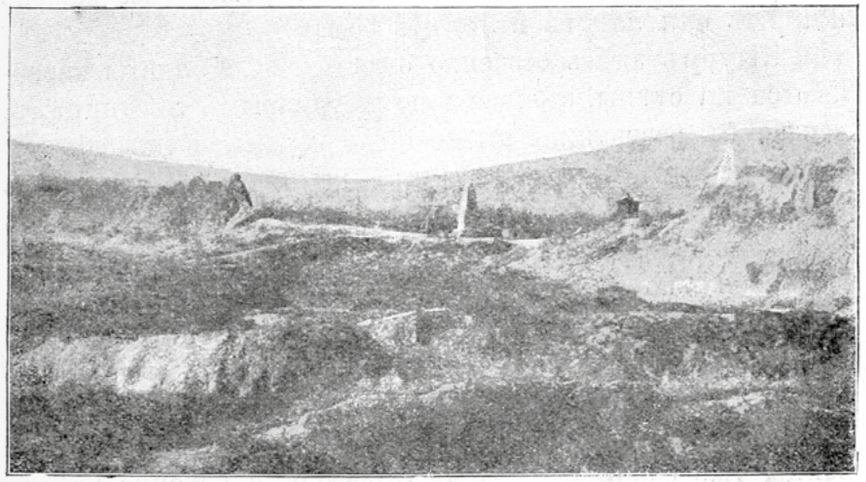
Вдругъ у крѣпости раздался оглушительный ударъ. Онъ былъ такъ силенъ, что даже земля содрогнулась и какъ будто застонала вся... Надъ крѣпостью взвились клубы чернаго дыма и потянулись въ воздухѣ словно грозовыя тучи. Груды каменьевъ, земли, обломки стѣнъ взлетѣли кверху и въ тотъ-же самый моментъ, когда раздался этотъ страшный грохотъ, грянуло съ трехъ сторонъ богатырское русское ура.

Этотъ грохотъ былъ послѣдствіемъ взрыва мины, заложенной подъ стѣны текинской крѣпости начальникомъ

минныхъ работъ капитаномъ Масловымъ. Его-то и ждали войска. Баталіоны бросились на штурмъ, не давая опомниться отъ неожиданности защитникамъ Геокъ-Тепе.

Скобелевъ, едва только начался штурмъ, всталъ съ кресла и не отрывалъ своихъ глазъ отъ все разгоравшейся съ каждой минутой битвы.

Около Геокъ-Тепе свирѣпствуетъ адъ. Взрывъ опрокинулъ часть стѣны и въ образовавшуюся брешь ворвались первыми охотники съ своимъ удальцомъ Воропано-



Мѣсто минnаго обвала.

вымъ во главѣ. Русскія орудія, не смолкая ни на мгновеніе, громятъ стѣны крѣпости, чтобы уширить образовавшуюся брешь. Ура такъ и разливается, словно разбушевавшаяся въ грозу рѣка: за охотниками ворвались черезъ брешь ширванцы и саперы. Въ крѣпости кипитъ рукопашный бой. Опомнившіеся текинцы отбросили ножны шашекъ, надвинули на глаза шапки и дерутся, только мертвые уступая то мѣсто, которое занято ими. Русскіе богатыри неудержимо стремятся впередъ. Слышны хриплые крики, лязганье желѣза, стукъ стали, все это временами заглу-

шаетъ трескотня выстрѣловъ, громъ далекихъ орудій, пронзительные вопли тысячъ женщинъ и дѣтей, сбившихся въ нестройную толпу на главной площади крѣпости.

Вдругъ неудержимой волной пронеслось надъ бойцами новое богатырское ура — это ворвалась на стѣны Геокъ-Тепе вторая штурмовая колонна — Козелкова. Здѣсь во главѣ штурмующихъ шелъ апшеронскій баталіонъ, потерявшій знамя въ ночную вылазку текинцевъ. Для нихъ этотъ бой дѣло чести: знамя должно быть возвращено или всѣ они лягутъ въ этомъ бою.

Штурмъ здѣсь особенно ожесточенъ. Солдаты карабкаются на стѣны, взбираясь по штурмовымъ лѣстницамъ, вонзая въ расщелины штыки. Сверху на нихъ летятъ пули, сыпятся камни, но никто не можетъ остановить удальцовъ. Вотъ они уже на стѣнѣ, еще мигъ — и живыя волны уже влились въ крѣпость...

Снова, но съ другой стороны раздается „ура“. Это ударила на крѣпость третья штурмовая колонна — Гайдарова. Съ замѣчательной лихостью ворвались молодцы съ третьей стороны и ударили на упавшихъ уже духомъ, понявшихъ свое пораженіе текинцевъ. Ширванцы и апшеронцы уже сбили непріятеля отовсюду и колонна Гайдарова, состоявшая изъ самурцевъ, отрѣзала текинцамъ выходъ изъ крѣпости и ударила на нихъ съ тылу. Противники разбились на отдѣльныя группы; часть текинцевъ была прижата къ стѣнѣ и отбивалась съ отчаяніемъ погибающихъ. Схватки шли и между кибитками, куда поспѣшили укрыться менѣе храбрые изъ степняковъ. Какъ ни были разгорячены боемъ солдаты, но они свято помнили, что дѣти и жены враговъ неприкосновенны, за то всѣмъ, кто ни попадался съ оружіемъ въ рукахъ, — пощады не было...

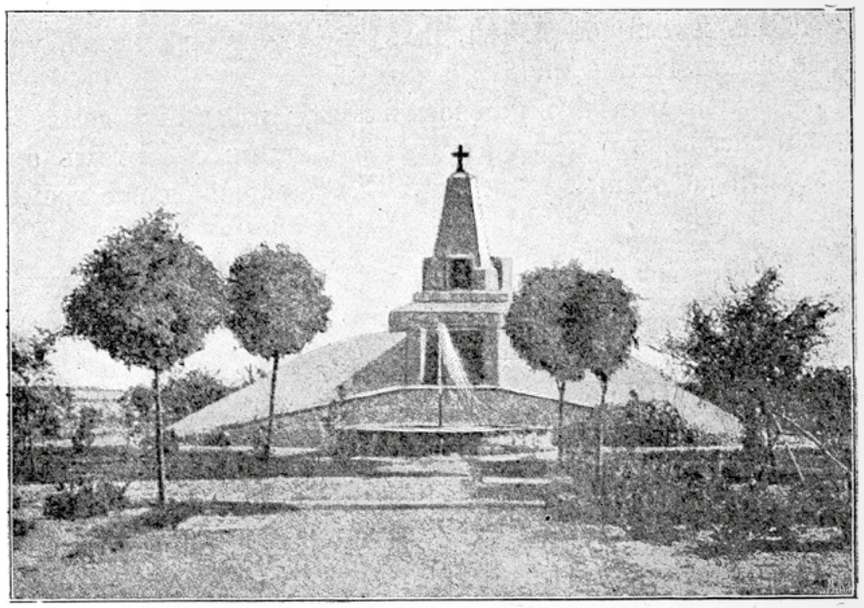
Громовое, полное радости ура, покрывая шумъ боя, пронеслось надъ крѣпостью: это апшеронцы съ боя вернули свою драгоцѣнность, свое знамя... Ширванцы съ высоты холма отвѣтили имъ не менѣе громкимъ ура: они взяли цитадель Денгиль-тепе.

Бѣлый генералъ на своемъ холмѣ и безъ увѣдомленія уже зналъ, что его богатыри побѣдили: объ этомъ ему сказалъ радостный кличъ ихъ, раздававшійся все громче

Штурмъ Геокъ-Тепе.

и громче... Лицо Скобелева прояснилось и засіяло, на его тонкихъ губахъ заиграла радостная улыбка. Онъ вызвалъ начальника своей конницы вывести казаковъ и драгунъ въ степь и быть готовыми къ преслѣдованію непріятеля.

Опять загремѣло ура. На этотъ разъ не было подъ Геокъ-Тепе русскаго, который-бы не присоединился къ этому побѣдному кличу: надъ крѣпостью взвился импе-



Памятникъ взятія Геокъ-Тепе.

раторскій штандартъ; Денгиль-тепе было взято, Геокъ-Тепе пало предъ русскими войсками.

Около часу дня штурмъ уже закончился. Всѣ три колонны сошлись на площади взятой крѣпости. Раздались звуки музыки, непобѣдимый Бѣлый генералъ во главѣ двухъ эскадроновъ драгунъ и сотни казаковъ вступилъ черезъ брешь въ покоренную имъ твердыню мертвыхъ песковъ текинской пустыни...

Это было послѣднимъ подвигомъ великаго русскаго человѣка. Послѣ покоренія Ахалъ-текинскаго оазиса настали долгіе дни мира. Герои нужны были лишь на поприщѣ тяжелаго, но благодатнаго мирнаго труда. Смолкли надолго пушки, гремѣвшія только въ дни великихъ всенародныхъ торжествъ; Скобелевъ, этотъ прославленный всѣмъ міромъ герой, скучалъ и томился въ бездѣйствіи.

Онъ много путешествовалъ по Европѣ, но и въ Европѣ всюду царилъ миръ. Тоска одолѣвала великаго человѣка, любимое имъ дѣло не существовало...

Карточка М. Д. Скобелева, подаренная А. Н. Куропаткина, съ собственноручною подписью Скобелева, сдѣланною въ Плевнѣ 1877 года.

Мало-по-малу Михаиломъ Дмитріевичемъ начали овладѣвать страшныя предчувствія, онъ словно зналъ, что смерть уже близка къ нему и предчувствія не обманули его: 25 іюля 1883 г. во время пребыванія въ Москвѣ Михаилъ Дмитріевичъ скоропостижно скончался.

Онъ умеръ, но память его жива во всѣхъ уголкахъ Россіи. Скобелева знаютъ и помнятъ и въ народѣ создались уже легенды, разсказывающія, что Скобелевъ скрывается на Далекомъ Востокѣ и явится, когда Руси православной будетъ грозить опасность отъ злобнаго врага...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Пустыня	1
II.	Бѣлыя рубахи	6
III.	Нелюбимый товарищъ	12
IV.	Скобелевы	20
V.	На пути къ славѣ	26
VI.	Впереди всегда	32
VII.	Первыя раны	41
VIII.	Подъ Хиву	48
IX.	Послѣдній переходъ	59
X.	Подъ Хивою	65
XI.	Сердце песчаныхъ пустынь	73
XII.	На юмудовъ	83
XIII.	За первымъ Георгіемъ	91
XIV.	Въ новыхъ мѣстахъ	103
XV.	Въ равнинахъ и на горахъ	112
XVI.	Война	120
XVII.	На Дунаѣ	126
XVIII.	Не у дѣлъ	137
XIX.	Первое дѣло	148
XX.	Давидъ и Голіафъ	155
XXI.	Ловчинская побѣда	163
XXII.	Бой за Зеленыя горы	172
XXIII.	Побѣда среди пораженій	181

	стр.
XXIV. Въ сердцѣ Плевны	186
XXV. Легендарный бой	195
XXVI. Отступленіе львовъ	202
XXVII. Скобелевъ въ траншеяхъ	208
XXVIII. Павшая Плевна	219
XXIX. Въ Балканахъ	225
XXX. Шейновская побѣда	237
XXXI. Перемиріе—миръ	244
XXXII. Новые враги	256
XXXIII. Снова въ пескахъ	265
XXXIV. Подъ Геокъ-Тепе	275
XXXV. Послѣдній переходъ	286
XXXVI. Успѣхи и неудачи	294

ОТДѢЛЬНЫЯ КАРТИНЫ.

Атака Скобелевымъ Зеленыхъ горъ. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго	1
«...Добрая, ласковая усмѣшка скользнула по губамъ Скобелева...»	16
«...Скобелевъ рубился, весь покрытый кровью...»	46
Портретъ Михаила Дмитріевича Скобелева	96
Бой на Систовскихъ высотахъ 15 іюня 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго	144
Бой подъ Никополемъ 3 іюня 1877 г. Картина Манизера	150
«...Скобелевъ приказалъ отслужить напутственное молебствіе...»	152
Взятіе Ловчи 22 августа 1877 г. Картина Л. Лагоріо	168
Атака Зеленыхъ горъ 27 авг. 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго	176
Взятіе приступомъ Гривицкаго редута 30 августа 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.	184
Скобелевъ передъ Плевной. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.	192
Послѣдній бой подъ Плевной и взятіе въ плѣнъ всей арміи Османа-паши 28 ноября 1877 г. Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.	216
Скобелевъ объѣзжаетъ войска послѣ сраженія при деревнѣ Шейново.	241
«...Солдатикъ ни живъ ни мертвъ останавливается и вытягивается въ струнку передъ корпуснымъ...»	247
Статуя Скобелева. По модели Лансере, исполн Шопена	287
Штурмъ Геокъ-Тепе. Картина Ф. Рубо	308

ПОДЪ РУССКИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ

Повѣсть-хроника эпохи освободительной войны 1877—1878 гг.

А. И. КРАСНИЦКАГО

Съ картинами и иллюстраціями.

Въ видѣ интереснаго описанія многочисленныхъ приключеній юнаго вольноопредѣляющагося, находившагося въ рядахъ русскихъ войскъ въ послѣднюю русско-турецкую войну, авторъ знакомитъ юныхъ читателей съ иллюзіею этой войны, съ ея выдающимися героями, съ подвигами храбрыхъ воиновъ, сражавшихся „подъ русскимъ знаменемъ". Одинъ за другимъ проходятъ передъ глазами читателя выдающіеся эпизоды исторической войны за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ христіанъ Балканскаго полуострова. Содержаніе разсказа основано на дѣйствительныхъ событіяхъ, а самый разсказъ ведется авторомъ съ такимъ интересомъ, что его прочтутъ съ одинаковымъ увлеченіемъ и дѣти, и юноши, и взрослые. Многочисленныя иллюстраціи воспроизводятъ не только приключенія героя разсказа, но и всѣ крупныя событія русско-турецкой войны, битвы и сраженія, а также портреты главныхъ дѣятелей.

Одинъ большой томъ in 8⁰ въ роскошномъ коленк. переплетѣ **3 р. 50 к.**

По былинамъ, сказаніямъ и пѣснямъ составилъ

Н. А. НАДЕЖДИНЪ

Съ акварелями, отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ худ. Э. К. Соколовскаго.

КО временамъ давно минувшимъ, въ совсѣмъ особый міръ,—міръ витязей и богатырей, неслыханныхъ геройскихъ подвиговъ, силъ могучихъ, не знающихъ удержу, переносятъ насъ старинныя пѣсни, распѣваемыя народомъ, такъ-называемыя былины.

Когда былины собрали и напечатали, всѣ съ удивленіемъ узнали о новомъ богатствѣ русской поэзіи, о новыхъ красотахъ, которыя скрывали въ себѣ эти «сказки», какими ихъ раньше считали. И за этими «сказками», помимо ихъ глубокой поэзіи, признали громадное педагогическое значеніе, признали, что былины учатъ насъ любить родину и создавшій ихъ народъ, сила, доблесть, недюжинный умъ и добрыя качества котораго открываются въ созданныхъ имъ легендахъ.

Но въ подлинномъ своемъ видѣ, въ томъ видѣ, какъ ихъ «сказывалъ» народъ, былины слишкомъ объемисты и неудобны для чтенія мало подготовленному читателю. Тутъ нуженъ доступный для общаго пониманія пересказъ, но такой, который сохранилъ бы всѣ основныя формы былины, духъ и образцы оригиналовъ, устраняя все неподходящее, противорѣчивое, или слишкомъ часто повторяющееся въ ущербъ ясности содержанія.

Удовлетворить этому требованію и имѣетъ цѣлью настоящее изданіе, въ которомъ собраны всѣ наиболѣе выдающіяся былины о русскихъ богатыряхъ и витязяхъ.

То, что дано могучей фантазіей народа, дополнено въ настоящемъ изданіи рисунками художника, всецѣло проникшагося героическимъ духомъ былинъ и пытавшагося соотвѣтственно этому воспроизвести дивные эпизоды богатырскихъ дѣяній и воплотить величавые образы могучихъ русскихъ былинныхъ богатырей и витязей.

Большой томъ in 8°, на велен. бум., въ роскошн. коленк. перепл. **3** *р.* **50**